

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 5 / 2017

СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
департамента культуры
и национальной политики
Кемеровской области

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА,
Александр КАТКОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Валерий ПЛЮЩЕВ,
Ирина ТЮНИНА,
Марина ЧЕРТОГОВА,
Евгений ЧИРИКОВ

Адрес редакции:
650000, Кемеровская область,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40.
Тел. 8 (3842) 36-85-14

12+

Содержание

ПОЭЗИЯ

Сергей Донбай. Долетает Слово сквозь слова	3
Иван Нечипорук. Донецкая Русь	44
Владимир Шемшученко. Капельки васильков	68
Юрий Могутин. Человек, зачем ты весь?	76
Елена Жамбалова. Не равняй меня с остальными	87
Татьяна Колач. Потемневшие аллеи	94
Николай Башев. Стихи, басни и пародии	102

ПРОЗА

Роман Сенчин. Срыв. Повесть	6
Сергей Черемнов. Два рассказа	47
Екатерина Дубро. Узкий путь	71
Анна Васильева. Нехристи. Рассказ	78
Валерий Бохов. Два рассказа	90
Никита Контуков. Колосок. Рассказ	96
Кирилл Савченко. Звёзды умирают по-разному. Рассказ	100

ЭССЕ

Виктор Боченков. Венгерский диптих	104
--	-----

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Юрий Тотыш. «Пока живу, мечтаю». Очерк	120
Людмила Иванова. Владимир Михайлович Шабалин: жизнь как подвиг	127

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Валерий Плющев. Книжная вселенная. Эссе	131
Вячеслав Лютый. Недоразумение 2017 года	134
Вячеслав Елатов. Постскрипtum. Проблемы с художественным методом	137

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

Сайлыкмаа Комбу. Снова молюсь о тебе я, Тува. Стихи. Перевод В. Берязева	149
--	-----

И БОЛЬШИМ, И ДЕТАМ

Алексей Ерошин. Самый лучший портрет. Стихи	151
Протоиерей Сергей Адодин. Созвездие Большого Ежа. Повесть	153
Зоя Козлова. Валенки для зайники. Стихи	163

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Николай Ничик. «...Возраст поля ещё впереди»	164
Дмитрий Мурзин. Сладкий старт	166
Юлия Сычёва. Такое вот кино	167

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Д. Мурзин	170
--	-----

Поэту Марине Ивановне Цветаевой – 125 лет

(1892–1941)

ЧИТАТЕЛИ ГАЗЕТ

Ползёт подземный змей,
Ползёт, везёт людей.
И каждый – со своей
Газетой (со своей
Экземой!). Жвачный тик,
Газетный костоед.
Жеватели мастик,
Читатели газет.

Кто – чтец? Старик? Атлет?
Солдат? – Ни черт, ни лиц,
Ни лет. Скелет – раз нет
Лица: газетный лист!
Которым – весь Париж
С лба до пупа одет.

Брось, девушка!
Родишь –
Читателя газет.

Кача – «живёт с сестрой» –
ются – «убил отца!» –
Качаются – тщетой
Накачиваются.

Что для таких господ –
Закат или рассвет?
Глотатели пустот,
Читатели газет!

Газет – читай: клевет,
Газет – читай: растрат.
Что ни столбец – навет,
Что ни абзац – отврат...

О, с чем на Страшный суд
Предстанете: на свет!
Хвататели минут,
Читатели газет!

– Пошёл! Пропал! Исчез!
Стар материнский страх.
Мать! Гуттенбергов пресс
Страшней, чем Шварцев прах!

Уж лучше на погост, –
Чем в гнойный лазарет
Чесателей корост,
Читателей газет!

Кто наших сыновей
Гноит во цвете лет?
Смесители кровей,
Писатели газет!

Вот, други, – и куда
Сильней, чем в сих строках!
Что думаю, когда
С рукописью в руках

Стою перед лицом:
– Пустее места – нет! –
Так значит – нелицом
Редактора газет-

ной нечисти.

Ванв, Франция,
1–15 ноября 1935 года

Штурман наш, друг, собрат! С юбилеем тебя,
наш Сергей Лаврентьевич!

Крепкое весло тебе в руки, греби, разгоняй нашу
лодку и правь так, чтобы никакие пороги, водовороты
не затормозили ход нашей команды – редколлегии
журнала «Огни Кузбасса». Вперёд и только вперёд!
Здоровья и удачи тебе и тем, кто вместе
с тобой не бросают вёсел. «Ты плыви, наша лодка,
плыви...»

Писательское братство Кузбасса

Сергей ДОНБАЙ

Долетает Слово сквозь слова

* * *

В древности – до Рождества Христова –
Там, где время седины седей,
Там пророк не зря роняет Слово –
Для других, для будущих людей.

И у нас вначале стало Слово.
Только зимы здешние лютей.
В остальном – от Рождества Христова –
Всё как у людей, как у людей.

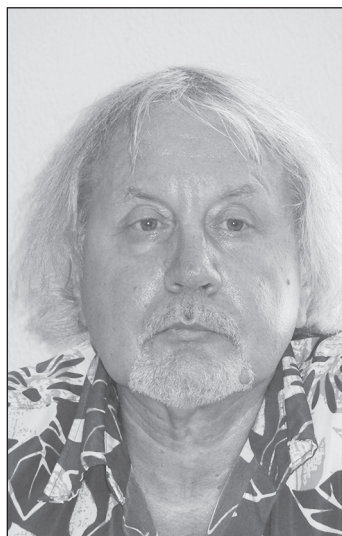
Божий сын не обойдён рождением,
Матерью земной не обделён.
В каждом доме на тебя с терпением
Смотрят, как родня, Они – с икон.

И – от Рождества до Рождества –
Долетает Слово сквозь слова.

НОЧЛЕГ

Давно... Застал меня ночлег
Не в городе, в крестьянском доме.
Над шторками – луны ночник.
Хоромы на соломе.

Похрапыванье от забот
Дневных хозяина с хозяйкой.
Остыла печь, и ёшкин кот
Идёт походкой зябкой.

Шепнул мне ангел в чуткой мгле:
«Запомни, ты живёшь в Сибири
И нет счастливей на земле
Тебя в подлунном мире».

ГАЙД-ПАРК

Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?

Александр Пушкин

Я растянулся на траве
Под клёнами Гайд-парка.
Мысль выступает в голове
Без всякого порядка.

Как прежде в Царское Село,
Меня путями теми ж
Попутным ветром занесло
Из Кемеров в Кембридж.

Я и подумать бы не смог,
Работая на КЭМЗе,
Что утренний туман-дымок
Увижу сам на Темзе.

Что связан лондонский Собор
Шахтёрскими путями
Через небесный коридор
С кузбасскими углями.

ДОНБАЙ Сергей Лаврентьевич родился 22 сентября 1942 года в Кемерове. Поэт, автор многих книг стихотворений, вышедших в Кемерове и Москве, публикаций в литературных журналах. Лауреат литературных премий. Заслуженный работник культуры России. Награждён Почётной грамотой Президента РФ. Член высшего творческого совета и приёмной коллегии Союза писателей России. Главный редактор журнала «Огни Кузбасса». Живёт в Кемерове.

Так возлежал я на траве
Почтенного Гайд-парка,
Гуляли мысли в голове,
Как клёны, в два объёма.

Шотландский, с дьявольским дымком,
Монах придумал виски.
Ну, чем не русский самогон
Напиток монастырский?

Обычай древний одичал.
Как в загсе Таню с Ваней,
Венчал влюблённых англичан
Кузнец над наковальней.

В Шотландии узнал я сам,
На ихний саммит глядя,
Не только нам, не только нам –
Но англичанка гадит.

Так для моих кемеровчан
Под клёнами Гайд-парка
Мне одному про англичан
Налепетала Парка.

* * *

Виски вершин Сибири
Снега посеребрили.

Гора за горой встаёт,
Небо передаёт.

Чистое поле со склоном,
Словно в кафтане посконном,
Встречу ведут с поклоном.

Ястреб зыркнул с небосвода! –
Зашевелилась природа:

Кто там нырнул
В нору-конуру?
В конуру-нору
Суслик дал дёру.

И полетели громы и молнии
Встречных облаков...

Все они были намолены
От сотворенья веков.

* * *

«Так что вам лучше, – возопил изгой,
Восстал из праха он былиной, –
Свобода с сумасшедшей головой
Или она же – с гильотиной?!»

Воздвигнул Лувр, чтоб набивать мощну,
Богиню дойною коровой –
Победу, потерявшую башку,
В Самофракийской Нике безголовой.

СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ-ДЕ-БУА

На этом кладбище престижном
Лежит Россия под Парижем.
Вернее русский уголок.
Французы знают в этом толк.

И там последняя ютится
Ивана Бунина страница.
Хоть тем везёт ему в отчизне –
Французы знают толк в туризме.

* * *

Какое хрупкое занятие – думать.

Чтобы думать о человечестве,
Должен не мешать сосед.

Чтобы думать о страдающем человеке,
Должно не мешать человечество.

Бог создал человека и научил думать.
Потом Адам и Ева – только человечество.

БАЛЛАДА О РУССКОМ ТОПОРЕ

Защищали с ним Державу.
И ходили напролом.
Церкви рублены – во славу! –
Русским, метким топором.

Приходили крестоносцы
С новой верой заодно –
В Чудском озере тевтонцы
Топором пошли на дно...

В грозном веке жили-были,
Как написано пером,
Смуте головы рубили
Русским, верным топором.

Хоть не быстро, по Сибири
Продвигался стукаток.
Царским топором рубили
За острогом городок.

Не обидно за Державу,
Если, не кичась рублём,
Терем рублен был на славу
Русским, ловким топором.

Или так, крестьянским сходом
Помочь поднимала дом –
Всей деревней, всем народом –
Русским, дружным топором.

Не отвагою кинжала
Дом не выстынет к утру, —
Если печь тепло держала
В благодарность топору.

Передых даёт Держава.
И уснув, но чутким сном,
Вот он, спрятав кончик жала,
Воздух держит над бревном.

ТВОЙ ДОМ

Когда закат нас тьмой обличет,
Как мать телёнка языком,
Во тьме ночной — дороже, ближе —
Звездой тебе засветит дом;

Когда лукавое отродье
Тебя ведёт не по прямой,
Но, словно лошадь без поводьев,
Ты всё-таки идёшь домой;

Когда за дальнюю дорожной
Иль за небесною верстой
Ты вспоминаешь осторожно
Дом, не какой-нибудь, а твой;

К тебе он всюду тянет нити,
Не прерываются оне.
Он, словно ангел, твой хранитель —
И света крылья на стене.

Когда тебе по воле Божьей
Последний, тихий грянет гром,
Проводит в вечность из прихожей
Твоё создание — твой дом.

* * *

Мы всё время оправдываемся,
впадая в отчаяние,
Перед англичанами,
что не англичане мы,

Перед французами,
что не французы мы.
(Вы уж простите нас, эскузы,
Широк, мол, русский, но мы его сузим...)

За то, что Ушаков
побил когда-то Нельсона,
Мы расплатимся с Туманным Альбионом
рельсами;
А за то, что наделал Кутузов,
будучи одноглазым,
Мы расплатимся с французами
газом.

А то, что Сталин
оказался мудрее Черчилля, —
Это, конечно же, недоразумение...
против человечества.

* * *

Здесь живём и ходим по простору,
Аки сам Христос ходил по морю.

Человеку не окинуть взглядом
Сей простор, где вечность с жизнью рядом.

Здесь на мерзлоту имеет виды,
Обрусев от нефти, Ледовитый.

Меньше прочих этот океан
Близок пролетариям всех стран.

Может быть, по русскому простору
Сам Христос сквозь время шёл к помору,

Чтоб унял прыгучих малороссов
Мышцею и мыслью Ломоносов.

Кажется,
Жизнь дышит здесь на ладан.
Европейцам кажется.
И ладно.

* * *

Вот ничего я не хочу,
Не так мне всё, не эдак.
И ночь прижалась к плечу,
Наверно, вспомнил предок

Далёкий — ближе до звезды.
Сопоставимо это.
Его с наличником резным
Не видит скорость света...

Но пешеходом во дворе
Лучами солнце топчется.
В какой бы ты ни жил дыре,
В ней утреннее творчество.

* * *

Не замечал нахальства
Людей чужих, картавых.
От счастья задышался
В лучах ленивых — славы.

Прозрел. А что же дальше?
Без позолоты фальши?
И перевёл дыхание,
Трудясь в тени призвания.

Роман
СЕНЧИН

СРЫВ

Повесть

До поры до времени Сергея Игоревича коробило, когда его называли по имени-отчеству: он долго, дольше, наверное, чем это бывает у большинства других, считал себя молодым человеком. Серьёзным, авторитетным, но – молодым. «Талантливый исследователь Сергей Палагин» звучит куда лучше, чем то же самое, но со вставкой «Игоревич». С отчеством какая-то каменность, завершённость. Как на обелиске.

Хотя...

В районе сорока пяти коробить перестало. Наоборот, стали отвратительны эти стареющие, а то и вовсе престарелые, с бурыми бляшками на лицах, юноши, притворяющиеся буревестниками невесть чего. Чего-то всё время наклёвывающегося, зреющего, но так и не созревающего.

Так, бывает, зреет в степи ливень. Сталкиваются тучи, слипаются, сбиваются в твёрдый тёмно-серый, свинцовый ком; начинает грохотать гром, и режут небо стрелы молний. И всё это прямо над тобой, над самой твоей головой. Кажется, сейчас тучи ухнут вниз ручьями воды или картечью града. Мечешься, ищешь укрытие, а потом замечаешь, что отара овец спокойно пасётся, медленно выедавая скудные степные тра-

вы. Овчарка улыбается, суслик стоит над норкой, насмешливо наблюдая за твоими скачками. И ты понимаешь: ничего не будет. Погремит, пошверкает и исчезнет.

И действительно – гроза не кончается ливнем или градом, не уходит, а именно исчезает. Что-то там, какая-то сила разрывает этот свинцовый ком, разгоняет в разные стороны, превращает тучи в жалкие грязноватые облака. И они тоже вскоре пропадают.

Так и стареющие юноши – бессмысленные бунтари. Громыхнут, напугают, исчезнут, снова появятся на какой-нибудь конференции, опять громыхнут грозно, вызвав минутное замешательство, и растворятся на время.

Эти юные борцы существуют в науке десятки лет, постепенно превращаясь в изюминку и перчинку конференций. «Увал – это южный склон холма! – отчеканивают они с трибуны исступлённо. И ничего более. Ни-че-го! – Необходимо закрепить это в словарях!» И скатываются вниз, выбегают из зала. В буфет, глотать тёплую водку.

Оставшиеся поулыбаются, поморщатся этому исступлению и продолжат обсуждать более важные и сложные вопросы...

СЕНЧИН Роман Валерьевич родился в 1971 году в г. Кызыл Тувинской АССР. После окончания школы обучался в Ленинграде, проходил действительную военную службу в Карелии. В начале 1990-х попеременно жил в Абакане и Минусинске, работал монтажником сцены в Минусинском драмтеатре, дворником, грузчиком. В 1995–1996 годах в местных изданиях появлялись первые рассказы Сенчина. Первые публикации в Москве – в журнале «Наш современник». Окончил Литературный институт. Печатался в «Октябре», «Дружбе народов», «Новом мире», «Знамени», «Урале», «Авроре» и других. Автор романов «Минус», «Нубук», «Ёлтышевы», «Информация», сборников рассказов «Иджим», «День без числа», «Абсолютное соло» и других. В 2009 году роман «Ёлтышевы» вошёл в шорт-листы главных литературных премий России – «Большая книга», «Русский Букер», «Ясная Поляна», «Национальный бестселлер». В 2015 году роман «Зона затопления» получил третью премию «Большая книга». Живёт в Екатеринбурге.

Сергей Игоревич не сделал в своей жизни больших открытий, не создал и не разрушил ни одной теории. Он просто изучал то, что ещё существовало в русском языке, но медленно гибло, стиралось, и своим изучением, фиксацией, выражавшейся в статьях и докладах, замедлял эту гибель, приостанавливал исчезновение. И даже возвращал к жизни крохи.

Ещё подростком, в середине восьмидесятых, он стал заниматься в этнографической школе при одном сибирском университете, увидел, сколь богата и разнообразна материальная, духовная, речевая культура того участка Сибири, где он жил.

Школа была заочной, Сергей Игоревич, тогдашний Серёжа, отправлял туда свои сообщения, рефераты, в ответ получал отметки, вопросы, задания. И если бы решил поступать в тот университет, у него было бы преимущество перед другими абитуриентами. Но выбрал Москву, ни много ни мало МГУ. Поступил на филфак, кафедру русской диалектологии...

За почти тридцать лет были сотни экспедиций, командировок, публикаций, состоялась защита кандидатской, потихоньку готовилась докторская. Почти каждое лето Сергей Игоревич вырывался на родину, изучал изменения в говоре земляков, убеждал их беречь язык, слова, которые использовали их родители, бабушки, дедушки.

Он не преподавал, но постепенно спонтанные выступления оформлялись в лекции. И сначала Сергея Игоревича приглашали в родном городе в библиотеки, училища (вузов там так и не появилось), школы, а потом предложения выступить, рассказать о языке, который мы теряем, стали поступать и из других городов, районных центров.

Последние годы основным занятием Сергея Игоревича были такие вот поездки. Для каждого региона, исторически сложившегося округа он составил свои лекции с использованием, толкованием, расшифровкой присущих данной территории диалектных слов, оборотов, фразеологизмов... За лекции он получал где больший, где меньший гонорар. Всё, конечно, по закону — с договорами, вычетом подоходного налога и так далее...

В свои сорок пять Сергей Игоревич был лёгок на подъём, ещё, как сам считал, молод душой, и когда его спрашивали: «Простите, а как по отчеству?», чаще всего с улыбкой отмахивался: «Да просто Сергей. Рано ещё с отчеством».

Но однажды увидел себя на фото в интернете: сидел на каком-то круглом столе; снимали сверху и чуть сзади. На своём темени он с ужасом и отвращением обнаружил безобразные, неприятные проплешины.

«Что?!» — отшатнулся от экрана компьютера. Думал, просто залысины появились, лоб сделался шире, а тут...

В комнату вошла жена, посмотрела на фото без удивления.

— Ты замечала? — придушенно спросил Сергей Игоревич. — Почему не сказала?

— Не хотела расстраивать. Что ж... — И погладила его по этому плешивому темени.

Он быстро успокоился: действительно, что же, прилично за сорок, мало кто в его годы с густой гривой. Некоторые доктора наук, стесняясь лысин, бреются и становятся похожими на братьев из девяностых.

Сергей Игоревич стал чаще посещать парикмахерскую — просил стричь короче. Прикрытые прядями волос плешины были ему с детства противны: в фильмах у жалких, подловатых персонажей часто была такая причёска. Лучше уж редкий ёжик...

Да, успокоился, смирился, но и как-то внутренне повзрослел. Стал чаще надевать пиджак, хотя ещё недавно даже на конференции, конгрессы приходил в пуловере. И против вопросов «как по отчеству?» ничего теперь не имел, отвечал с покорной готовностью: «Игоревич».

Появилась неприятная самому себе солидность, осанистость, и в то же время... Он стал замечать, что заглядывается на девушек, с каким-то изумлением следит за их движениями, ловит их взгляды. Не женская красота, как раньше, а девичья свежесть стала тянуть к себе.

Женат Сергей Игоревич был уже больше двадцати лет. Ни большой страсти, ни шумных скандалов за это время не случилось. Жена из семьи московских научных интеллигентов и его, мужа, нашла в такой же среде. Он учился на четвёртом курсе, она — на втором. Он уже делал успехи, приобрёл известность на факультете, публиковался: ясно было, что не бросит науку, это всерьёз и на всю жизнь.

Ему понравилась проявляющая к нему внимание московская студентка. Что называется, подружили около года и затем поженились. Поселились в трёхкомнатной квартире её родителей, которые большую часть времени проводили на даче совсем рядом со столицей — в Малаховке.

Родились дочь и сын. Сейчас им девятнадцать и семнадцать лет. Взрослые люди. Жена, до сих пор миловидная, сохраняющая фигуру и женственность, была для Сергея Игоревича единственной. Несколько случайных и коротких физических сближений с другими сложно назвать изменами – они воспринимались и вспоминались как сны. Иногда довольно приятные, иногда не очень.

И женщины, с которыми оказывался близок, видимо, воспринимали это примерно так же. Страстные в эти час-два-три, они поднимались с постели и собирались домой. «Дети ждут, муж эсэмэсками закидал, – объясняли без сожаления и досады. – Я пойду... Спасибо». И Сергей Игоревич отзывался: «Спасибо».

Они уходили, удовлетворённые тем, наверное, что привлекательны для мужчин, которых в этот момент олицетворял он, Сергей Игоревич, но не считающие его теперь, после часов вместе, своим, а себя – его. Побыли с ним, убедились в чём-то для себя важном и пошли жить дальше. Любить мужа, воспитывать детей, готовить для них еду, прибирать дом. И у Сергея Игоревича ни разу не возникало желания задержать женщину, сказать: «Оставайся».

Случалось, начинала мучить совесть, он опасался, выпив, или в минуты размолвки, приливов раздражения, или в момент душевного единения сознаться... Но однажды обнаружил в одной из книг о Достоевском такую фразу – набросок к какому-то произведению: «Нечаянное совокупление с женщиной, которая побыла минуту и ушла навсегда».

Сергея Игоревича удивительным образом успокоили и даже оправдали эти простые в сущности слова. К ним приросли другие, из стихотворения Есенина: «Знаю я, они прошли, как тени, не коснувшись твоего огня». Действительно, не коснувшись. Но что-то дав, что-то важное оставив.

В однодневную поездку в небольшой и новый город на самом востоке Западной Сибири Сергей Игоревич отправился без всякого желания. Договорённость о лекции была заключена месяца два назад; за это время он набросал тезисы, сделал разбор и толкование нескольких фразеологизмов, возникших из соединения русских и ненецких, русских и эвенкийских слов. Обсудил сумму гонорара, который оформили как «оказание ус-

луг», выслал паспортные данные, банковские реквизиты, получил электронные билеты.

В назначенный день собрал походную сумку, дежурно попрощался с женой (дочь была у жениха, а сын уже спал в своей комнате) и поехал... В последние годы добирался до аэропортов на экспрессе. Недёшево, конечно, зато надёжно. Приезжаешь в срок, не томишься в ожидании посадки на самолёт.

Зарегистрировался Сергей Игоревич ещё утром, дома, по интернету, распечатал посадочный талон на принтере и сейчас без задержек прошёл все контроли и проверки. Выпил бокал «Старого мельника», и тут, как раз когда пиво стало действовать, объявили посадку.

Уснул ещё до взлёта, а проснулся через три часа от мягкого голоса стюардессы, словно бы читающего стихи: «Ставим спинки кресла в вертикальное положение. Самолёт начинает снижение».

«Чёрт, кормёжку пропустил», – стал было досадовать Сергей Игоревич, но неискренне – есть не хотелось. Хотелось ещё поспать, и он успокаивал себя тем, что сейчас быстро минует зону прилёта, окажется в тёплом и тёмном салоне мощного внедорожника и ещё часа два покемарит – от аэропорта возле окружного центра до того города, куда его пригласили, километров триста...

Сергей Игоревич часто летал в восточную часть страны. Летом перелёт каждый раз удивлял – поднимаешься в Москве вечером, на заходе солнца, но ночь не наступает – солнце, сползавшее за горизонт за спиной, почти сразу появляется впереди... Да, впечатляюще, хотя, конечно, нездорово для организма терять ночь.

Теперь же было не лето, а конец ноября; самолёт взлетел в темноте и в темноте приземлялся.

От трапа до аэропорта было буквально сто метров, но подали автобус. Не по необходимости, а, видимо, чтоб показать: наш маленький аэропорт ничем не хуже больших и знаменитых.

Загружались много дольше, чем ехали. Успели замёрзнуть. Хорошо, что в зале прилётов – одноэтажном, обшитом пластиковыми рейками здании, стоящем отдельно от двухэтажного зала вылетов, – было тепло, даже жарко: из-под потолка били горячим воздухом кондиционеры, а у выхода в город стояла тепловая пушка.

Багажа у Сергея Игоревича не имелось, и он бодро вышел туда, где толпились встречающие,

приостановился, ожидая, что сейчас его окликнут, поведут к машине.

Но никто не окликал; бумажку с его именем-фамилией, городом, где он должен выступать, организацией, которая пригласила, он не увидел... Заметив его замешательство, оживились таксисты:

– Куда едем?... Машина нужна?..

– Меня встречают, – уверенно отвечал Сергей Игоревич, но заскребло беспокойство: он знал, что аэропорт этот один на несколько городов и посёлков в слабозаселённом, малоосвоенном краю.

Миновал стенку из встречающих, ещё посто-ял, поворачиваясь так и этак, надеясь, что его узнают. Не узнали. Ясно, что некому было узна-вать... Сергей Игоревич подошёл к ряду сиде-ний, поставил сумку. Снял пальто.

Начали появляться пассажиры с чемодана-ми, коробками; их радостно приветствовали, об-нимали, слышались звонкие звуки поцелуев. Целовались с чувством и мужчины друг с дру-гом; Сергей Игоревич отметил: «Так не стесня-ются целоваться теперь только очень далеко от Москвы».

Он искося, но с интересом наблюдал за людьми. По большей части коренастые, полные, но не рыхлые, не раскормленные. Сильные. Улыбаются широко, не боясь демонстрировать нехватку зубов... Пахло напоминающим пель-менный бульон ароматом, потом, мехом, кислым тестом; этих запахов в самолёте Сергей Игоре-вич не чувствовал – их принесли сюда встречаю-щие, люди совсем другого, нестоличного, мира. Когда-то частью такого мира был и он, Сергей Палагин, а теперь наведывался время от време-ни, гостем...

После смерти родителей квартиру – двух-комнатку в гнилой пятиэтажке – продали, деньги разделили между ближайшей роднёй, попутно переругавшись. Бывая изредка в своём городе, Сергей Игоревич останавливался в гостинице. И это было тяжело...

Во время командировок к себе домой его приглашали редко, а без знания, как обставлены жилища, что готовят на своих кухнях, как разго-варивают в быту, а не на мероприятиях, понять жизнь местных, увидеть отличия, скажем, томи-чей от омичей было невозможно. А надо бы... надо.

Зал опустел. Остались лишь охранники на входе, ещё какие-то работники аэропорта, де-

вушка за стойкой с надписью «TAXI 2+»... Тихо и тревожно.

Сергей Игоревич достал блокнот с контакта-ми, телефон. Набрал номер некой Любви Пет-ровны, которая, видимо, отвечала за его приём.

– Аппарат абонента выключен, – почти сразу заговорила в трубке бесстрастная автоматиче-ская женщина, – или находится вне зоны дей-ствия сети.

– Ни фиги себе ситуация!

Его развлекло это, произнесённое им, соро-капятiletним человеком, кандидатом филоло-гических наук, словцо из детства: «ни фиги». Да-же поулыбался, похвалил себя за своеобразную смелость... Но тревога быстро вернулась.

– Может быть, вам помочь? – спросила де-вушка за стойкой.

Судя по выражению лица, она была искрен-на в этом желании. Только как она поможет, чем? Посадить в такси своей фирмы по какому-ни-будь суперльготному тарифу?

– За мной должны приехать, – подчёркнуто твёрдо сказал Сергей Игоревич и услышал в этой подчёркнутости почти отчаяние; отвернул-ся от девушки, сел рядом с сумкой.

Достал папочку из толстого картона с запися-ми будущего – сегодня вечером – выступления в библиотеке. Прочитал несколько тезисов и за-хлопнул. Тревога крепла, стягивала так, что ста-ло подташнивать. Не тревога уже, а ужас какой-то...

Не в силах сидеть, изображая спокойствие, вскочил, надел пальто, бросил на плечо ремень сумки, принялся ходить по залу.

С чего ради ужас? Что вообще такого? Ну не встретили – приедут с минуты на минуту. Со вре-менем не рассчитали, ещё что. В крайнем слу-чае перейдёт в соседнее здание – в зал выле-тов, сядет в кафе каком-нибудь... Воображение уже рисовало, как покупает билет и летит обрат-но. Денег достаточно, билеты наверняка есть. Не советское время. Потом разберётся с этой Любовью Петровной или кто там у них главный...

– Скажите, – остановил женщину в синем пиджаке и синих брюках, – а в Москву часто са-молёты летают?

– Два раза в сутки. Сейчас идёт посадка, а следующий – в пятнадцать часов.

«Ну и хорошо, хорошо, – попытался порадо-ваться, – в пятнадцать и полечу».

Правда, успокоиться не получалось. И не то чтобы он злился на то, что его не встретили, на

всю эту ситуацию... Ему казалось всё навязчивей, рисуясь в подробностях, что вот сейчас войдут с улицы крепкие мужчины, оглядят его, одинокого, непонятно что делающего в этом здании, и скажут: «Пройдёмте с нами». Скажут тихо и так весомо, что он не посмеет возмутиться, отказаться, выяснить... Выведут, посадят в автомобиль, и он исчезнет. Ведь исчезают каждый день люди. Как-то ведь это происходит. Может, и так.

В школьные годы он чувствовал потребность, необходимость выделиться из окружающих. Попытки были, конечно, глупые и смешные. Класе в седьмом, помнится, взял и стёр изображение учебников с шеврона на рукаве ученической куртки и нарисовал вместо них череп с костями, за это получил выволочку сначала от завуча, а потом от родителей. Маме пришлось спорить испорченный шеврон и пришить на его место другой, со старой куртки... Волосы зачёсывал тогдашний Серёжа Палагин под вид панковского гребешка и слышал от взрослых сердитое: «Причешись нормально!». Пионерский галстук частенько носил задом наперёд – как ковбойский платок... Да, много было таких мелочей, с помощью которых он показывал: я не как все.

На первом, втором курсах университета тоже пытался выделяться, но подобных ему выделяющихся в Москве было слишком много – почти все, и постепенно эта потребность угасла. И свитер на серьёзных конференциях стал не способом отличаться от остальных, а... Удобнее просто в свитере, чем в пиджаке, вот и надевал свитер.

Иногда с некоторым удивлением Сергей Игоревич замечал за собой, что предпочитает изученное, проверенное, а неизвестное его пугает и тревожит. Через те дворы, по которым привык ходить, шагает спокойно, уверенно, новые же маршруты вызывают беспокойство, чуть ли не панику. Какие-нибудь митинги огибают на значительном расстоянии, хотя внутри тормозит любопытство... Если к нему подходили или вставляли на пути нищие, похмельные, раздаватели реклам, Сергей Игоревич съёживался и бормотал, словно сквозь тяжкую дрему: «Нету... не курю... не надо...». Даже если кто-нибудь спрашивал, как пройти к такой-то улице, он сначала отшатывался, дёргал головой отрицательно, а потом уже, очнувшись, говорил: «А, это вот здесь... Направо, и – будет».

Однажды его сделали понятым. Возвращаясь с работы и услышал: «Уважаемый!». Наверное, если бы не обернулся, его бы не остано-

ли – не догонять же, не хватать... Но это «уважаемый» прозвучало так, что ноги застыли.

Повернул голову. Его подзывал милиционер, довольно молодой, но широченный – голова казалась слишком маленькой на таком туловище и была словно приставлена с другого человека.

– Уважаемый, – повторил милиционер это вообще-то идиотское, но почему-то очень ходовое у милиционеров слово, – у вас паспорт с собой?

– Да, конечно.

– Пройдёмте со мной тогда. Понятым.

Что такое понятой, Сергей Игоревич, естественно, знал, помнил, что это обязанность гражданина. И послушно последовал за милиционером. Послушно, но неохотно. Приятного мало... Может, там труп лежит и придётся наблюдать, как его обыскивают, смотреть, каким способом человек умерщвлён... Но неохоту, безразличность заслоняла тревога, а потом ледяным ручьём откуда-то из пяток к сердцу, голове засочился страх. Очень быстро ручей превратился в поток. Тем более что идущий впереди милиционер постоянно на него оглядывался. Будто цеплял взглядом добычу. И вопреки здравому смыслу Сергею Игоревичу стало казаться, что это никакой не милиционер, а переодетый бандит. Сейчас заведёт вот под эту арку, хрястнет, обшарит. Или столкнёт в подвал, и Сергея Игоревича сделают рабом... А если и милиционер, то где гарантия, что не запрет в камеру? А потом навесят какое-нибудь дело... Шёл и понимал, что эти мысли – глупость, идиотство, а сердце дёргалось и требовало остановиться, закричать, позвать на помощь...

Милиционер привёл его в отделение, где Сергей Игоревич понаблюдал за обыском в чём-то заподозренного мужика. Понаблюдал, дождался, пока составят протокол и запишут его, Сергея Игоревича, и ещё одного понятого паспортные данные; расписался и пошёл дальше.

Но долго ещё леденил страх, ручеек не исчезал.

При этом он никогда не считал себя трусом, да и на самом деле не был им: не раз дрался даже во взрослом возрасте, как-то отбил среднеазиатскую женщину от тягавших её монголоидных ребят, осадил хама в очереди к кассе в супермаркете.

Не в трусости дело. Не в ней. Просто страшно становилось, когда оказывался в необычных, непривычных ситуациях. В таких, как сейчас.

Тьма и мороз за окном, «аппарат абонента выключен или...»; служащие аэропорта поглядывают со всё большей подозрительностью... Действительно, что за хрен болтается здесь уже второй час...

Любовь Петровну он, естественно, никогда в жизни не видел, но сразу узнал, когда она влетела в зал прилётов.

Дежурившие на входе полицейские попытались было её остановить: «Из карманов, пожалуйста, всё достаём». Но она не обратила внимания, под писк рамки металлоискателя бросилась к Сергею Игоревичу:

– Извините! – рыдающе просила. – Извините ради Христа!.. Опозорились!.. Машина эта проклятая... Под капотом что-то сломалось, и никак...

– Всё нормально, нормально. – Сергею Игоревичу стало неловко от такого эмоционального шторма, тревога и страх сразу улетучились, теперь было жалко эту немолодую грузную женщину со страдальчески искажённым лицом. – Не переживайте.

– Да как... Заставили ждать, беспокоиться... И телефон не ловил, как назло... Перед самым концом тут заработал. И не стала звонить, толку-то...

– В порядке машина? – перебил Сергей Игоревич. – Едем?

– Едем, едем, конечно... Наладили, помогли...

Машина была несерьёзная для этих суровых краев – какая-то низенькая «тойота»-легковушка. В их многочисленных модификациях Сергей Игоревич не разбирался.

– Вперёд сядете? – переходя с рыдающей интонации на вполне деловую, спросила Любовь Петровна.

Праворульная... У него был опыт езды на переднем пассажирском сиденье в таких машинах. Ощущение, что каждая встречная летит прямо на тебя...

– Я лучше сзади. Может, подремлю. – и, начиная подмерзать, Сергей Игоревич скорее полез в салон.

Водитель, тоже немолодой и тоже грузный, поздоровавшись, стал извиняться за задержку, ругать свою «телегу». Сергей Игоревич его не останавливал, и водитель вскоре замолчал.

– Сейчас завернём перекусить, – вместо него включилась Любовь Петровна. – Вы ведь не

завтракали, да и мы с этой поломкой... На завтрак в гостинице уже не успеете. Не против?

– Можно. – Есть не хотелось, но кто знает, что там дальше...

Голова после перелёта, часового торчания в аэропорту и сытного завтрака была тяжёлой, но в сон не тянуло. Хотя Сергей Игоревич делал вид, что спит. Притиснулся головой к углу между спинкой сиденья и мягкой обивкой кузова, смотрел в окно.

Снега почти нет – так, слегка припорошенные белым трава, деревья.

Деревья... Но лучше бы, наверное, голая тундра до горизонта, чем такие деревья – торчащие дистрофичные палочки, чуть выше человеческого роста, почти без веток, с загнутыми, а то и скрученными в спираль, будто небо не давало расти дальше, вершинками.

И торчат эти палочки на плоской поверхности на сотни километров во все стороны. Никаких примет, отличий, ориентиров, и уже непонятно, где тут север, где восток, юг, запад. Страшное, сводящее с ума однообразие. Без умения пользоваться компасом, ориентироваться по солнцу, звёздам, мху тут действительно сгнешь.

11

Дорога-бетонка прямая, как взлётная полоса, каждые две-три секунды колёса постукивают о стыки плит. Это постукивание и пейзаж баюкают. Веки напозают на глаза, тело расслабляется, размякает... Недаром по обочинам, на стволах так часто висят венки – бьются на таких дорогах куда чаще, чем на петлях, перевалах...

И боясь, что водитель с Любовью Петровной уснут в молчании под это постукивание и старая «японка» полетит под откос или вонётся в лоб встречного грузовика, Сергей Игоревич стал расспрашивать о городе, жителях, библиотеке, в которой пройдёт выступление.

– Город у нас – старейший в округе, – с готовностью и гордостью отвечала женщина. – Отсюда и началось освоение северо-восточной части Сибирской равнины. Сейчас запасы нефти, конечно, истощились, но пятьдесят лет назад город гремел на всю страну... Кто живёт? Много пенсионеров – бывшие нефтяники, газовики, решившие не покидать край, ставший родным...

«Как из рекламного постера», – отметил фразу Сергей Игоревич.

– Много магазинов, четыре школы, детские садики, спортивный комплекс большой. В общем, нормальный, полноценный город у нас.

Хоть и маленький... Был когда-то аэропорт для местных самолётов... малой авиации, но сейчас закрыт. Удобней, считают, так, на машинах... Полный интернационализм – всё есть. Живут и представители малых... кхм... малочисленных народов, – поправилась Любовь Петровна, – эвенки, ненцы, кетов немного, селькупов... Хочется подробнее о них узнать, детям показать нашим, как всё тесно, как культуры переплелись, языки... Вот узнали о лекциях ваших, решили пригласить... Библиотека хорошая, просторная. Раньше детский сад в здании был, но когда рожать меньше стали, в конце девяностых, отдали нам его... В старом здании у нас хранилище. Если захотите фонды посмотреть – покажем. Оно рядышком...

Сергею Игоревичу уже надоело слушать, отвлёкся на свои мысли, вернее, какие-то блики мыслей; он смотрел вперёд, на съедаемые машиной серые плиты дороги, механически кивал женскому голосу... Перевёл взгляд налево, потом направо. Плоский, хилый лес продолжался, и голова слегка закружилась от монотонности.

Сам он родился и вырос тоже в Сибири, но в других краях – на юге, где горы защищают от холодных ветров плодородные долины, где бегут быстрые реки, лежат в холмистых – увалистых, как говорят местные, степях крошечные тёплые озера. Там глаз ласкает если не красота (красота – понятие относительное), то уж точно разнообразие. А здесь...

– А олени у вас обитают? – поинтересовался, когда Любовь Петровна выговорила и молчание стало тяготить.

– Да е-есть, – тут же отозвался водитель, словно опережая женщину. – Севернее – там большие стада. В Финляндию продают.

Любовь Петровна обернулась к Сергею Игоревичу:

– Вам оленина нужна?

– Нет-нет, я так...

«Тойота» замедлила бег, проехали перекрёсток. Сергей Игоревич не стал спрашивать, куда и откуда ведёт та дорога, которую миновали. Такая же беспросветно прямая, как и их...

Приближение города угадалось по изменению ландшафта. Появились слабые подъёмы, спуски, низинки, в которых росли более толстые и ветвистые деревья. И дорога заизгибалась, словно не желая кончаться.

Машина заскочила на очередной пологий холм, и вот впереди и внизу открылось скопление зданий. Да, если уж селиться, то в такой вот котловине – хоть какая-то защита от ветров, а главное – от изматывающей душу ровности...

Издали здания показались Сергею Игоревичу прекрасными, как из сказки, и сам городок напомнил подарочный торт, украшенный оранжевыми, салатowymi, жёлтыми, фиолетовыми пряничными домиками.

– Ну вот, добрались, можно сказать, – с великим, как после долгой и тяжёлой работы, облегчением выдохнул водитель. – А за теми сопками, по ту сторону, тундра уже начинается. Там олени...

Постройки приближались, и ощущение их сказочности у Сергея Игоревича исчезало. Оказалось, что они, разноцветные, весёлые, на самом-то деле старые, хилые двухэтажки-бараки, четырёхэтажные панельные хрущёвки. Балконов на хрущёвках не было – их заменяли, а вернее имитировали этикетные бетонные нащёпки под окнами, окрашенные в иной, чем остальное здание, цвет. Издали вроде балкон, а подойдёшь и приглядишься – нащёпка.

– Так, мы сейчас в гостиницу, – заговорила Любовь Петровна и деловито, и приветливо. – Успеете отдохнуть... В три у нас обед, и потом потихонечку идём в библиотеку...

В центре оказалось несколько крепких, с умеренными архитектурными изысками зданий. Одни были явно сороковых – пятидесятих годов, другие – совсем свежие.

– Администрация... Первая школа... Дом культуры – бывший Дом геолога, – перечисляла Любовь Петровна, – музей... «Роснефть»...

Сергей Игоревич кивал, тихонько одобрительно мычал, а тем временем пытался понять, чего не хватает на улицах. «А, рекламы нет почти... Хорошо», – и тут же заспорил с собой: «Что ж хорошего? Реклама, к сожалению, индикатор экономики».

Он время от времени оказывался в подобных городках без пёстрых вывесок и поначалу радовался, в груди теплело, будто возвращался в детство, строгое, но правильное, здоровое, а потом, пообщавшись с людьми, замечал – не очень-то они в этой строгости и правильности счастливы.

– Так, а вот и гостиница, – задвигалась на сиденье Любовь Петровна. – Теперь уж точно можно сказать – прибыли.

Гостиница находилась в четырёхэтажке, но не панельной, как большинство других четырёхэтажек города, а кирпичной. На козырьке над входом висела сероватая табличка с синими буквами: «Север».

«Логично. Не «Палас» же, не «Хилтон», – сыронизировал мысленно Сергей Игоревич.

Оформился быстро.

Любовь Петровна расплатилась с администраторшей и напомнила ему:

– Значит, без пяти три здесь встречаемся и идём в ресторан.

– Хорошо, хорошо... А далеко?

– Ресторан? Да вон он – за той дверью.

– М-м, – Сергей Игоревич кивнул, – удобно.

В первую минуту в гостиничном номере, даже в таком, откровенно говоря, убогом, напоминающем комнату в общежитии, у него всегда возникало чувство, что свернёт горы. Сейчас скинет ботинки, вставит зубную щётку в стаканчик над раковиной, откроет ноутбук и будет работать, работать. Один, в тишине, в чистой, без хлама, комнате.

Но вот рука тянется к пульту телевизора, не преодолимо хочется прилечь на кровать. Тело тяжелеет, и Сергей Игоревич чувствует, как он устал. Не от чего-то устал определённого, не от дела, а так – глобально. Как молодёжь говорит, по жизни.

Старость – это, наверное, не столько болезнь, а именно усталость. Старым можно стать и в тридцать лет, а можно оставаться молодым до шестидесяти и дольше. Вон сколько по возрасту стариков, на деле же – этикие моторчики... Хотя ничего дельного эти моторчики не производят. Так, вертятся вхолостую... Да и другие – тоже. Жужжат, вертятся, а толку-то...

Сергей Игоревич пошевелился на кровати, и та жалобно заскрипела. Не пружинами или панцирем, а деревянными стыками каркаса... Задвигался активнее, и скрип стал громче, из жалобного превратился в умоляющий: «Не надо, не надо...».

– М-да, и кровать уставшая.

Переключал каналы, не замечая, что там появляется и исчезает на экране. Уговаривал себя подняться, достать из сумки папочку с набросками статьи оговорах Сапожковского района, которую давно уже надо было написать.

Никто эту статью не ждал, нигде её не заказывали, но... Зря, что ли, в позапрошлом году он три раза побывал в этом углу Рязанской

области, объездил два десятка деревень и посёлков?

В каждом населённом пункте свой говор, свои словечки, обороты. Фраза «пойду куплю хлеба» звучит настолько по-разному, самобытно, оригинально, что и не сразу поймёшь её... Ведь интересно же, и нужно это зафиксировать.

«Надо, надо», – соглашался с собой Сергей Игоревич, а глаза вяло искали, чем бы отвлечься. Книжки, телевизор, интернет.

И сейчас, лежа на ноющей кровати, он уговаривал себя заняться статьёй, а сам переключал программы. И минуты сгорали одна за другой, и всё ближе подходило время обеда.

Вот уже третий час. Теперь надо уговаривать себя не писать, а побриться. Побриться уговорить оказалось легче.

Ровно без десяти три свежий, бодрый Сергей Игоревич спустился в вестибюль гостиницы.

Любовь Петровна была не одна, а с высоченным, метра под два, бородатым – курчавые, с седыми прядями волосы от самых глаз спускались на грудь – мужчиной.

– А это Дмитрий Абрамович, – представила его. – Он и явился, так сказать, инициатором вашего приглашения.

– Очень приятно. – Сергей Игоревич протянул великану руку, тот крепко, но явно вполсилы её пожал.

– Дмитрий Абрамович живёт в селе, – далее прозвучало какое-то нерусское название, – фольклорист, краевед, защитник коренных народов.

– Вы, может, подумали, что я из этих, – одышливо перебил женщину великан. – Так нет, ни капли.

– Не из кого? – улыбнулся вежливо Сергей Игоревич.

– Ну не из этих, не из евреев.

– Хм. Почему мог подумать? Вовсе не думал...

– Ну отчество-то такое, да и защищают коренных они в основном. Я из староверов. Отец, Абрам Феодосиевич, ещё держался, а я – так... Но и он понимал, имя дал человеческое хоть... Сейчас возрождаются староверы, но, я считаю, смех это, театр. Ушла старая вера, да и всякая из души уходит...

– Понятно, – изобразив грусть, покивал Сергей Игоревич. – Может быть, за столом поговорим?

– А, да-да. Извиняюсь.

Меню было богатое, разнообразное, но официантка сразу сказала, что лучше заказать ком-

плексный обед. Остальное будет готовиться около часа.

Последовали её совету.

– А насчёт пропустить по капельке? – прогу-дел вкрадчиво великан-краевед.

Он после этого, в лоб, разговора о евреях стал Сергею Игоревичу не очень-то симпатичен. Правда, желание выпить перевесило.

– Я не против.

Любовь Петровна забеспокоилась:

– Может, после мероприятия?

– Да мы не водку же. Коньячка.

– По сто граммов коньяка, – подтвердил Сергей Игоревич.

– О, само оптимально!.. Так вот, – великан устроился на стуле удобнее, – бесполезно, считаю, возрождать прошлое. Мы уж всё... Развращены всем. А малым помогать надо. У них запросов-то: не мешайте, и всё. Вот наши думают, что это капризы – тундру не трогать, трубы не класть. А на деле – олень не пойдёт через трубы, распаханные вездеходами да вахтовками эти полосы. Он лучше с голоду сдохнет... Ему чистая тундра нужна.

Принесли простенький салат – кружочки огурцов, политые майонезом, и графинчик с коньяком.

– Любовь, будешь? – занёс великан коньяк над пузатой рюмкой.

– Нет-нет, рабочий день!

– Как знаешь. Я считаю, не повредит.

– Не искушайте...

Только выпили и захрустели огурцами, в зал вошла молодая женщина. Ничем вроде не примечательная, но Сергей Игоревич сразу поймал её взгляд и задержался на нём. Вернее, последовал за ним. Взгляд был беспомощно-ищущий, неустойчивый.

Он знал, что так вглядываются близорукие люди, попадающие в просторное помещение. Сто раз сталкивался с этим взглядом, но всегда, особенно если это был взгляд молодой женщины, девушки, чувствовал волнение. Словно бы это ищут его...

– О, вот и Еленка, – обрадовался великан. – Елена Юрьевна, мы тут!.. Обещала приехать и, вишь, не подвела.

– Я, Дмитрий Абрамыч, вообще не подвожу. А когда подвожу, хочу этого и заранее даю понять, – подходя и протирая тряпочкой очки, ответила молодая женщина. – Холодрыга какая, стёкла матовые за пять секунд...

Протёрла, надела очки, поздоровалась с Любовью Петровной и, как показалось Сергею Игоревичу, мельком, небрежно с ним.

– Присаживайся, пообедай, – пригласил Дмитрий Абрамович. – И вот тебя как раз фужерчик дожидается.

– С удовольствием. Машину припарковала, зарегистрируюсь потом.

Она сняла синюю, с меховой полоской на воротнике куртку, осталась в сером свитере, голубых джинсах, но не в обтяжку, просторных... Впрочем и под этой свободной одеждой было заметно, что фигура у неё неплохая, спортивная.

– Барышня, – крикнул великан официантке, – ещё одну порцию, пожалуйста... И, – сбавив громкость, – позволь, Елена Юрьевна, представить тебе Сергея Игоревича Палагина, филолога из Москвы...

– Я о вас много слышала, – перебила она, глядя на Сергея Игоревича теперь, сквозь стёкла очков, твёрдо и смело, – и вот специально приехала послушать.

– Спасибо, очень приятно...

– А это, – продолжал великан-краевед, посапывая, покашливая, – наша бесценная Елена Юрьевна, директор Дома памяти. Три года назад возникло такое уникальное место в округе, и жизнь наша обрела некий смысл.

От словосочетания «дом памяти» повеяло чем-то оруэлловским, и Сергею Игоревичу стало неуютно: «Как Министерство правды...».

– Очень рад знакомству, – поднял он рюмку с коньяком и улыбнулся. – Чокнемся?

Лекцию читал без особого вдохновения. Чувствовал, что говорит складно, увлекательно, с художественными приёмами, но того полёта, какой случался время от времени и приводил в восторг его самого, не случилось.

Может, из-за публики. Люди, в большинстве узкоглазые, видимо, ненцы, сидели напряжённые, непроницаемые; библиотекари и прочие культурные работники больше волновались за то, как пройдёт мероприятие, чем слушали; на лицах немногочисленных русских мужчин Сергей Игоревич видел усмешку, наверное, невольную, но всё равно обижался на неё: «Конечно, усмехаетесь – вы-то матом разговариваете, куда вам диалектные жемчужины». Единственное, что притягивало к себе, оказались глаза Елены Юрьевны...

Лекция была рассчитана на полтора часа. Поглядывая в мобильный телефон, Сергей Игоревич однажды заметил, что миновало час пятнадцать, и стал плавно закругляться.

Закруглился, отпил из стакана воды, сказал:

– А теперь, пожалуйста, вопросы. Или, может, у кого-то есть дополнения, есть, чему меня научить? Вам, живущим здесь, наверняка известно больше, чем мне...

Зал молчал. Поднялась заведующая библиотекой.

– Смелее, смелее, товарищи.

– Может быть, у кого-то есть свои примеры диалектных, иноязычных слов, которые прижились в русском или, скажем, ненецком, – добавил Сергей Игоревич, – кроме, конечно, «спутника», «космоса», «банка».

– А вот, – загудел своим одышливым басом Дмитрий Абрамович, – меня бабка в детстве ландуром называла. До сих пор гадаю, что эт такое.

По интонации Сергей Игоревич догадался, что самому великану ответ известен, но спросил нарочно, чтобы поддержать его. Слава богу, и Сергей Игоревич знал, что такое ландур.

– Если не ошибаюсь, так ненцы называют вислоухих, понурых оленей. Замухрышек, в общем. По вам не скажешь, что в детстве вы были таковым.

– Да уж, – хмыкнул Дмитрий Абрамович, – спасибо диабету...

В зале невесело хохотнули, а Сергей Игоревич почувствовал одновременно и неловкость, и облегчение: «Не туберкулёз, значит».

– Впрочем, – воодушевившись, продолжил, – в разных местностях тот же «ландур» может иметь разные значения. Так, например, со словом «увал». Чаще всего это – вытянутая невысокая возвышенность. Но также может быть и только южным склоном этой возвышенности. Я не раз слышал такие диалоги: «Где столько клубники набрал?» – «Да вон прошёл по увалу». И спрашивающий сразу понимает, что набравший прошёл именно по южному склону. Вот такие нюансы.

– Понятно, – кивнул великан-краевед.

– Так, еще вопросы, – взглядом хищной птицы оглядела заведующая сидящих. – Что ж, если вопросов нет, поблагодарим нашего гостя.

Люди с готовностью и, кажется, облегчением захлопали.

Потом сидели в кабинете за традиционным чаем и печенюшками и так же традиционно, как

почти повсюду, заведующая тихо и осторожно спросила:

– Может быть, чего-нибудь покрепче?

Сергей Игоревич тоже осторожно ответил:

– Не откажусь.

Появился коньяк, водочные стопки. Дружно, даже Любовь Петровна, чокнулись и выпили... Разговаривали о библиотечном фонде, проклятых тендерах, которые пока пройдут, нужных книг закупить уже не получается – кончились, и приходится приобретать вместо них всякую ерунду, чтобы деньги были освоены... О русском языке заговорили – что ребятишки из коренных народов учат его всё с меньшей охотой, некоторые и нескольких слов не могут сказать. И по этому поводу возник лёгкий спор.

Великан взял и бухнул:

– И правильно, я считаю. Чего им толку от русского языка?

– Как это «чего им толку»? – возмутилась одна из сотрудниц библиотеки, маленькая и худенькая, почти старушка. – Вы, Дмитрий Абрамович, из-за любви к ним готовы остальное отрицать.

– А чего им черпать из русского языка? В смысле, чего полезного для их жизни?

– Вся культура, всё буквально к ним пришло благодаря русскому языку!

Дмитрий Абрамович поморщился иронически:

– А что им культура... По сути, культура только развращает народы. История показывает: книги, театры, кино всякое приносят больше вреда, чем пользы.

– О, господи! – почти старушка схватилась за сердце.

– Ладно-ладно, – примирительно улыбнулась Елена Юрьевна, – Дмитрий Абрамыч у нас известный спорщик. На самом деле он так не думает.

– Да почему...

– В идеале бы, – перебил закипающего великана Сергей Игоревич, – им нужно знать и свой язык, и русский, конечно.

– И нам, русским, которые тут живут, так же, – поддержал Дмитрий Абрамович. – От них-то мы требуем, а сами... Моя бабка знала по-ненецки хорошо, родители так уже, фразы, а я – десяток слов всего. Мои дети так и вовсе разбежались отсюда. Поэтому я не могу коренных винить. Мы должны им пример показывать.

– Это да, – вздохнула заведующая, – это вы правильно...

Елена Юрьевна, вовремя сгладив обострившийся было спор, слушала говоривших с улыбкой. Но не с той насмешливой, к какой Сергей Игоревич привык в Москве, какую встречал уже и здесь, а с доброй, вроде бы сочувственной.

— А что это за Дом памяти? — спросил, решив завязать с ней разговор напрямую, поближе познакомиться, что ли.

— Выделили нам помещение, проводим мероприятия, — сбивчиво, словно смутившись, заговорила молодая женщина, — чтения. В начале июня у нас фестиваль...

— Елена Юрьевна скромничает, — перебила её заведующая. — Дом памяти — это наше спасение. Связь с большим миром. Сколько интересных людей благодаря ему в округ приезжает, да и в деле сохранения истории много чего именно Дом памяти делает. Департамент культуры, мягко говоря, дремлет, а Дом памяти...

— Департамент культуры нам очень помогает, — не согласилась Елена Юрьевна. — Зря вы так.

— Ну помогает, чтобы самому не просыпаться...

Коньяк кончился, темы для разговоров иссякли. Стали прощаться.

— В гостинице для вас заказан ужин, — говорила Сергею Игоревичу вновь ставшая деловой Любовь Петровна, — а завтра в восемь утра я заезжаю за вами.

— Понял...

— Да зачем, — подошла директор Дома памяти. — Я ведь на колёсах. Довезу вашего дорогого гостя до самого аэропорта.

— Правда? Это хорошо бы...

— Вы как, Сергей Игоревич, согласны ехать со мной?

В тон ей, слегка игриво, он ответил:

— Не вижу никаких причин отказываться.

В гостиницу пошли троём — великан-краевед, Елена Юрьевна и он, диалектолог из Москвы.

По часам было начало девятого, а посмотришь вокруг — глубокая ночь. Многие окна в домах черны: то ли не живут там, за ними, то ли уже спят.

Сергей Игоревич зевнул, выпустив изо рта плотный столб пара, скорее прикрыв рот ладошкой.

Великан моментом среагировал на зевот:

— Слушайте, а чего нам на покой? Может, ещё посидим? Тут магазин рядом — коньячишки

возьмём, сыру. Мне завтра опять к себе в нору дальнюю, опять полгода без людей...

— Как «без людей»? — засмеялась Елена Юрьевна. — А как же ненцы ваши любимые?

— Эт другое. Они — светлые души. Я за них... Но я ведь, ребята, тоже цивилизацией развращён, культурой нашей, всем этим... Общаться тянет, философствовать... Тут друг у меня, вы Елена Юрьна, знаете, Коля Лысков. Его позовём. Коля, — повернулся великан к Сергею Игоревичу, — гений наш непризнанный. Но не бойтесь — небуйный... Ну как?

— Я не против, — сказал Сергей Игоревич, хотя такого уж большого желания пить, есть, общаться у него не было: всё-таки устал. — Можно посидеть за бутылочкой. В номере, как в комнате общежития...

Дмитрий Абрамович тут же достал из недр своего полушубка маленький сотовый телефон, потыкал кнопки, стал звать в гостиницу непризнанного гения.

— И гитару, гитару прихвати!

«Будет Визбор», — вздохнул про себя Сергей Игоревич.

Зашли в супермаркет и стали собирать продукты в пластиковые корзинки. И Сергей Игоревич, и Дмитрий Абрамович не хотели показывать себя скрягами, брали одно, другое, третье, четвёртое.

— Вы как на неделю запасаетесь! — в конце концов не выдержала молодая женщина. — Перестаньте... Дмитрий Абрамыч, ну зачем нам сосиски? Где мы их сварим?

— Ну да, ну да, увлёкся.

— Тем более заказанный ужин можно будет в номер принести, — вспомнил Сергей Игоревич.

Выложили часть, прихватили недалеко от кассы по бутылке «Старого Кёнигсберга».

— А вот коньяка маловато, — сняла с полки ещё бутылку Елена Юрьевна. — Потом ведь мучиться будете, в ресторан побежите.

— Еленка у нас профи.

— Да уж, сколько банкетов-фуршетов отвела...

Дмитрий Абрамович звал в свой номер так настойчиво, что Сергей Игоревич не стал спорить. Сходил к себе за бокальчиками, стулом, потом спустился в ресторан взять заказанный организаторами ужин. Там возникли неожиданные сложности: официантка не хотела отпускать его с тарелками.

– Да здесь поешьте – и всё. Зачем туда?
 – Я хочу в номере. Везде разрешают.
 – Ну я не знаю... – На лице женщины изобразилось смутное.

– Поверьте, посуду я не украду. Завтра принесу на завтрак.

Разрешила с величайшим трудом и внутренней борьбой.

Около двери номера Сергей Игоревич остановился – вдруг возникло желание взять и отказаться от посиделок. То ли эта борьба с официанткой отняла остатки сил, то ли лёгкое опьянение сменилось тяжестью. Прямо придавило, тарелки с салатом и отбивной котлетой показались булыжниками... «Устал... завтра снова в самолёт... извините...»

«И кем я для этих людей останусь? Приезжал, мол, из Москвы один и, как все москвичи, с закидонами. Накупил еды, выпивки, а потом отказался сидеть, спрятался в комнате».

Директор Дома памяти резала кривым охотничьим ножом колбасу; Сергей Игоревич невольно на неё засмотрелся. Сейчас, без очков, в лёгкой светлой блузке, она казалась совсем юной, свежей, щёки после прогулки по морозцу были ярко-розовыми, глаза улыбались.

– Так, – хлопнул ладонями, будто полиэтиленовый пакет лопнул, Дмитрий Абрамович, – надо срочно по двадцать грамм. Колю не будем ждать, он и трезвый – как бы слегка датый всегда, так что нам надо ему соответствовать. Но он... как это... адекватный, вы его, Сергей Игоревич, не бойтесь.

– Вы уже предупреждали.

– А, ну да.

Великан, посвистывая лёгкими, сорвал фольгу с горлышка, отвинтил крышку, налил в стаканчики действительно граммов по двадцать.

Когда чокались, Сергей Игоревич взглянул на женщину, та ответила какой-то смущённой и в то же время ободряющей улыбкой. Выпили.

– То, что вопросов не задавали, вы не обижайтесь. Люди здесь не очень коммуникабельные. Но между собой ещё долго будут обсуждать, вспоминать.

Дмитрий Абрамович поддержал:

– Да-да, скромные больно. Некоторые и нахамить могут, но от скромности.

– Но ведь пожилые люди – другие, – сказала Елена Юрьевна. – Шестидесятники...

– А где они? По домам сидят больные и плюнувшие на всё. Тут, знаю, их звали-звали, а толку-то...

– Да, это правда – шестидесятники уходят. Молодёжь – в соцсетях. Там дружат, такие послания шлют друг другу, а в реальности встретятся и молчат.

– А вы, Елена Юрьевна, – сказал Сергей Игоревич, – себя к молодёжи не относите?

Она махнула глазами на него и усмехнулась:

– Я в свои двадцать восемь себя иногда динозавром чувствую.

«Двадцать восемь», – отметил Сергей Игоревич, и в груди стало как-то сладостно и грустно.

Дмитрий Абрамович поднял бутылку:

– Предлагаю за молодёжь. Чтоб о важном, когда встречается, не забывала. А то, действительно, род человеческий из-за компьютеров вымрет.

– Может, не будем торопиться? Колю дождёмся?

– Ничего-ничего, он не обидится.

Выпили. Стали закусывать.

– Что там Москва? – спросил великан явно для поддержания разговора. – Пульсирует?

– Хм, пульсирует. И пульс всё учащённее... Иногда страшно становится – кажется, сейчас как лопнет. Или провалится... Москва ведь, по существу, на пустоте стоит – сплошные туннели, подземные сооружения. Не так давно сваи заколачивали и пробили перекрытие туннеля метро. И это не первый случай... Жутковато, конечно. – Сергей Игоревич почувствовал, что разоткровенничался, и кашлянул.

– Да, такие города – эт аномалия. Одно дело какой-нибудь Сингапур, где, кроме столицы, и жить негде, земли попросту нету, а другое дело – мы... Сгрудились и давимся... Ну я обобщённо... Я бы столицу каждые десять лет менял. Сначала, например, в Томск, потом – в Иркутск, потом – в Курск куда-нибудь.

– Но Москва – это ведь символ, – заметила Елена Юрьевна.

– Пускай и будет символом. Какой-нибудь духовной столицей. Как Питер – культурная. Правильно? А администрацию – отдельно.

Сергей Игоревич сказал:

– Страна разорится дворцы для Думы строить, министерств, резиденций...

– А пускай имеющееся приспособливают. Везде ведь остались обкомы, горкомы.

– Вы идеалист, Дмитрий Абрамович.

Постучали в дверь.

– Открыто! – гаркнул великан так, что номер вздрогнул.

Вошёл парень, именно парень, лет сорока. Истёртые, почти уже продырявившиеся джинсы, куртка, перешитая из шинели; снял скандинавскую шапочку и оказался с седоватыми волосами до плеч, но почти лысой макушкой. За плечами, как ружьё в чехле, – гитара.

– О, вот и Коляныч! – встал навстречу Дмитрий Абрамович. – Здоров, друг!

– Здравствуй! – сказала и Елена Юрьевна и тоже поднялась.

Парень недовольно или стыдливо бурчал что-то в ответ... Его познакомили с Сергеем Игоревичем.

– Что ж, вот все и в сборе. Весь актив. Надо это отметить возлиянием... – И под бульки коньяка в стаканчики великан спрашивал: – Как, Коляныч, жизнь? Чего нового сотворил?

– Так... – парень сморщился; показалось, что сейчас добавит: «Ничего стоящего», но он добавил другое: – Песен штук двадцать написал. Такие... Самому удивительно. Кого-то кризис среднего возраста импотентом делает, ну, морально, душевно, а меня прямо попёрло.

«Действительно, как бы датый», – вспомнил предупреждение великана-краеведа Сергей Игоревич.

– Чего ж, продемонстрируй, Коляныч.

– А удобно? Они такие... откровенные.

– Разве это плохо? – спросил Сергей Игоревич. – Откровенное, по идее, должно быть самым сильным.

– Н-ну, наверно... – И, ободренный этим замечанием, Коля скоренько проглотил коньяк, достал гитару, потрогал струны. – Вроде строит... Сначала – «Экзистенциальный блюз». О человеке, который растерялся в этих нынешних политических делах... Ну, короче, сами поймёте.

Он стал играть хоть и корявенький, хроменький, но действительно блюз, а затем запел гнусоватым и жалобным голосом:

*Старый я,
Никчёмный я дурак –
Ориентиров нет,
В башке гнилой сквозняк.*

*А вокруг кипят,
Требуют вставать,
Либеру давить,
Почву уплотнять.*

*Если не встаёшь,
Могут объявить:
«Из другой ты расы,
Нам с таким не жить».*

*И куда тогда
Мне, блин, дураку?
Ведь без почвы я
Выжить не смогу.*

Коля сделал пальцами левой руки какой-то сложный переход и проныл, судя по всему, припев:

*Это не песня – это плач,
Попытка объяснить душевный срач.
Я не пою, я скулю,
Мукой сокровенной тихонечко блюю-у.*

Затем – не очень выразительное на акустической шестиструнке соло, второй куплет, из которого утомившийся слушать Сергей Игоревич уловил вот это:

*Никак не научусь любить
И красных, и царя,
И не способен верить
И в коммунизм, и в бога я.*

*Нужное восславлять
Тоже не могу.
Что же делать мне,
Такому дураку?..*

– В коммунизм, Коля, – сказал Дмитрий Абрамович, наливая в стакашки уже граммов по семьдесят, – не верить надо. Его строить надо... А вообще – молодец. Продрала песня. Близка мне, хоть либералов я любить не могу.

– Я тоже их не очень-то. Но тут про другое.

– Ну да, ну да... Молодец, в общем. А вам как, Сергей Игорич?

Сергей Игоревич, не ожидавший услышать здесь подобной песни, по существу не нашёлся что ответить. Выдал не что нейтральное:

– Смело, конечно... С ансамблем, наверное, ещё сильнее бы получилось...

Коля осушил стаканчик в два громких глотка и pokrивился:

– Где его тут найти, ансамбль... Ансамбли до сих пор «Песняров» тренькают... Можно, я ещё одну, пока пыл не погас?

– Давай-давай, Коляныч...

На этот раз мелодия была жёсткой, но динамичной, и слова вылетали из Колиного рта чаще, чем в предыдущей песне, такими длинными очередями:

*Камуфляжная масса затопила страну,
Учат жизни мёртвые живых.
На каждого вещает круглосуточный враг,
Статической инерцией питаются мозги.*

*Но если ты не слякоть – защищайся,
Если ты не слякоть – нападай.
Если ты не слякоть – защищайся!
Если ты не слякоть – нападай!*

Елена Юрьевна поднялась, достала из кармана куртки сигареты, приоткрыла створку стеклопакета. Щёлкнула зажигалкой... За весь день Сергей Игоревич и не замечал, что она курит... По номеру разбежался свежий воздух с лёгкой примесью табачного дыма...

*Закрывают небо трёхцветные кулисы,
Портреты паразитов на каждой стене,
Разбойничьи законы задавили правду,
Последних живых топят в говне.*

Но если ты не слякоть...

Сергей Игоревич залюбовался изогнувшейся у окна, старающейся выдуть дым в щель рамы молодой женщиной... Голос певца уплыл, как радиоволна в слабом приёмнике... «Подойти, обнять за талию, провести губами по её розовой щеке. Прижать к себе, одинокую сейчас и, кажется, не очень-то счастливую».

– Зашиб-бись, Колямба! – рявкнул Дмитрий Абрамович. – Ух-х!.. Надо обмыть твою прям Болдинскую осень.

Елена Юрьевна вернулась за стол, лицо её не выражало восторга. Приняла стаканчик, выпила на равных с остальными... «И ведь, кажется, не пьянеет», – удивился Сергей Игоревич и почувствовал: если проглотит ещё три-четыре порции, начнёт клевать носом.

– Коля, ты очень талантливый человек, я тебе это говорила тысячу раз, – начала директор Дома памяти таким тоном, что стало ясно, её речь будет длинна и серьёзна. – А сейчас воздержусь от похвал и скажу как лицо официальное, которое устраивает мероприятия... Николай, с такими

песнями и при сегодняшнем положении дел, а оно вряд ли изменится в ближайшие десятилетия, ты так и останешься один, будешь петь дома или в лучшем случае в таком вот кругу. Если бы ты был посредственностью – и слава богу. Но ты талантливый, храбрый, ищущий человек...

– Помню, как Коляныч на юбилее округа, давно уж, свои песни протеста запел, – встрял Дмитрий Абрамович, – чуть ведь со сцены не сбросили. Я встал стеной, пускай, говорю, допёт, а потом делайте что хотите.

Коля покачал головой:

– В две тысячи третьем это было, ещё при прежнем губере. С тех пор моего имени слышать не хотят, отовсюду вычёркивают.

– И будут вычёркивать, Николай. Будут вычёркивать! И я не могу тебе помочь. Я хоть и имею свободу, но должна согласовывать... И тебе надо ехать или в Питер, или в Москву, или же...

– Там тоже – попса, говнорок.

– Ну наверное, – согласилась Елена Юрьевна. – Но я не договорила... Если ехать некуда, то, извини, конечно... И не считай меня конформисткой какой-нибудь... Или – писать другое.

– Х-хе! – болезненно усмехнулся Коля. – Не получается, Лен... Не получается.

– Так легче всего говорить. Неужели тебя не интересует тема, скажем, любви? Или природа? На крайний случай хипповское что-нибудь – поляны, «а вокруг такая тишина»... Сейчас не девяностые и даже не нулевые, когда «трёхцветные кулисы», «камуфляжная масса» воспринимались на ура. Теперь за это при желании и срок дать могут. А припев вот этой второй песни можно рассматривать как призыв к насильственному изменению...

– Это из статьи Махно цитата, издано не так давно... легально, – словно оправдываясь, отозвался Коля.

– И что? Наверняка мы скоро увидим, как книги Махно да и более безобидных включают в список экстремистской литературы... Я как-то заглянула в интернете в этот список – конца и края у него нет...

Елена Юрьевна разволновалась, и Сергей Игоревич, как бы успокаивая, положил ей руку на плечо, погладил, слегка сжал. Мол, успокойтесь... Она не отстранилась, а наоборот, к его удивлению, на сантиметр-другой подалась к нему.

– Я не хочу спорить, – заговорил Сергей Игоревич, хотя минуту назад решил не ввязываться

в этот скользковатый разговор, – и Елена... Можно без отчества?

– Да, пожалуйста! Сама хотела предложить...

– И Елена права – ваш путь, Николай, драматичный и рискованный. Но, с другой стороны, везде, при любых режимах есть, должен быть андеграунд. Должны быть диссиденты, инакомыслие... Если их не будет – общество совершенно заостенееет, в нём отомрут все нервные окончания. Достаточно лёгкого удара, и всё развалится, как кусок сухого коралла... Так, извините, я немного запутался в метафорах... Предлагаю выпить за смелость!

Тост приняли единодушно, и даже Елена, от которой Сергей Игоревич зачем-то хотел возражений и боялся их, присоединилась вполне искренне.

Выпили, и, как-то разом накрытые хмелем, Дмитрий Абрамович и Коля заговорили между собой. Заговорили горячо, с болью. Сергей Игоревич не хотел вслушиваться, а сбоку разглядывал Елену. Она же с сочувствующей улыбкой наблюдала за говорившими...

Рука Сергея Игоревича поднялась со спинки её стула и легла ей на шею под волосы. Кожа оказалась очень горячей и гладкой... Елена замерла и, не поворачиваясь к нему, ждала. Он был уверен, чувствовал через кожу, через какие-то токи, бегущие по руке, по воздуху, ждала дальнейшего.

Сергей Игоревич накренился к ней (именно накренился всем туловищем) и сказал тихо в спрятанное за волосами ухо:

– Пойдём ко мне.

И сразу услышал твёрдое и довольно громкое:

– Да.

Сначала даже не понял, что это ответ, а не подтверждение каких-то слов горячившихся за столом напротив. Понял, внутри задрожало, задёргалось; номер качнулся, поплыл, но сразу вернулся на место.

– Выходи первым, – сказала Елена, – я через пять минут.

– Да, хорошо... Двадцать первый номер.

Она кивнула. Он убрал руку с горячей шеи, внутренне собрался и встал твёрдо, как трезвый. Без спешки вышел в коридор, мягко приоткрыл дверь.

Пошагал было к своему номеру, но остановился. Прислонился к стене. Резко ослабел, особенно ноги... Скорая близость с женщиной,

о существовании которой ещё утром не догадывался, волновала, возбуждала чуть не до потери сознания.

– Потеря сознания... Зря напился...

Эти слова, сказанные вслух, слегка успокоили. Надо сполоснуть лицо холодной водой, и всё будет нормально.

Удачно попал ключом в щель двери, открыл, ключ вынул и вставил с внутренней стороны.

В номере был порядок; завис над кроватью, решая, снять покрывало или оставить... Пусть пока так.

Тук-тук-тук. Сергей Игоревич успел зажечь светильник и выключить лампу на потолке и побежал открывать.

Она вошла со спокойной улыбкой. Слово просто в гости... Закрыв дверь, провернул ключ и обнял. Так, обняв, повёл из тесной прихожей в комнату. Стал целовать.

Упругие щёки, круглый подбородок, подушечки губ. Губы приоткрылись, и он всунул язык. Её язык встретил его там и стал с ним играть... А его руки мяли её крепкую спину, перинку зада...

Она отстранилась, отступила на шаг, и Сергей Игоревич обмер от страха, что сделал что-то не то, не так и сейчас она уйдёт. Посмеётся, как взрослая над мальчиком-колокольчиком или, вернее, как юная над похотливым стариканом, развернётся и исчезнет. И оставит здесь его одного.

Но она не ушла. Отстранилась, чтобы раздеться. Быстро, по-деловому расстегнула блузку и следом, без церемоний и игры, чёрный лифчик.

Проснулся от бодрой мелодии будильника в телефоне. В первый момент тоже сделался бодрым, готовым к новому дню, но сразу нахлынуло вчерашнее, затрещало, и захотелось зарыться в тряпки, спрятаться от жизни, замереть надолго.

Мелодия не смолкала, пришлось открыть глаза, тянуться к телефону. И снова, как и ночью, опять сразу увидел глаза Елены. Они были рядом, сантиметрах в двадцати. Смотрели на него пристально, изучающе.

Сергей Игоревич выключил будильник и потянул Елену к себе.

Она, не упираясь, напомнила:

– У тебя самолёт. – Без сожаления и упрёка. – А нам ещё ехать...

Да, самолёт. Судя по времени, торопиться пока не стоило, но на секс уже не хватало.

- Собираемся, да? – спросила Елена.
- Собираемся...

Она легко поднялась, постояла над ним, лежащим, такая высокая, точёная, поблёскивающая кожей, будто действительно какая-то античная статуя из розоватого мрамора... Нет, не розоватого, но как назвать цвет здоровой женской кожи... Постояла, отошла и стала скрывать себя под одеждой. Трусы, лифчик, блузка, мешковатые походные джинсы, тёплые носки, ботинки...

- Увидимся на завтраке?
- Да...

Выехали по примерным расчётам вовремя. Елена надела очки, и, когда повела машину, стало заметно, что она действительно начальник – как-то слишком уверенно сидела за рулём, смотрела вперёд.

Сергей Игоревич тоже устался на дорогу. По салону кружили бодрые англоязычные песни. Не рок и не попса, а нечто такое – в стиле Фрэнка Синатры.

Молчали. Он ни о чём не спрашивал, не расспрашивал, и она тоже. И молчание не было тягостным.

Порой Сергея Игоревича начинала одолевать дремота, и он встряхивался, топорщился – дремать, когда женщина бодрствует, было нехорошо. Унизительно как-то. Терпел.

Не хотелось вспоминать, но само собой прокручивалось в голове то, что происходило ночью.

Сергей Игоревич положил ладонь на ногу Елены, погладил, пополз выше, где было жарко, и, казалось, сквозь ткань пробивалась влага.

– Свернуть в лесок? – спросила Елена то ли шутливо, то ли пряча за шутливостью серьёзность.

- А мы успеем?
- Не уверена.

Он помолчал, наблюдая, как в нём борются желание самца и пресловутый здравый смысл, проклятая, но необходимая разумность, и задавил их борьбу вздохом:

– Тогда не стоит. – И быстро повернул лицо к Елене.

Та никак не отреагировала на его слова, смотрела в лобовое стекло, лишь через минуту, почувствовав на себе его взгляд, ответила своим, добрым и сочувствующим: «Да, к сожалению, не стоит рисковать».

Однообразный пейзаж изматывал, тяготил. Сергей Игоревич искал что-нибудь необычное, чтобы воскликнуть, например: «Какая лесина вымахала среди этих лилипутов!..» Но вокруг было полное, беспросветное однообразие...

«И надо было ей, – подумал о Елене, – пилёхать в такую унылую даль, чтобы меня послушать. Или предчувствовала, что будет такая ночь? Или – что?..»

Намёк на ответ получил, когда, наконец, подъехали к аэропорту. Прощаясь, она сказала:

– Наш Дом памяти подал на грант – хотим в июне провести конференцию «Сибирское братство языков». Пока ещё ничего не ясно, но, гипотетически, ты готов участвовать?

– Конечно! – он был в этот момент счастлив приглашению.

Обменялись визитками, поцеловались щека к щеке, и Сергей Игоревич, подхватив сумку, выбрался из машины. Сделал несколько шагов к двери аэропорта, обернулся, помахал рукой. За стеклом, как ему показалось, произошло ответное движение.

Регистрация уже открылась, в накопителе был буфет с пивом и горячими пирожками. Сергей Игоревич, глядя в висящий под потолком телевизор, который показывал какую-то медицинскую передачу, съел две сосиски в тесте и выпил три бокала «Сибирской короны». И, приятно отяжелевший, со слипающимися глазами, сел в автобус, который, сделав круг, подвёз его к стоящему метрах в ста от аэропорта самолёту.

Заняв своё место, пристегнувшись, позвонил жене. Сообщил, что вылетает.

– Счастливо, дорогой. Я очень соскучилась, – сказала жена.

– И я, – ответил Сергей Игоревич.

Не соврал, действительно соскучился.

Прошло полгода... Когда-то в юности, натываясь на подобные слова в книгах, даже у Чехова, он испытывал укол раздражения и мысленно спрашивал автора: «И что, ничего за полгода не случилось? Нечего написать?». Но пожив, убедился: бывает, что месяц, полгода, год протекают так, что вспомнить на самом деле особенно нечего. Скажут тебе: «Запиши на листочке, что произошло за эти полгода». Будешь сидеть, ломать голову, потеть от напряжения и, скорее всего, ничего не выдавишь. Что-то было, конечно, каждый день из чего-то состоял, но вот чтобы записать...

Да и не в этом дело – не в пустоте собирающихся в месяцы дней, не в ничтожности произошедшего. Не в этом... А в том, что, когда получил по электронной почте письмо от Елены, все эти полгода со всеми их событиями, радостями, неприятностями, поездками, написанными статьями, даже дочкиной свадьбой, испарились, исчезли.

Сергей Игоревич ещё не открыл его, не прочёл, а полгода уже провалились в небытие, и он вернулся в ту ночь в гостинице, сидел не в удобном полукресле за письменным столом с ноутбуком и чашкой тёплого чая, а лежал на кочковатом одеяле, торопливо брошенном на пол...

В письме было довольно сухое приглашение на конференцию, которая состоится с такого-то по такое-то; проезд, проживание, питание – за счёт приглашающей стороны.

Сергей Игоревич быстро набрал ответ: «Спасибо за приглашение, Лена. Обязательно буду». Щёлкнул «Отправить», компьютер тут же доложил: «Письмо отправлено».

А затем полезли воспоминания. Не хаотичные, а подробные, до мурашек. И о той ночи, и о том, что было потом. «Потом» – это не события, а его мысли, которые не уступали по материальности действительно произошедшему.

Первые месяца три он очень... нет, не опасался, а со сладостным ужасом ожидал, что вот-вот Елена сообщит: «Я беременна». Была уверенность, что такая ночь не может не завершиться зачатием ребёнка.

Сергей Игоревич репетировал свою реакцию на сообщение. Вернее, как это сейчас называют, выбирал модель поведения.

Не выбрал. Единственное, стал нежнее и мягче с женой. Если раньше её раздражение тут же передавалось ему и возникали если не скандалы, то перепалки, то теперь он старался успокоить, согласиться, сделать так, как она хотела. И думал при этом: «Ведь скоро расстанемся. Возьму ноутбук, блокнот и зубную щётку. И улечу».

Но сообщение о беременности всё не появлялось, сладковатый ужас постепенно рассосался. Иногда вспоминалась их близость, но блёкло, без возбуждения и, слава богу, без отвращения, какое порой испытываешь даже годы.

И вот – приглашение на конференцию «Сибирское братство языков». И сразу всё ожило, окрасилось, задышало...

Недели до поездки тянулись мучительно. Сергей Игоревич ни на чём не мог сосредото-

читься, всё валилось из рук, работа стала ненавистой. Хотелось лежать на диване и дремать. И додрематься до нужного дня.

Не то чтобы он так уж хотел увидеть Елену, овладеть ею, дать ей овладеть собой, снова испытать то чувство безмыслия, чистого инстинкта... Нет, конечно, хотел всего этого, но не признавался себе.

Как признаться цивилизованному человеку с высшим образованием, научному работнику, что тебе нужна самка, с которой ты, ничего толком о ней не зная, будешь сношаться всю ночь и без единого слова, а утром расстанешься, чтобы следующей ночью опять сойтись в маленькой комнате, похожей в темноте на берлогу, содрать мешающую одежду и без разговоров, разглагольствований, демонстрации интеллекта сплестись на полу. Любая кровать для них представлялась Сергею Игоревичу тесной и ненадёжной...

Дня за четыре до поездки сходил в парикмахерскую, потом дома пронёс ножницы в туалет и подстриг волосы на лобке.

Вот и указанное в билете число. Традиционно быстро собрал сумку, поцеловал жену и поехал в аэропорт.

Тот же рейс, что и в ноябре, такое же пиво в том же ресторанчике, такая же сонливость при посадке. Он заметил знакомых лингвистов, диалектологов, этнографов – круг их, колесящих по стране, был неширок, здоровался, но в разговоры не вступал.

Уселся, пристегнулся, сообщил жене, что вылетает, та пожелала ему счастливого пути.

Путь был если не счастливым, то во всяком случае не тягостным. Сергей Игоревич полистал глянцевого журнальчик, стал читать статью о пирамидах в Мексике, но внимание рассеилось, веки слиплись, и он уснул с ощущением, что он герой из «Дамы с собачкой», едущий к этой даме с собачкой в далёкий городишко. Ощущение было тревожащее и в то же время такое приятное, что Сергей Игоревич во сне всё потягивался и поёживался...

Проснулся от голоса, сообщającego, что самолёт готов к посадке. В иллюминаторах было светло – ночь съела дорога. Далеко внизу серели ленточки каких-то рек, темно зеленели леса и светло – луга и равнины...

Такой же автобус, как и в прошлый раз, провёз пассажиров по дуге от самолёта к аэропорту, тот же простенький зал прилётов, где Сергей Игоревич торчал в ноябре.

– Здравствуй! – оказалась прямо перед ним Елена.

– О! Здравствуй!

Обрадованный, он хотел поцеловать её в губы, а Елена, ловко и изящно увернувшись, подставила щёку. И пошла к другим:

– Здра-авствуйте! Очень-очень рада, что приняли наше приглашение!

Сергея Игоревича покорило это её переключение на других, но одёрнул себя: «Действительно, не бросаться же на пол прямо тут».

На улице было свежо, но по-утреннему. Как только поднимется солнце, наверняка станет жарко.

Минут через двадцать, когда одни накурились, а другие получили багаж, расселись в микроавтобус и поехали.

– Далеко до города? – спросила нестарая, но оплывшая женщина, которую Сергей Игоревич несколько раз встречал на разных московских мероприятиях.

– В районе часа, – ответила Елена и повернулась на сиденье, выставила ноги в проход. – Далековато, конечно, но почва – или болота, или сопки. Нашли только тут подходящее место.

Ноги были длинные и смугловатые, будто она уже успела позагорать, колени круглые, без выпирающих косточек. Сочные икры, кусочек упругого бедра выглядывал из-под подола светло-синего летнего платья. Поверх платья белая шерстяная кофточка. Аккуратные голубые туфли-лодочки, какие красят только стройных девушек. И Елену они красили, добавляли лёгкости, воздушности... Шея длинная, с выразительным переходом в плечи. Каштановые волосы густые, даже на вид мягкие, душистые, как трава на прибрежных лугах. И глаза. Глаза горящие, радостные, щёки румяные. Губы...

Он рассматривал Елену откровенно, с вожделением, но без волнения. Был уверен – через час или вечером они будут вместе. И вся она будет его. Он станет гладить, мять, целовать, покусывать. Как тогда.

Столица округа оказалась современной, просторной, со свежими зданиями. Не по-северному огромные окна, широкие улицы. И гостиница – новенькая, построенная по европейским стандартам. «Здесь-то кровать не должна подвести».

– Сергей, – когда оформлялись на заселение, подошла Елена, – у нас интервью на радио.

Утренний эфир. Бросишь вещи и спускайся. Через полчаса должны быть в студии.

– Хорошо. А потом? – он игриво улыбнулся. – Потом какие планы?

– Потом отдыхай с дороги. Позавтракать ещё успеешь...

Елена выглядела озабоченной, напряжённой, и продолжать намёки Сергей Игоревич не стал... Принимая на ресепшен карту-ключ от номера, обернулся на Елену. Она, видимо, опережая любое его предложение, сказала:

– Я здесь подожду.

В машине Сергей Игоревич косился на её ноги, прикрытые тонкой тканью платья, на длинные пальцы, обхватившие руль. Тянуло потрогать, погладить, но что-то удерживало. Да не «что-то», а уверенность: скоро всё будет, сейчас же лезть – это по-мальчишески.

– Что на радио говорить? – нашёл вопрос для разговора.

– Скажи, что рад участию в фестивале, надеешься, что он получится живым, интересным и полезным для жителей города. Что уже бывал в округе, свои впечатления... Разнообразие культур, языков...

– Честно говоря, ваш округ мне другими вещами запомнился.

Елена глянула на него серьёзно, сурово даже, предупредила:

– Об этом не надо.

– Ну естественно. Я шучу.

– Я понимаю.

В студии на Сергея Игоревича накатило вдохновение, и он, как ему казалось, говорил очень хорошо. Сидевшая напротив Елена довольнo улыбалась и кивала. Ведущий после эфира похвалил:

– После такого спича успех фестивалю гарантирован!

Вернулись к гостинице. Когда Елена заглушила мотор и собралась выбраться, Сергей Игоревич положил ладонь ей на бедро, придержал.

– Лена, пойдём ко мне.

Она умоляюще сквозь стёкла очков посмотрела на него.

– Не сейчас. Я организатор... Дел полно...

– А когда? Вечером?

– Может быть... Не знаю...

Сергей Игоревич повёл ладонь выше по скользящей ткани, Елена сомкнула ноги. Не пустила. Он убрал руку и открыл дверь.

Решил, не заходя в номер, поест. Спросил у девушки-администратора, где завтрак.

– За аквариум пройдите, и налево.

Стараясь прямо держать спину, Сергей Игоревич пошагал через холл к огромному аквариуму с одиноко плавающей в нём акулой. Елена, он чувствовал, смотрит на него, оставшись у дверей. Но вот послышался её рассерженный голос:

– Почему до сих пор нет программы?! В чём дело, Алёна?.. И что, что всем рассылали?.. – она отчитывала кого-то по телефону. – Программа должна лежать в гостинице на стойке, во всех библиотеках, клубах, везде. Все должны жить фестивалем...

«Действительно, – посочувствовал ей Сергей Игоревич, – здесь пока не до секса».

На завтраке встретил Дмитрия Абрамовича, того бородатого великана-краеведа.

– О-о, Сергу-унь! – поднялся тот из-за стола и развёл руки. – Вот так так!

Сергей Игоревич воздержался от объятий, в голове мелькнуло: «Вот уже и Сергунь».

Рядом с великаном был Иван, диалектолог из Иркутска, миниатюрный, но мускулистый, всегда опрятный, ладненький, в очках, напоминающий Сергею Игоревичу офицера каких-нибудь космических войск... Они были давно знакомы; Сергей Игоревич выделял Ивана из нового поколения, часто упоминал о нём и его работах в своих докладах, статьях... Иван был моложе его лет на семь.

– Очень рад встрече!

– Я тоже. – Иван с чувством пожал руку.

– Тогда, может? – великан-краевед щёлкнул себя по горлу. – Мы с Ваней уже пропустили по капле для аппетита. Не мешало бы и добавить. Да и за встречу.

– Не поведёт нас? Открытие впереди.

– Да чего, мы ж не пузырь на рыло. Так, символически... Открытие в два, успеем проветриться.

Сергей Игоревич пожал плечами:

– Я не против.

– Ну вот! – Дмитрий Абрамович ринулся к бару, Сергей Игоревич остановил:

– Я сам. И не спорьте.

– Как знаешь. Сочтёмся.

Заказал в баре графинчик коньяка на триста граммов, набрал на тарелку разной еды. Хотелось рисовой молочной каши, но как-то неловко под алкоголь... Вернулся к столу, где томились сытые, но почти трезвые товарищи.

Хотелось поговорить с Иваном.

– Года три ведь не виделись, – сказал, усаживаясь, – если не больше.

– Где-то так...

– Слежу за твоими публикациями. Молодец. А я чего-то... выхолащиваюсь в Москве.

– Так давай сюда, – хлопнул его по плечу Дмитрий Абрамович.

– Подумываю, подумываю...

Конечно, всерьёз Сергей Игоревич никогда не «подумывал» о том, чтобы уехать из Москвы. Даже в те месяцы, когда ожидал от Елены сообщения о беременности. Но жило что-то на дне души, порой начинало шевелиться, царапаться. Особенно когда выпивал в одиночестве. Вечером на кухне...

– Ну, за встречу, мужики! – Дмитрий Абрамович поднял рюмку.

– За встречу!

Триста граммов выпились мгновенно. Хотелось продолжить, но пересилили себя, разошлись по номерам.

Сергей Игоревич поставил будильник на час и упал на широкую, почти квадратную кровать. Покачался – никаких скрипов и пошатываний. «Хорошо». Улёгся, завернулся в покрывало. Надо было отдохнуть перед открытием – ему там выступать. Как именитому учёному из столицы.

Задремать не получалось – в голову лезли подробности сегодняшнего общения с Еленой. Какое-то неправильное оно вышло, не так представлял...

«А что ты хотел-то? Сразу сюда – и весь день, всю ночь?.. Она организатор, – почему-то голосом Елены убеждал его собственный внутренний голос, – у неё вон сколько дел, проблем. Программу не отпечатали... Она и тогда до твоего прикосновения к шее не давала особых поводов...»

Этот голос в итоге победил, Сергей Игоревич смирился: «После открытия. Всё будет в порядке».

Открытие проходило в драматическом театре. Вела его сама Елена. В вечернем платье, с голыми плечами, при свете юпитеров, или софитов, она была нереально красива... Сергей Игоревич засмотрелся бездумно, без желания даже, погрузился в эту красоту, как в каком-нибудь музее изобразительного искусства, потом очнулся и машинально повернулся к сидящему рядом Ивану. Может, подтверждения искал, что дей-

ствительно красива... Иван смотрел на сцену с полуулыбкой. Странной полуулыбкой.

«Неужели она ему не нравится?»

Иван шевельнулся, и Сергей Игоревич резко дёрнул шеей, и снова уставился на Елену... К микрофону на сцене подходила оплывшая женщина. Сергея Игоревича передёрнуло, будто на прекрасную картину плеснули помоями.

– Здравствуйте! – женщина раскланялась, как артистка. – Такие фестивали очень нужны... важны. Сейчас много говорят о чистоте русского языка, призывают бороться с заимствованиями. Но русский язык, как любой живой язык, развивается в том числе и в основном – заимствованиями. И смешно слышать, когда некоторые политики предлагают запретить, именно запретить, свежее заимствование, а вместо него употреблять якобы коренное, родное слово, не зная, что это тоже заимствование, вошедшее в язык каких-нибудь сто лет назад...

«Что, она лекцию, что ли, будет читать?» – возмущённо думал Сергей Игоревич.

– Мы, например, носители русского языка, чувствуем некоторую нехватку слов, которые бы выражали растущее количество значений, понятий, – упорно продолжала женщина. – Самый легкий путь – брать слова из английского языка. Но!.. Но стоит пристальнее оглядываться вокруг. Языки народов нашей родной России настолько разнообразны и богаты, что в них, я уверена, можно найти буквально всё.

«Ага, особенно относящееся к бизнесу, компьютерам», – внутренне парировал Сергей Игоревич.

– Думаю, наш фестиваль, в котором участвуют представители разных народов Сибири, делегаты десятков языков, поможет нам всем в этом деле. Взаимно обогатит нас. Спасибо.

Раздались дружные аплодисменты, и Сергей Игоревич тоже похлопал.

– А сейчас приглашаю на сцену музыканта, поэта Николая Лыскова, – объявила Елена.

По залу пробежал тревожный шелест, и, видимо, услышав его, Елена предупредила:

– Николай исполнит песню, которая, я очень надеюсь, станет гимном нашего фестиваля.

Из-за кулис появился тот парень, с которым Сергей Игоревич познакомился в ноябре. Он был прежним: закатым, ершистым, гитара напоминала меч и щит одновременно.

– Не бойтесь, – хрипнул Коля и надсадно прокашлялся, – эта песня нестрашная. Я пере... перевоспитаюсь... Послушайте, в общем.

Несколько человек ободряюще хлопнули.

Коля стал перебирать струны. Отдельного микрофона для гитары не поставили, поэтому мелодию почти не было слышно... Коля что-то уловил не то в строе, подкрутил колок, снова перебрал струны. Но, казалось, он попросту не решался начать. Наконец всё же запел:

*Родной язы-ык нам богом дан,
Ласкает он, хранит от ра-ан...*

Елена стояла в сторонке и со счастливой улыбкой наблюдала за исполнителем.

«М-да, нагнула парня, – вздохнул Сергей Игоревич и с удовольствием мысленно добавил: – Ну ничего, ночью я тебя...»

Дружной семьёй языко-ов, –

повторял Коля слова припева по несколько раз, –

Жить будем во веки веко-ов...

Выступление Сергея Игоревича было кратким, сдержанным. Он поблагодарил за приглашение на фестиваль, сообщил, что сам родом из Сибири, правда, с другого её края, что в прошлом году побывал в одном из городов их округа, выразил надежду, что общение будет полезным... Ему сдержанно похлопали, да Сергей Игоревич и не стремился к овациям – настроение после убогой Колиной песни упало. И Елена была какой-то далёкой, недоступной: проходя мимо неё к микрофону и потом от микрофона, он оба раза пыхнул на неё взглядом; Елена не ответила. И появилось подозрение, что такой она и останется все эти три дня и три ночи...

После окончания торжественной части сотрудницы Дома памяти отлавливали выходящих из зала участников фестиваля и отводили в театральные буфет, где был накрыт длинный стол. Закуска не поражала богатством, а вот с алкоголем наблюдался полный порядок.

– Ну, отдохнё-ом, – выдохнул Дмитрий Абрамович. – Колю надо поддержать. Переживает.

– Правильно переживает. Песня ведь – отстой, как говорит молодёжь.

Великан-краевед придвинулся к Сергею Игоревичу, снова, как и утром, развёл руки и стал похож на медведя, который вот-вот сожмёт и раздавит... Сергей Игоревич водил детей в

театр Дурова, и однажды дрессировщик прямо у рампы поднял медведя на задние лапы. Первый ряд завизжал и сыпанул влево и вправо...

— Слушай, не говори ему, — одышливо зашептал Дмитрий Абрамович. — Не надо. Парень спелается, чуть не повесился. Лена дала вот возможность. Шанс этот самый. Это ж как наркотик — перед публикой петь... А песня... Ну дерьмо, ну и что? Мало ли...

— Понял-понял. — Сергею Игоревичу стало стыдно. То ли за своё резкое «отстой», то ли за испуг от габаритов трухлявого великана. — Вот он, кстати... Коля.

Коля шёл, как в туристическом походе, ссутулившись, держа чехол с гитарой на спине, в камуфляжных штанах, грубых и нечистых ботинках... Сергею Игоревичу вспомнились слова, которые он услышал в ноябре: «Нужное восславлять тоже не могу. Что же делать мне, такому дураку?..». И ответил этим словом: «Смог, Коля, смог».

Но, здороваясь, поздравил его с выступлением, с песней. Коля в ответ посмотрел на Сергея Игоревича, как на идиота.

Сергей Игоревич отошёл к столу, вокруг которого уже сгустился народ, налил себе без стеснения рюмку водки и выпил. Сдёрнул зубами со шпажки сыр с виноградиной.

— А ты чего в одиночку? — появился за спиной Дмитрий Абрамович. — Налива-ай.

Набрался незаметно и сильно. Не отходя от стола, кивая рефлекторно речам великана, нытью Коли, который признавался и признавался, что теперь он себя не уважает.

Вслух поддерживать Колю было нельзя, спорить с вымученно-жизнеутверждающими словами Дмитрия Абрамовича не хотелось. Сергей Игоревич всё высматривал Елену и, не находя, бросал в себя рюмку за рюмкой... Не видел и Ивана, с которым бы с удовольствием поговорил.

Нет, Елену всё-таки заметил — она с кем-то общалась, розовея плечами, но было уже поздно подходить. «Набрался... зачем набрался...»

И будто остатки трезвости ушли в это сожаление — его повело в сторону; Сергей Игоревич с ужасом почувствовал, что падает.

— Ну-ка, ну-ка, — подхватили крепкие руки, — присесть тебе надо, Серёга.

— В номер надо, — пробормотал он.

Провожал Коля. Молча, сосредоточенно, крепко прижав его руку к своему туловищу. Сергей Игоревич пытался поначалу доказывать, что сможет дойти сам, что не такой уж пьяный. Но голосок внутри остановил: «Прекрати. Сейчас доведут, и ляжешь».

Перед входом в гостиницу Сергей Игоревич подобрался, освободил руку.

— Всё, спасибо, дальше я сам.

— Точно? — в голосе Коли послышалась армейская нотка.

«Может, он из офицеров? Уволенных...»

— Точно, точно. Спасибо.

Благополучно, не колотясь о стены, добрался до номера. Лёг на кровать с упругим матрасом. Поплыл было в сон, и тут же какая-то сила втянула, вернула в реальность. Вернула почти протрезвевшим.

Некоторое время Сергей Игоревич ещё полежал с закрытыми глазами, заставляя себя заснуть. Потом надоело, посмотрел на часы. Всего-то без двадцати восемь. Как он так?.. Видимо, хорошая водка — шарахнула и отпустила. И никакой ломоты в голове, боли в глазах, вялости...

26

Включил телевизор, нашёл Эм-ти-ви, где под арабскую мелодию извивались полуголые блондинки. Смотрел на экран и решал, что делать.

Доклад у него завтра в двенадцать, поэтому можно проснуться в девять. Не спеша позавтракать и медленным шагом направиться в библиотеку, где пройдут основные мероприятия фестиваля... После доклада — выезд на стойбище... А сегодня... Сегодня можно ещё поколбаситься. Время, хе-хе, детское.

Вернуться на фуршет? Нет, это будет глупо, нелепо. Ушёл и ушёл... Видела ли Елена, как он уходит? Вернее, как его уведат?.. Неприятно.

Сергей Игоревич нашёл в телефоне номер Елены. Позвонить? Наверняка она ещё там, с гостями... Ну так пусть закругляется и приходит. Стукнет в дверь, коротко, тихо, как и тогда, в ноябре. Он услышит, откроет, впустит. Обнимет, начнёт целовать. А она отстранится для того, чтобы скорее раздеться.

Нет, не стоит жать на кнопку с зелёной трубкой. Только раздражение вызовет своим «Я жду, приходи».

Бросил телефон на кофейного цвета покрывало, поднялся, походил по номеру, слегка пританцовывая под музыку из телевизора. Завернул

в ванную, по традиции всех гостиниц совмещённую с туалетом.

Ванна большая, ослепительно белая. Как бы хорошо наполнить её тёплой водой, вылить пены и войти в неё вместе с гибкой девушкой. Сесть друг напротив друга, переплестись ногами...

Сергей Игоревич отвернулся, открыл кран над раковиной и тщательно умыл лицо, шею, поковырялся мизинцами в ушах. Прокашлялся. Хотел почистить зубы, но щётка с пастой оказались в сумке, а в услуги гостиницы набор не входил. «Вишь, как торопился, – поддел себя, – даже вещи не разложил».

Приведя себя в порядок, бодрым, помолодевшим, с жадой приключений или хотя бы новых впечатлений отправился на улицу. Хотя на город взглянуть...

Было ещё светло как днём, но людей мало, машин тоже. «А, тут же белые ночи вовсю. Север...» Особенно заметна была тишина, вернее, отсутствие постоянного московского гула. Вот проревел грузовик, удалился, и воздух снова успокоился; писк светофора слышен за квартал от перехода...

Гостиница находилась на центральной или одной из главных площадей города. Её окружал театр, какой-то явно правительственный дворец с двумя флагами на крыше – российским и округа... Слева виднелось нечто кривобокое, из тёмного стекла, увешанное пёстрыми баннерами. Сергей Игоревич направился туда – наверняка какой-нибудь торговый центр. Побродит, поглазет, убьёт час-другой. А потом позвонит.

Да, не ошибся – здание из тёмного стекла оказалось торгово-развлекательным центром, сконструированным по западным образцам. В подвальном, «минус первом», этаже – супермаркет, электроника, двери, посуда. На первом – салоны красоты, бутики, магазинчики-кабинки с красивыми безделушками, бижутерией... Почти всё было закрыто. Ни одного покупателя, дремлющие продавщицы.

На эскалаторе, который включился, тихо и как-то зловеще зажужжал при его приближении, Сергей Игоревич поднялся на второй этаж.

Здесь размещались кафешки, разные «Макдоналдсы», KFC, «Крошки-картошки», и было поживее. Молодежь, парни какого-то полубандитского, но не угрожающего вида, парочки девушек, одинокие мужички. «Вроде меня», – усмехнулся Сергей Игоревич.

Хотелось съесть чего-нибудь горячего. Ну и выпить немножко... Выбрал KFC, заказал два куска курицы и маленький пакетик картошкифри.

– Куски мы теперь не продаём, – сказала худенькая, совсем юная девчушка в фирменной бейсболке. – Есть голени.

– Давайте голени. Три тогда... Водки или коньяка, конечно, нет?

– У нас только пиво. Но вон там бар, там можно купить.

– А, хорошо. Сколько с меня, барышня?

Может, под настроение (так долго был уверен в скором сексе), девчушка его возбуждала. Хотелось позаигрывать, если получится, договориться встретиться после её смены.

«Да перестань, – пристыдил здравый внутренний голос. – Ей лет семнадцать. Куда ты-то лезешь?»

Другой голос, подзуживающий, пристыженно умолк. И, расплатившись, кивнув на девушкино «приятного аппетита, ждём вас ещё», Сергей Игоревич скорее пошёл с подносом к бару.

Там ему налили сто граммов водки «Журавли», которую Сергей Игоревич опытным путём определил как одну из самых «съедобных».

Устроился за квадратным столом в уголке зала. Осторожно глотнул из бокала – водку налили в винный бокал, оторвал зубами кусок мякоти от прожаренной, ароматной голени. Жуя, огляделся.

Через стол сидели две девушки, очень, как близняшки, похожие друг на друга, и молча, сосредоточенно ели пиццу. Брали дольку, слегка заворачивали вверх края, чтобы колбаса не падала, и кусали. Шевеля скулами, смотрели на то, что ещё оставалось на большой тарелке... В их молчании и сосредоточенности было что-то печальное и почти ужасающее. Словно большего им в жизни не надо, кроме пиццы. Долго, по рублику, собирали нужную сумму, пришли сюда вечером, когда поспокойнее, мучительно выбирали (а может, и быстро, договорившись ещё месяц назад), дождались, пока приготовят. И теперь поедают, наверняка ощущая счастье...

Почти напротив Сергея Игоревича, но далеко, на другом конце зала, находилась компания шумных молодых мужиков. Сначала он принял их за полубандитов, таких прибалтённых, но теперь, уловив несколько донёсшихся слов: «вахта», «трасса», «компрессор», понял, что это работяги. Нефтяники или газовики. Видимо, вернулись с вахты и решили гульнуть...

Постепенно шум у них там возрастал всё больше, выкрики становились громче. К столу подошли трое ребят-кавказцев. Что-то сказали мужикам.

— А мы мешаем кому? — прозвучало в ответ.

Кавказцы ещё что-то сказали. Тихо, но наверняка весело. И получили в ответ:

— Отвалите, блин!

Дальше начался грай. Как две стаи псов столкнулись на пустыре.

Кто-то из мужиков вскочил на ноги, звякнула о тарелку то ли вилка, то ли нож... С третьего, верхнего, этажа сбегало по эскалатору ещё несколько кавказцев.

Девушки втянули головы в плечи и стали шевелить скулами быстрее. Сергей Игоревич, допив водку, обрабатывал третью голень.

— Э, бра-ат!

— Да не брат ты мне!..

— Э-э, ты ч-чё-о!

И — звуки ударов. Сначала глухие, в защищённые одеждой тела, а потом и хлёсткие, звонкие — кулаки нашли лица...

— Нах-нах, — пробормотал Сергей Игоревич и, стараясь казаться незаметней, нейтральней, стал пробираться к эскалатору.

Благополучно достиг выхода... Шагнул в сторону гостиницы, мелко дрожа, словно сам поучаствовал в драке. И как-то по-стариковски думал: «Вот вернутся домой подарочки женам и детям — с разбитыми мордами. Идиоты».

Лифт остановился не на том этаже, который был ему нужен. Створки раскрылись, и вошла та оплывшая женщина. В руке — бутылка вина.

— Ой! — испугалась и обрадовалась одновременно. — Это вы... Как ваше здоровье?

— Превосходно, — пожал плечами Сергей Игоревич.

— Если что, мы в шестьсот втором собрались. Заходите, коль станет скучно.

И женщина улыбнулась, сразу став моложе и даже слегка привлекательной. Этакая сдобка.

— Спасибо... А Елена Юрьевна с вами? Мне насчёт завтрашнего надо уточнить...

— Нет, Леночки нету. Могу телефон дать.

— Номер телефона у меня есть. Спасибо...

Сергей Игоревич вышел на четвёртом, женщина поехала дальше.

Постоял в коридоре, пустом и тихом... Вот запрётся сейчас в номере, и что? Спать не сможет. В телевизор тарашиться?

Помялся, пометался душевно и решил подняться в шестьсот второй. Принять приглашение оплывшей. Оправдывал себя: «Ну я же не к ней. Там наверняка человек десять. Может, и Елена придёт».

Уже развернулся обратно к лифту, как одна из дверей в дали коридора открылась и появился болтающийся, словно стебель на ветру, человек. Вслед за ним — кто-то огромный. «А, краевед», — узнал Сергей Игоревич, почувствовал почти радость, пошёл навстречу.

— Живой? — придерживая валяющегося Колю, спросил Дмитрий Абрамович. — Можно продолжить тогда. У меня припасено... Колямбу только приземлим.

Коля жил через номер. Безропотно дал уложить себя и тут же засопел.

— Устал, бедолага, — вздохнул великан. — Переживает, знаешь, как... Чего, пропустим?

Сергей Игоревич пожал плечами, но получилось, что как бы кивнул.

Сидели втроём. Третьей была женщина по имени Ольга, сухоощавая, немолодая, но с относительным успехом молодящаяся. Она сдержанно, хотя и пьяновато улыбалась, глядя как-то сквозь людей и предметы. Помалкивала, зато великан сыпал словами:

— Фестиваль уже, можно считать, получился. Так встретили! Столько людей интересных мы тут давно не видали!..

— Жаль, я быстро спёкся, — вставил Сергей Игоревич. — Даже и не понял как...

— Быва-ат. У нас алкоголь коварно себя ведёт. Можно и после двух бутылок трезвым остаться, а можно с двухсот граммов поплыть.

— Почему?

— Да север... Кислорода мало, и настроение главную роль играет. Значит, у тебя настроение не то было. Вот водка и решила: лучше поспи, парень.

— Экология, — произнесла сквозь улыбку женщина Ольга.

— Во, или экология! Надышался в Москве отравы...

Сергей Игоревич хмыкнул:

— Хм, а у вас чище здесь, можно подумать.

— Ну уж почище, чем там... Конечно, тоже гадим, но ветра помогают. Тут такие ветра!.. Что, друзья, — великан поднял пластиковый стаканчик с коньяком, — примем!

Хрустнули в чоканье стаканчиками, проглотили коньяк.

– У нас лучше его пить – он не такой своенравный, как водка... А раньше, когда с Кубой отношения были, ром стоял везде. Так никакой цинги!.. Бальза-амы...

– Сейчас драку наблюдал, – понимая, что лекция об алкоголе может продолжаться долго, перебил Сергей Игоревич. – Пошёл в торговый центр, а там компания гуляла... – И он рассказал, что произошло.

Великан покивал, вздыхая.

– Раньше друг с другом хлестались, а теперь – с детьми гор.

– Их здесь много разве?

– Да полно! Как китайцев... Кха, нет, китайцев-то у нас и нету теперь, эти их выжили... Всё держут. И торгушку эту, и рынок, и магазины, кафешки... Да это не самое страшное. – Дмитрий Абрамович осторожно, чтоб не перевернуть стаканчики, плеснул ещё коньяка. – Тут ведь несколько лет назад настоящий бой случился. Контр... эта... контртеррористическая операция.

– Да?

– Угу. Я сам не видал, но рассказывали, кто рядом был... Да и в прессе писали... В общем, всё тихо, спокойно, и тут солдаты, машины армейские окружают девятиэтажку одну, выводят людей и начинают в мегафон призывать: «Такой-то такой-то, сдавайтесь. Вы блокированы, сопротивление бесполезно». А из окна седьмого этажа – очередь из автомата в ответ... Привезли отца этого, который в квартире. Тот его стал уговаривать, а из окна снова очередь... Короче, штурманули квартиру, парня убили. Оказалось, местный рожак, но по национальности кто-то из Дагестана. Не помню точно, не буду грешить... Отец его ещё в советское время оттуда приехал, работал на компрессорной станции, передовик, уважаемый человек, жена русская. А сын вот сошёлся с этими... с ваххабитами.

– И совершал реальные преступления? – спросил Сергей Игоревич, удивляясь, что случай, обычный для Северного Кавказа, произошёл, оказывается, и в городке под Северным полярным кругом.

– Ну, вроде как совершал. Ездил туда, в Дагестан... Вишь, и автомат у него был – автомат не будешь просто так дома держать.

– Я прилягу? – попросила женщина, перестав улыбаться.

– Давай-давай, Олюшка, – великан оживился, – отдохни. Напугали тебя такими разговорами.

Она сбросила туфли, легла, поджала ноги в чёрных нитяных колготках, оправила юбку. Сергей Игоревич отметил, что фигура у неё вполне ещё ничего...

Ольга не принимала участия в разговоре, кроме одинокого слова «экология», но без неё стало пустовато. Дмитрий Абрамович посапывал, похрипывал, явно выискивая в голове новую тему, Сергей Игоревич тоже думал, что бы сказать. Наконец придумал:

– Ивана не хватает... Так с ним пока и не поговорил, а знаком давно.

– М-м, да-а, – как-то вымученно протянул великан-краевед. – Я его на фуршете мельком видал... Загадочный он в этот раз.

– А вы уже раньше встречались?

– Да был года два назад, ездил по округу. Сравнивал быт и язык наших звенков со своими. Их у нас-то с гулькин нос, но е-есть...

– Понятно. – И Сергей Игоревич добавил про себя: «И с Еленой тогда познакомился...»

И желание увидеть, а точнее быть с Еленой, заскребло ещё сильнее.

Достал телефон. На дисплее застыли цифры «22:17». Самое то, чтоб позвонить. Или поздно?..

– Ольга заснула, – прошептал хрипло Дмитрий Абрамович. – Чего, на посошок да тоже на боковую? Завтра день-то большой предстоит.

– Да, на посошок...

В коридоре сразу же набрал Елену. Слушал длинные гудки и заставлял себя ни о чём не думать, не подбирать слова, которые сейчас скажет... Гудки тянулись, тянулись, а потом бесстрастный женский голос произнёс:

– Абонент не отвечает. перезвоните позже.

– Куда уж позже? – пробормотал Сергей Игоревич.

Постоял в коридоре и спустился на первый этаж, подошёл к стойке регистрации, спросил, в каком номере проживает Иван Петренко.

– Минутку, – черноволосая девушка в белой блузке пощёлкала мышкой. – В номере пятьсот восемь.

– Спасибо.

«Вряд ли он ещё спит, – убеждал себя. – Поговорим... Может, в ресторан...» Но шёл к Ивану не за этим.

Нашёл дверь с табличкой «508». Постучал. Подождал. Постучал громче. Прислушался, и показалось, что в номере двигаются, идут открывать. Но дверь не открывалась... Сергей Игоревич ещё постучал. Ещё подождал.

– Всё, хватит... Спать.

На завтраке видел помятые после вчерашнего, похмельные лица участников фестиваля. Кивал знакомым. Возле кофемашины столкнулся с Еленой.

– Привет. Ты уже здесь?

– Да я... – Елена как-то растерялась. – Я решила поближе к вам.

– Здесь ночевала?

– Типа того... Всё нормально у тебя?

Сергей Игоревич усмехнулся:

– Ну как сказать... Искал тебя вчера, звонил...

– А, я уже отрубилась, наверно, – слишком, ненатурально легко объяснила Елена. – Перебрала на фуршете. Извини.

– Что ж извиняться... Просто хотелось, как тогда...

Елена быстро обвела взглядом пространство вокруг, определяя, слушают их или нет. Сказала тихо и быстро:

– Пойми, там я была гость, свободный человек, а здесь – организатор. Я уже объясняла...

– И ночью тоже?

– И ночью, Сергей. Ночью нужно прийти в себя. Я не готова сейчас, понимаешь?

– Понимаю, что ж...

Елена сочувствующе и как-то жалеюще улыбнулась, повернулась спиной и с чашкой кофе мягко пошла в своих лодочках. Тянуло смотреть ей вслед. Удержался.

Чувствуя и возбуждение, и страшную, хоть падай, усталость, Сергей Игоревич нажал на кнопку «Американо».

Сидел за столом один – никто не подсаживался, чувствовал себя опущенным. Унизительно, когда женщина, которая была с тобой, тебе отказывает. И улыбается, как калеке, дефективному. А ведь тогда улыбалась счастливо. Смотрела тем утром так, что... Так, что хочется снова увидеть. Но для этой улыбки и взгляда нужна ночь...

И зачем она решила жить здесь, в гостинице? У неё ведь ребёнок, муж, наверное... Хм, Сергей Игоревич только сейчас обнаружил, что почти ничего не знает о Елене. Тогда, в ноябре, не хотелось знать, не хотелось слов, вообще человеческой речи – всё это было не нужно. А теперь нужно. Нужно стало узнать, поговорить. Сказать много слов, уговорить, убедить. Пойти, запереться, раздеться, лечь...

Моментом пространство под черепом залили сладостные картинки. Воспоминания и фан-

тазии. От них, почти несбыточных, напрасных, стало тошно, и Сергей Игоревич с трудом проглотил очередную ложку молочной каши «Дружба». Сполоснул рот кофе.

По пути к лифту поглядывал на завтракающих. Ивана не заметил. Дмитрия Абрамовича тоже... Этот наверняка мнёт сейчас женщину Ольгу... А что он, не человек, что ли? И не такой уж древний. Хотя и трухлявый, но большой, уютный, для секса ещё наверняка пригодный. Женщинам с такими, слышал, хорошо.

Распалая и добывая себя такими мыслями, добрёл до номера и просидел на стуле, как Наполеон после Ватерлоо (сам с усмешкой нашёл такое сравнение), до без четверти десять.

Очень не хотелось, не могло быть тащиться на мероприятие, где к тому же предстояло выступать с докладом. Стоять на сцене и минут двадцать шевелить языком. Но что делать: дорогу, проживание и питание оплатили и он обязан отработать...

Зачирикал мобильник. Жена.

– Привет, как ты там?

– Всё нормально... Сейчас пойду выступать.

– А что голос такой? Ты чем-то расстроен?

– Да так... Тягостно как-то... Ладно, ничего страшного.

Жена поверила, пожелала всего хорошего, добавила, что соскучилась.

– И я, – ответил Сергей Игоревич, ощущая, что действительно хотел бы оказаться дома, рядом с ней...

И никуда больше не ездить, никого не видеть. Стать старым. Степенным стариком с большой пенсией...

По-стариковски кряхтя, поднялся, стал собираться. Подбадривал, стыдил себя: «Чего раскис? Может, и к лучшему, что не получается. И не пацан – из-за этого смысл жизни терять». Это слегка помогло, в холл спустился внешне весёлым.

– Так, все? – хлопотала, но не заполошно, а как опытный сержант, Елена. – Тогда выдвигаемся. Там народ будет, неудобно опаздывать.

Вслед за ней потекли на улицу, повернули в сторону библиотеки.

Сергей Игоревич заметил впереди Ивана. В чёрных джинсах, заправленной в них чёрной рубашке, мощный кожаный ремень на поясе...

– Привет, – догнал, пошёл рядом.

– А, – Иван выглядел утомлённым, – здорово.

– Не выспался?

– Да-а... Бурный вечер вчера получился.

– В смысле? – у Сергея Игоревича засосало в груди.

– Ну перебрал слегка.

– А, это... Я тоже.

Библиотека оказалась огромной. Новенькое, с широкими окнами двухэтажное здание. Словно не на Крайнем Севере построено, а где-нибудь в Анапе или Сочи. Потолки высокие, в холле на втором этаже настоящий сад.

Здесь же, в библиотеке, находился и Дом памяти, директором которого была Елена.

– Мы не бедные родственники, – объявила она в присутствии библиотекарей. – Изначально делим помещения. Актовый зал – общий.

Елена была деятельна, гостеприимна и как-то вызывающе соблазнительна. Высокая, лёгкая, сочная. Ладная, как говорили раньше. Казалось, каждое её движение рассчитано на то, чтобы мужчины изумлённо облизывались, а женщины завидовали. И Сергей Игоревич недоумевал, почему окружающие Елену люди выглядят вполне равнодушными.

«Филологические черви», – насмешливо-презрительно произнёс один голос. А другой, серьёзный и грустный, спросил: «А ты не влюбился ли?»

Когда-то Сергей Игоревич прочитал в одной случайной газетке, что любовь – это болезнь. Болезнь в прямом смысле слова. Даже в реестр заболеваний внесена...

Болел ли Сергей Игоревич любовью? В школьные годы – было. В девятом классе влюбился в девочку из соседней школы. И до этого возникали постоянные влюблённости, но здесь случилось всерьёз – не мог спать, учиться, разговаривать с родителями, кусок в горло не лез, от запаха еды тошнило. Сердце то колотилось, то замирало, то падало куда-то в живот... Часами бродил возле той, соседней школы, и опасность получить от враждовавших с их школой пацанов не пугала, вернее, он даже хотел подраться, героически проиграть, и желательно на её глазах. Он узнал, где живёт его любовь, и торчал возле подъезда... Она знала о его чувствах, была к нему добра, соглашалась погулять в парке или по набережной, они даже целовались... Что дальше, тогдашний Сергей Игоревич не то чтобы не знал, но не решался предложить. Да и где? В квартирах – родители, братья или сёстры, дач у них не было...

Болезнь продолжалась до поступления Сергея Игоревича в университет. Некоторое время

они переписывались, он бегал звонить ей с телеграфа, а потом постепенно прошло.

В универе были романчики с однокурсницами, но лёгкие, без болезни.

Встреча с будущей женой наверняка могла бы развиваться в болезнь. Но они почти сразу стали жить вместе, и сексом, перемежающимся с небольшими ссорами, периодами страсти, которые сменялись охлаждением, болезнь удалось подавить... Конечно, в то время Сергей Игоревич не думал, что именно «подавляет» болезнь любви – это теперь стало ясно, спустя двадцать с лишним лет. А тогда они просто мучились, когда происходили ссоры, радовались, когда мирились. Хотя оба тогда уже прочитали «Крейцерову сонату» Толстого и даже поделились впечатлениями, поспорили, но к своей жизни эту повесть не примеряли, не смели подумать, что подобный график секс – ссора, секс – ссора неизбежен для любой пары.

Вообще в реальности опыт литературы, разных наук почти никто не использует. Как-то жена одного приятеля стала жаловаться на него Сергею Игоревичу. «Но ведь ты же психолог», – напомнил он. Жена приятеля оскорбилась: «Это на работе я психолог, а дома я – женщина!» Вот так, в самую точку.

Опять же где-то Сергей Игоревич прочитал, что любовь живёт не больше трёх лет. Не исключено, не исключено...

Страсть сменяется привычкой, а вернее потребностью справить свои половые потребности, и раза два-три в неделю их справляешь. При помощи того, кто рядом. А рядом – законная жена... Куда сильнее влечения друг к другу связывают дети, общее жилище, набитое общими вещами, а главное – страх перемен. Конечно, разводов полно, но большинство их происходит в первые годы брака или у обеспеченных, точнее богатых. А борющиеся за существование держатся друг за друга мёртвой хваткой, друг другу помогают, даже если любви уже нет, да и по большому счёту не было.

Жене Сергей Игоревич изменял. Да. Правда, нечасто и без страсти. Подчинялся природному мужскому любопытству к телу новой женщины, инстинкту. Но всё же безоглядно, порывисто не пытался спариться с любой понравившейся. Чувствовал опасность связи с теми, с кем вместе работал, кто был знаком с его женой; предпочитал случайных, в командировках, которых вряд ли встретит ещё. Елена оказалась как раз из случайных, но вот, оказывается...

«Да какое влюбился?! – притопнул мысленно ногой на себя. – Миловидная... смазливая, – усилил эпитет, – вот и тянет».

Прислушался, что говорит очередной выступающий – нужно было следить за происходящим, а то пропустит, когда его позовут. Не хватало, чтобы соседи стали локтями пихать: «Тебя зовут, иди к микрофону»...

Доклад Сергей Игоревич сделал ровный, без огонька, но и без натуги. Закончив, предложил задавать вопросы. Вопросов не оказалось. «Ну и ладно, и хорошо». Сошёл со сцены, сел на своё место.

Зато Иван, ещё недавно усталый и сонный, выдал настоящую поэму. О богатстве и функциональности языков коренных народов Севера и Сибири, о языковой родственности сибиряков разных этносов... С точки зрения идей поэма эта была неоригинальной, зато масса примеров, сочность подачи понравились залу. Хлопали бурно.

В час дня сели обедать в гостиничном ресторане, а в два (во время обеда Елена подходила к столам и настойчиво просила не опаздывать) выехали на стойбище оленеводов-ненцев.

Дмитрий Абрамович с Колей и ещё мужчинами устроились сзади и стали выпивать. Приглашали и Сергея Игоревича, он вежливо отнекивался. И правильно – вскоре из головы автобуса пришла Елена.

– Дмитрий Абрамыч, прекращайте. Вы же знаете, что к ним пьяными нельзя... Вечером в гостинице...

– Всё-всё, – одышливый и виноватый голос великана, – больше ни капли.

– Нет, лучше дайте мне бутылку. На обратном пути верну и с вами пропущу с удовольствием...

Елена прошла обратно уже с пакетом. Сергей Игоревич проводил взглядом её фигуру в красной ветровке, чёрных обтягивающих штанах, белых кроссовках. Закрыв глаза. Подремать... Тем более что за окнами был классический для этих мест рахитный лес, порождающий тоску и безысходность.

Но подремать не получилось. Минут через двадцать автобус остановился, и пассажиры пересели в две вахтовки – на КамАЗах были установлены кузова, напоминающие «пазики». Кто легко, а кто с великим трудом забрались по ле-

сенке внутрь. Перенесли из автобуса пакеты с подарками оленеводам.

– Пристёгиваемся, – командовала Елена. – Дорога дальше негладкая. Может так швырнуть...

КамАЗы двинулись по ухабистому просёлку... Лесок вскоре кончился, открылась гладкая равнина.

– Вот и тундра пошла, – вздохнул кто-то.

– Это ещё не тундра, – не согласились тоже со вздохом.

– Здесь любое пространство без деревьев называют тундрой, – объяснил третий голос.

Кузов покачивался, КамАЗ то одним боком, то другим нырял в ямки, иногда заполненные болотистой жижей. Справа тянулась жидко поросшая травой неровность.

– Это древний вал, что ли, какой-то? – спросили.

– Это – самое важное. Главная ценность.

– В смысле?

– Это – труба.

– А-а, так вот она какая...

– Кормилица.

Сергей Игоревич улыбнулся – от этого полшутливого диалога настроение слегка поднялось.

Свернули с просёлка вдоль трубы, и качка стала слабее. Все расслабились, ловили удовольствие от медленной, словно на теплоходике, езды. Но КамАЗ почти сразу остановился.

– Дальше пешочком, – сказала Елена и первой стала спускаться. – Мужчины, захватите, пожалуйста, пакеты.

Побрели по тундре, а по сути – по поросшей низкой, но вполне европейского вида травой поляне. Кое-где виднелись бледно-зелёные пятна ягеля.

Вскоре послышались недовольные бормотки:

– Где стойбище-то? Ближе не могли подвезти?

– Близо – нельзя, – отозвался лингвист то ли из Якутии, то ли из Бурятии. – Два раза КамАЗ проедет, и колея на пять лет. Да и животных зачем пугать лишний раз...

Сергею Игоревичу даже с тяжеловатым пакетом в руке идти было приятно. Пахло вкусно свежими травами, радовало, что почти нет комаров и гнуса.

Впереди появились движущиеся точки. Они быстро оформились в олени упряжки – четыре

олениа тащили маленькие сани. Упряжек было три.

Подъехали. Двое узкоглазых, но не монголоидных, мужчин довольно молодые, один – почти старик с мутными, словно начавшими зарастать бельмами глазами. Все трое улыбались приветливо, обнажив сероватые зубы.

Поздоровались с Еленой, ещё некоторыми, как со старыми знакомыми, усадили в сани самых пожилых или полных женщин, и сани заскользили по траве полозьями.

Оставшиеся, продолжив путь, минут через десять увидели на горизонте чумы, ещё минут через пять – серую массу оленей слева от стойбища. А спустя четверть часа наконец добрались до места.

Три чума, рядом прикрытые брезентом снегоходы, несколько саней разного размера, сушащееся бельё на верёвке, железная печка, поленница, обрезки рогов, окровавленная шкура.

«Будем мясо есть», – угадал Сергей Игоревич.

Он держался в стороне – большинство участников похода тут же накинулись с разговорами, вопросами на мужчин, женщин. Молодые женщины, смущённо улыбаясь, скрылись в чумах, отвечала пожилая, в цветастом байковом халате, по-сибирски повязанная платком. Она была очень похожа на его, Сергея Игоревича, бабушку, разве что разрез глаз другой. Хотя когда бабушка жмурилась...

Были и подростки, ребятишки, совсем кнопки, которые, впрочем, вели себя активно, деловито, почти как взрослые. Занимались тем, что отгоняли от чумов нескольких оленей, которые лезли туда пугливо, но настойчиво.

– Хлеба хотят, – кивнул Дмитрий Абрамович, – разбаловались. И вишь как – одни там стоят, дичатся, а этих пендалями не отгонишь... Как куры, скажи.

Запряжённые олени вели себя иначе, смиренно, но и степенно – даже глаза были какие-то гордые: мы при деле, мы полезны.

Елена и её помощницы раздали подарки – овощи, фрукты, толстый женский свитер, соки, резиновые сапоги. Гостей пригласили в чумы. Сергей Игоревич пошёл в ближайший.

Пожилая женщина, придерживая полог, кивала входящим, внутри молодая женщина вынимала из чана мясо, резала кубиками. Расселись на топчаны, стульчики, табуретки с укороченными ножками, принимали тарелки с олениной.

– Кушайте, кушайте, – уговаривала пожилая.

– Как живёте-то? – спросил лингвист то ли из Якутии, то ли из Бурятии. – Олени здоровы?

– Здоровы пока, и пусть так будет.

– Да-да, конечно.

– А эта красавица, – кивнула на молодую оплывшая женщина, – дочь или жена сына?

– Жена сына, жена...

– А как молодые находят друг друга? Расстояния от стойбища до стойбища ведь огромные.

Улыбка хозяйки чума из сдержанной стала какой-то стыдливой.

– Ну так как находят... На то и молодость, чтоб находить. Находят... А зимой много в посёлке живут... Посёлок у нас свой. Там тоже... Праздники бывают ещё.

Вошёл старик-хозяин. Солидно и устало покряхтывая, устроился перед стоявшей по центру железной печкой, заменяющей сейчас, в тёплое время года, стол.

– Вы, это, ешьте, – сказал. – Мясо надо горячим есть.

Некоторые, в том числе и Сергей Игоревич, давно уже жевали мягкую ароматную оленину, другие же не решались.

– Много работы у вас? – новый вопрос.

Хозяйка вопросительно взглянула на мужа: ты будешь отвечать или я отвечу?

– Хватает её, – кивнул старик. – Не скучаем.

И он, и пожилая женщина говорили не то что бы с акцентом, а как-то с усилием, по обязанности. Так говорили и многие русские крестьяне, с которыми Сергей Игоревич общался в своих экспедициях, его собственные бабушки и дедушки. Трескотни от них нельзя было дожидаться, а если что и решали рассказать, то рассказ двигался туго, с массой междометий, пауз, вздохов... Эти ненцы явно были рады гостям, общению, понимали, что вопросы по делу, но не знали, как отвечать многословно.

– А много у вас детей?

– Пять детей. Три сына, две дочки.

– Ещё один сын был, – добавила хозяйка, – умер. – И промокнула правый глаз углом платка.

– Простите...

– Это давно было, – сказал старик. – Первый сын был... Заболел маленький, сгорел.

– Как – сгорел?

– Температура. Лекарства были какие – не помогали, травы – не помогали. Связи с вертолётom – не было. И – так...

– М-да...

— А сыновьями, дочками довольны? — наверняка чтоб сгладить трагические воспоминания, спросила одна из помощниц Елены; самой Елены Сергей Игоревич не видел, скорее всего, она находилась в другом чуме.

— Всеми довольны. И жёнами сыновей довольны, — ответила хозяйка. — Все умеют, работают.

— Яшка, младший, — добавил старик, — из техникума сбежал. Не смог там. С вами, говорит, хочу. Мы не спорим. Пускай. Хорошо.

— А он женат?

— Пока нет. Зима встанет, отправим в посёлок — там есть невесты...

— А у него настоящее имя Яша, или это русский, так сказать, псевдоним?

Родители отмолчались.

Лингвист из Якутии или Бурятии объяснил:

— Личное имя вам никто не скажет. Это тайна.

Сергей Игоревич доел своё мясо, передал пустую тарелку молодой женщине, стройной, крепкой, с чистой, гладкой кожей; не верилось, что большую часть года она живёт в чуме... Посидел ради приличия, хотя хотелось на воздух.

Дождлся, пока один из гостей, поблагодарив хозяев, выйдет, и последовал его примеру.

Парни сколачивали из жердей что-то вроде переносной ограды, подростки играли в догоняшки, а малышня катала машинки по траве.

Тут же были и олени — одни бродили неподалёку от жилищ, опасаясь лезть в них, наполненных приезжими; другие по-прежнему смиренно стояли в упряжке.

Женщина Ольга гладила одного из запряжённых оленей, с торчащим из центра лба уродливым рогом, жалеюще приговаривала:

— Бедненький, как тебе живётся такому...

Возле поленицы лежала похожая на медвежонка собака и миролюбиво посматривала на Сергея Игоревича.

Его медленно стала заливать тоскливая зависть к обитателям этого мирка.

«И долго ты так выдержишь? — сразу вякнул насмешливый голос. — Оленей пасти, в чуме на досках спать, мыться раз в месяц?» «Если бы родился частью этого мира — был бы, наверное, счастлив». — «Да ну! Хе-хе. Быть частью мира, который более сильные миры выдавили на край света. Буквально на край света. Их обрекли на мучение, как слабых эскимосов в Северной Америке, огнеземельцев в Южной, айнов на островах между Россией и Японией, а теперь цивили-

зованные народы завидуют этому мучению, изучают его, оберегают». — «Не в этом дело!» — «А в чём?» — «Да ни в чём!» — мысленно рявкнул на насмешливый голос, как сейчас Сергею Игоревичу казалось, настоящий.

Залюбовался было девочкой лет четырнадцати, в спортивных штанах, футболке, под которой выделялись бугорки груди, за которой гонялся то ли брат, то ли племянник лет двенадцати. Девочка уворачивалась от выбрасываемой вперёд руки, и толстая коса блестящих чёрных волос тяжело билась о её спину, плечи...

Сергей Игоревич залюбовался девочкой искренне, чисто, без мыслей, но как только осознал, что залюбовался, так сразу полезли и мысли.

Вспомнилось о гостеприимном гетеризме — традиции, когда мужчины малых народов на время делились своими женщинами с гостями из других родов или вообще чужаками... Наверняка делились не для того, чтобы сделать гостю приятное, а по чисто прагматичной причине: укрепить свой народ генетически.

Ясное дело, они не знали слов «ген», «геном», «генетика», впрочем, как и европейцы, — что-то связанное с генами появилось во времена Дарвина. Но чувствовали, что цивилизация, заключающаяся для них в трёх-пяти сотнях человек, явно мала. Все — родственники, и в итоге рождаются больные, хилые дети. Жертвы близкородственных скрещиваний по-научному, кажется. И когда появлялись чужаки, которые избегали убийства как враги, добивались до их женщин, то после них рождались дети крепче. Вот так и появилась традиция. Интересно, что она была особенно развита у народов Севера и островов Тихого океана.

Правда, справедливости ради, многие другие народы предлагали своих жён, дочерей, невесток чужакам, но в основном за деньги. А эти — бескорыстно. Вернее, тоже корыстно, конечно, — ради освежения крови, укрепления популяции.

Чужаки же вместо укрепления нередко приносили оспу, туберкулёз и сифилис. Но сейчас-то времена изменились...

— Эх-х, — появился перед Сергеем Игоревичем великан-краевед, наверняка в своё время пользовавшийся гостеприимным гетеризмом вволю. — Выпить бы сейчас. — И сыто рыгнул в кулак.

— Да, неплохо бы, — не то чтобы Сергей Игоревич тоже очень хотел водки или чего-то вроде, но мысли, как говорили в его детстве, заканалы, хотелось переключиться. — А у вас совсем ничего?

– Так Ленка ж отобрала. Обратном поедом – заберу. Пропустим... Как тебе тут? Первый раз на стойбище?

– Нет конечно. Не первый, – в своём голосе Сергей Игоревич услышал негодование и обиду, – и у эвенков был, и у тофаларов, тоджинцев... Но коротко, вот так же...

– А хочешь на неделю, на месяц? Могу устроить. У меня семья есть... друзья. С ними столько наковечвал, как вокруг света. Теперь уже не могу, здоровье, а они привыкли, чтоб кто-то с ними был. Одним уже скучно... Ну, – Дмитрий Абрамович нахмурился, поняв, что подобрал не то слово, – не скучно, а как бы не хватает теперь чего важного...

– Спасибо... Разгребуть с делами в Москве, позвоню, – сказал Сергей Игоревич по возможности убедительно, но знал, что не разгребётся, да и дел-то важных, по существу, нет. Просто нелепо это – в сорок пять лет, совершенно огороженным прибаваться к оленеводам, жить внутри этой пирамидки из брезента и войлока. Это для молодых занятие, да и то... Есть в таких экспериментах неправда. Ложь. Пожил месяцок в чуме, а потом скорее в квартиру, к тёплой батарее и окнам, затянутым сеткой от комаров. Или переселяясь насовсем, ну, на год хотя бы, или держись на расстоянии, изучай, если так уж хочется, по книгам, документам.

И Сергею Игоревичу стало стыдно своих блестящих туфель, чистых джинсов, лёгкой светлой куртки...

– Не знаете, – заговорил, когда молчание затянулось, – много они на своих оленях зарабатывают? Как-то неудобно сейчас у них спрашивать...

Дмитрий Абрамович махнул рукой, ответил досадливо, сипяще:

– Да ничего они особо не зарабатывают. Мясо если и покупают, то за копейки, шкуры вообще на фиг теперь не нужны. Нефтяники бы их давно, была бы их воля, согнали всех в кучу, но это ж международный скандал. Как это, дескать, малочисленный народ обижать... Да и так постоянные конфликты. Ханты недавно взбунтовались, так такой шум пошёл...

– Слышал, слышал. Читал.

Из чумов стали выходить люди. Сергей Игоревич увидел Елену и Ивана. Шли рядом, улыбались друг другу, о чём-то приятно разговаривали... Заметили Сергея Игоревича и одновременно подтянули губы. Инстинктивно, как отдёргивают руку от горячего...

«Неужели у меня глаза такие, – испугался Сергей Игоревич, – аж улыбки гасят?» И сам заулыбался им:

– Ну как, всё хорошо?

– Отлично! Оленина – объединение просто. Оторваться не мог, – Иван причмокнул. – У нас в Иркутске найти её проблема целая.

– В Москве появилась, – отпарировал Сергей Игоревич. – И тушёнка есть...

– Ну, в Москву, как говорится, всё катится.

Сергей Игоревич не стал спорить. Затяжно посмотрел на Елену, она спокойно и холодно держала его взгляд.

Обратный путь оказался короче. Может, потому, что в вахтовке Сергей Игоревич слушал полусутиливую перебранку великана-краеведа с Еленой по поводу оставленного в автобусе пакета с выпивкой и закуской, а когда добрались до автобуса, одну за другой выпил две порции водки и задремал... Не задремал точнее, а оказался в том приятном состоянии, когда в голове что-то бродит, мерцает, но это не воспоминания, не мысли. Мозг отдыхает, тело расслаблено, глаза спрятаны под веками. Слышишь разговоры вокруг, но не понимаешь слов, и голоса становятся причудливой мелодией, неровности дороги не раздражают, даже приятно покачиваться, подсакивать на сиденье...

Вот автобус останавливается, и почему-то надеешься, что он на светофоре, сейчас тронется дальше; хочется ещё вот так посидеть. Но вокруг начинают шевелиться, кряхтеть, шуршать одеждой, топать по проходу. И ты с сожалением оживаешь.

– Так, внимание! – остановила толпу в холле Елена. – На сегодня официальные мероприятия окончены. Сейчас полчаса отдыхаем, а потом милости прошу на ужин в ресторан гостиницы.

– Да куда уж ужинать... Вы нас тут закормите, – тут же раздалось в ответ.

– Ужин – дело добровольное, – сказала Елена. – Но смысл ужина не только в еде, но и в общении.

– Вот это правильно, это мудро!

– А водка будет?

– Алкоголь, к сожалению, сегодня в частном порядке. Можете потерпеть до завтра – завтра на закрытии...

– Мы и завтра, и сегодня...

Сергей Игоревич поднялся к себе. Есть не хотелось, общаться – тем более.

Зря отключился в автобусе. Теперь состояние поганое... Снял туфли, лёг на гладко заправленную горничной кровать, стал с помощью дистанционки путешествовать по телеканалам.

Чего общаться – бессмысленно и противно. Все эти попытки шуток, восторги, споры о ерунде. Поначалу казалось, что стоило бы поговорить с Иваном, узнать, как в Иркутске, какие новые открытия сделали, что изменилось за последние годы. А теперь не хочется говорить. По сути, не о чем...

«Да нет, – усмехнулся Сергей Игоревич своему неловкому лукавству, – есть о чём. Е-есть... Ревнуешь просто... А доклад у него интересный, видна работа, увлечение. Молодец он. Просто я стал не тот. Если честно, давно уже не тот. Кабинетный диалектолог с редкими краткосрочными выездами к объектам своих исследований. Во время них не услышать, не понять...» – «Но есть место для подвига и в Москве».

И представилось, как он ради науки облачается в одежку похуже и отправляется на нелегальную биржу труда, которых, говорят, полно. Нанимается в бригаду разнорабочих, в которой таджики, узбеки, киргизы, молдаване из деревень, русские из разных краёв... И после смены в каком-нибудь ангаре, слегка приспособленном под коллективное жильё, Сергей Игоревич тайком, рискуя быть пойманным на этом для остальных странном занятии, записывает новые слова и словообразования, причудливые фразы, в которых соединяются разные языки. Открывает неведомый для кабинетных учёных пиджин, процветающий, развивающийся, оказывается, буквально под стенами Кремля.

Зализняк, Кронгауз, Крейдлин, Березович, Новиков цитируют Сергея Игоревича, у него берут интервью не только профильные издания, но и федеральные СМИ, его убеждают: «Защищайся! Это готовая докторская!». И, поверив в себя, Сергей Игоревич с новыми силами берётся за дело, отправляется не в такие вот трёхдневные поездки, а в настоящие экспедиции. Русский язык в нынешнем Ташкенте, в сегодняшней Алма-Ате, старожиличьи разговоры на Ангаре, Лене, Нижней Тунгуске. Пиджин в Дагестане...

В телевизоре пела красивая брюнетка, печально, почти моляще. Повторяющиеся слова припева отвлекли от мечтаний; Сергей Игоревич прислушался.

– Мне нужно побыть одной, вдвоём с тобой... Мне нужно побыть одной, вдвоём с тобой... –

именно так, почти без интонационной паузы между «одной» и «вдвоём».

– Что за чушь! – дёрнулся Сергей Игоревич, переключил канал, снова стал было думать о том, как можно изменить бытё, вернее – вернуть ему смысл. Но больше не думалось, такие соблазнительные картинки превратились в мусор.

А на экране молодой Кирилл Лавров гулял с девушкой по вечернему городу и говорил:

– Люди постоянно теряют друг друга только потому, что они разучились говорить простыми словами. Ты мне нужна – простые слова...

Сергей Игоревич сразу узнал этот фильм, и по спине пробежали ледяные мурашки, зашевелились волосы на затылке. «Долгая счастливая жизнь».

На неё он натёкался каждый раз случайно и раз в пять-семь лет. Первый раз посмотрел школьником во время перестройки. Тогда была мода на фильмы, лежавшие на полках, выходившие в ограниченный прокат, снятые в своё время с проката. К их числу относился и этот фильм. Единственная режиссёрская работа Геннадия Шпаликова.

Сергей Игоревич, тогдашний Серёжа, а точнее Серый, как его называли и в школе, и во дворе, пришёл с уроков, включил маленький чёрно-белый «Рекорд». Тогда дистанционки не было, да и выбор был невелик – две программы, к тому же вещавшие с перерывами.

По второй программе перед дневным перерывом часто показывали художественные фильмы, которые Серёжа-Серый смотрел, не сняв форму, жуя бутерброд, иногда с варёной колбасой, а чаще с кабачковой икрой или вареньем.

Так посмотрел и «Долгую счастливую жизнь». И долго потом недоумевал: молодой мужчина, весёлый, балагур, знакомится с девушкой, какой-то очень милой, приятной; они в целом хорошо проводят вечер, рассказывают о себе, целуются; мужчина предлагает пойти к нему на плавбазу «Отдых», потом, когда девушка мягко отказывается, зовёт ехать с ним в другой город. И когда утром она приходит с чемоданами и дочкой, о которой вчера рассказывала, мужчина сбегает... В финале едет в автобусе и любителю симпатичной кондукторшей, а по реке на барже плывёт девушка и играет на баяне. Ей призывно свистит с моста паренёк...

Да, Серёжа недоумевал, не понимал, что хотели сказать снявшие фильм, к чему такое название. Главный герой, которого играл тот же

человек, который сыграл Ленина, получается, подлец, да и подлец какой-то странный – зачем звал девушку ехать с собой? Ну не пошла она в «Отдых», плюнул и забыл. Но зачем звать, обещать долгую счастливую жизнь? Дочки испугались? Да вроде нет, тем более девушка сказала, что оставит её здесь пока... Почему сбежал?..

По-честному, он не понял фильм до сих пор. Пугался, когда наткнулся на него в телевизоре, смотрел оставшиеся минуты не отрываясь, в каком-то оцепенении, но объяснить, о чём он, не мог. А может, и нечего было понимать, объяснять. То есть нет слов для объяснения. Не все поступки можно объяснить словами.

Единственное, что о сюжете мог сказать сейчас, в свои сорок пять лет, Сергею Игоревич: такое случается в жизни. А если случается – должно быть запечатлено в искусстве.

Досмотрел, как всегда, до конца, не отрываясь, тем более что показывали по «Культуре», без рекламы. Когда на экране появилось «Конец фильма», скорее выключил телевизор, полежа, повздыхал протяжно, мучительно, как старик или больной. Сам чувствовал ненатуральность и наигранность этих вздохов, но долго не мог остановиться. Было почему-то приятно...

А что, всё ведь просто в этом фильме: одинокий молодой мужик захотел женщину. Познакомился, позвал к себе, она не пошла. Как последний довод показать, что он настроен серьёзно, предложил ей ехать с ним. Она не бросилась на шею: да, я готова, пойдём сейчас в постель, а завтра умчимся отсюда... Пришла утром с чемоданами, дочкой. Он и сбежал. На серьёзное, конечно, он не был настроен... Вот так. И нечего ломать голову.

Поднялся, потянулся. Надо было куда-то двигаться, просто молча поторчать в компании. Может, выпить. Может, и хорошенько выпить, до отрубца. Завтрашний день провести, мучаясь с похмелья, а послезавтра утром улететь. И больше не принимать приглашений посетить этот город, округ. Вообще сократить поездки. Или сидеть на одном месте и работать, обложившись книгами, словарями, документами, или действительно отправиться в экспедицию на два-три месяца.

Умылся, пригладил ладонью волосы, а потом причёсал их взятой из дома массажкой, чтобы казались гуще. Вышел из номера, прислушался. Вдалеке слышались звуки гитары, возбуждённые, но придавленные расстоянием и преградами голоса.

В одном из номеров – он так и не понял, чьём, да и какая разница – сидели человек десять. На кроватях, стульях, тумбочке, прямо на полу. Болтали, разбившись на группки, выпивали; Коля брэнчал какую-то простенькую дворовую мелодию и жалобно пел:

*Я уйду не последним
И не первым уйду
Этим деньком весенним
В солнечную беду.*

– О, милости просим! – единственный, кто обратил на Сергея Игоревича внимание, был, конечно, великан-краевед. – Каплю примешь?

– Приму.

Будут смеяться дети, –

повысил голос Коля, –

*Я не услышу их,
Меня не будет на свете,
На свете среди живых.*

В номере была и Елена. Сидела на кровати, обхватив обеими руками бокал с чем-то жёлтым – соком или вином, лицо серьёзное, взгляд застыл. То ли внимательно слушала песню, то ли глубоко задумалась.

На полу у её ног пристроился Иван. Сергей Игоревич задержал на нём взгляд, и Иван с приветливой, но и, кажется, высокомерной улыбкой кивнул ему. Сергей Игоревич рефлексивно ответил кивком и тоже улыбнулся, но, почувствовал, как-то робко, пришибленно.

Жалобная песня закончилась; раздался звон и хруст соприкасающейся в чоканье стеклянной и пластиковой посуды. Сергей Игоревич выпил свою порцию тёплой водки. Порция была крошечной, даже закусить не потребовалось.

– Елена Юрьевна, – неожиданно для себя, хотя и готовился к этому два дня, произнёс, – можно вас на минутку?

– А?.. – она очнулась, секунду растерянно смотрела на него и кивнула. – Конечно, Сергей Игоревич. – Поднялась, но не пошла. – У вас что-то конфиденциальное?

– Да, к сожалению...

Естественно, она понимала, зачем он её вызывает. Явно не хотела оставаться с ним наедине, но и сказать «нет» не могла: все удивились бы, стали гадать и сплетничать.

– Извините, что отрываю, – добавил Сергей Игоревич.

Елена пошла к нему, а он – к двери.

– Что? – спросила почти с досадой, когда оказались в коридоре.

– Лена, пойдём ко мне.

Она поджала губы:

– Я не могу.

– Почему? Ну почему?.. Вечер, ты свободна... Пойдём.

– Нет, я всё равно работаю. Я с людьми. Давай лучше ко всем. Посидим, споём...

– Хм!

– Серёжа, ты... – в её голосе появилась теплота, и Сергей Игоревич почувствовал, что у него заслезились глаза от этого «Серёжа». – Ты заставляешь меня пожалеть о той ночи.

– Почему?

Она не ответила.

– А, извини, я забыл, что женщин нельзя спрашивать «почему».

Теперь Елена усмехнулась:

– Почему?

– Они начинают злиться. В какой-то книге прочитал... Пойдём, Лен... Ты нужна мне...

– В каком качестве? – в её голосе мелькнул испуг.

Сергей Игоревич замялся, и Елена стала убеждать:

– Нам было хорошо в ту ночь. Согласись? Сейчас, когда я работаю, постоянно сознаю, что на работе, что в любой момент могут дёрнуть, мне не будет хорошо. И тебе. Поэтому...

– Будет.

Она снова досадливо поморщилась.

– Слушай, я тебя чем-нибудь заразил? – голосом, дрожащим от обиды и ещё чего-то, произнёс Сергей Игоревич. – Или что?.. Или член у меня короткий? Или ты специально тогда, чтобы я на фестиваль примчался?.. Почему ты от меня шарахаешься, Лена?

– Не говори глупости. И я не шарахаюсь. Это ты... Пойдём к остальным. Будем сидеть рядом, общаться.

– Нет, я не могу общаться. Я... я чувствую себя чмырём последним.

– Почему, Серёж?..

– Потому что ты не хочешь быть со мной. Я тебе мерзок, ты тогда попробовала и поняла, что ошиблась.

– Это не так.

– Ну в нашем случае слова ничего не значат. Говорить можно сколько угодно...

Елена пристально, даже слегка прищурившись, смотрела ему в глаза. Сергей Игоревич заметил в ней борьбу. И мелькнула самодовольная пацанская мыслишка: «Повелась!»

– Ты в каком номере? – глухо спросила Елена.

Сергей Игоревич так же глухо, как по секрету, ответил.

– Так, у меня есть полчаса.

И Елена первой, энергично, решительно пошла по коридору. Ягодицы под чёрными штанами-лосинами упруго подрагивали, волосы над ушами при каждом шаге слегка взлетали и тут же падали. Так в американских фильмах ходят смелые журналистки и специалистки по ядерной энергетике...

Сергей Игоревич как-то по-пёсьи посеменил за ней. В груди колотилось ликование, а ниже, там, где обитало то, что славяне называли хй, было мертво... Сергей Игоревич приостановился... «Нет, не повелась, это другое».

Дойдя до двери его номера, Елена оглянулась. Вроде как удивилась, что он так отстал.

– Полчаса? – спросил Сергей Игоревич. – Знаешь, я не мальчик-колокольчик. И мы не школьники, чтобы – пока родители на работе...

– Сергей, но я занята.

– Я уже это слышал, – он подошёл, встал от неё в полшаге.

С минуту они молча смотрели друг на друга. Теперь он не мог понять взгляд Елены – то ли насмешка, то ли злость, готовая превратиться в страсть... Свой взгляд Сергей Игоревич, конечно, видеть не мог, но вряд ли он был тёплым и ласковым.

– Что, не откроешь? – спросила Елена.

– Останься на ночь.

– Нет. Не могу.

– Тебе надо к ребёнку? Мужу?

– Мужа, допустим, у меня нет, а дети есть, да... Но не в этом дело... Я не могу остаться на ночь. Даже на час. Извини...

– И ты тоже.

Елена рывком обошла его, и вот уже шелест кроссовок за спиной. Тише, тише... Сергей Игоревич вынул карту, впахнул в щель замка, открыл дверь.

– Что ж, бывает, – объяснил себе, ныряя в тёмную нору номера.

На выступления не пошёл, весь день провалялся. Ближе к обеду захотелось есть, но идти в

ресторан, сталкиваться там с этим великаном-идиотом, Николаем, оплывшей тёткой, Иваном и особенно с Еленой не хотелось. Даже мутило, когда представлял, что придётся кому-то что-то отвечать, делать вид, что всё нормально.

В холодильнике оказался мини-бар: бутылочки с алкоголем и водой, печенье, пластики сыра... Не изучая бумажку со стоимостью, Сергей Игоревич выпил двухсотграммовую бутылочку мерло, съел сыр и упаковку солёного печенья «TUC». Но голод только разыгрался, и он вспомнил, что обед можно заказать в номер. «Не нищий, – сказал себе, чувствуя, что жалко тратить, когда в ресторане бесплатно. – И выберу сам, а не комплексное...»

Так и сделал. Наелся под графинчик водки «Русский стандарт».

Стал смотреть какой-то интеллектуальный занудный фильм, задремал, а потом и глубоко уснул... Хотя вскоре (или не вскоре, во сне время идёт по-другому) в мозгу разыгрался целый спектакль. Яркий, реальный, как в жизни, и жутковатый. Как часто бывает, когда спишь с высокой температурой.

Появился его научный руководитель тех времён, когда Сергей Игоревич готовил кандидатскую, покойный Валентин Дорианович Воробей, и стал ругаться за ошибки, натяжки, явные фальсификации: «Нельзя так, Серёжа, нель-зя-а! Ведь ты же касаешься языка, ткани живой!».

Сергей Игоревич сначала недоумевал, ведь он помнил, что кандидатская защищена давным-давно, и тогда никаких претензий ни у кого не возникало. Потом поверил руководителю, стал кивать виновато, всё ниже опускал голову и боялся сказать, что хочет бросить диалектологию, вообще уйти...

Воробей вдруг стал зарастать бородой, костюм сменился косовороткой, на голове появилась какая-то войлочная шапка, и Сергей Игоревич увидел перед собой поэта Клюева. «Нехорошо, Серёженька, ой нехорошо-о», – плачуще протянул тот и стал пятиться. И уже издали добавил печально: «Гнёт железо русскую берёзку».

Распахнув глаза, Сергей Игоревич некоторое время в недоумении оглядывал номер, прислушивался к себе. Думал, что действительно заболел... Нет, наоборот – голова была лёгкой, дыхание глубоким, суставы не ломило. Сон оказался пугающим, но каким-то целебным.

Наверное, столкнулись там, во сне, вино с водкой и дали такую реакцию. А пищей для ви-

дения стала недавно прочитанная биография Клюева.

Успокоившись этой мыслью, Сергей Игоревич посмотрел на часы. Почти шесть... Нашёл на тумбочке программу мероприятий. В семь – прощальный ужин в кафе «Юнаита». Был указан ничего не говорящий ему адрес, а в скобках важное уточнение: «соседнее здание с Домом памяти».

– Пойду, – сказал вслух для большей убедительности. – Чего, действительно, как рак-отшельник. Подумаешь... Ей хуже.... Дура, – придавил грязноватым, ехидным словом начавшую вновь расти внутри обиду на Елену, за которой потянулось желание.

Вскочил с кровати, сделал несколько гимнастических упражнений, пошёл в ванную. Умыться, побриться, выглядеть огурчиком. На зависть всем этим...

Задержал взгляд на своём отражении в зеркале. Бодрость стала испаряться. М-да, не юноша, далеко не юноша. Но и не мужичара, за которым как за каменной стеной. Некто средний. Из тех, кого в общественном транспорте называют то «молодой человек», то «мужчина». «Мущина» вернее.

Повернулся к полочке, где лежала зубная паста, и боковым зрением заметил – что-то не то с бровью. Искоса посмотрел на себя. Да, из правой брови торчал толстый длинный волос. Торчал почти горизонтально, поэтому при рассмотрении лица в упор был незаметен, а при взгляде слегка сбоку напоминал рог того чахлого оленя на стойбище.

Волос ярко-рыжий, почти красный. Пугающий, словно приживлённый Сергею Игоревичу частичка другого организма.

Иногда на бровях, подбородке, фалангах пальцев вылезали такие волосы. Порой даже кажется, что это не частички – что внутри него, Сергея Игоревича Палагина, кандидата филологических наук, интеллигентного человека, живёт рыжий мужик. Жилистый, злой, задиристый. И порой хочет вырваться.

Может, Елена из-за этого волоса-рога не стала с ним... Отвратительный, мерзкий... Выдернул. Лоб кольнула какая-то глубинная боль.словно корень волоса был не под кожей, а дальше, за костью. Но боль поколола и исчезла... Брился не своей электрической бритвой, а без-опасной из гостиничного набора. Тщательно, оттягивая кожу на горле, скулах, чтоб лезвие сре-зало щетину как можно глубже.

Но усилия омолодить себя, сам понимал, были напрасны, да и смешны. Может, наоборот отпустить бороду, одеваться в строгий костюм. Ещё трость завести – сейчас многие с тростями стали ходить. Это, наверное, лучше, честнее, чем вымученно молодиться.

Веселя себя этими невесёлыми на самом-то деле планами, собрался, осмотрел номер – задержался на измятом покрывале постели...

В кафе «Юнаита» появился вовремя, но никого из участников фестиваля там не увидел. Помялся в фойе под взглядом охранника и, чувствуя всё большую неловкость, вышел на улицу. Но на улице ждать тоже было неудобно – вот выйдут сейчас из Дома памяти и увидят его, и сразу пойдут шепотки: «А наш прогульщик-то – первым на фуршет!».

Свернул за угол и медленно пошёл по улице под названием Юбилейная вдоль невысоких – три, четыре этажа – зданий. То ли новых, то ли просто обшитых сайдингом.

Минут через пятнадцать вернулся к кафе. У входа курили несколько участников фестиваля и о чём-то спорили.

Сергей Игоревич кивнул всем разом, хотел спросить: «Как там, началось?». Но не стал. Да и с ним не заговорили, не ответили на молчаливое приветствие – были увлечены выяснением, как уловил Сергей Игоревич, проблемы деления народов по языкам.

– Ну вот тувинцы – типичные монголоиды – и отнесены к тюркам. А буряты – этнические братья тувинцев, и по вере тоже, те же монголы. Это абсурд.

– Нет, нужна некая точка, иначе всё перепутается.

– Пусть лучше перепутается, чем искусственно классифицируется...

– Не всё так просто и с тувинцами, и с бурятами.

– А с якутами? Якуты-то какие тюрки, а?..

В кафе был накрыт не фуршет, а давно забытый в Москве и Европе банкет. По центру зала стояли столы буквой П, и за ними сидели люди. Также о чём-то спорили, смеялись, чокались... Сергей Игоревич тут же увидел Елену за тем столом, что обозначал как бы вершину П; она сияла радостной улыбкой, которая явно говорила: «Фестиваль прошёл хорошо, я очень довольна».

Елена заметила его, и окраска улыбки слегка изменилась, появилась виноватость, а может, досада.

«Хватит себя накачивать», – велел себе Сергей Игоревич, сел на свободный стул, без церемоний дотянулся до водки, наполнил рюмку, из которой, кажется, уже пили.

– Серёг, давно не видались! – тут как тут возник Дмитрий Абрамович, уже хмельной, но от этого ещё более великанистый, что ли. – Чокнешься со старым хреном?

– Почему же старым хреном... Я тоже не молодой удалец.

– Ох-х, мне б твои годы, Серёжа... Давай лучше тяпнем.

Звенькнули рюмками, тяпнули. Сергей Игоревич подцепил вилкой пластик рыбы. Пока нёс ко рту, Дмитрий Абрамович успел прокомментировать:

– Это наш муксун. Вку-усный. В Москве-то не продают.

– Продают в Москве муксуна, – сказал Сергей Игоревич. – С рыбой лучше стало. Омуль даже бывает.

– Ну и слава богу... Я вот о чём поговорить хотел... Можно?

– Гм... Не могу запрещать.

Дмитрий Абрамович мучительно вздохнул, придвинулся ближе, запыхтел в самое ухо Сергею Игоревичу:

– Ты Ольгу ведь знаешь?... Ну, не важно. Вон сидит, за тем столом, слева, светлые волосы.

– Да, знаю. Позавчера вместе сидели, потом она легла... – И это «позавчера» показалось Сергею Игоревичу страшно далёким; он вспомнил, что и с женой не созванивался больше суток, она неизвестно что заподозрит...

– Ага, – кивнул великан, – и как она тебе?

– Симпатичная женщина.

– Хорошо, правильно... И добрая, знаешь... Умная. – Тёплое дыхание обдавало ухо Сергея Игоревича. – Не выпячивается, как другие, а – умная. Слыхал её доклад сегодня?

– Не получилось...

– Зря. Так о шорцах мрасского наречия говорила, так душевно, прямо до слёз... Но не в этом дело... Влюбился я. Такое дело, Серёж.

Сергей Игоревич улыбнулся:

– Это хорошо ведь. Поздравляю.

– Да не с чем. Старый я. Куда я гожусь?

– Друзья! – поднялся над столом профессор то ли из Бурятии, то ли из Якутии. – Я предлагаю

выпить за прекрасных девушек, организовавших такой чудесный фестиваль. Спасибо вам, красавицы!

Пока звучал тост, Дмитрий Абрамович успел наполнить рюмки.

– Ура! – рявкнул перед тем как выпить.

– Я в ответ хочу поблагодарить всех вас, – тоже встав, заговорила Елена. – Без вас ничего бы не получилось...

Она была в обтягивающем вишнёвом платье. Коротком. Сергей Игоревич видел над столешницей полоску в три-четыре сантиметра её кожи. Кажется, без колготок... Рот заполнила сладковатая слюна, и он с усилием её проглотил.

– Ни один человек не отказался приехать в наш отдалённый уголок, – продолжала Елена, – никто, по-моему, не отлынивал, не халтурил. Каждое выступление было не только полезным, но и увлекательным, как хорошее произведение литературы. И сообщу сейчас – мы всё записывали и, надеюсь, выпустим книжечку по материалам фестиваля. Согласны?

– Да!.. Отлично!.. Конечно!.. – зазвучали одобрительные восклицания.

– Только, – перекрыло их деловое предложение, – нужно прислать каждому набранный текст на вычитку.

– Это обязательно!.. Естественно!.. – так же восклицая, поддержали его.

Сергей Игоревич помалкивал, старался быть незаметней. Он-то отлынивал и, как ему казалось, схалтурил в своём докладе. Но не по своей воле... Другим была голова занята. «Хм, голова...»

Почти напротив Сергея Игоревича сидел Иван. Тоже смотрел на Елену.

– Так, Вань, мы с тобой и не поговорили нормально.

Иван обернулся на голос. Поправил очки.

– Да, что-то не состыковались. График плотный... Я тебя выглядывал на кофе-паузе, не нашёл.

– Я отходил. Дела... – в разговоре Сергею Игоревичу становилось легче. – Как у тебя вообще?

Спросил не с искренним интересом, но надеясь, что сейчас Иван начнёт рассказывать о своих делах подробно, длинно, а он будет слушать и кивать, время от времени плеская водки по рюмкам... А потом банкет кончится, и в приличном опьянении он вместе со всеми пойдёт в гостиницу. Ляжет на кровать и тут же заснёт,

утром спешно соберёт сумку и в группе москвичей покатит в аэропорт. Подремлет во время полёта, а там – Москва, аэроэкспресс, метро, дом, жена. Стол, кушетка, на которой он любит читать... И – всё, и надо кончать с этими вояжами. Один душевный раскордаж от них. Соглашаться, только если гонорар действительно приличный...

– Так, друзья! – голос Елены с новым оттенком – какого-то азарта. – Чтобы просто не наедаться и не напиваться, мы предлагаем устроить танцы. Думаю, научная деятельность не исключает такой формы досуга?

– Не-ет!

И сразу зазвучала из мощных колонок энергичная музыка, и три девушки из Дома памяти вскочили и стали танцевать, к ним присоединился пузатый филолог, кажется, из Томска. Девушки были молодые, двигались красиво, а мужчина – безобразно, но искренне. Они окружили филолога, поддерживали его танец извивами своих тел, вскидыванием рук, вращением стройных ног; они словно вызывали его на что-то. Так, наверное, в Древней Греции гетеры внушали престарелому олигарху, что он ещё ничего.

Сергей Игоревич с трудом оторвался от этого зрелища, хотел было продолжить разговор с Иваном, но того на своём месте уже не было. Кольнула обида: при первом удобном случае давний приятель, отчасти ученик, сбежал. Посреди беседы.

Наполнил рюмку, выпил, зажевал муссом... Опьянение накатывало медленно, почти незаметно. Но после позавчерашнего стоило быть осторожней. Тем более некоторые за столами уже клевали носом. А ведь только что вскрикивали, спорили, одобряли...

Прополз взглядом дальше; не увидел и Елены. Оглянулся на танцующих. Да, она была там, и вместе с Иваном.

Они ритмично двигались друг напротив друга и смотрели друг другу в глаза. Из динамиков рвались рыдания то ли Энрике Иглесиаса, то ли ещё кого-то испаноязычного. Может, этого... Стинга.

Сергею Игоревичу было бы приятно смотреть на Елену. Он давно заметил – на каком-нибудь собрании, в метро, в очереди стоит найти симпатичное лицо, и тогда дорога, сиденье, торчание в веренице людей становится выдержать легче. Может, и сейчас бы он любовался Еленой без всяких мыслей и желаний. Но была та ночь

полгода назад, жгло желание её повторить. И все другие лица и фигурки были ему сейчас не нужны...

– Чего приуныл? – приземлился рядом Дмитрий Абрамович. – Чего не пляшешь?

– А вы? – пряча за улыбкой злобу и раздражение от этого панибратского тона, отозвался Сергей Игоревич. – Вон Ольга ваша скучает.

– Да какой из меня танцор! Задохнусь через минуту... А Ольга... Не хочу травить душу ни ей, ни себе. Пускай домой возвращается. Получилась у нас с ней одна ночка, и – харэ. Будет память...

– Сегодня ещё одна – до самолёта.

– Я ж говорю – старый я. Опростоволосуюсь, и чего? И ей всё испорчу, и себе... Давай лучше, Серёж, сбрызнем.

– Вы бы вместо водки коньяком сбрызнули, – усмехнулся Сергей Игоревич, – он это самое подстёгивает.

– А-а... – великан скривил губы и, не отвечая, метнул содержимое рюмки в себя.

А Сергей Игоревич наоборот выпил медленно, в два глотка, и отвернулся. Смотрел на Елену.

В облегающем коротком платье, с голыми до подмышек руками, в туфлях на высоком каблуке с ремешками на щиколотках она была необыкновенно стройна. Буквально исходила спелостью молодой женщины... Да, есть такие – молодые спелые женщины, родившие детей, научившиеся жить, но не погрязшие в кухонных дебрях, семье, не залившие себя с головы до пят десятками литров тёплого жира, но подкопившие его в меру в нужных местах... Может, через пять лет или даже через год они превратятся в бочонки, а может, и в пятьдесят будут продолжать оставаться такими...

Да какая разница, какой станет Елена через год? Он хотел её сейчас, сегодня. И проклинал себя, что вчера разобиделся, отказался от того получаса, что она отводила их близости... Уломал бы, придушил поцелуями, завалил бы собой... В конце концов полчаса тоже могут подарить счастье...

Рыдания испаноязычного смолкли. Сергей Игоревич надеялся, что сейчас Иван отведёт Елену обратно к столу, и тогда он пригласит её на следующий танец. Но пауза оказалась совсем короткой, и песня зазвучала медленная, для танцев в обнимку. И Иван положил Елене ладони на талию, а она ему – на плечи.

С детства, с детсадовских утренников Сергей Игоревич говорил, что ненавидит танцевать. Отбрыкивался, убегал, прятался, потом, на школьных и студенческих дискотеках, обычно стоял в углу и даже на свадьбе, кое-как потоптавшись с молодой женой, сумел избежать участия в общей пляске.

Нет, на самом деле ненависти к танцам не было. Было другое – они производили слишком сильное воздействие. Недаром во многих книгах танец называют не только самым древним, но и самым совершенным, самым сильным из искусств.

Сергей Игоревич оставался равнодушным, когда видел балет, акробатический рок-н-ролл, бальные танцы, а вот дискотечные... С дискотек он шёл домой ошеломлённый, возбуждённый, наэлектризованный чуть ли не до безумия; когда видел жену, которую с готовностью отпускал потанцевать с пригласившим кавалером, чувствовал возрождение страсти, которое смешивалось с ревностью, выталкивало из-за стола туда, к ним. Сбросить её руки с плеч мужчины, руки кавалера – с её талии. Занять его место, пусть даже для того, чтобы растерянно, подобно герою фильма «На грани безумия», переминаясь возле неё, извивающейся, истекающей соком соблазна.

72

До того, чтоб броситься, не доходило. Но это с женой. А сейчас он не смог себя удержать. Вскочил так резко, что Дмитрий Абрамович ойкнул, и побежал к танцующей паре.

Отодвинул разомлевшего Ивана легко, сжал в руках тёплые бока Елены. Очень малое сжал – ткань платья, кожу, тот необходимый женский слой жира между кожей и костями бёдер. Она поначалу, кажется, и не поняла, что у неё сменился партнёр. Даже положила руки ему на плечи – вернула руки на плечи как бы Ивана. Лишь спустя секунду полуприкрытые глаза расширились, и она спросила:

– Что происходит?

И одновременно очнулся Иван:

– Как это понимать? Сергей?

– Я с ней, – громко и чётко сказал Сергей Игоревич и повёл Елену в сторону от Ивана.

Иван шагнул следом:

– Но ведь это хамство.

– Это моя женщина.

– Х-ха! – Елена сняла руки с плеч и стала пятиться. – Я не твоя... не ваша, Сергей Игоревич. Вы что-то напутали.

Сергей Игоревич стиснул её крепче, сомкнул пальцы на её крестце, прижал к себе:

– Моя!

Елена стала вырываться, мякоть под тканью платья сделалась твёрдой, её руки уперлись ему в грудь, давили. Но Сергею Игоревичу казалось, что вырывается она неискренне, и если прижать к себе сильнее, поцеловать...

– Пойдём ко мне, – просил он, пробиваясь к её губам, уху, глазам, – пойдём!

Песня кончилась, вместо неё нахлынул бубнёж голосов, звяк посуды, острый скрипдвигающихся по полу ножек стульев.

– От-пус-ти! – услышал Сергей Игоревич тихое, раздельное и бесконечно презрительное; увидел очень близко глаза Елены, которые смотрели на него, как на какую-то мерзость.

Он бы отпустил. Отпустил и из-за этого взгляда, и из-за того, что вместе с исчезнувшей музыкой исчезла и его решимость. Но тут его стал оттаскивать Иван. Его рука, неожиданно крепкая, будто железная, обхватила Сергея Игоревича за шею, потянула назад, от Елены. «Драться». И Сергей Игоревич наугад ударил куда-то туда, где должно было находиться лицо Ивана.

Попал. Иван всхлипнул и, не разжимая ту руку, какой сжимал его шею, второй бухнул Сергею Игоревичу в левое ухо. Лицо Елены озарилось фонтаном искр и поплыло.

– Э, э, ребята! – бас Дмитрия Абрамовича. – Вы чего это?.. Вань, отпусти.

– Уведите его, – сказала Елена. – Он опять перепил.

Иван продолжал сдавливать шею, дышать было трудно; Сергей Игоревич прохрипел:

– Я не... не перепил... Я хочу с тобой...

– Отпусти, отпусти, – уговаривал великан.

Шею освободили, и он сразу, мягко, но надёжно сгрёб Сергея Игоревича.

– Ты чего, Серёж... Ты чего... Пойдём. – И повёл куда-то. – Пойдём, отдохнём...

– Всё в порядке, друзья, – своим обычным, деловитым и бодрым голосом объясняла Елена. – Маленький нервный срыв. Никто не застрахован... Включите, пожалуйста, музыку.

Сергей Игоревич не рвался, шёл в объятиях Дмитрия Абрамовича покорно, безвольно. «Срыв, срыв», – стучало в ушибленном ухе. И в здоровое кто-то шептал: «Больше такого не будет. Всё. Попрощайся».

С кем или чем попрощаться, Сергей Игоревич догадывался, но пока ещё не хотел себе признаваться. Лишь чувствовал, как растворяется над головой, словно облачко пара, последний его выдох молодостью.

**Иван
НЕЧИПОРУК**

ДОНЕЦКАЯ РУСЬ

* * *

Скажешь – умрёшь,
Промолчишь – умрёшь.
Так скажи и умри!

Муин Бсису

Настоящий поэт не смолчит!
Пусть за слово цена высока,
Недосказанность страшно горчит,
Бьётся молотом в область виска.

Ведь свеча не должна не гореть,
А поэт – это та же свеча.
И сказать, а потом умереть
Лучше, чем умереть, но смолчать.

КОНЬ БЛЕДНЫЙ

Памяти жертв по обе стороны баррикад

Снимается с книжного свитка седьмая печать:
И вот – Украина в дыму и по локоть в крови.
Какая звезда пала с неба – уже не понять,
И ангел какой нам по счёту уже вострубил?

Мы топим столицу в чаду и купаем в золе,
Рисуем друг другу бесстрашно на спинах
мишень...

Иди и смотри, как галопом по нашей земле
Конь бледный несёт истощённую злобную
тень.

ПРОДАЖНЫМ СМИ

Мне наблюдать противно, жутко:
Ложатся за враньё костюми
Команды сволочных ублюдков –
Проституированных СМИ.

На их счету – страны брожение,
Десятки трупов и калек,
И Киев, словно прокаженный,
От клеветы совсем ослеп.

Они, терзая Украину,
Переломали ей хребет...
И первыми взрывались мины
Экранов лживых и газет.

СЛАВЯНСК

Александр К.

Счастливая могла бы быть весна,
Кипит апрель, черёмуха цветёт,
А надо мной кружится вертолёт,
И в город мой с весной пришла война.

И я спешу, чтоб стать плечом к плечу,
Всем миром встретить то ль врага,
то ль брата.

И пусть я упаду, огнём объятый,
Или шальную пулю получу...

НЕЧИПОРУК Иван Иванович родился 24 июня 1975 года в г. Горловка Донецкой области УССР. Окончил Донбасский государственный педагогический университет (заочно). Член правления Межрегионального союза писателей, исполкома МСПС, СП России, член-корреспондент Крымской литературной академии. Руководитель литобъединения авторов Донбасса «Стражи весны». Автор нескольких поэтических сборников. Публиковался в журналах России, Украины, Молдавии, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Германии, Болгарии и Австралии.

Приняв удар от собственных солдат,
Мой город станет украинской Троей,
Славянск мой подберёт Звезду Героя,
Которую утратил Киев-град.

ГУЛЛИВЕРОПАД

Без надежды, без любви, без веры,
Одурев в предчувствии войны,
Лилипуты валят гулливеров
С постаментов гибнущей страны.

Изолгав историю и даты,
Малорослый озверел народ,
Словно гулливеры виноваты
В том, что лилипутам не везёт.

И летят, раскалываясь, туши,
Массой содрогая города...
И мельчают лилипутов души,
Оскверняясь раз и навсегда.

* * *

Город тонет в дождях,
Переполненный влагой обильной,
На его площадях
Тополя на ветру треплут крылья.

В отражении луж
Олимпийских колец плясовая,
Гром ударит свой туш,
И откликнутся псы, завывая.

И холодная ночь,
Словно старая ведьма слепая,
Будет в ступе толочь
Смерть сгоревшего заживо мая.

* * *

Два месяца под звуки миномётов
Кричал в квартире одинокий кот,
Был грохотом запуган и измотан
И ждал, когда хоть кто-нибудь придёт.

И раз в неделю приходил мужчина,
Менял лотки и сыпал гранулят.
И уходил, не пояснив причины,
За что по городу из гаубиц палят.

И ночь за ночью, слушая разрывы,
Впивался плачем в тьму и пустоту,
И было страшно, до смерти тоскливо
Войны не понимавшему коту.

* * *

Нынче смерти в городе привольно,
Не смолкает канонады грохот,
И летят сквозь тьму то смерч, то град.
Спрашивает маленькая кроха:

«Мамочка, а умирать не больно?
Это словно кровь из пальца брать?»

И дрожа, в пылу смертельной грусти
Отвечает мама на вопросы,
Тихо, чтоб не напугать дитя:
«Нет, не больно, как комар укусит»...

И текут отчаянные слёзы,
А снаряды всё летят, летят...

* * *

Тополя роняют золотые
Векселя утраченных недель.
На ветру аллея тихо стынет,
Воздух пахнет, словно карамель.

Мы живём под тихий шорох листьев
После полуночных канонад,
Наслаждаясь синим небом чистым,
Клёнами, что пламенем горят.

Мы покой теперь ценить умеем,
Бережно листая наши дни...
В полной мере не горим, не тлеем
И живём мгновением одним.

* * *

Я вдыхаю эту осень,
Это пряное амбре –
Запах тополей и сосен
В задымлённом октябре.

В небе кое-где зарницы
И разрывов дальних гул.
Ветер под ноги ложится,
Подвывая на бегу.

А пути мои не гладки,
Звёзды канули во мрак,
И шагаю по брусчатке
Под истошный лай собак.

Хмурый небосвод нелётный
Накрывает город тьмой.
И под грохот миномётный
Я в ночи спешу домой.

* * *

Всё чаще я скучаю за Россией

Николай Тимохин

*Летят спешащие года
Необратимою стихией...
Я вновь скучаю по России,
В которой не был никогда.*

*Но помню каждый день и час,
Что нет явления красивей –
Рассвет приходит из России,
Благословляя мой Донбасс.*

2013 г.

* * *

*Прислушиваясь к песням стылых вьюг,
Что треплют по ночам худые ставни,
Пытаешься порвать порочный круг
И шепчешь тихо откровенье вслух:
«Придёт беда – по полкам всё расставит,
Тогда поймёшь, кто настоящий друг!»*

* * *

*У меня не стало друга.
Он не умер, слава Богу,
Но пошёл своей дорогой,
Нам теперь не по пути.
И в душе рыдает вьюга,
Сердце – вдребезги, в осколки...*

*Ненависть, а не размолвки,
Как тут от вражды спастись?*

*Что поделать? Письма в печку?
Память вымести метлою?
Над расколотой страной
Все мы пленники страстей.
Жизнь порой бесчеловечна –
Души злобою искрятся...*

*Но не стану отрекаться
От отрёкшихся друзей.*

ВЕЛИКИЙ

*Вновь в небо уходят крылатые стаи,
И в сердце вонзается томная грусть...
Там, где-то на юге, родная степная
Донецкая Русь.*

*Курганы купаются утром в туманах,
Где время идёт босиком по росе...
Фантомны во мне твои чёрные раны,
Донецкий бассейн.*

*Ковыль и воронки, курганы и пепел
И тысячи солью разъеденных глаз.
Но дух твой бессмертен и образ твой светел,
Великий Донбасс!*

Сергей ЧЕРЕМНОВ

ДВА РАССКАЗА

ДЯДЯ ВАСЯ

Об его усах знала вся округа. Большие, как у маршала Семёна Будённого, только погуще, и концы у них не топорщились по-маршальски, а свисали прямо вниз. За эти усы дядю Васю уважали в посёлке и по ним же узнавали издалека.

Невысокого роста, поджарый, даже довольно щуплый на первый взгляд, он своими усами как бы добирал солидности и обстоятельности, что ли. Он любил носить обычные брюки, перехваченные на впалом животе кожаным ремешком, и рубашки с длинными рукавами, которые закатывал по локоть в любое время года. А узловатые пальцы жилистых рук то и дело мяли очередную «беломорину». Ведь курил дядя Вася как паровоз. За это супруга тётя Алла частенько выставляла дядю Васю на крыльцо, выходящее в тенистый сад-огород. На лавочке недалеко от уличной калитки и любил он посидеть после летнего рабочего дня, пуская дым разве что только не из ушей. Ну и любитель был поговорить при случае с прохожим или соседом. Или дымил молча.

А ещё дядя Вася был любителем разных приколов, как теперь говорят. Для него подшу-

тить над человеком было как бы само собой разумеющееся дело. При этом он всегда сохранял такое серьёзное выражение кирпичного от загара лица, что не поверить в кажущуюся правдивость его очередной «наклейки» бывало просто невозможно. И только глубоко в щёлочках глаз цвета выцветшей голубизны вспыхивали несильные огоньки, знак того, что врёт или в очередной раз идёт на розыгрыш. Но чтобы заметить это, надо было хорошо знать дядю Васю. И даже прожившая с ним не один десяток лет тётя Алла нет-нет да и покупалась на его выдумки.

Они жили в вагончике-временке, который почему-то именовали «пэтэушкой», хотя и снаружи, и изнутри дом этот напоминал довольно-таки уютную, благоустроенную дачку с достаточным числом комнат и всеми современными удобствами. Они всё время жили в ожидании сноса своего жилья вместе с садом, так как их южный степной городок Капчагай в те благословенные семидесято-восьмидесятые годы постоянно расстраивался, разрастался каменными многоэтажками. И в необъятной степи, ласково приткнувшейся в бок водному заливу такого же необъятного водохранилища, образовавшегося

ЧЕРЕМНОВ Сергей Иванович родился 12 января 1956 года в Прокопьевске. Окончил филфак Кемеровского государственного университета. Прошёл путь от корреспондента городской газеты «Шахтёрская правда» до пресс-секретаря губернатора Кемеровской области. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии Кузбасса, награждён орденом «Доблесть Кузбасса». Имеет Почётную грамоту Министерства культуры РФ и другие награды. Увлекается фотографией. Автор фототомов и книг «Фоторакурсы», «Миры и мироздания», «Харизма», «Народный губернатор», «Овеянные славой дороги в сорок пятый», «Кузбасс – Китай. Новые грани сотрудничества», сборника рассказов «На картошку» и других. В настоящее время является заместителем председателя комитета по работе со СМИ администрации Владимирской области. Живёт во Владимире.

при строительстве гидроэлектростанции, места для строительства нового жилья, как всегда, не хватало. Вот местные власти и сносили эти дачки с садами, а вместо них возводили железобетонные джунгли, жить в которых в условиях жаркого степного климата было просто невозможно. Но Восток, как известно, дело тонкое. Раз решили делать так – с пути не свернёшь.

Дядя Вася всё надеялся, что до него очередь на переселение в благоустроенную квартиру дойдёт не скоро. Ходил на работу – слесарил на местном рыбзаводе, а в свободное время курил папироски, возился в саду да подшучивал над соседями и всеми остальными, кто поддавался на дяди-Васины розыгрыши.

Я познакомился с ним ещё до нашей с Галиной свадьбы. Мы, в то время студенты филфака сибирского вуза, не видели особых проблем съездить на летних каникулах в далёкий казахский Капчагай, где солнце, море, ну то есть водохранилище и песок, навалом фруктов. Чего ещё душе желать?!

До Капчагая нас за двое суток довёз душный, грязный, разболтанный, переполненный пассажирами скорый поезд Новокузнецк – Алма-Ата. На станции он задержался ровно на две минуты, как раз, чтобы мы успели соскочить со своими чемоданчиками на пропылённый степной перрон. Поезд дал гудок и укатил в сторону столицы Казахстана, до которой оставалось всего шестьдесят километров. Кроме нас, здесь больше никто не сходил, и поэтому, кроме единственного усатого мужичка, других встречающих не наблюдалось. И он направился прямо к нам.

– Привет, Галчонок! – он раскинул руки и обнял мою будущую жену.

– Здравствуй, лёлка, – она умело уклонилась от его усатого поцелуя.

– А это кто? – кивнул усатый в мою сторону. – Неужели жениха привезла?

– Привезла, – скромно потупившись, ответила моя невеста. – Знакомься, дядь Вась, его Егором зовут...

– Егорушка, – засмеялся дядя Вася, так зазорно засмеялся каким-то своим гортанно-кхакающим, но от этого не менее заразительным смехом, что мы заржали вместе с ним. У него даже папироска изо рта выпала, а глаза превратились в щёлочки.

– Женишок, – выдохнул он сквозь смех. А потом остановился, достал из кармана брюк ви-

давший виды платок, вытер глаза, высморкался и протянул мне широкую ладонь, – давай знакомиться, Егор. Я Василий Иванович. Но можешь звать меня дядя Вася. – И с такой силой сжал мою бледную узкую руку, что я аж присел от неожиданности. А дядя Вася, довольный произведённым впечатлением, опять расхохотался своим необычным кха-кха-кха...

И, пока он успокаивался, я рассмотрел его более внимательно. Кроме выдающихся усов, его лицо украшали не менее выдающиеся губы. Они были несоразмерно большими, казались вывернутыми наизнанку, как у какого-нибудь конголезского негра. А когда эти губы растягивались в улыбку, это выглядело, на мой взгляд, довольно комично и не могло не вызвать улыбки в ответ.

На что дядя Вася кивнул своей племяннице:

– А он у тебя смешливый попался, даром что очкарик!

Этим словом заставил меня непроизвольным жестом поправить на носу очки.

Я наконец огляделся вокруг. Кроме станционного вокзальчика с вывеской «Магазин. Бакалея – Гастрономия» да уходящих вдаль рельсов, в округе ничего примечательного больше не было. Повсюду, куда хватало взгляда, простиралась бескрайняя унылая степь, перемежаемая редкими, чахлыми, сухими кустиками. Ни единой души, ни одного живого существа. Зато крепко припекало полуденное солнце.

– А где же посёлок? Где вы живёте? – обалдело спросил я.

– Да город тут недалеко – километров двадцать, – весело ответил дядя Вася.

– А автобус ходит?

– Какой автобус? Никакого автобуса, пешком добираемся, – посерьёзnel он. – Пойдём потихоньку, до вечера, глядишь, дома будем.

От такой перспективы я сдулся прямо на глазах. Видок у меня стал, прямо скажем, пришибленный.

– Как же мы... – заблеял я растерянно.

– Да не слушай ты его, – хлопнула меня по спине Галина, – тут идти-то всего полчаса – километра два. Давай пошли.

Она подхватила свой чемодан и пошала по едва заметной пыльной тропинке. Мы с дядей Васей двинулись следом. Он закурил на ходу папиросу и серьёзно спросил:

– А ты поверил, что двадцать километров?

Я кивнул в ответ. И дядя Вася опять засмеялся довольным смехом.

Тропинка уходила под уклон. И вскоре в открывшейся низине мы увидели дома, как на ладони показались кварталы новых пятиэтажек, аккуратно расчерченные улицы и зелень садов, за которыми скрывались строения частного сектора. Чуть дальше виднелась раскинувшаяся до горизонта водная гладь бескрайнего водохранилища, на которой тут и там маячили белоснежные крылья парусов яхт, сновали катера и более серьезные судёнышки.

До дяди-Васино дома мы действительно добрались за полчаса. За это время он успел расспросить меня, кто я и что из себя представляю, рассказал о Капчагае, о том, как хорошо здесь отдыхающим, которые валом валют сюда на выходные из Алма-Аты. О строгой жене своей Алке...

— Не Алке, а тётё Алле, — поправила его Галина.

— Ну, кому тётя, а мне жена, — отмахнулся он.

В общем, дядя Вася оказался таким словоохотливым и вполне-таки приятным человеком, что у меня отлегло на душе: всё же впервые ехал я к родственникам будущей жены, которая хоть и прожужжала мне все уши о том, какие это замечательные люди, однако я очень волновался и переживал: как-то встретят и придется ли ко двору... Но, кажется, всё обошлось, и внутреннее напряжение, что называется, отпустило. А впереди замаячил прекрасный летний отдых.

Мы по достоинству оценили дяди-Васину усадьбу. На крыльце нас встретила тётя Алла. Её суровое на первый взгляд, загорелое до черноты лицо украшал крупный нос, который больше, наверное, смахивал на мужской. И вообще она была крупнее и, казалось, неповоротливее дяди Васи. Однако хлопотала по дому довольно быстро. А стол так вообще накрывала проворнее любой молодухи. На вид им обоим было лет по пятьдесят, определил я.

А пока тётя Алла готовила обед, дядя Вася повёл гостей на двор, показывал и расхваливал сад, аккуратные, ровные грядки зелени, груши, яблони и ещё какие-то замысловатые плодовые деревья. Всё свободное пространство сада было засажено большими кустами помидоров, буквально увешанных крупными (и зелёными, и бурыми, и красными) плодами. У Галины глаза загорелись от этого обилия.

— Люблю я помидоры — никакой другой еды мне не надо! — воскликнула моя красавица. — А как вы их поливаете, ведь в такой жаре им сколько влаги надо?!

Дядя Вася не без гордости подошёл к стене дома, где на гвозде висел свёрнутый в круги шланг, и нажал кнопку на закреплённой здесь же коробочке из карболита. Раздалось громкое урчание, и через несколько мгновений из шланга хлынула струя воды. Дядя Вася разгладил усы, ловко ухватил конец шланга, в один момент размотал его и принялся поливать один за другим помидорные кусты, аккуратно перешагивая через них.

— Скажина у нас, а в ней на глубине я насос поставил, — перекивая шум двигателя и льющейся воды, объяснял он с довольным видом. — Алка тоже помидоры любит, больше, чем меня!..

Пока мы поливали помидоры, пока дядя Вася брызгал из шланга на нас ледяной водой, под Галкин визг и мой хохот стол был накрыт. Тётя Алла позвала всех обедать.

Мы ели и нахваливали хозяйку. А на столе чего только не было: настоящий украинский борщ, крупные куски ароматной баранины, красной рыбы, овощи всех мастей, включая, конечно, большие, сочные помидоры. В углу стола своего времени дожидались полосатый арбуз и жёлтая дыня-колхозница. В середине стола ароматно дымилась варёная картошечка — обязательная и любимая еда всех сибиряков.

И, конечно же, выпили бутылочку белой, запотевшей — за приезд, за встречу, за хороший отпуск. И за Галиного жениха, конечно, и за племянницу, за хозяев и за хороший стол. А больше в бутылочке тостов не оказалось... Засиделись. На улице уже стемнело, отошёл в прошлое длинный летний день.

— Давай я тебе в саду раскладушку поставлю, — предложил мне дядя Вася.

— Конечно! — согласился я тут же.

— Что «конечно»?! А ты не выдумывай! — напустилась на мужа Алла. — Хочешь, чтобы его загрызли там насмерть?!

— Да он крепкий, выдержит, — усмехнулся дядя Вася. — Давай в саду, а?

— Да я согласен, тётя Алла. Вы не переживайте, — я смотрел на неё умоляюще.

— Ну вот. Он и сам хочет на воздухе. Чего ему тут в духоте париться, — подхватил дядя Вася.

Он, не теряя времени, нашарил в кладовой раскладушку, вынес её в сад, раскинул возле яблони, вдоль помидорных кустов. Тётя Алла покачала головой, глядя на всё это, потом, вздохнув, застелила раскладушку матрасом, простынёй, положила подушку и одеяло.

– А чего вы боитесь-то? – подошёл я к ней.

– Да я-то ничего не боюсь. Может, оно и ничего... – отмахнулась она.

...Я улёгся на узкой скрипучей раскладушке, укрылся одеялом: после захода солнца потянуло прохладой с водохранилища. В воздухе витали незнакомые доселе запахи садовых деревьев и цветов, которые тётя Алла насадила в клумбе возле крыльца. Окна дома светились, указывая на то, что домочадцы ещё не улеглись. И их ответ мешал мне рассматривать низкие крупные звёзды, густо усеявшие просвечивающее сквозь яблоневые ветки южное небо. Дышалось глубоко и свободно.

Вскоре свет в окнах погас. Но мне не спалось, несмотря на длинный, суматошный день, вобравший в себя и езду в раскалённом от жары поезде, и прогулку по жаркой пустыне, и новое знакомство, и затянувшийся обед. Я лежал, закинув руки за голову, рассматривал незнакомый небосвод. Вдруг я почувствовал лёгкий укол в тыльную сторону правой ладони и сразу за этим ощутил жжение. И тут же последовал другой укол, в левую щёку, я ударил по ней, и тут же – новый укол, в лоб...

Я услышал звонкий гуд, звучащий, казалось, со всех сторон. «Комары!» – осенило наконец меня. Я принялся непрерывно махать руками, лупить себя по лицу, отгоняя мелкую, зудящую, непрерывно атакующую и сильно жалящую тварь. Но всё было напрасно. Бесславно посражавшись с кровососущими минут пятнадцать, я нырнул с головой под одеяло. Комариный писк стих. Я полежал под одеялом, пока хватило духу, жара внутри была такая, что, казалось, всё готов отдать за глоток воздуха, которого под стёганным одеялом просто не было.

Я крепился сколько мог, многочисленные укусы при этом жутко чесались. Наконец не выдержал и откинул одеяло. Поток свежего ночного воздуха буквально опьянил. А комариный писк зазвучал с новой силой. Я снова принялся отмахиваться изо всех сил, шлёпать себя по лбу, щекам, рукой об руку, расчёсывая при этом уже укушенные места. Но снова нырять под

душно-безвоздушное одеяло, под которым нечем дышать, не хотелось.

И тут я услышал странный посторонний звук, напомнивший что-то знакомое, уже слышанное сегодня. Будто кто-то мелко и глухо кашлял. Звук доносился со стороны крыльца. Я посмотрел туда: на фоне белеющей в темноте дверной занавески стояла знакомая фигура и попыхивала папироской. Но что меня задело больше всего – он от души хохотал своим глухим, необычным кха-кха-кха, вытирая выступавшие от смеха слёзы...

– А я вот смотрю, сколько ты вытерпишь, – весело сказал он. – Другие дольше мучаются, да всё равно в дом идут ночевать. Пойдём и ты, хватит мучиться.

Меня не нужно было просить дважды. Подхватив подушку с одеялом, я мимо дяди Васи шмыгнул на веранду, потом в дом. Поднялась тётя Алла и, ворча на «этого дурака Ваську, который чуть не загубил парня», постелила мне на полу в одной из комнат. В доме стояла липкая духота, от перегревшегося за день воздуха моё тело покрылось испариной. Я улёгся в приготовленную постель, которая тут же стала влажной от пота.

– Так и мучаемся каждый день всё лето, – громким шёпотом говорила тётя Алла. – На улице от комаров спасу нет, как голодные собаки, сожрут любого. Потому и окон не открываем. Но под утро будет прохладней...

– Ты простыню водой намочи – легче лежать будет, – научила она меня. – Укроешься ею, можешь уснешь. А как высохнет – опять намочи.

– А Галя спит? – спросил я.

– Уснешь тут, – выплыла из темноты соседней комнаты завернутая в мокрую простыню Галя. – Что, наколот тебя дядь Вася? – спросила тихо.

– Любит он над людьми поиздеваться, – добавила тётя Алла. – А сам, небось, спит теперь без задних ног...

И в подтверждение её слов откуда-то раздался мерный, негромкий храп хозяина дома.

– Ладно, ложитесь и вы, спокойной ночи, – тётя Алла ушла к себе.

– Постарайся уснуть, – Галя чмокнула меня в щёку и исчезла в темноте своей комнаты.

Я ощупью добрался до ванной, встал под душ, под тёплые водные струйки, потом намочил простыню, выжал её. И, не вытираясь, улёгся в противно мокрую постель. Притерпелся,

вроде бы стало прохладнее. Задремал, но ненадолго. Не прошло и получаса, как простынь высохла и жара вновь окутала со всех сторон, накрывая липкой испариной. Я встал и снова намочил простынь. И так продолжалось несколько раз.

Только перед самым рассветом откуда-то потянуло холодком, от которого я сразу провалился в крепкий, без сновидений сон...

Так прошло несколько дней отпуска. Утром, когда мы с Галей ещё спали после душной полубессонной ночи, дядя Вася и тётя Алла уходили на работу. Кстати, тётя Алла работала на местной ГЭС, в бригаде штукатуров-маляров.

Потом мы просыпались, ели то, что приготовила тётя Алла, и шли на пляж. Купание в рукотворном море доставляло одно удовольствие: белый, чистейший песок, тёплая, едва колышимаемая ветерком вода, белые барашки волн. Отдыхающих в будние дни бывало совсем немного.

Но вскоре нам это приелось, захотелось побыть дома, совсем уединившись. Дело-то молодое. И мы придумали для хозяев версию, что останемся дома, потому что хотим помочь тёте Алле сделать уборку в квартире и приготовить обед: «Что же, вы так и будете ради гостей каждый вечер стоять у плиты, ведь мы можем и сами...».

Тётя Алла вначале посопротивлялась для порядка, а потом сдалась. Особенно её убедил тот Галин аргумент, что «Егор умеет варить такие вкусные борщи, пальчики оближешь!».

— Ладно, — сказала она, — вари. Овощи найдёшь в огороде, всё остальное — в холодильнике.

— А картошка, картошка-то где у вас растёт, покажете?

Меня этот вопрос волновал, ведь я её каждый день видел на столе, но не знал, где она растёт в огороде. Свёклу я здесь встречал, морковь росла на грядке и всякая другая зелень. А где росла картошка? На наших сибирских огородах ей всегда отводили главное место, где её кусты ни с какими другими не перепутаешь. А тут я ни разу не увидел знакомых кустов, не видел, как хозяева её копают. С этим вопросом я и подошёл с вечера к тёте Алле. А она, занятая каким-то делом, отмахнулась, крикнула в другую комнату:

— Вася, покажи Егору, где у нас картошка растёт!

Дядя Вася тут же вынырнул откуда-то как чёртик из табакерки.

— Не знаешь, где картошка растёт? — он внимательно посмотрел на меня, снял с губы неизменную папиросу, выпустил в потолок струю дыма.

— Ладно, — сказал, немного подумав, — пойдём.

Мы вышли на крыльцо. День догорал, лучи уходящего солнца удлиннили тени от дома, деревьев и растений. Дядя Вася снова пристально на меня посмотрел, но я выдержал его взгляд.

— Ты разве не видел, как я копаю картошку? Вон там её выкапывал, — он показал на помидорную полянку, где в самой середине, действительно, виднелся клочок пустой земли: из неё недавно выдернули несколько кустов.

— Так это ж помидоры?! — удивился я.

— То-то и оно, — утвердительно кивнул дядя Вася, — мы же новый сорт вывели: гибрид — сверху помидоры, а внизу картошка.

— Может, прямо сейчас её накопать? — спросил я.

— Нет, сейчас не надо. Она на жару постоит, ещё испортится, — рассудительно сказал дядя Вася. — Завтра готовить будете, сразу и накопаешь.

На том и порешили. Хотя, подумалось мне при этом, что ей, картошке-то, будет. Лежит она, бывает, дома неделями, и ничего. Правда, здешний климат с сибирским не сравнить — настолько здесь теплее...

На другой день мы купаться не пошли. Долго валялись в постели, а после принялись за уборку квартиры. Дотошная Галка залезала, какжется, в каждую щёлку, совсем загоняла меня с пылесосом, мытьём сантехники, да и сама здорово упласталась, как говорится. Зато домик блестел чистотой и порядком, а также умытыми стёклами окон.

— Ну вот, — удовлетворённо сказала Галина, — теперь твоя очередь — готовь борщ, да постарайся повкуснее, а то скоро наши с работы придут.

У меня к тому времени на газовой печи уже отварились в большой кастрюле свиная косточка, и аппетитный запах бульона гулял по всем комнатам. Я приготовил томаты, зелёный болгарский перчик, мелко нашинковал морковь и молодую свёклу прямо вместе со стебельками ботвы, нарезал капусту, намыл лучок и чесно-

чок... Дело было за картошечкой, без неё я себе борщ просто не представляю.

Галка уселась смотреть местную телепередачу, а я, вооружившись ведёрком и найденными в кладовой вилами, вышел во двор. Огляделся: с чего начинать. И пошагал в серединку той самой помидорной полянки, на которую вчера показал дядя Вася. Подошёл к ближайшему помидорному кусту, примерился вилами, как ловчее подкопать корень и не повредить при этом клубни.

«Ах, картошечка! – подумалось мне в эту секунду. – Сколько я тебя перекопал у себя на родине – и в полях, и в огородах, и белую, и розовую, красную, крупную, мелкую, сухую и грязную. Сколько мешков с клубнями перетаскал на своём горбу, чтобы запасти её на зиму в погребе. Зато как вкусно её пожарить или сварить посреди зимы и – на стол, такую горячую, запашистую, рассыпчатую. С салцом или солёным огурчиком – да милое дело!»

Тут мои филологическо-гастрономические изыски оборвались на том, что, вывернув крепкий куст помидоров, картофельных клубней я в его корне не обнаружил. Что такое? Невезуха, не тот куст, видно, попался. Я взялся за второй, выкопал его – пусто, нет картошки. Одни красные помидорины посыпались с него. Я осторожно сгрёб помидорки в кучку. И принялся за третий куст – уж в третий-то раз точно повезёт. Пока я возился с очередным кустом, заскрипела калитка и с улицы вошла вернувшаяся с работы тётя Алла, как всегда, с полными авоськами к рукам.

– Привет, Егор, – окликнула меня она.

А я стоял: в одной руке куст помидора, в другой вилы – и приветливо ей улыбался. Но она как-то странно отреагировала на мою улыбку. Посмотрела на меня подозрительно исподлобья и спросила:

– А что это ты там делаешь?

– Как что, картошку копаю, борщ варю...

– А помидоры-то зачем рвёшь, мешают, что ли?!

– Так это я картошку копаю! – повторил я ей (как маленькая – не понимает с первого раза).

– Ты, Егор, не дури, ты что, не видел, как картошка растёт?! – почти закричала на меня тётя Алла.

– Видел! В Сибири! А у вас тут – какие-то гибриды: сверху помидоры – внизу картошка!

– Кто тебе это сказал? Васяка?! Ну я ему! Тыфу ты... – она опустила сумки на траву, усе-

лась рядом и начала хохотать навзрыд так, что я подумал вначале, что ей станет плохо. А потом всё понял и тоже начал давиться от смеха. На шум из дома выскочила Галинка – ошалело посмотрела на нас, а когда я в перерывах между смехом рассказал ей о дяди-Васином приколе, переохотала нас всех.

Сколько длилась эта смехотерапия, не помню, но в конце мы начали уже икать и вытирать глаза от вызванных смехом слёз.

Галя и тётя Алла по очереди переспрашивали меня:

– Так и сказал – гибрид?! Сверху помидоры, а внизу картошка!!! – И снова принимались хохотать.

– Ну я ему покажу! Обманул парня, гад такой! – отдуваясь, говорила тётя Алла.

Она тяжело поднялась с травы и позвала нас:

– Пойдёмте, покажу, где у нас картошка растёт.

Мы пошли за ней вдоль стены дома, свернули за угол. Здесь в тенёчке широко раскинулась сирень. А рядом со стеной был закопан в землю старый парник с подгнившим уже каркасом. В нём виднелись редкие, чахлые, засохшие кустики.

52

– Вот она, картошка, – показала на них тётя Алла. – А помидоры мои больше не тронь! И так какой-то варнак ночью их ворует, выдирает прямо вместе с кустами. Видел, уже целую полянку продрал?

– А дядя Вася сказал, что это вы так картошку копаете, – ввернул я.

Но сил смеяться снова уже не было. И я принялся на глазах у всех копать картошку. Клубни были белые, мелкие, какие у нас в Сибири и собирать-то не принято.

– Бери-бери всё подряд, – наставительно говорила тётя Алла. – Другой картошки у нас всё равно нету. Это вам не Сибирь, в этом песке да на жаре разве она нормально вырастет? Зато мы её по три раза за лето садим, три урожая получаем.

Я доварил борщ. А вскоре явился с работы и дядя Вася. Он посмотрел на помидоры и сразу всё понял. Тётя Алла кинулась на него было с венником, но он увернулся со словами:

– Ну откуда же я знал, что он поверит? Он ведь студент. На каком-то мудрёном факультете учится, а таких вещей не знает!

Все решили дядю Васю простить, тем более что он принёс большого копчёного леща и трёх-

литровую банку пива. «Жигулёвское, свежее, – похвастался дядя Вася. – Аккурат к Егорову борщу!»

...Прошли ещё несколько жарких июльских дней капчагайских каникул. В полдень солнце палило нещадно, ночью не давала спать духота. Температура на солнце зашкаливала за сорок градусов. Впрочем, по местным меркам нынешнее лето не считалось в этом году самым жарким. О чём я прочитал в заметке, опубликованной в газете «Вечерняя Алма-Ата». Автор так замечательно изложил свои мысли по этому поводу: «Нынешнее лето в Казахстане ещё не вступило полностью в свои права. Температура воздуха днём в Алма-Ате ещё не поднималась выше 39 градусов...»

– А сколько же градусов нужно, чтобы лето полностью вступило в свои права? – спросил я у дяди Васи.

– Не знаю, – ответил тот. – Что до меня, так я люблю, когда тепло.

И действительно, казалось, что ни дневной зной, ни ночная духота ему нипочём. По крайней мере, я регулярно слышал ночью его храп, когда пробирался в темноте в ванную, чтобы в очередной раз намочить водой простынь.

Спасало ежедневное купание в ласковом капчагайском водохранилище, где неподалёку от отдыхающих повадилось располагаться небольшое стадо одnogорбых верблюдов – дромадёров. Они заходили по колено в тёплую воду залива и медленно цедили её своими вытянутыми, длинными губами. Потом выходили из воды и так же медленно и грациозно – вначале подогнув передние ноги, потом задние – осторожно укладывали свои тела на мокрый песок и, уставившись в одну точку, что-то тщательно пережёвывали.

Это соседство не раздражало бы, а, наоборот, придавало купанию экзотический оттенок, если бы в этом стаде не выделялась одна противная зверюга. Этот верблюд был крупнее и косматее всех остальных и, видимо, выполнял роль вожака. Но страшным было не это, а то, что через равные короткие промежутки времени он издавал совершенно дикие, громкие, трубные звуки, казалось бы, несовместимые с представлением о травоядном животном. Эта скотина регулярно оглашала берег такими невообразимыми воплями, напоминающими рёв реактивного двигателя, что отдыхающие поневоле втягивали головы в плечи. Но и с этим со-

седством пришлось смириться – не жертвовать же купанием и солнечными ваннами, в результате которых наши белые поначалу тела покраснели, а затем покрылись ровным тёмным загаром.

Кроме купания, в городке абсолютно нечем было заняться. Два-три магазина, расположенных здесь, включая самый дальний – на железнодорожном вокзале, были «наполнены», как и во всей стране в те годы, лишь полупустыми полками и товарами, которые не представляли никакого интереса для приезжих. Это было время промтоварного дефицита, когда о появлении какого-то редкого товара говорили, к примеру, так: «Там зимние женские сапоги выбросили, на вас очередь занять?».

Единственным отличием продуктовых отделов в магазинах Капчагая было непривычное для нас изобилие рыбы: вяленая, копчёная, солёная, свежая, мороженая, она поражала такими непривычными по тем временам названиями. Здесь были осётр и стерлядка, сазан и жерех, лещ и подлещик. И кое-что ещё. Причём цены на всё это изобилие были самые доступные. Наверное, потому, что всё это ловилось в местной реке с названием Или (ударение на последнем слоге) или в образованном ею при строительстве ГЭС огромном водохранилище. Дядя Вася приносил с завода домой понемногу этого рыбного разнообразия. Так что мы узнали его вкус.

...Вечерами мы частенько пили чай на веранде. А приходивший иногда с работы пораньше дядя Вася любил, пока не позовут на ужин, сидеть на лавочке, пристроенной у ворот, выходивших на тенистую улочку посёлка. Курил одну за другой свои любимые папиросы, переговаривался с соседями, обмениваясь разными новостями и сплетнями. Я давно понял, что соседи хорошо осведомлены о неизбежной тяге дяди Васи к розыгрышам и стараются не попадаться на его удочку. Но иногда они, что называется, давали слабину. И дяди-Васины способности проявляли себя во всей красе.

Вот и сегодня он пришёл пораньше, мы с ним сидели на любимой лавочке, никого не трогая. Дядя Вася молча попыхивал папироской, щурился от дыма. Так продолжалось до тех пор, пока в начале улочки не показались две немолодые соседки: одна – повыше и посмуглее, другая – невысокого роста, белёсые волосы. Они медленно брели по заросшей травой

уличной колее, нагруженные авоськами, и о чём-то переговаривались. При виде их дядя Вася как-то внутренне весь встрепенулся, будто сбрасывая с себя дремоту.

Из соседнего переулочка по ходу движения женщин вывернула и тётя Алла. Она тоже возвращалась с работы с поклажей — по всему видно, что заходила в продуктовый магазин. Тётя Алла громко поздоровалась с товарками, они постояли несколько минут, что-то оживлённо обсуждая. Наконец двинулись дальше, продолжая беседу уже на ходу.

Они шли так до тех пор, пока не увидели мирно сидящего дядю Васю. Когда поравнялись, тёти-Аллины товарки кокетливо заулыбались соседу, потом все трое поставили сумки на землю и принялись прощаться. Вот тут чёрт и дернул высокую за язык:

— Вась, а Вась? — позвала она. — А соври нам чего-нибудь, а то больно нам скучно... — И она слегка подбоченилась, выставив вперёд одну ногу.

— И то, Василий, расскажи что-нибудь, — подхватила вторая, лукаво взглянув на дядю Васю.

Дядя Вася дымил папиросой, не обращая внимания, делая вид, что не слышит.

— Васька, чего молчишь, с тобой говорят! — вмешалась тётя Алла.

Дядя Вася, вскинул на неё свои светло-голубые глаза, потом внимательно осмотрел каждую по очереди, выпустил струю дыма и самым серьёзным, даже каким-то равнодушным тоном произнёс:

— Я вам сейчас правду скажу, так ведь вы же не поверите...

Все, включая его благоверную, насторожились, тётя Алла, зная характер мужа, напряглась больше других:

— Чего опять придумал?

— А ничего я не придумал. Хотите верьте, хотите нет, только в магазине на вокзале туюль сегодня выбросили. Про это пока никто не знает...

— Какую такую туюль? — перебила его белёсая.

— Белую, капроновую, — спокойно ответил он, — на оконные шторы...

— А много ли? — перебила его высокая.

— Вот чего не знаю... — он пожал плечами. — Думаю, до завтра не долежит. — И, отвернувшись от них, закурил новую папиросу от огонька старой. А старую щелчком запустил вдоль улицы.

— Васька?! — повысила голос тётя Алла.

— Что «Васька»? — ощерил он жёлтые от никотина зубы. — Сказал же, правду скажу — не поверите. Да идите вы...

Он резво вскочил и исчез за калиткой. Я остался сидеть на лавочке один.

— А что, бабы, туюль-то давно не завозили. У меня все шторы уже пообремкались, давно сменить пора, — сказала высокая.

— И у меня тоже, — подхватила белёсая. — Алла, мы у тебя сумки оставим и быстренько сбегаем.

— А у меня с собой денег не-е-т, — растерянно протянула высокая. И её помрачневшее лицо стало ещё чернее.

— Ладно, денег я дам, сумки оставляйте, да пойдём быстрее... А то магазин скоро закроют, — в ответственные минуты тётя Алла умела принимать нужные решения.

И вскоре они мелким налётом унесли в сторону вокзала.

«Неблизко да по такой жаре. Но новые шторы для дома — святое дело!» — подумал я и пошёл в дом.

Дядю Васю я увидел на кухне: он налил полную тарелку борща и уплетал его за обе щеки.

— А что, лёлька, тёть Аллу ждать на ужин не будем? — спросила его вышедшая из спальни Галка и потянулась, стряхивая с себя дневной сон.

— Вы — дождитесь, а мне некогда, дела у меня, — отмахнулся дядя Вася, быстро жуя. Он доел борщ, смахнул со стола крошки и кинул их в рот. Сунул ноги в башмаки и вышел во двор.

Я рассказал Галине о неблизком походе женщин в магазин и предстоящей покупке новых штор. Мы даже мысленно примерили их к окнам дома — те шторы, которые сейчас украшали комнаты, конечно, уже нуждались в замене.

Мы включили телевизор и уселись возле него в ожидании тёти Аллы...

Прошло больше часа — женщины всё не возвращались. Я выходил во двор в поисках дяди Васи, но он как сквозь землю провалился. Побродив по саду и вокруг дома, я вышел на улицу и присел на скамейку. Вечерело, тени снова стали длинными...

И тут я увидел, как из переулочка на улицу вывернули наши женщины. Они не шли, а быстро семенили друг за другом — впереди тётя Алла, за ней — высокая, белёсая замыкала шествие.

– Егор, где этот старый козёл? – налетела на меня тётя Алла. Она упёрла руки в бока и стояла надо мной, вся кипит от гнева.

– Это вы про кого? – переспросил я испуганно.

– Васька где, говорю? Убью гада!

– Да что случилось-то? – растерянно спросила выглянувшая из калитки Галка.

– А что, бабы, – вдруг вмешалась высокая, – мы же сами его просили соврать что-нибудь. Сами! Вот и получили! Мы что, Ваську не знаем, что ли?!

Она вдруг как-то глубоко вздохнула, подхватила подол длинного платья и, запрокинув голову далеко назад, во весь голос захохотала.

– Ха-ха-ха, – надрылась она. – Правду скажу, говорит, не поверите... Ха-ха-ха.

Белёная тоже подхватила тоненько: «Хи-хи-хи». Тётя Алла растерянно смотрела на них, гнев сошёл с её лица, на нём появилась вначале растерянность, а потом она еле заметно улыбнулась, улыбка стала шире, и она тоже начала громко смеяться, глухо подкашливая.

Они хохотали на всю округу, высоко вскидывая руки и сгибаясь пополам. Слёзы градом текли из их глаз. Наконец смех перешёл в мелкую икоту с отрывкой. Тут-то на сцену и явился дядя Вася. Он вышел из калитки на улицу боком, потом развернулся к женщинам, хлопнул себя руками по коленям, присел и тоже принялся хохотать – кха-кха-кха...

– Сами ж напросились. Какая тюль в наших краях, какие шторы? – говорил он в перерывах между приступами смеха. – Сроду за ними в Алма-Ату ездили...

И, поняв, что окончательно прощён, успокоился, отёр усы, позвал:

– Пойдём домой, Алла, обедать надо...

– Так ты обедал уже, дядь Вася, – вставила своё слово Галка.

– А я ещё хочу, да и по сто грамм не помещает, – парировал он.

Эту историю мы со смехом вспоминали ежедневно. А между тем время шло своим чередом, приближался август. И пора было думать о возвращении домой. Для этого надо было идти на вокзал за билетами на проходящий поезд. Мы договорились с Галиной, что сделаем это завтра, а сегодня решили заглянуть в местную кафешку.

Заведение это, честно говоря, особого доверия у нас не вызывало. Но поскольку пляж

уже надоел, а больше податься было просто некуда, мы и пошли в это кафе. Оно было расположено в первом этаже пятиэтажного панельного жилого дома. И выглядело далеко не лучшим образом: давно не крашенные облупленные стены, растрескавшиеся панели, высокие столики без стульев, отсутствие посетителей – всё это говорило только об одном: среди жителей это место не пользовалось успехом. Правда, мы об этом знали, потому что заглядывали сюда уже пару раз – на пирожки. Пирожки с капустой здесь стряпали просто отменные.

– А знаешь, – сказала Галка, придирчиво осмотрев серый от времени фартук официантки, – давай ничего не будем заказывать, а возьмём с собой по паре пирогов. С капустой есть? Свежие?

Официантка хмуро кивнула:

– Есть. Идите сразу на кассу.

Мы подошли к кассе, где восседала молодая черноглазая дивчина. Галка выбрала на витрине пирожки, достала из сумочки кошелек, рассчиталась. И мы довольные двинулись домой, уплетая на ходу наши покупки. Пирожки доели быстро, не успев дойти до дома.

Галка вынула из сумки платочек, чтобы вытереть руки, и вдруг замерла:

– А где кошелек?! В кафе оставила!.. – В её красивых карих глазах тут же закипели слёзы. –

– Не реви! – приказал я. – Быстро назад...

Мы бегом вернулись к кафе. Странно, но дверь заведения была заперта, на ней висела табличка «Закрето», хотя обед давно прошёл, а до конца рабочего дня было ещё далеко. Я начал вглядываться сквозь мутное стекло внутрь помещения. Там сновали какие-то тени. Мы принялись стучать в дверь. В ответ – ничего. Тогда я принялся пинать по двери ногой. Это возымело действие: размытая тень приблизилась изнутри к двери и крикнула:

– Чего надо?

– Срочно откройте, а то вышибу вашу дверь! – прокричал я в ответ.

Наконец дверь чуть приоткрыли. Этого было достаточно: я просунул внутрь стопу, потом рывком открыл вход. Мы вихрем пронеслись мимо растерянной официантки – это была именно она – прямо к кассе.

– Где наш кошелек? – как можно более грозно рявкнул я.

– Какой кошелек? – переспросила вышедшая откуда-то из внутренних помещений круп-

ная белокурая женщина с мясистым лицом, одетая в халат такого же серого цвета, как и фартук официантки. – Никакого кошелька здесь не было!

Галка безудержно разрыдалась...

– А вы откуда знаете, ведь вас здесь не было? – попытался озадачить я её. – Где ваш кассир? Она должна всё знать...

– А нет никакого кассира! – развела руками толстая. – У неё дома проблемы, отпросилась она. И никаких кошельков она не видела!

– А вы позвоните ей, спросите... И вообще, вы кто?

– Я-то – заведующая! – подпёрла бока толстая. – А вот вы не скандавьте, а то милицию вызову!

– Да мы покупали у вас пирожки. Помните? – повернулся я к официантке. – Помните?

– Ну и что, – равнодушно ответила та, – ну покупали, при чём здесь мы?

– Вот и забыли на кассе кошелёк, – тут я уже обратился к заведующей. – Там – деньги, понимаете? Мы здесь в отпуске. Деньги – на покупку билетов домой. Пожалуйста, верните...

– Ты видела кошелёк? – переспросила толстая у официантки.

– Нет, – покачала та головой. – А помните, после них баба заходила? – Официантка внимательно посмотрела на свою начальницу.

– Зашла, ничего не купила и ушла. Скорее всего, она и взяла, – убедительно закончила она.

– Вот именно, она и взяла, – тут же согласилась толстая. – А как она выглядит, мы не знаем, некогда нам всех рассматривать. Так что ничем помочь не можем... – толстая развернулась и на этом исчезла со сцены.

– Что же нам, в милицию заявление писать? – спросил я скорее себя, чем официантку.

– А пишите, мне-то что. Я ваш кошелек не брала, – отмахнулась та.

...Мы медленно тащились домой по раскалённой улице. Откровенно говоря, я просто не знал, что теперь делать. Прямых улик, что работники кафе прикарманили наш кошелёк, у нас не было. Местная милиция состоит из местных жителей, которые знают друг друга с детства, и вряд ли нам поможет. Но дело даже не в этом: на что теперь возвращаться домой? Звонить и просить у родителей – стыдно, они и так дали нам денег на эту поездку... Галка то и дело вытирала слёзы, удручённо вздыхая.

Возле дома на лавочке, как обычно, сидел дядя Вася и курил неизменную папиросу. Мы подошли, уселись рядом. Он сразу понял, что что-то случилось и шутки неуместны.

– Ты чего, Галчонок? – и он ласково погладил её по плечу.

– Ах, лёлька! – только и сумела выдохнуть она. И снова горько зарыдала. Потом, прерываясь, вздыхая и переводя дыхание, начала рассказывать. Я тоже вставлял реплики, уточнял детали.

Дядя Вася курил и молча слушал нашу грустную историю о безвозвратной потере кошелька и, конечно, денег, которые предназначались для покупки билетов.

– Вот что, – сказал он, выслушав всё до конца. – Этих жуликов из кафе не ухватишь. Ясно, что это они деньги хапнули, да Бог им судья! Значит, сидите здесь, я сейчас. – И дядя Вася двинулся к дому.

Он вернулся минуты через три. Я впервые видел на нём синий в мелкую полоску пиджак, надетый поверх рубахи, фиолетовый галстук украшал его худую шею.

– Пойдём! – позвал он нас и, разгладив усы, быстро пошагал по улице.

Мы засеменяли за ним, томимые забрезжившей надеждой.

– Лёль, а мы куда? – спросила успокоившаяся Галина.

– Куда надо! – не оборачиваясь, бросил дядя Вася.

Мы переглянулись и поспешили следом.

Вскоре мы оказались у дома с зелёной вывеской «Сберкасса». Дядя Вася взошёл на крыльцо и остановился, обернувшись к нам:

– Вы со мной не ходите, – сказал он. – Сколько денег-то у тебя было? – спросил у Галки. Та назвала сумму. – Всё, ждите здесь. – И он исчез за железной дверью.

Мы стояли под палящим солнцем и многозначительно переглядывались. Минут через двадцать дядя Вася вышел, двумя руками он держал сберегательную книжку.

Он подошёл к нам, открыл сберкнижку, вынул из неё купюры и протянул Галине.

– Держи да больше не теряй... – он привычным движением разгладил усы, вынул папиросу, спички, прикурил и глубоко затянулся.

Галка буквально бросилась ему на шею, тянулася поцеловать.

– Ну-ну, Егора своего лучше поцелуй, – острожно отодвинул её дядя Вася и с довольным видом быстро пошагал домой.

– Мы тебе сразу долг отдать не сможем, – сказала ему в спину Галка.

– Как сможете, отдадите. Мне не к спеху, – ответил он, не оглядываясь...

На следующий день мы взяли билеты на уже знакомый раскалённый от жары, пропылённый скорый поезд Алма-Ата – Новокузнецк. И через три дня стояли на местном перроне в ожидании его прибытия. Нас провожала тётя Алла. Мы пришли на вокзал, навьюченные яблоками, грушами, дынями и даже двумя арбузами довольно приличного веса. Всё это вместе с чемоданами мы сложили горкой прямо на земле. Снова разглядывали вывеску вокзального магазина.

– Это здесь вы хотели прикупить тюль? – насмешливо спросили мы тётю Аллу.

– Да ну вас, и не вспоминайте, – улыбнулась она. Потом нахмурилась и уже, наверное, в сотый раз спросила сама себя: – И куда это Вася-ка подевался? Вечно он по-людски не может!

Дядя Вася действительно ушёл из дома с самого утра, не сказавши куда. «Скоро буду», и всё.

«Скорый Алма-Ата – Новокузнецк прибывает через десять минут, – объявили с вокзала. – Стоянка поезда – две минуты».

– Господи, как же мы всё это погрузить успеем! – заволновалась Галка, тревожно оглядывая нашу кучу багажа.

– Ничего, не вы первые, – спокойно ответила тётя Алла, – как поезд остановится, садимся в любой ближний вагон. Ты, Галя, в тамбур заскакивай. А мы с Егором будем тебе вещи забрасывать, ты только успевай их от входа оттащить...

Как мы грузились в вагон – отдельная история. Хорошо, что, кроме нас, других пассажиров больше не было. Поезд уже тронулся, а мы с тётей Аллой все бросали вглубь тамбура авоськи с фруктами, арбузы. Наконец я, взмыленный, вскочил на подножку. И в этот самый момент откуда-то вынырнул дядя Вася. Усы его победно топорщились. В одной руке он сжимал немалых размеров мешок, другой вцепился в поручень вагона и какое-то время бежал рядом с ним. Потом собрался с силами и забросил мешок в тамбур, прямо мне под ноги.

– Это подарок от меня! – прокричал он и исчез из нашего поля зрения.

Поезд набирал ход. Мы с Галкой целых полчаса перетаскивали нашу поклажу и размещали её в вагоне. И вот всё заняло свои места, и мы облегчённо вздохнули.

– А что в мешке? – поинтересовалась Галя.

Я понюхал мешок – пахло вкусно. Кое-как развязал туго перетянутую бечевой горловину, запустил внутрь руку и вынул золотистого копчёного, изумительно пахнущего свежим дымком леща. Мешок был доверху набит этой вкусной, страшно дефицитной по тем временам рыбой...

БИМБА

Они стояли напротив друг друга – рядовой Чимитов из первого отделения и сержант Смирняк, командир отделения заправщиков. Бимба Чимитов внимательно следил узкими, превратившимися от гнева в щёлочки глазами за малейшим движением противника. Налитые кровью глаза Михаила Смирняка не выражали ничего, кроме ненависти и желания жестоко расправиться со своим противником – врагом его безраздельного господства над солдатами технического дивизиона зенитно-ракетного полка противовоздушной обороны.

А эти самые солдаты молча окружили их плотным кольцом, внутри которого должна была решиться судьба многих из них: будут ли они служить нормально или беспредел в части будет продолжаться.

В это воскресенье в дивизионе только что закончился обед и противники сошлись на площадке у стены дивизионной столовой, с давних времён украшенной пожарным щитом. Офицеров на службе не было: выходной они проводили в городе – дома со своими семьями. А единственного дежурного по дивизиону офицера поблизости не наблюдалось.

Стоял прохладный день конца короткого сибирского лета, когда изнуряющая жара вдруг сменяется уже почти осенней свежестью. Но внутри живого круга из человеческих тел температура, казалось, была выше нормы. И вдруг среди тревожной тишины кто-то громко произнёс:

– Чима, давай за всех!

Смирняк резко повернулся, пытаясь разглядеть в толпе обладателя голоса, тряхнул могучими плечами...

...Когда Бимбу Чимитова призвали в армию, признаться честно, служить он не особенно хотел. Но раз пришла повестка, отправился в военкомат без лишних вопросов. Медкомиссию

прошёл легко: здоровьем Бог не обидел. Он был чемпионом района по бурятской борьбе. По многолетней, заведённой ещё с детства привычке каждое утро совершал пробежку вокруг рабочего посёлка, где родился и жил с матерью и младшим братом в своём доме с огородом. Особых друзей у него не было ни среди ребят, ни среди девичьей части посёлка. Вечера он нередко проводил в местном клубе за нехитрыми тренажёрами, гириями и самодельной штангой или в борцовской секции.

Мать не возражала против его увлечения, тем более что тренер по борьбе хвалил её сына, ставил в пример молодёжи, бесцельно болтающейся целыми днями по улицам посёлка, попивая традиционный самогон и покуривая от безденежья самокрутки, набитые местным табаком-самосадам.

Бимба рос крупным, рослым, ходил вразвалочку, любил поесть и не очень любил учиться в школе. Хотя учителя отмечали в нём некое природное упрямство, которое не позволяло ему скатываться в разряд отстающих учеников, получал по многим предметам нечто среднее между твёрдой тройкой и слабой четвёркой.

Зато дома он всегда помогал матери по хозяйству, жалея её, устающую на работе на местной деревообрабатывающей фабрике, с малолетства умел убраться в доме, приготовить ужин, проследить за братом, даже с иголкой и ниткой мог ловко управиться. После девяти классов, не раздумывая, он пошёл в местное профтехучилище. «Буду слесарить на вашей фабрике, – сказал при этом матери. – Денег будет больше. Накопим, может, в Москву съездим...»

Побывать в далёкой Москве было мечтой едва ли не каждого мальчишки бурятского посёлка в семидесятые годы. Но когда спустя два года Бимба получил специальность слесаря первого разряда и был принят на фабрику учеником в бригаду слесарей, поработать ему пришлось всего несколько недель. Начался весенний призыв.

Его и ещё несколько десятков таких же, как он, пацанов поезд увозил всё дальше от столицы Бурятии на запад. Офицеры, сопровождающие призывные команды, хранили молчание и на вопрос пацанов: «Где станция назначения?» – отвечали уклончиво: «Приедете, узнаете».

Бимба всё время сидел у окна и следил за мелькающими полями, перелесками, населён-

ными пунктами, удивлялся, как много вокруг пространства. Ведь дальше райцентра да находящегося километрах в сорока Улан-Удэ побывать ещё не пришлось. Когда пошли вторые сутки поездки, у призывника Чимитова мелькнула шальная мысль: «Может, до Москвы довезут»...

Однако уже к вечеру второго дня путешествия велели выходить на перрон с вещами, строиться. Команда стриженных пацанов – человек тридцать – неумело построилась под короткие приказы сопровождающего их капитана, повернула налево и пошла к стоявшему невдалеке автобусу.

Они приехали в большой, многолюдный город, широко раскинувшийся на плоской ладони Барабинской степи и считающийся столицей Западной Сибири, а дальше за ним начинаются уральские регионы. Пока ехали в автобусе, капитан начал раскрывать им военные тайны. Положенный месячный карантин и курс молодого бойца предстояло пройти при штабном подразделении полка противовоздушной обороны, огневые дивизионы которого, вооружённые ракетными комплексами С-75, были расположены вокруг города, прикрывая его от нападения предполагаемого противника с воздуха.

– А противник-то кто? – не по уставу перебил капитана Бимба.

Тот поморщился, ответил нетерпеливому новобранцу.

– Узнаешь в своё время... Сейчас вас направят на помывку, получите форму, потом – ужин. И – в казарму, спать, – свернул беседу капитан.

Этот первый вечер Бимба запомнил, кажется, на всю оставшуюся жизнь. Через этот день прошла граница между старой – гражданской и новой – военной жизнями.

Их привели к бане, расположенной недалеко от двухэтажной казармы, к которой примыкал большой расчерченный асфальт плаца. Приказали ждать на банном дворе. Вскоре появился невысокий, полноватый прапорщик с зачёсанными назад белёсыми волосами, обнажающими большие залысины на непомерно крупной голове, и неприятно бегающими глазами. За ним следовал солдат, который толкал перед собой большую четырёхколёсную тележку на резиновом ходу. На тележке высились горы гимнастёрки, штанов, синих трусов и белых маек. Пилотки и кирзовые сапоги были сложены отдельно.

Прапорщик вынул из кармана своих брюк горсть красных звёздочек и алюминиевых перекрещенных пушечных дульцев – в петлицы гимнастёрки – и высыпал их на один из углов тележки. Сюда же сложил стопкой новенькие чистые погоны.

– Слушать меня! – перекивая гул голов, обратился он к приезжим. – Я – старшина штаба полка. Сейчас вы разденетесь, подберёте себе обмундирование, сапожки. Обратите внимание на портянки, носки в армии носить нельзя. Поэтому учите мотать портянки, чтобы сапог не жал и не болтался при ходьбе. Берегите ноги! Потом пойдёте в баню, новую обмундировку возьмёте с собой. Оденьте её после помывки. У кого длинные волосы, перед помывкой – к парикмахеру. Длина причёски разрешается не больше... – он осмотрел парней и ткнул в стриженую голову Бимбы, – как у него.

Все посмотрели на Чимитова, а тот с довольной улыбкой на круглом лице переводил взгляд с одного на другого и гладил свою лысую голову.

– А наши домашние вещи куда? – спросил кто-то старшину.

– А вон – чурбак, видите?

И только сейчас Бимба обратил внимание на большой чурбак с изрубленной от постоянного употребления поверхностью. В него был воткнут широкий топор на длинном топорщице.

– Гражданскую одежду изрубить на кусочки. Потом мы её сожжём в котельной.

Толпа недовольно загудела.

– Может, можно домой отослать? – спросил за всех Чимитов.

– Никаких домой – всё в топку! Лично проверю. Не хватало нам тут заразы всякой хватать! – старшина немного помолчал, потом спросил: – Вопросы есть? Если нет, приступайте... После бани – встреча на плацу через два часа.

Он поманил Бимбу пальцем, а когда тот подошёл, приказал:

– Быстро раздевайся, подбирай форму и берись за топор. Дрова рубить умеешь?

– С детства умею! – похвалился тот.

– Вот и будешь рубить всё подряд, ничего не пропуская, следи, чтобы ничего не припрятали.

Бимба Чимитов снял с себя старенький плащ, чёрный свитерок, потёртые брюки, ру-

башку, носки. Остался в одних трусах. Он с удовольствием ловил на себе взгляды парней, которые с завистью поглядывали на его спортивную фигуру, бицепсы и квадратики мышц пресса на животе.

Форму ему удалось подобрать раза с третьего – всё было тесновато. Наконец он нашёл всё по себе. Впору пришили и сапоги с пилоткой, к которой он ловко прицепил звёздочку. Он сложил всё аккуратной кучкой возле чурбака и взялся за топор. Ребята подкладывали ему на чурбак свою домашнюю одежду. А он только успевал махать топором. Парни расставались с ней по-разному: кто со смехом, а кто-то и с тяжёлыми вздохами. Ведь не все родные догадались обрядить призывников в старенькие штаны и куртки. Кое-кто был одет не хуже, чем для похода в театр.

При этом Бимба заметил, как старшина в сопровождении рядового подходил то к одному, то к другому хорошо одетому новобранцу, отводил его в сторону, о чём-то с ним шептался. Потом парнишка снимал с себя кожаную куртку или хороший пиджак, лакированные туфли и передавал старшине. Тот отдавал это сопровождающему солдату, доставал из кармана кошелёк, отсчитывал купюры и расплачивался за покупку.

«А мне-то что, – пожал плечами Бимба. – Значит, в армии тоже имеются спекулянты. Всё как на гражданке. Раз так – не пропадём!»

Через пару часов все они вышли из бани. Парни не узнавали друг друга. То тут, то там раздавался громкий хохот. В новых, не обмятых ещё гимнастёрках, чёрных кирзовых сапогах, пилотках на стриженных затылках, все, казалось, были похожи, как воробьи в стае.

Они со смехом рассматривали друг друга, удивляясь, как это в одночасье армия сделала всех их, разных и несхожих, такими одинаковыми и универсальными.

– Вот так фокус! – изумлялся Бимба, разглядывая сослуживцев, удивляясь одинаково торчащим из-под пилоток ушам, топорщившимся на плечах чёрным погонам с буквами «СА». – Что армия с нами творит?!

Длинный майский вечер клонился к ночи, на землю опускались сумерки. Они не заметили, как быстрым шагом к ним подошёл молодой, высокий, краснощёкий лейтенант.

– Взвод, строиться! По росту! В линейку по одному! – зычно подал он команды.

Парни засуетились, примеряясь к росту друг друга. Бимба оказался третьим справа. А когда лейтенант приказал рассчитаться на первый-второй, он был почти в самой голове колонны, которая нестройным шагом направилась в столовую. Столы там вмещали по десять человек. А металлический бак, стоявший на каждом столе, содержал десять полноценных порций перловой каши или, как именовал её лейтенант, «шрапнели», которая была сдобрена крупными кусками варёного свиного сала. Бимба видел, как некоторые новобранцы воротили носы от такой еды. Сам он, привыкший дома к простому питанию, с удовольствием умял свою порцию, да ещё и добавки сумел заполучить. Наелся, что называется, от пуза. И эта сторона службы ему понравилась.

Наконец лейтенант, фамилия которого оказалась самой русской – Иванов, привёл их на ночлег в казарму. Их ждала спальня на втором этаже, два длинных ряда двухъярусных кроватей. Бимба расторопно выбрал себе место на «втором этаже», возле окна. В казарме их снова построили, провели перекличку. Лишь после этого прозвучала, наконец, команда «отбой». «Первый день службы закончился неплохо», – решил Бимба Чимитов и мгновенно уснул...

Дни, посвящённые изучению курса молодого бойца, пролетали незаметно один за другим. Подъём в полседьмого, утренняя зарядка с пробежкой вокруг плаца – это Бимба любил с детства. Потом следовал сытный завтрак с обязательными двадцатью граммами сливочного масла на белом ломте хлеба.

Следом шло изучение уставов Вооружённых сил СССР. Бимба узнал, что в армии есть строевой устав, устав внутренней службы, дисциплинарной службы и, наконец, устав гарнизонной и караульной службы. Кажется, в школе и ПТУ учебников было меньше. От зубрёжки того, что положено и не положено делать солдату, у него сводило челюсти.

Хорошо, что после сидения в классе для новобранцев приходило время обеда. Армейская пища была как раз по Бимбиному желудку. На приём пищи отводилось не больше получаса. Схлебать за это время глубокую миску горячего борща, проглотить кашу с салом и запить всё это кружкой чая в первые дни во взводе новобранцев не удавалось никому. Лейтенант Иванов, казалось, даже радовался этому, подавая команду: «Приём пищи закончить! Встать,

выходить строиться!» И они на ходу дохлёбывали, обжигая рот, горячее варево, расталкивали по карманам куски хлеба, чтобы украдкой сжевать его в ожидании ужина.

Уже через пару дней Чимитов понял, что с этим надо что-то делать: молодой организм, отдающий много калорий, требовал восстановления энергии по полной. И он придумал, как можно нормально справиться с обедом. Он вспомнил, что в детстве его дедушка ел суп, накрошив в него кусочки хлеба. «Быстрее остынет», – говорил он. И Бимба попробовал применить это в солдатской столовой.

Вначале соседи по столу смотрели на его действия с усмешкой. Но зато он в пять минут справился с крутым кипятком борща, уже не торопясь проглотил кашу, запив её сладковатым компотом, и в ожидании команды к окончанию обеда стал с улыбкой наблюдать за теми, кто ещё лишь доедал первое. Назавтра соседи по столу, не сговариваясь, приняли его обеденную тактику к действию. Вскоре к ним присоединились и другие столы новичков.

После обеда начинались строевые занятия. Лейтенант Иванов дотошно обучал их простому, как оказалось, искусству шагистики. По его команде они шлёпали каблуками по плацу так, что болели стопы. А лейтенант всё был недоволен. «Солдат должен овладеть строевой подготовкой так же хорошо, как умеет дышать. А вы – как коровы на льду!» – выговаривал им командир взвода.

Только недели через две мало-помалу у них начало получаться: выйти из строя, пройти строевым шагом, всем взводом по команде на ходу резко повернуть, не перепутав при этом, где право, где лево...

Отличился Бимба на загородном стрельбище, куда их вывезли на крытом брезентом грузовике. Перед этим каждому выдали по самозарядному карабину Симонова. Целый день они тренировались в заряжании и разряжании оружия, прицеливании, изучали мишень. Поездка разнообразила одинаковые дни в полку. Бимба занял в кузове место у заднего борта и с интересом рассматривал улицы незнакомого города: красивые купеческие дома – в центре, многоэтажки новостроек – на окраине... Потом они шли друг за другом по лесной тропинке светлого берёзового леса на исходную позицию. Стреляли по пять человек за один раз из позиции лежа.

Бимба Чимитов улёгся на своё место. Получил из рук лейтенанта пять патронов: два – пристрелочных, три – зачётных. По команде «Снарядить магазин двумя патронами!» вставил их в металлическую скобку магазина.

«Вставить магазин в карабин!» – приказал комвзвода. Бимба направил оружие на мишень, установленную в ста метрах, и вогнал в него магазин.

– Первый к стрельбе готов! – громко доложил он.

Следом о готовности отрапортовали и все остальные.

– Огонь! – отдал команду лейтенант.

Сразу же щёлкнули два выстрела.

Бимба не торопился, устроился поудобнее, снял карабин с предохранителя, посмотрел на прицельную планку и установил её на отметку в сто метров. Резко дёрнул затвор, посылая патрон в патронник. Он вдруг почувствовал, как внутри него просыпается какое-то ранее неизвестное чувство охотника, от которого выровнялось дыхание и, кажется, кровь потекла чуть медленнее, а взгляд стал острее и зорче. Бимба хорошо видел мишень с изображённой на ней человеческой фигурой, не спеша прицелился, крепко прижав приклад к плечу, плавно потянул курок. На звук выстрела он даже не обратил внимания. Выстрелил ещё и был уверен, что пули попали, куда надо.

Убрав палец со спускового крючка, он поставил оружие на предохранитель, доложил:

– Первый стрельбу закончил. – И его доклад прозвучал последним в цепи стрелков.

– Разряжай! – приказал лейтенант Иванов. Солдаты выдернули пустые магазины, отвели и отпустили затворы, щёлкнули незаряженным курком. Встали, предъявили оружие к осмотру.

Лейтенант, вооружившись карандашом, побежал к мишеням. На четыре глянул мельком, Бимбину долго разглядывал, приложил к ней карандашом. Потом вернулся на исходную позицию.

– Все – в молоко, – объявил он стрелкам. – А рядовой Чимитов выбил десятку и девятку. Ты где стрелять учился?

– Нигде, – улыбаясь, ответил Бимба, – само как-то получилось...

Потом им выдали по три зачётных патрона. Чимитов снова выбил две девятки и десятку, отстрелялся лучше всех во взводе.

Впрочем, когда возвращались в часть и Бимба вновь со своего места из-под брезента

рассматривал оживлённые вечерние улицы, он вдруг вспомнил, как когда-то, в далёком детстве, мама рассказывала ему историю их семьи: его прадед, дед и рано ушедший из жизни отец – все были прирождёнными охотниками...

Вечером в казарме на вечерней поверке комвзвода приказал ему выйти из строя и объявил благодарность за отличную стрельбу. Парни с уважением смотрели на своего товарища, а после команды «разойдись» по очереди жали ему руку.

Через два дня произошло событие, которое ещё больше укрепило авторитет Чимитова во взводе новобранцев.

Дедовщину в полку пресекали жёстко. В случае если старослужащие привязывались к молодым, наказание следовало неотвратимо. Все подобные происшествия тщательно расследовали, наказывая виновных как минимум гауптвахтой. Поэтому первые несколько недель новички не сталкивались с грубостью дедов. Но однажды трое солдат полка, отслуживших уже по полтора года и готовившихся к скорому дембелю, напились после отбоя. И решили покуражиться. Они принялись по очереди будить новобранцев и выяснять с каждым отношения в комнате для умывания. Уже человека три из новеньких вернулись в свою спальню, размазывая слёзы и потирая рёбра, ушибленные крепкими кулаками, когда очередь дошла до Бимбы. Он проснулся от резкого толчка в бок, услышал шёпот:

– Быстро встал и – за мной!

Чимитов прыгнул на пол со своего второго яруса и босиком поплёлся за разбудившим в умывальник, спросонья ничего не понимая.

– Дверь за собой закрой! – приказал ему высокий – выше его на полголовы – светловолосый сержант в расстёгнутой до пупа гимнастёрке.

– Ну что, служба мёдом кажется? – спросил его, уже окончательно проснувшегося и начавшего соображать, что к чему, другой, прислонившийся к подоконнику, поменьше ростом, но поплотнее в плечах, с лычками ефрейтора на погонах. – Ну-ка, встал на колени, киргиз узкоглазый! – приказал он.

А тот, что привёл Бимбу, тоже сержант, толкнул его в спину:

– Ты что, не понял, молодой?!

– Парни, вы чего? – заулыбался примирительно Бимба им в ответ. – Во-первых, я из Бурятии. А во-вторых, ночь на дворе, ночью спать надо...

– Ах ты умный какой, из Бурятии... – на не-
твёрдых ногах вплотную подошёл к нему высо-
кий, дыша в лицо перегаром. – Приказов не по-
нимаешь? Сейчас мы тебя научим! – он замах-
нулся кулаком.

Чимитов перехватил его руку, заломил её за
спину и тычком отправил его на пол.

– Ты чё, молодой, оборзел?! – вскочил с ме-
ста ефрейтор. – Дедов обижаешь!

Он принял боксёрскую стойку и начал под-
ступать к Бимбе слева, а второй сержант –
справа. Бимба мгновенно оценил противников.
И ударом левой ноги отправил в нокаут сер-
жанта, который, описав в воздухе дугу, призем-
лился прямо на фарфоровую раковину умы-
вальника. Та с грохотом разлетелась на куски.
Бросившегося на него крепыша-ефрейтора он
уложил на пол ударом локтя в солнечное спле-
тение.

Тут дверь умывальника распахнулась и в
комнату влетел дежурный офицер, из-за его
плеча выглядывал дневальный. Именно он и
поднял тревогу, услышав шум на втором этаже.

Половину ночи Бимба провёл в офицерской,
описывая в рапорте случившееся. Это же са-
мое делали и пострадавшие новобранцы, кото-
рых подняли с постели. Пьяным служакам не
повезло, для них история закончилась гаупт-
вахтой. А авторитет Чимитова среди молодых
вырос.

Но долго почивать на лаврах ему не при-
шлось. Через несколько дней новобранцы да-
вали воинскую присягу. Дело было на плацу.
Новобранцев и всех свободных от полковой
службы выстроили перед командованием ча-
сти. Бимба в парадной форме жалел о том, что
его сейчас не видит мама.

А когда он произносил слова: «Я, гражданин
Союза Советских Социалистических Республик,
вступая в ряды Вооружённых сил, принимаю
присягу и торжественно клянусь быть честным,
храбрым, дисциплинированным, бдительным
воином...», голос его задрожал от волнения, но
он справился с ним и уверенно дочитал клятву
воина.

Им объявили назначения в дивизионы или,
как принято было говорить, на «точки». Бимба и
ещё трое ребят из их команды попали в техни-
ческий дивизион. Так он оказался вдали от го-
рода, за периметром большого – в несколько
гектаров земли – прямоугольника, обнесённого
колючей проволокой. Здесь предстояло почти

два года служить и жить в одноэтажной дере-
вянной казарме.

Чима, так коротко стали именовать его сол-
даты, уже знал, что предназначение техдивизи-
она – обслуживать огневые дивизионы полка.
Эту задачу выполняли офицеры, сержанты и
солдаты дивизиона. У техников в специальных
ангарах хранились ракеты и части к ним – за-
пасной полковой боекомплект. В любую мину-
ту – по команде – им предстояло оснастить ра-
зобранные ракеты всем необходимым, запра-
вить топливом, погрузить на специальные
прицепы и доставить огневицам на пусковые
установки.

Бимба был зачислен в первое отделение – в
расчёт контрольно-передвижной испытатель-
ной станции, или коротко – КИПС. Главная за-
дача кипсовиков заключалась в том, чтобы про-
водить регулярные, раз в три месяца, проверки
бортовой аппаратуры ракет, которые стоят на
боевом дежурстве на пусковых установках в ог-
невых дивизионах. А в другое время отделение,
как и все остальные, тянуло повседневную лям-
ку солдатских будней. Конечно, самыми труд-
ными были первые дни и недели привыкания к
новой обстановке. Казарма по сравнению с
полковой казалась простоватой, обставленной
с суровым минимализмом.

Жизнерадостный по характеру, Бимба не
унывал от однообразия дивизионной жизни.
Наряды в караул, дежурство по казарме и кух-
не, тренировки в расчёте кипсовиков переме-
жались с приёмами пищи. А кормили здесь да-
же лучше, чем в полку: Чима с удовольствием
съедал доппаёк. Во всём этом он умел находить
светлые стороны службы.

Однако так к солдатской жизни на «точке»
умели относиться далеко не все. Многие солда-
ты испытывали депрессию от долгой жизни в
замкнутом пространстве. Поэтому рядовые,
особенно первогодки, сразу потянулись к нему,
и он умел находить для каждого простые слова,
настроить на оптимистическую волну. Им импо-
нировала его добродушная улыбка и вообще
весь его крепкий вид, казалось, придавал со-
служивцам новых сил.

Хотя дивизионный старшина Василий Коже-
мяка, сам богатырского роста, вначале отнёсся
к новичку Бимбе Чимитову с недоверием. В
один из вечеров, отведённых солдатам для так
называемой самоподготовки, которую обычно
использовали для написания писем домой, он

отвёл Чимитова за казарму и рокочущим басом строго спросил:

– Ты чего светишься весь, как новый пятак? Хочешь у нас свои порядки установить?

Чимитов растерянно покачал головой.

– Знаю я тебя, – продолжал старшина. – Наслышан о твоих подвигах в полку. Здесь я тебе драться не дам. У нас – никакой дедовщины! Или познакомишься вот с этим, – и он поднёс к лицу солдата кулак размером с пивную кружку.

– Да я ничего, – улыбнулся в ответ своей обезоруживающей улыбкой Бимба. – Они первыми начали, солдат били. Вот я и ввязался. А так, я и сам дедовщину ненавижу...

Летняя жизнь в дивизионе отличалась от зимней. Летом, несомненно, было лучше. Можно было – в короткие минуты отдыха – растянуться на траве и глядеть в бездонное голубое небо. Можно на специально отведённой площадке длинным летним вечером покурить с товарищем под воспоминания о доме. Можно просто ходить на свежем воздухе в одной гимнастёрке. Зарядка летом переносится легче, чем зимой. А кроссы, которые старшина устраивает каждое воскресное утро, летом не кажутся такими бессмысленными.

Говорят, летом легче и отвыкать от дома, втягиваясь в армейское существование. Одно плохо, летние дни пролетают быстрее, чем зимние...

Короткое сибирское лето начало входить в силу, когда в дивизионе объявился сержант Михаил Смирняк. Из учебной части его по каким-то неизвестным причинам досрочно направили в действующее военное формирование. Так он попал в технический дивизион, причём на должность командира отделения заправщиков ракет.

Это был крупный, широкоплечий парень, альбинос с крепкими мускулами, бесцветными бровями и ресницами, отчего его глаза были похожи на глаза подозрительного поросёнка. От его пронзительного, немигающего взгляда многим в дивизионе делалось не по себе.

Первые несколько дней он провёл в абсолютном молчании, лишь односложно отвечая на вопросы командиров, а равных себе или ниже по званию вообще не удостоивал ответом. Однажды он подошёл к Чимитову и презрительно спросил:

– Ты, что ли, держишь тут всех?

– Как это «держу»? – улыбнувшись, не понял Бимба.

– Не придуривайся! И на тебя сила найдётся... – бросил ему Смирняк и отошёл от растерявшегося солдата.

Вечером того же дня Бимба видел, как новый сержант подозвал в казарме одного из своих подчинённых, показал на свои сапоги и приказал до блеска их начистить к утренней проверке. А когда солдат попытался отказаться, двинул ему кулаком в живот так, что тот согнулся пополам, хватая ртом воздух. А Смирняк медленно разулся, передал ему свои сапоги, и солдатик, понутив голову, отправился в умывальную комнату, где был отведён угол для чистки обуви.

Чимитов тогда ничего никому не сказал, решил не вмешиваться в жизнь другого отделения. Инцидент видели и другие солдаты, однако и они промолчали по принципу: раз тронули не меня, значит, это не моё дело.

Атмосфера в дивизионе начала постепенно меняться, и не в лучшую сторону. Вначале все заметили, как сменилось настроение военнослужащих отделения заправщиков. Они погрустнели, глаза у ребят потухли, в них затаился страх. То у одного, то у другого солдата начали появляться синяки и шишки, причём на таких участках тела, на которых эти следы можно было обнаружить только вечером, когда они раздеваются перед сном. А днём офицеры этого под одеждой не увидят.

Чимитов вечерами в казарме подходил то к одному, то к другому, спрашивал, что случилось. Ответ всегда был стандартным: ударился на тренировке. Парни отводили глаза, бросали испуганные взгляды на Смирняка. А тот свирепо посматривал на подчинённых, при этом методично сжимая и разжимая кулак поднятой вверх правой руки. Однажды он надвинулся на Бимбу и, не глядя на него, спросил:

– Ты, Чима, чего лезешь не в своё дело? Чего моих сопляков допрашиваешь? Не лезь, а то...

– А то что? – улыбаясь своей простодушной улыбкой, перебил его Бимба.

– А то глаза совсем перестанут раскрываться! – презрительно бросил Смирняк и, демонстративно оттолкнув Чимитова, направился тяжёлой походкой к своей кровати.

В глазах у Бимбы сверкнул и погас огонёк, он долго смотрел сержанту в спину...

Однажды во взводе заправщиков случилось ЧП. Там служили два брата-близнеца из Узбе-

кистана – Хасан и Хусен. Они были так похожи, что их постоянно путали. И они частенько безобидно пользовались этим. Солдаты подшучивали над ними, вечно переспрашивали: «Ты Хасан или Хусен?» А те, довольные вопросом, смеясь, называли себя.

Смирняку это надоело, и он положил конец этим шуткам самым бесчеловечным способом. Он вызвал Хусена и приказал немедленно сбегать на позицию, где установлены ёмкости для заправки ракет, и замерить уровень окислителя в баке.

Реактивный двигатель ракеты заправляется двумя компонентами: горючим и окислителем. Взаимодействуя между собой, они выделяют огромное количество тепловой энергии, которая движет ракету к цели. Роль окислителя выполняет высококонцентрированная азотная кислота – дымящаяся на воздухе жидкость бурого цвета. В ней растворяются многие металлы, а для человека она очень опасна: обжигает дыхательные пути, кожу, оставляя на ней долго не заживающие язвы. Поэтому работать с окислителем можно только в спецкостюме, перчатках и противогазе.

Смирняк же так рывкнул срочное приказание солдату, что тот помчался выполнять задание в чём был – в гимнастёрке. Он, запыхавшись, подбежал к баку, взлетел на мостки, с которых можно достать до горловины ёмкости, откинул крепления и открыл крышку. Заглянуть внутрь он не успел, так как над баком взметнулся клуб бурых ядовитых кислотных испарений. Хусен отпрянул, заверещал не своим голосом, вмиг оказался на земле, катаясь по траве от боли, зажимая правой рукой обожжённую левую щеку и тряся обожжённой ладонью левой руки.

На крики сбежались солдаты, тренирующиеся на других позициях. Появились озабоченные офицеры. Но первым до пострадавшего добрался Смирняк. «Сам виноват, нарушил технику безопасности. Кто тебя просил лезть туда без костюма? Скажешь по-другому, убью!» – хрюкающе-свистящим шёпотом сквозь зубы процедил он. И так приложился кулаком к солдатским рёбрам, что тот на мгновение вообще отключился.

Хусена отправили в госпиталь. Провели разбирательство, по которому вышло: сам виноват, грубо нарушил технику безопасности. Смирняку сделали замечание, приказав уси-

лить тренировки личного состава отделения. И он, рад стараться, гонял подчинённых до обморока, из которого выводил их тычками кулака или пинками под рёбра.

А вернувшийся недели через три из госпиталя Хусен был молчалив, затравленно озирался при каждом громком звуке и при виде Смирняка едва не падал в обморок от страха. На своего брата-близнеца Хасана он теперь совсем был не похож: левую половину лица покрывали розовые струпья от сильного ожога. Остались глубокие шрамы и на левой ладони. Братья совсем разучились смеяться.

За короткое сибирское лето общее настроение в части изменилось. Неладное в дивизионе чувствовали и офицеры. Только солдаты напроць отрицали все их подозрения, молчали и командиры отделений: кто был запуган, а кто не хотел связываться на свою голову, рассуждая: днём командиры в части, а на ночь же уезжают домой, в город. Большинство своих нечистых дел Смирняк творил именно ночью.

А Смирняк ходил по дивизиону гоголем. Он даже на офицеров стал поглядывать свысока. Здоровяк старшина Василий Кожемяка пытался вернуть его с небес на землю, напомнив, что в армии надо жить по уставу. «Тебе надо – ты и живи!» – нагло парировал тот. И, не дожидаясь разрешения, покинул каптёрку старшины.

Солдаты стирали и утюжили его форму, ежевечерне чистили сапоги, пришивали чистый подворотничок. Он при офицерах делал вид, что ни при чём, что добровольцы делают это по собственному желанию, из уважения к сержанту. Однако в казарме всегда внимательно следил за тем, насколько тщательно подчинённые обихаживают его. И если ему казалось, что кто-то делает это недостаточно тщательно, следовало жестокое наказание. Нередко он вызывал провинившегося, по его мнению, военнотруженика после отбоя в умывальник и наказывал ударами пряжки ремня по мягкому месту. От него начало доставаться и солдатам других отделений.

Но наиболее нагло Смирняк начал вести себя в столовой. Там он запросто забирал у сидящих за одним с ним столом себе в тарелку любую понравившуюся пищу, оставляя солдат без масла, котлет, мяса, на голодном пайке. Те расстраивались буквально до слёз.

Уже не раз и не два к Бимбе Чимитову подходили сослуживцы и, испуганно озираясь, просили помощи. «Как служить дальше? Что с этим

делать?» – спрашивали они его. А он, обычно улыбочивый с ними, всё реже улыбался в ответ, понимая, что добром всё это не кончится.

...Наконец, «день икс» наступил. В этот воскресный день обед в столовой шёл на редкость спокойно. Смирняк куда-то запропал. И солдатам, сидевшим за столом вместе с ним, в этот раз повезло поесть не только каши, им достался и воскресный доппаёк. К концу трапезы они повеселели и даже начали шутить, что их сержанту сегодня не повезло: пропустил вкусный обед. Как вдруг из внутренних помещений кухни в обеденный зал выкатился толстоватый, невысокий повар – ефрейтор Самвэл, он громко возмущался, размазывая по лицу кровь, сочившуюся из разбитого носа. Это было так неожиданно, что несколько солдат вскочили со своих мест, кинулись к нему, спрашивая, что случилось. Самвэл, путая русские и армянские слова, начал сбивчиво рассказывать, что к нему на кухню пришёл сержант Смирняк, потребовал дать ему на обед то, что повар готовит на завтра для офицеров. Когда тот отказался, Смирняк швырнул его на пол, оглушив ударом по голове, открыл дивизионный холодильник и начал есть всё подряд из офицерского пайка: колбасу, копчёное мясо, икру. Когда очнувшийся Самвэл пытался закрыть холодильник, Смирняк избил его, разбил нос.

Столовая молча слушала откровения ефрейтора и не заметила, как в обеденном зале оказался Смирняк. Он незаметно подкрался к Самвэлу сзади и коротким, резким ударом в поясницу заставил замолчать. Самвэл скорчился от боли, согнувшись пополам. Столовая тихо зароптала.

– Ну-ка заткнулись все! – Смирняк обвёл солдат своими маленькими свинными глазками. – Кто ещё хочет попробовать моего кулака? Может, ты, бурят, хочешь? Я давно к твоей роже присматриваюсь. Она мне не нравится!

– А я – к твоей! Она мне тоже не нравится! – вдруг в тон ему ответил сидевший за столом у окна Бимба.

– Что? Что ты сказал, рожа? – Смирняк бросился к Чимитову.

Тот мгновенно вскочил, принял оборонительную стойку, крикнул:

– Не здесь! Давай не здесь! Выйдем на улицу!

Смирняк остановился, опустил кулаки:

– Давай выйдем... – и пошёл к выходу.

Чимитов – за ним. Следом на улицу высыпали солдаты. Они кольцом окружили противников.

Смирняк вдруг молниеносно кинулся к Бимбе, схватил его за ремень и воротник гимнастёрки и бросил на землю. Чимитов грохнулся об асфальт и на миг потерял ориентацию. Но уже через мгновение пришёл в себя, начал подниматься, отряхиваясь от пыли. Он понимал, что Смирняк сильнее его, что так просто его не одолеть. Однако Бимба знал и то, что он должен сегодня раз и навсегда остановить этого наглого, перешедшего все пределы сержанта-кабана, как втихаря окрестили его солдаты. «Надо спасти дивизион», – мелькнуло в голове.

...Они стояли напротив друг друга – рядовой Чимитов и сержант Смирняк. Бимба внимательно следил за малейшим движением противника. И вдруг кто-то громко произнёс:

– Чима, давай за всех!

Смирняк резко повернулся, пытаясь разглядеть в толпе обладателя голоса, шагнул к кольцу солдат, выхватив одного из них, замахнулся кулаком. Солдат от страха громко закричал не своим голосом.

Чимитов будто очнулся от этого крика, начал оглядываться в поисках какого-нибудь подручного средства.

– Ломик дай! – негромко попросил он ближайшего к нему солдата.

– Что? – не понял тот.

– Дай ломик с пожарного щита!

Солдат оглянулся, поискал глазами висящий на стене небольшой лом, раскрашенный красной краской.

– Быстрее! – торопил Бимба, а сам продолжал внимательно следить за Смирняком, занятым расправой над сослуживцем.

Он крепко сжал правой рукой протянутый ломик и начал неслышно подступать к Смирняку, стараясь быть вне поля его зрения. А тот, занятый выкручиванием руки посмеявшегося подать голос солдата, вдруг почувствовал неуловимое движение за спиной, отпустил орущего парня, однако повернуться к Бимбе не успел. Тот со всего маху ударил его ломом по правой щеке. На мгновение глаза сержанта выкатились из орбит, потом его взгляд помутнел, и он без чувств навзничь рухнул на землю.

Толпа загалдела. Чимитова обступили со всех сторон, радостно похлопывая по плечам, спине...

– Стойте, стойте! – крикнул он. – Быстро разойдись! Никто из вас ничего не видел!

Толпа махом рассосалась по территории, кто-то исчез в казарме. Самвэл закрылся на своей кухне.

Бимба осмотрел Смирняка, положил руку ему на грудь, уловил биение сердца. Нижняя челюсть сержанта с правой стороны увеличивалась прямо на глазах. «Кажется, живой...» – прошептал Бимба.

Он вытащил из нагрудного кармана чистый носовой платок, тщательно протёр инструмент и вернул его на своё место на пожарном щите. Потом осмотрелся – вокруг не было ни души. И покинул поле боя.

Смирняка возле столовой обнаружил дежурный офицер. Лейтенант шёл на обед, распространяя вокруг себя аромат паров технического спирта, и наткнулся на распластанное тело сержанта. Он поднял тревогу, вызвал дивизионного фельдшера, который с помощью напитанной нашатырём ватки вывел потерпевшего из глубокого нокаута. Смирняк долго тряс головой, приходя в себя, что-то неразборчиво мычал в ответ на вопросы дежурного, морщился, прикасаясь к раздувшейся щеке.

Лейтенант по телефону доложил о ситуации командованию дивизиона, получил «добро», чтобы направить Смирняка в полковой госпиталь. И вскоре дивизионная дежурка увезла сержанта в город.

Солдаты молча издалека наблюдали за всеми этими действиями. К дежурному офицеру никто не подошёл. А когда лейтенант попытался сам найти свидетелей случившегося и начал поочерёдно – то одному, то другому – задавать вопросы, ответы были одинаковыми: ничего не видели, ничего не знаем.

Вечером в казарме на удивление было тихо. Солдаты в красном уголке молча писали письма домой, чистили сапоги и приводили в порядок форму, подшивали свежие воротнички к гимнастёркам, курили в курилке. Всё – молча. Только многозначительно обменивались взглядами.

На следующий день, в понедельник, командир технического дивизиона, высокий, нескладный полковник Заикин, как всегда, с помятым после выходного красноватым лицом, приказал старшине Кожемяке построить на плацу личный состав.

– Солдаты! – обратился он к строю. – Вы знаете, что у нас произошло ЧП. У сержанта

Смирняка сложный перелом нижней челюсти. Он утверждает, что сам споткнулся и упал, ударился об асфальт и потерял сознание... Лично я этому не верю! Тому, кто видел, что случилось с сержантом, приказываю выйти из строя!

Строй стоял не шелохнувшись. Подождав немного, Заикин с офицерами ушёл в казарму, приказав старшине добиться от солдат правды. Василий Кожемяка почти два часа ходил взад-вперёд перед военнослужащими, внезапно останавливаясь то перед одним, то перед другим, тыкал в него пальцем:

– Рядовой, знаешь что-нибудь о происшествии?

– Никак нет, товарищ старшина! – следовал стандартный ответ.

Ничего не добившись, Кожемяка в конце концов отправил личный состав на обед.

Прошло два дня. О случившемся со Смирняком в дивизионе старались не вспоминать. Будто сговорившись, солдаты наложили табу на эту тему.

В четверг в дивизион прибыл следователь военной прокуратуры. Он долго беседовал с лейтенантом, который дежурил в тот злополучный день. Лейтенант подробно рассказал, где нашёл лежащего без чувств сержанта, как привёл его в себя. Но о том, как всё случилось, ничего не мог показать. Не видел, и всё тут!

Три дня следователь допрашивал солдатско-сержантский состав дивизиона, вызывая по одному человеку в офицерскую комнату. В двух десятках протоколов допросов были одни и те же показания: ничего не видел, ничего не знаю. В субботу вечером следователь уехал в город.

В этот же день после ужина Бимбу вызвал к себе в каптёрку дивизионный старшина Кожемяка. Он сидел за письменным столом.

– Садись, – разрешил он сержанту.

А когда тот присел перед ним на уголок стула, старшина принялся долго и внимательно вглядываться в его лицо. Чимитов был спокоен, как обычно, улыбался в ответ Кожемяке, щуря свои раскосые глаза.

– Значит, говоришь, не знаешь, что случилось? – спросил наконец старшина.

– Вы о чём, товарищ старшина? – непонимающе переспросил Бимба.

– Я о Смирняке... – усмехнулся тот.

– А-а, – протянул Бимба. – Да нет, не знаю. Полковник сказал, что он упал по неосторожности. Осторожнее надо быть! – многозначительно произнёс солдат.

– А ведь я знаю, что это твоих рук дело, – заявил вдруг Кожемяка. – Знаю-знаю, – добавил в ответ на то, как Бимба отрицательно покачал головой. – Больше некому! Получить такой перелом при падении нельзя – прав следовательно. Вот только как ты его, чем? Такого кулаком не прошибёшь!

– Не пойму, о чём вы? Он сильнее меня, однозначно, – Чимитов уставился в пол, помолчал, а потом добавил: – Хотя поделом ему...

– Я тоже думаю, что поделом, – басовито поддержал Кожемяка. – Не зря говорится: Бог шельму метит!

Они посидели молча, время от времени обмениваясь взглядами.

– Значит так, – не выдержал наконец старшина, – решено: дело не возбуждать, ведь это – несчастный случай. Тем более и сам пострадавший так говорит. Однако на всякий случай его после госпиталя переведут в другой дивизион. Для верности. Ведь у него тройной перелом нижней челюсти. Не скоро сможет поесть нормально... Так что иди, расскажи ребятам, пусть расслабятся. И больше чтобы никакой дедов-

щины! – бухнул Кожемяка своим огромным кулаком по столу.

– Есть, никакой дедовщины! – подскочил Чимитов. – Разрешите идти?

– Иди, защитник угнетённых, – вставая, хлопнул его по спине старшина. – Да не попадайся!

Бимба выскочил из каптёрки, почти бегом заскочил в курилку. Здесь стоял дым коромыслом: после ужина считалось святым делом выкурить беломорину или сигарету «Прима». Говорившие о чём-то солдаты умолкли на полуслове, уставившись на Чимитова.

– Смирняка после госпиталя переводят в другой дивизион! – выпалил он в ответ на немой вопрос сослуживцев.

Они обмерли от такой сногшибательной новости, выпустили из лёгких новые клубы дыма и дико заорали в едином порыве:

– Ура! Чима! Ура!

А Бимба пошёл в умывальник, умыл лицо, тщательно потёр мылом руки, будто смывая с них въевшуюся невидимую грязь. А потом отправился в спальню, надеясь сегодня лечь в постель пораньше...

Владимир
ШЕМШУЧЕНКО

КАПЕЛЬКИ ВАСИЛЬКОВ

* * *

Вместо бессильных слов
В самом, самом начале –
Капельки васильков,
искорки иван-чая.
Ну и ещё – река.
А на реке – светает...
Это издадека,
Это растёт, нарастает.
Это – ещё не звук.
Это – из сердцевины.
Это небесный паук
Звёздной наткал паутины.
Это корова-луна
Тучу поддела рогами.
Это кричит тишина,
Смятая сапогами.
Это – здесь и сейчас! –
Заговорить стихами.
Это – последний шанс
Не превратиться в камень.

* * *

Светилась яблоня в саду
За три минуты до рассвета.
В тени ракут купало лето
Кувшинки жёлтые в пруду.

Играла рыба в глубине
На перламутровой свирели,
И камыши о вечном пели,
И подпевать хотелось мне.

Звенел комарик у виска
О чём-то бесконечно важном,
И так бывало не однажды,
И те же плыли облака...

68

Упало яблоко – пора –
И ветка, охнув, распрямилась...
И, торжествуя, жизнь продлилась
За три минуты до утра.

* * *

Дождь походкой гуляки прошёл по облаку,
А потом снизошёл до игры на губе.
Он сейчас поцелует не город, а родинку
На капризно приподнятой Невской губе.

И зачем я лукавую женщину-осень,
С разметавшейся гривой роскошных волос,
Ради музыки этой безжалостно бросил,
Чтоб какой-то дурак подобрал и унёс?

Я по лужам иду, как нелепая птица,
Завернувшись в издавшее виды пальто.
Этот сон наяву будет длиться и длиться...
Из поэзии в жизнь не вернётся никто!

ШЕМШУЧЕНКО Владимир Иванович родился в 1956 году в Караганде. Окончил Киевский политехнический, Норильский индустриальный институты и Литературный институт им. А. М. Горького. Работал в Заполярье и Казахстане. Член Союза писателей России. Лауреат Международной премии «Поэзия» и премий им. Н. Гумилева и А. Прокофьева, обладатель «Золотого пера Московии», действительный член Петровской академии наук и искусств, специальный корреспондент «Литературной газеты». Автор 16 книг стихов. Живёт в г. Всеволожске Ленинградской области.

ОКТАБРЬ

3

У берега вода чиста и холодна.
 Прозрачные леса отчаянно красивы.
 Плесни-ка мне, дружок, карельского вина,
 Затеплем костерок – ну хоть у этой извы.

Она среди камней стоит, едва дыша, –
 Объятия ветров настойчивы и грубы...
 Мы наберём с тобой сухого камыша
 И для неё сошьём из дыма лисью шубу.

Как дышится легко! Как звёзды высоки!
 И воздух не горчит, а первым пахнет снегом...
 Я подниму с земли листочки-лепестки,
 И глубоко вдохну, и выдохну: «О-н-е-з-а...»

ПОЭЗИЯ

1

Когда идёшь по краю ледника –
 По грани, по излому тьмы и света,
 И видишь, как рождается река,
 Решись на шаг и сделайся поэтом.

И – вдребезги! И вот она – бери!
 Она живёт в цветке рододендрона,
 Она – артериальной крови ритм,
 Она вне человеческого закона.

Она растёт из сердца валуна
 Под первыми весенними лучами,
 Она нежна, как полная луна,
 Из-за неё моря не спят ночами.

Возьми – она прожжёт тебе ладонь
 И обернётся шумом водопада.
 Она тебя ужалил – только тронь!
 И ты умрёшь, но умирать не надо.

Ты сможешь, ты сумеешь – делай шаг,
 Один короткий шаг... Какая мука!
 И заново научишься дышать
 И чувствовать губами привкус звука.

2

От сердца к сердцу, от любви к любви
 До самых-самых беззащитных – нас!
 Сквозь жизнь и смерть, сквозь властный
 голос крови,

В урочный или неурочный час,
 Листвой опавшей, первую травую –
 Нас властно отделяя от других,
 Доходит и хватает за живое...
 И сторонятся мёртвые живых!

Как много в городе снега –
 Бери и стихи пиши!
 В вагоны метро с разбега
 Прыгай, буянь, греши!
 До хрипоты с судьбою
 Спорь – не теряй лица.
 За женщину – только стоя!
 За Родину – до конца!
 И пусть второму – корона,
 А третьему – соловьи.
 Ты – первый! Крылья Грифона –
 Твои!
 Взлетай и лети – так надо,
 Не возвращайся назад –
 Писательские заградотряды
 Поэзию не щадят.

* * *

Художник поставит мольберт
 И краски разложит, и кисти,
 А я – двадцать пять сигарет –
 И с ветки сорвавшийся листик.
 Мы будем сидеть vis-a-vis,
 Пока не опустится темень,
 И ради надмирной любви
 Пространство раздвинем и время.
 Мы будем глядеть в никуда
 И думать о чём-то неважном.
 Сквозь нас проплывут господа
 В пролётках и экипажах –
 Улыбки сиятельных дам,
 Смешки, шепотки одобренья,
 Последним проедет жандарм,
 Обдав нас потоком презренья.
 А ночью в дрянном кабаке,
 Где слухи роятся, как мухи,
 Он – в красках, я – в рваной строке
 Хлебнём модернистской сивухи,
 Забудем, что есть тормоза,
 Сдавая на зрелость экзамен,
 И многое сможем сказать
 Незрячими злыми глазами.
 И к нам из забытых времён,
 Из морока рвани и пьяни
 Подсядут: художник Вийон
 И первый поэт Модильяни...

* * *

Черёмуховый обморок. Безумье соловья.
 Подслеповатый дождь, крадущийся по крыше...
 Скучают во дворе верёвки для белья,
 И во дворе земля волнуется и дышит.

На цыпочках рассвет по лужам пробежал
И в спешке обронил роскошный куст сирени...
Он долго на ветру качался и дрожал,
Роняя на траву причудливые тени.

Откуда ни возьмись нагрянули скворцы,
Снуют туда-сюда... И важные такие...
И тотчас воробьи – на что уж храбрецы! –
Расстроили свои порядки боевые.

И кажется, что зла на свете вовсе нет,
Зато добра вокруг – невыпитое море:
И от костра дымок, и яблоневый цвет,
И соло василька в большом цветочном хоре!

МАРИНЕ

1

Перебранка полешек, бормотанье огня
И волос твоих рыжих волнующий запах...
Я тебя назову – свет осеннего дня
Или, лучше, – предзимье на заячьих лапах.

А ещё – из камина возьму уголёк
И на белом листке (только бы не проснуться!)
В простоте напишу всего несколько строк,
До которых потом не смогу дотянуться.

Полутон, полужест – между явью и сном
(Только ты помолчи, а иначе – разбудишь!).
Это снег! Это – первый, большой за окном!
Я его полюблю так, как ты его любишь!

2

Смахнул снежинки с тёмной шубы
И сразу понял – опоздал:
Тебя в обветренные губы
Мороз уже поцеловал.

Глаза в глаза! И задохнулся!
И растворился! И пропал!
Ненужным словом поперхнулся
И поражение признал.
Я – снег! Лепи меня руками,
В азарте пальцы обжигай,
Взрывайся белыми стихами
И междометьями стегай!
И смейся! Смейся до упаду!
Я вечер – бел. Я ветер – тих.
Приму как высшую награду
Прикосновение рук твоих!

3

Скрипит под ногами ледок,
Чирикает воробышка.
Меняет и наш городок
На плащик худое пальтишко.
Любимая, вот и весна!
Снега уползают в овраги...
Вот брякну в сердцах: «Не до сна!» –
И двину из греков в варяги,
Минуя весёлый Париж,
В котором полно чернокожих,
Где снежные хищники с крыш
Не прыгают на прохожих,
Где каждый случайный сугроб
Сметанен и даже – творожен
И всякий любовный микроб
Опознан – и уничтожен!
И веник у них не цветёт...
А наш, посмотри, – расцветает!
Любимая, я – идиот –
Европа стихи не читает!
Не смейся, родная, прошу...
И пусть непростительно трушу –
Я лучше ТЕБЯ напишу:
Слушай!

Екатерина ДУБРО

УЗКИЙ ПУТЬ

ГЛАВА 1

Книга «Узкий путь» с одноимённой повестью – восемнадцатая по счёту и десятая, изданная посмертно, талантливой писательницы Екатерины Дубро (1947–2008), члена СП СССР, жившей в Юрге. В этой автобиографической прозе Екатерина Владимировна с философских позиций излагает смысл жизни своей и общей. Начала она работать над повестью в январе 1993 года, а завершила её в канун 1998-го.

Это взгляд самобытного мыслителя на каждое важное событие в её жизни. И она думает не только о происходящем бытии, но и о предстоящем, которое можно предполагать. Стилль повествования поражает точностью, психологическими деталями. Повесть побуждает читателя сопереживать автору, чья жизнь не была усыпана лепестками роз, а от рождения и до последнего дня была преодолением, по сути, непреодолимого.

Вашему вниманию представлен отрывок из книги Екатерины Дубро, которой в этом году исполнилось бы 70 лет.

Майя ТУРАЛИНА,
председатель фонда Е. Дубро, Юрга

71

Поезд ушёл. Я, отстав, бежала за ним по шпалам. Не догнала. И проснулась. Картинка о жизни, один к одному: отстала безнадежно. Ушёл мой поезд. Мой ли?! Ну а днём третьим, после предвещившего события, я сошла с рельсов. Поезд ушёл, да я-то пока ещё не ушла. В конце здешнего путешествия, но всё ещё здесь. И со своим транспортом мне самой определяться. Как и всем. И вообще: мой ли поезд ушёл, если сама я вот тут, дома... Телесно и психически. Всё утро и полдня занимаюсь кухней и уборкой.

Всякий человек в своём лице явлен в мир в нескольких ипостасях, ролях. На сей закатный день, весьма скорбный, – пенсионерка, инвалид первой группы, сугубо кроватьная особа, одинокая, с писательским прошлым и в застое нынешнем. В стране рухнувших идеалов и никакого государственного строя. Катастрофичной экономики, массового обнищания, бесправия, незащитности, преступности и, Боже, чего только ещё.

Так что я сейчас не только в личной разведке, как улыбчиво определялась прежде, и не только в конце своего здешнего путешествия, но в общих рядах на переходном этапе – конца второго тысячелетия со дня Христова рождения. Когда само выживание на нашей шестой части суши становится жизнью не только для таких, как я, но и миллионов других. Для человека, двигательно ограниченного, тем паче затворника, значительно всё с ним происходящее.

...Трагическое изначально – желание понять уму непостижимое и себя осознать в полноте,

свою тайну. Но жила и живу тесным доверием к жизни, с любовью и благодарностью. Своим крестом не тяготилась, иной судьбы не желала. Упущенным возможностям и бедам своим сама виной, а в миг переходный, покидая нынешнее тело, лишь одного хочу – оставаться в ясном сознании, что бы страшное ни происходило со мной. Авось сумею прорваться сквозь тёмные заслоны, если таковые есть. И пожизненное терпение да не покинет меня, всегдашнее доверие к жизни, готовность к любым испытаниям по её Законам.

Живу и гляжусь в каждого встреченного человека, в каждое живое существо и сотворённые кем-то миры – книги, картины, фильмы, музыку. И всё это – путь к себе. От знакомств внешних, со взглядом вовне – ко внутреннему зрению! От конечного к бесконечному. Из того, откуда уйду, в то, куда уйду – где мой подлинный Дом. Где бы и в каком виде внешнем и когда бы ни пребывала. Что понятно уму и чувствам и что в основе моего генетического покоя. Смерть – дело пожизненное. И жизнь – дело посмертное. Не потому, что «все там будем», а потому что там *будем* – сообразно личным усилиям и устремлениям здесь, в физической оболочке.

Мои сейчасные усилия по собиранию себя, по самоконцентрации мучительны: всегдашнее чувство опоздания усилилось явным угасанием физическим. Кто бы объяснил! Не думала раньше, что передо мною встанет такая грандиозная забота! Что вообразу в свой последний миг? Совсем не своё же может стать. Даже в ленте былых впечатлений высверкнуться могут давно потускнелые и что забыто, или изжито, или более всего желаемо изжить. Ну и оставаться с этим невесть как надолго в астрале?!

...Неожиданно раскрылось для меня понятие прощения. Казалось бы: людям надо прощать друг друга. Правда, у меня всякий раз возникало уточнение: вопрос снимается при отсутствии, изначально, обвинения. Не обвиняя никого и прощать не потребуется. Мне – человеку. Силы же вышние воздают по *Закону*. По которому мне простится нечто, когда распрощаюсь с чем-то в себе – развяжусь, расплачусь. Простить – проститься: такая вдруг вязка. Не забыть ли тоже? Тогда снят ли сей вопрос для меня?

Не отвечаю злом на зло, не обижаюсь, ненавищу не испытываю, худа не желаю никому. Любые поучения воспринимаю в урок, в себе доис-

киваюсь причин. Но ведь – не забываю. Значит, не прощаюсь и не прощаю? Значит, не развязываюсь – потащу за собою прежнюю ветошь? Вот почему надо прощать! Чтобы не волочилось за нами прошлое, не отяжеляло в дальнейшем движении, не повисало на крыльях наших! Но возможно ли забыть? Хочу, да не получается. Забытием – возможно, а здесь?!

ГЛАВА 2

Мне всегда интересно кого-то читать, и на меня читатели находились. Но, как знать, нашлись бы, кабы самой мне о них подумалось и помнилось на письме, а не просто жилось там по собственному интересу – вполне самодостаточно. Как один из способов жизни. А у жизни всякой – законы единые. И стадии развития.

Моё сочинительство началось, как помнится, устно. Выдумывала для соседских ребятишек истории, дабы привлечь их внимание: мальчишки же, у них свои дела, а девчонок нет, не с кем мне больше.

Но с восьми лет, уже читающий человек, сочинять стала для себя: когда одна дома или на безлюдной дороге в школу и из школы. Вслух. С персонажами вычитанными и своими, с собственным участием в сюжете, который складывался на ходу – как получится, как выговорится. Отдельная жизнь, длящаяся месяцами и годами. Скучала без этого, радовалась продолжению. Хорошо одной! Моя тайна.

События сочинялись житейские и героические, во времени мирном и военном, с географией местной. За рекой лес до горизонта – защита от любого злодейства, самое партизанское место. Вообще неприступные жилища у нас были, любые осады выдерживали. С горестными потерями, бывало, но с победой: злу не торжествовать на земле.

Участников той жизни прибывало – все, кто оказывался в фокусе моих чувств и размышлений. Оживали и действовали молодоговардейцы: Саша Матросов, Гуля Королёва, Павка Корчагин, Виталий Бонивур и другие. Было с кем посоветоваться, пример с кого брать. Но мир устраивала свой. Расширяла своё жизненное пространство. В том бытовом, явном, где мне, большой девочке, всё медленней и тяжелееходящей, в семье опасно больных родителей (то маму навещать в больницу, то папу), в семье, нуждающейся в помощи и поддержке, в семье без близких друзей.

Но с великолепными книгами в трёх библиотках, с захватывающими радиопередачами. Но с собственными тайнами и той жизнью, где будет так, как захочу, и где в дружбе со всеми, кто нравится. И мы живём и действуем – воины, чьи-то спасатели и помощники, ученики и учителя; строители; убираем колхозные поля, пишем книги, тушим пожары, а суд чести – высший суд; позор предателям и лентяям. Бороться и искать, найти и не сдаваться. С Родиной в сердцах. Радость и сила.

Моё письменное сочинительство началось в двенадцать лет – с повести «Два капитана» В. Каверина. В собственном изложении, по памяти: чтобы пережить расставание с библиотечной книгой.

...Наконец, сейчас. Не сочинительство уже, но построение собственного дома. Самособирание. Самопостижение. Самоузнавание. В пространстве собственной Судьбы. Контрольная работа на экзамене в средней или в начальной школе. С работой над ошибками. Насколько сумею-успею. Не в том дело, чтобы нечто написать, но таков уж способ школьной жизни. Это для себя, конечно. Без персонажей-посредников, с прямым текстом, в самопереводе один к одному. Рвусь к бумаге и ручке, на дивную эту привязь – в свою тишину. И пишу, пишу: прозу и стихи, которые нередко приходят ко мне ночами.

*Вот и всё, экзаменов сдача.
Под иконой, под взором Ея.
У стены безутешного плача
Хуже всех, распоследняя я.*

Ну а в проявленном состоянии книгами, пусть лишь отражательно и слабо, но всё-таки оформленно, эта жизнь отражается уже каждым читателем.

*Из глубины сознания – из ила
Проследить бы самое начало.
А зачем сюда я приходила?
На какой вопрос я отвечала?
И на ноту отзвучать какую?
В синем цвете? Зелено ли? Ало?
До сих пор не знаю! И тоскую:
Здесь ещё, но словно опоздала.*

...Вся моя душевная жизнь теперь – это пересмотр, переучёт собственных ценностей, наличности к курсу ценностей подлинных.

*Смысл один
Любым земным наукам.
Все вопросы –
За одним ответом:
Наша жизнь –
Хождение по мукам,
Но за радостью хождение,
За Светом.*

Да будет известно моим демонстративным доброжелателям: жить мне интересно и нравится постигать Жизнь в себе и себя в ней. При любых обстоятельствах. И никому не изменить этого, не умалить. Никому ничего не испортить. Чего и им желаю.

Пишу на сей раз усердно, изо дня в день, не отпускаю себя. Притом что телесность моя в очередном разгуле воспалений. Едва управлюсь с лечением – и не в силах отказаться от письма.

С детства для меня спасательный круг – бумажный. К тому же находящийся на моей льдине. А чему выучишься в детстве, то уже опыт безотказный.

Неопытному же взрослому человеку на подтопленной льдине придёт ли в голову спастись, выплывать на бумажных листках?! Он ведь умный, знает, что бумага невесома, рвётся и размокает: не для тяжестей. И утонет он, пожалуй, если другие люди не подоспеют на помощь. А ребёнок своему верит: «Что нам стоит дом построить: нарисуем – будем жить!». Опробовано и удостоверено.

И поплывут потом бумажные кораблики по взаправдашним морям... Плыву и я. Уплываю. Мой мотор вразнос пошёл, понесло течением. Дрейфую в открытый океан. Лёжа. С закрытыми глазами. Но с шариковой ручкой в леденящих, медленных пальцах: у бумаги. Так что моему сознанию поневоле пришлось шевелиться уже в попытках слов, осмысленно связывать их – уравновешиваться. Дабы удержаться мне на плаву. Уплываю. Дрейф дрейфом, течение течением, но чтобы и плавниками не пошевелить?! Шевелю: обдумываю вяло, каким же образом осуществить насильственное включение в жизнь своего обесиленного тела? Что бы сыграло роль дефибриллятора?

Итак: дожить до завтра. А завтра...

ГЛАВА 3

Великолепно жилось: ничего, никого, кроме женщины-помощницы на час-два да почтальона по разу в неделю. Даже телефон не отвлекал. Вне времени как бы.

Правда, выяснилось, что печатается теперь из последних сил и сверх того. Никогда не было у меня такой неровной по оттиску машинописи: в одном слове буквы и пропечатанные едва, и вбитые. Собираюсь-собираюсь-собираюсь в этом своём единственно-ударном среднем пальце, да как врежу! А он, как всегда, разбился от волдыря – и трещины под ногтём да мозолилки-деревяшки. Но прострельная по всей руке боль от него, хочешь не хочешь избиваемого, чрезвычайно осложняла дело.

Ноги, конечно, тоже кричали. А у левой ещё и просидень: живую истерзана. Сплошное насилие. Но уже не прежняя диктатура: и извиняюсь перед своим измученным телесным коллективом, и потерпеть попрошу, и поспасибую. Машинку тоже: моя дорогая, незаменимая. Все – помощники дорогие, бесценные, всем – *спасибо*.

...На фоне, кстати, сплошных сумерек: нет и нет солнышка, в комнате темно; под вечер свет включу, а днём неловко. Чрезвычайное напряжение глазам, ещё и очки свешиваются с ушей. И так постепенно, в тяжелейших физических превозмоганиях, но в радостной *душевной* работе с раннего утра до позднего вечера. Опасная одышка, усилившаяся было, изникла, а рукопись в двести двадцать страниц перепечаталась менее чем за месяц.

ГЛАВА 4

Задумавшись над вопросом личного вмешательства в чужую жизнь на её переломе, запоздало переживая собственные такие случаи, когда моё участие изменяло чью-то биографию, я и на свою жизнь взглянула: кто-нибудь в ней участвовал ли так? Да, конечно. Прежде всего родители: научили чрезвычайно важным свойствам – одиночеству, безождивательности, умению полагаться на себя и умению любви безответной. Иначе вряд ли бы мне жить-выживать до сих пор.

Всегдашняя ученица по самочувствию, и всякую рукопись свою проживаю как экзаменационное сочинение – сочинение себе самой и своей Судьбе. Поэтому и снюсь себе школьницей до сих пор. Объясняю сие неуверенностью в своём положении, и верно: какая у школьника независимость? Не очень-то радостно и во сне, даже тягостно, ибо знания слабоватые, боюсь опозориться.

Наяву же познавательным интересом двигаю, и все мои радости на этом пути. Наяву школьницей оставаться хотелось подольше. Паспорт получила позже школьного аттестата зре-

лости, но всё же как учащаяся: схитрила. Во-первых, на год раньше одноклассников аттестовалась: домашняя ученица усердная, не выдерживать бы такого напряжения дальше. Во-вторых, поступила на заочные государственные курсы иностранных языков. В-третьих, думала, исполнится семнадцать лет – буду надомно зарабатывать пенсию. А иждивенкой не буду.

Тот свой паспорт я любила: учащаяся, но со штемпелем КБО – работница, стало быть. Второй и третий паспорта уже пенсионерке выданы. Наяву школьный аттестат зрелости есть, членский билет Союза писателей СССР, а дипломов о высших образованиях нет. Как и во сне же. Всегдашняя школьница, притом домашняя. Самообразование – мой *путь*. В школе жизни. По собственным, и только, интересам. Внутренних, и только, целей ради.

...В общем, живу по-своему, сама себе ученица, или ленивица, или хоть кто. Но стало проступать в сознании некое постороннее присутствие – сил невидимых, в чьих планах, оказывается, задействована я, реальная исполнительница чужих сценариев. Не случайно к тридцати годам я уже научилась жить по собственному желанию и совершенно чётко почувствовала в себе это: проживу, сколько захочу. По моему хотению, по тайному велению: таковы самочувствие и самосознание в жизни всегдашние. И отношение к случающимся со мной бедам было спокойное поэтому же: своё принимаю, по справедливости.

ГЛАВА 5

К себе же применительно задумалась об этом на числовых совпадениях опасных для жизни состояний в последние годы. Например, в ночь на 19 января 1988 года чуть не умерла, неведь почему.

Месяцем позже, 19 февраля, сердечные приступы такие же: страшная для сердца ночь. В январе же годом раньше, в 1987-м, но тоже 19-го, случилась в организме зримо, внезапно, враз тягостная перемена, странная и тревожная.

Тревожное число моё: 19 октября родилась. Моё рождение было опасным по маминому состоянию здоровья; а сама я, уже семилетней, в свой день рождения была загнана почти вусмерть соседским мальчишкой, но выжила. К слову: всегда больна в этот день. Возможно, на число 19 выпадали и другие опасности, да моим вниманием не отмечены; возможно, кое-что обнаружилось бы в ежедневниках прежних лет, как бы их полистать.

Смолоду я только 8 относилась в несчастливое число, а счастливые либо событийно-значительные – 14-е и 23-е.

И вот засигналило 19-е. Встревожилась. Задумалась. С предостережением вступаю в такие дни. Но что ещё? Что дополнять к тому ещё надо! А нечто *дополнять надо*: неспроста же оно отмечено, поперву и многогранно, датой Крещения Христова: 19 января. Правда, я не крещена. Вот-вот: смерть будет таким крещением да плюс воскресну к новой жизни. Но ведь в крещенскую ночь, в году 1997-м, приснилось видение тоже знаменательное, чему и подавно не имею толкования. Только не уверена, в католическое или в православное Крещение приснилось? Не записала сразу. Склоняюсь же к католическому – 6 января.

Обеспокоенно подумалось тогда: а не покреститься ли? В чём потребности не испытываю. Или не умею уловить её, осознать. Во всяком случае, церковные ритуалы не для меня. Крещена самой *жизнью*. На своём кресте распята, даже взриму. Кровать, с которой не сойти, на которой даже не улечься удобно. Неизвестно ещё, какая кончина грядёт: естественная ли, не приму ли с нею насильственное мучение. Знак такой есть на моей ладони, а внешняя жизнь непредсказуема и опасна естеству. <...> Научные доказательства опускаю. Итак, рождение и смерть. Две точки одного истока и совпадают: откуда вышли, туда и возвращаемся. В своё же прошлое!

Естественно, приискиваю своё место и в таком раскладе вещей по самочувствию. На обочине настроений не худшее для себя и при низкой самооценке. Сейчас тоже не возрадовалась, но примерку обыгрываю. Несомненно, идея перевоплощения в прошлое эволюционнее идеи перевоплощения в будущее. Если, конечно, удастся *вспомнить* себя, потрудиться над собою и возвысить сознание. Но вот ведь что... Души умирают. Не только для перехода в иной плен – совсем.

...То-то же и назвала своё писание «В конце путешествия». Колебалась, правда, как бы не накликать приближение этого конца. «Узкий путь» до сего дня приманивает, обдумываю и такую заявку.

По нисходящей живут неудачники, пьяницы, самоубийцы, преступники, женщины лёгкого поведения, спортсмены. Неудачницей себя не ощущаю, наоборот – везунчиком: вроде бы не сломлена обстоятельствами и не обделена успехом в делах. Возможно, самообман позже как-то подытожится – ощутится.

Но люди престижа и успеха, по Успенскому, тоже в нисхождении. Спортсмены, кинозвёзды, лжеучёные, изобретатели ядов, основатели культуры и сект. Те, чья деятельность и творчество не имеют никакой ценности, кроме денежной. Не публиковалась я из-за денег, не разбогатела, раздариваясь, но факт же ценность моих писаний??? Известность обрушилась на меня пятнадцатилетнюю: радио, пресса. Ни за что, просто эта безнадежно больная школьница Катя Дубро занималась дома, писала стихи, а также пробовала себя в повестях.

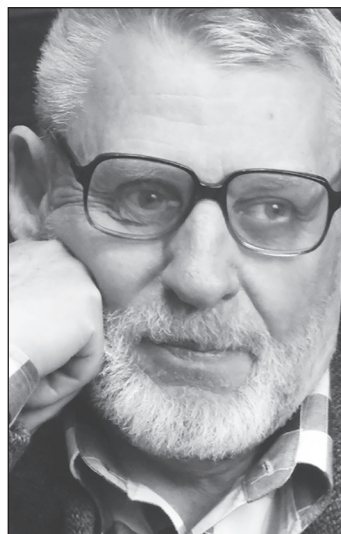
Этим занятием, наверное, и спасалась: как бы сама жизнь выдала мне аванс, а авансы надо отрабатывать. Осталась дилетантом, системно не образованная. Но учусь всю жизнь, познавательным интересом движима, оживлена, устремлена: смысл моей жизни – всегдашняя радость. Счасть ли сие единственной страстью и, стало быть, тоже признаком нисхождения? А уж предельное ослабление связей с другими людьми налицо. Трагична ли моя жизнь? Или преждевременно определяться? Физически-то явная носительница вырождения. Из рода наследственных пораженцев. Вообще же физическими уродствами отличаются жестокие в предыдущем воплощении люди. Так что могла и преступницей быть?

Но ведь ненависти нет. Никаких спортивных интересов, потребительской жадности. Что моё из нисходящих признаков, так это неистребимая тоска, отчаяние и недовольство – на себя, однако, и из-за своей неисправимости. И с чувством колеблющейся под ногами почвы живу-таки тоже, только называю иначе – чувством опоздания, необратимо утраченных возможностей. То не душа ли моя тоскует, умереть сужденная? Не поэтому ли нынешнее моё путешествие, при всём том, кажется отдыхом перед грядущими испытаниями в неведомом будущем?

Я родилась с патологической наследственностью, в стране послевоенной, которая к сей поре уже рухнула. Домашние условия пожизненно тяжкие. Однако это не помешало мне быть на своём месте, со своими интересами, своими целями, своими убеждениями – это во мне всегдашнее, с детства. Ни к чьей жизни не примеривалась, недовольства своей жизнью не проявляла. Прошла и прохожу через труднейшие испытания на своём жизненном пути, который был и остаётся для меня как «Узкий путь», дарованный самой Судьбой.

Юрий МОГУТИН

ЧЕЛОВЕК, ЗАЧЕМ ТЫ ВЕСЬ?

* * *

Рваные ветры ночной реки,
Весельный мокрый всхлип;
Хрипло вздыхают во тьме гудки
Над немотою рыб.

Тёплый от ила и жира лиман;
Катер последний ушёл...
Полночь прячет предметы в карман –
Он у неё большой.

Илом, воблой пахнет река,
Пристань видна на треть.
Жизнь без единого огонька
Очень похожа на смерть.

Но вот заря занялась, как бензин,
Сбрызнув листовы испод,
И солнца оранжевый апельсин
Выкатывается из вод.

И кажется даже, жизнь удалась
Под неба синим плащом,
В речке непойманный бродит карась –
Жив, не в сметане ещё.

Там своя жизнь на песчаном дне,
Может быть, даже рай,
Который уж точно не светит мне.
А на земле – раздрай...

* * *

НЛО? Или белый аист летит? –
Приносящая новорождённых пугливая
птица.

Аист летит, а младенец глядит,
Из кого бы ему родиться.

Солнце свалило без визы за горизонт,
Дождь пересёк границу без документов,
То ли рокочет «Боинг», то ли басит
Кобзон
Над леском в позолоченных позументах.

Белый аист летит? Или всё-таки НЛО? –
Большекрылая летающая этажерка...
Наркобарон на посадку даёт добро.
Дальше звучит пароль и идёт
таможенная проверка.

А ведь, помнится, он начинал с младенцев,
с нуля.
Последний раз его видели где-то в районе
Кушки,

Где облетал он маковые поля.
И с тех пор уже держат его на мушке.

76

МОГУТИН Юрий Николаевич родился в 1937 году в семье дипломата, репрессированного в 1938 году, приговорённого к высшей мере, которую заменили на 25 лет лагерей. Вместе с матерью как члены семьи врага народа были высланы из Москвы. Детство Юрия прошло в эвакуации на Урале и в разрушенном войной Сталинграде. После войны учился в школе рабочей молодёжи, был разнорабочим на стройках по восстановлению Сталинграда, матросом на рыболовецком судне на Каспии, служил в авиации в Прикарпатье. Окончил историко-филологический факультет Волгоградского пединститута, преподавал в Забайкалье русский язык, работал в сибирских газетах. Прожил в Кемерове 16 лет. Окончил Высшие литературные курсы. Член Союза писателей СССР. Автор многих книг стихов и прозы и многочисленных публикаций в центральной и региональной печати, лауреат Горьковской литературной премии и премий толстых журналов. Живёт в Москве.

* * *

Меня встречали по одежке,
А провожали тоже плохо –
Под неусыпным взором ВОХРа
И секретарши-голоножки.

Их не устраивал мой профиль,
Мой малый стаж и резюме
И то, что я ни в чём не профи
И что родители в тюрьме.

Меня от голода шатало,
Сквозь дыры валенок жёг снег.
Сквозь слёзы солнце хохотало,
А может, плакало сквозь смех.

Барашки туч у небосклона
Напоминали калачи,
И несъедобная ворона
Кричала хрипло с каланчи.

Всё ж я не сдох, живу в столице.
Стал забывать, как жил в аду.
Но снова «праведные лица»
Визжат: «Ату его, ату!»

* * *

Слепой, собираю углы башкой.
Сколько стёкол собой раскокал,
Порываясь летать, как сокол,
Тротуар простукивая клюкой.

Фишка выпала «пусто-пусто»,
Как пустые мои глазницы.
Мой Господь не даёт мне спуска,
Попустив на меня столицу.

И ведь я не один такой.
Златоглавая, береги нас!
Но тебе дороже твой бизнес.
А слепцу выживать легко ль?

Этот рыночный бег шакалий
Среди офисных зазеркалий.
Выпадаю из всех реалий
На Никитской, Тверской-Ямской.

Зрячий мир на слепца набычен,
Весь из рытвин и поперечин.
Будь хоть гений ты, ты обычен,
Слаб, увечен, раним, невечен.

День гудит, точно рой осиный;
Пахнут улицы мокрой псиной,
Увлекают в метро насильно
В мешанину чужих наречий.

Прагматичный, бесчеловечный,
Мир являет себя из мглы.
Натыкаясь на борзых встречных,
Собираю башкой углы.

* * *

Вспомни кадры из девяностых: братки,
стрельба.
В страхе жмутся к прохожим дома, менты.
У эпохи, похоже, съехала прочь резьба.
Как грибы, по Руси – кладбищенские кресты.

Из дверных глазков беззвучно сочится жуть.
Тишину взорвёт истеричная трель звонка.
Ототрём ли родимые пятна когда-нибудь?
Отведём ли осу свинцовую от виска?

Проберёт озноб, перехватит внезапно дух,
Заблажат клаксоны пронзительно в точке Икс,
И наточит нож на тебя твой вчерашний друг,
А Москва-река похожа станет на Стикс.

77 А ведь был твой кореш не так чтобы очень
крут,
А теперь, похоже, тебе от него хана.
«Что за хрень! И ты, – поразишься, – Брут?!»
«С лёгким сердцем!» – финку вонзит под ребро
Хома.

* * *

Наконец ты понял: душа запирается изнутри.
Человек отворачивается, ни слова не говоря.
Позвони себе, окуляры свои протри.
Голос Свыше тебе заменит поводья.

Ну а если вас с Богом просто разъедят,
Как это практикует телефонный междгород,
Сможешь ли ты прожить хотя бы полдня,
Чтобы Он не вытаскивал тебя из хандры
за ворот?

Человек, для чего тебе это всё и зачем ты
весь?
Почуйсь изливать себя, хотя бы не матерясь.
Ты ведь не оставляешь Господу шансов.
Благая Весть
Не пробьётся к тебе никак сквозь твою же
грязь.

**Анна
ВАСИЛЬЕВА**
НЕХРИСТИ

Рассказ

На полях начинала колоситься рожь, но они, ещё кое-где взлохмаченные войной, были не-вспаханными и незасеянными, просто росла ди-кая вика, местами перемежаясь с головками красного клевера. Прошло всего два года после войны... Ещё земля, развороченная воронками от бомб, смотрела в небо чёрными глазницами и, как по зарастающим струпьям болячек, по краям, сползая вниз, росли лебеда и иван-чай. Но жизнь брала своё, и голубое небо с еле вид-ной точкой жаворонка в нём не могло не при-влечь внимания Лёльки, бегущей через поле по просёлочной дороге, топтанной уже с шести лет ножонками, вырастающими из её дырявых сан-даликов.

Перескакивая через домики кротовых нор, на ходу сбивая верхушки с их крыш торчащими из дыр пальцами, напевая немудрёные песенки, спешила она к бабушке. Иногда останавлива-лась и вслушивалась в трель жаворонка. Эта пе-вучая птица была сродни Лёльке: её в доме дав-но прозвали жаворонком, за то, что по зорьке убегала на свой ромашковый лужок или за гри-бами в лесок, на речку или обследовала холми-ки, поросшие земляникой.

Весной, встречая первых грачей и скворцов, бегала босая по ещё спящим улицам, вытапы-вая глинистые лужицы и приветствуя гостей с юга. А уж когда прилетал аист, который для неё был птицей сказочной и загадочной, девочка убегала к старой сосне и, задрав голову, часами

наблюдала, как они со своей избранницей, охо-рашиваясь, клювами латали огромное гнездо.

Лёлька бежала в деревню за хлебом: по сре-дам у бабки был хлебный день. Как только ис-полнилось семь лет, она один раз в неделю про-делывала этот путь через поля, ивняковые зар-осли – напрямки три километра. Это был её маленький мир, здесь каждый кустик был зна-ком, здесь с бабушкой она с пяти лет собирала лечебные травы, в ивняке бабушка драла лыко, а Лёля таскала его к мочилу, потом бабушка свя-зывала его и с лавины, как драгоценный груз, подталкивая палкой, опускала в воду на не-сколько недель вымокать, а уж потом из этого лыка бабушка плела лапти.

Девочка никогда не проходила мимо этого места, а когда ранней весной в мелких лужицах блестела кисельная жижа, вся усеянная чёрны-ми горошинами (это была лягушачья икра), Лёльку прямо тянуло туда. И сейчас она, хоть и спешила, не смогла пройти мимо старого пру-да, где на зелёной ряске полным-полно было маленьких прыгающих лягушат и устрашающе торчащих из прудовой зелени жаб с выпученны-ми глазами. Их она не любила и каждый раз хо-тела шугануть это квакающее царство, но что-то сдерживало её, наверное, чувствовала, что в этих пучеглазых – продолжение лягушачьего рода.

Попрыгав на бабкиной лавине, выбежав из ивняковых зарослей, Лёлька очутилась, как ей

ВАСИЛЬЕВА Анна Станиславовна родилась 30 сентября 1940 года в пос. Линово Островского района Псковской области. По профессии – медицинский работник. Первые стихи опубликованы в 1957 году в Латвии. С 1976 по 1980 год – член литературного объединения «Народные поэты псковщины». Автор шести книг. Живёт в Иркутске.

казалось, на самом красивом поле в мире. На тонких, длинных зелёных стебельках раскачивался, кивая голубоглазыми головками, лён. От дуновения ветра стебельки создавали картину колыхающихся волн, убегающих к самому горизонту. Она видела море только на картинке, и её душу волновали эти голубые перекатывающиеся кружевные волны. Она бежала и кричала: «Море волнуется, море волнуется!» А чибисы... Что вытворяли чибисы! Вот из-за них-то Лёлька всегда и прибежала к бабушке с опозданием.

На этот раз мама наказала на обратном пути забежать к отцу на поле, где они с Лёлькиным братом Ваней разъезжали картошку, опаздывать было нельзя. Но как оставить без внимания эту то ли очень умную, то ли совершенно бестолковую птицу, каждый раз то выбегающую из льна на тропинку, то вновь, с перелётами и перебежками, подпрыгивая и кружась, ныряющую в голубое льняное облако. Резко взмахивая сизыми крыльями, птицы косо поднимались, радостно повизгивая, падали вниз и бежали впереди девочки, уводя её подальше от спрятанных вдоль дороги гнёзд, в которых уже попискивали птенцы. Лёлька понимала все их хитрости и всегда возмущалась: «Что бегают, что трясуте своими хохолками? Пора уж привыкнуть: ничегошеньки я вам не сделаю», — и, как всегда, передразнивая их, напевала свою песенку.

Уже из-за пригорка показалась крыша бабушкиной избы. Лёлька припустила: сейчас ей опять достанется. Но как же пробежать через двор и не подразнить петуха? Тот, завидев Лёльку, опустил свои разноцветные переливающиеся крылья, склонил голову с огромным красным гребнем и пошёл на неё. Но, увидев у своей обидчицы палку в руках, как-то сразу сник, бочком-бочком, опустив гребень и прокукарекав что-то невнятное, семена долговязыми ногами, удалился в курятник. Он невзлюбил Лёльку, она его огрела пару раз метлой за издевательства над курицами. Но и сама получила от бабки хвостотиной, дескать, не трогай петуха, он своё петушиное дело справно выполняет, а то, гляди, без цыплят останемся.

Конечно, бабка её встретила руганью, поглядывая на прут, вторнутый в паз бревенчатой стенки, но Лёлька, прижавшись к тёплой морщинистой щеке, звонко чмокнула её, не забыв бережно, с лаской поправить сбившийся платок.

— Да будя тябе, будя. Ох, хитрюшная ты, Лёль, выдрать бы тябя, глянь, солнца-та уже над

холмом зависло, вона ляпёшки остыли, чаво та-перя, греть тябе их, што ль? — ворчала бабушка, ласково поглядывая на внучку.

— Не надо, баб, дай мне лучше к твоим лепёшкам ложечку сметанки, ну хоть самую маленькую, или медку. Мне-то всё равно, могу и так, а то ведь в истёпку тебе лезть надо, хрянцы-то небось болят, вон скрючилась совсем, — вот этим-то Лёлька и проняла скуповатую бабку.

— Ланна, чаво уж тама, слазю, а пока — вона шайка с тряпицей, давай-ка быстренько пол вымый, сени ня надо, пушшай Настя погибается, а то совсема обленилась, отрашшивая окорока-та.

Невестку бабка явно недолюбливала и каждый раз не упускала возможности чем-то ей досадить, а то дело и до драки доходило. Тут уж ничего не поделаешь. Лёлька взяла шайку с тряпкой, вытащила для мытья полов веник из-под печки и, не мешкая, взялась тереть половицы. Пыхти не пыхти, а с бабкой шутки плохи, и она старалась тереть из всех силёнок, надавливая на веник, которым бабушка нередко угощала внуков и который частенько летел через сени в непокорную невестку. Вымыв пол, Лёлька принялась за лепёшки со сметаной — это был праздник! Стоило ради этого бежать три километра!

— Охти тошненько, Лёль, глянь-ка, солныце-та уже лизануло плешину взгорини, поспешай, хлеб уже в лямошнике, шайку с водой вилью сама, сбирайся, дочуш, да по дороге не мешкай, не ровён час — стямнея. Волки-та вона повадились, вчарась в Козлах ягнёнка задрали. Пастухи таперя от дярэвни скот бояться гонять. Давай спину-та, Господи, худобишша-та, рябринки-та светятся.

Бабка, всхлипнув, прижала к себе внучку и, перекрестив, надела лямошник с двумя булками хлеба, сунув ещё пару лепёшек, и тугим узлом завязала на груди Лёльки. Попрощавшись с бабушкой, девочка заглянула на вторую половину избы, к своей нянюшке Фёкле, которая была в постоянной немилости у её строгой бабушки. Прижалась к мягкой, поросшей волосками щеке няни, обняла за худенькие плечи и, расцеловав, убежала. Ей, ребёнку, было не понять, почему эту тихую, незлобивую, с ласковыми, маленькими, через узенькую щёлочку глядящими голубыми бусинками-глазками тётю так уж невзлюбила бабка, но спрашивать она боялась, всё откладывая на потом.

А взгорина, облысевшая от солнечного жара, уже нежилась в дымке лазоревого марева плывущего к закату солнца, напоминая о завершении дня. Обратный путь для Лёльки уже был не таким интересным. Хотя чибисы так же вылетали на тропинку, лён так же смотрел в небо своими голубыми венчиками, но день явно клонился к вечеру, и она, убегая, просто всем махала рукой, оглядывая свои детские владения. Солнышко уже зависло над берёзовой рощей, бросая тень прямо под её ноги. Хотела миновать и ивняк с бабкиной мочилиной, но что-то напрягло её, чего-то не хватало в этой томящей вечерней тишине.

«Странно, странно, очень странно», – пробурчала Лёлька. Почему не слышно лягушачьих вечерних кваканий? В её лягушачьем царстве что-то произошло... И вот она уже ступила на тропку, зарастающую осокой, и... О Боже, увидела двух здоровых мужиков в фуфайках и зелёных картузах, совершенно ей незнакомых, которые волокли по земле безжизненное тело.

Лёлька чуть было не закричала, когда поняла, что это тётя Надя, мама её подружки Верки, жена председателя сельсовета. По земле волочилась коса, такая была только у тёти Надисельсоветчицы, и платье голубое в белый горошек тоже было только у неё.

У девочки от страха ноги вросли в землю, хотя война не раз показывала ей жуткое лицо смерти. Она сжалась в комок, сердце, казалось, выпрыгнет... Присев за кустом рядом с растущей орешинкой, она поняла – шевелиться нельзя. Крепко закрывая рот руками, чтобы не вскрикнуть, она увидела, как, подняв и раскачав, тело бросили с бабкиной лавины в мочило. Вода, глухо охнув, сомкнула над тётей Надей зелёную ряску. Один из этих, прыгая с лавины, споткнулся о бабкин камень, на котором она выбивала вымоченное лыко, выругавшись отборным матом и схватившись за ногу, застонал. Оба как ни в чём не бывало вымыли руки, обтёрли их об штанины и, оглянувшись воровато по сторонам, чвакающими шагами, один сильно хромал, двинулись в сторону деревни Зобки.

Когда они скрылись из виду, Лёлька поднялась на одеревеневших ногах, трудно соображая, что нужно делать, кинулась на картофельное поле, к отцу. Лямошник хлестал по спине. Она спотыкалась, путаясь и заплетаясь в цветущей вике, из которой, собрав последний взятый, поднимались растревоженные пчёлы. Бежала,

выбываясь из сил, взмахивая ручонками, словно раненая птица крыльями, и, увидев отца с братом, закричала что было мочи: «Скорей, папа, скорей!».

Споткнувшись о кротовью нору, Лёлька упала лицом в траву. Из носа хлынула кровь, но девочка не могла шевельнуть рукой, лямки туго стянули её грудь и руки. Отец подбежал, схватил дочку на руки, увидел в её широко раскрытых голубых, как небушко, глазах ужас, прижал к груди: «Что, Лёлюшка, что случилось, девочка?». Он видел дочку такой испуганной впервые. Всякое бывало, бомбёжки и то переносила спокойно. Задышающую девочку отец понёс к телеге, целуя её в слипшиеся на лбу кудрявые льняные волосёнки.

Лёлька смотрела на отца и, хватая воздух пересохшим ртом, пыталась что-то сказать, но у неё вылетали какие-то бессвязные слова и звуки. Расстелив рядом с телегой свой брезентовый плащ и подложив под голову хомут, отец бережно уложил дочку и дал напиться воды.

– Пей, Лёлюшка, пей, девочка, потом всё расскажешь. Кто напугал-то тебя так? Ты ж у нас самая смелая!

– Папа, там, в ивняке, только что два мужика убили тётю Надю и утопили в мочилине. Они по-
80 дались в Зобки... Папа, не мешкай! Мы с Ваней побудем тут.

Отец в недоумении топтался на месте. Наконец что-то стало до него доходить. Он наказал сыну ждать его и никуда не уходить, сторожить справу конную, плуг да телегу (в послевоенное время это была ценность). Вскочив на Орлика, галопом понёсся в посёлок. Братишка обнял дрожащую Лёлю, чего никогда раньше не делал. Они со старшей сестрой относились к ней как к лишней в семье... У девочки на душе потеплело от внимания брата. Ваня старался успокоить сестру и поскорее слинять в посёлок: мальчишеское любопытство не давало покоя. Выпытав у сестры всё, что она видела, начал уговаривать её посидеть хотя бы полчаса одной.

– Вань, развяжи лямошник, он мне всю спину изодрал, да и дышать тяжело, – попросила брата.

– Послушай, Лёль, я быстро, заодно принесу ножик и разрежем узел, вона как бабка затянула лямки.

Дети пытались распустить лямки, связанные на груди у Лёли крепким узлом. Они затянулись так, что Ваня и зубами не смог развязать, а Лёльке уже дышать было невозможно да и си-

деть неудобно: ныла спина. И она, связанная, прислонившись к хомуту, источающему запах пота её любимого Орлика, согласилась посидеть одна:

– Ладно, Вань, посижу, только ты быстрее, а то глянь, солнце-то уже на закате.

– Не бойсь, одна нога здесь, другая там, а ты, если чего, бабку Дарью крикни, слышишь, как она своего Витьку венником охаживает?

Лёлька заулыбалась, да и впрямь – их поле было рядом с домом бабки Дарьи, которая часто угощала девочку клубникой. Она хоть и сварливая, но очень добрая, бывала частой гостьей в их доме.

– Ну всё, Лель, я побег! Мы с папой вместе на Орлике прискачем. Вона, глянь-ка, какой тебе зелёный кузнечик сел на ногу, вона стрекохут-то как, – видя смятение в глазах сестрёнки, увещевал Ваня.

– Ладно, беги уж, подожду, только поскорей, Вань, терпеть не могу этот лямомшник.

Ваня, подтянув, как и подобает перед важным делом, штаны, дунул напрямки в посёлок, а там в общей сумятице и забыл об оставленной им на поле сестре.

Девочка, осталась наедине с только что пережитым страхом. Она и не представляла, что сегодняшний вечер пошлёт ей ещё не одно испытание.

В источающей терпкий аромат траве стрекохали кузнечики, они совершали удивительные прыжки, забавляя Лёльку. Сумерки сгущались, но в июне на Псковщине белые ночи почти как в Ленинграде. На фоне грустнеющего, но светлого неба она увидела маленький серпик луны и первые звёздочки. Они ей весело подмигивали, и девочка, беседуя с ними, всё считала и считала их бесконечное количество. Бисерное небо, падающее парной темью в травяные ароматы, оплетало глаза нежной фиолетовой паутиной, высвечивая пышный цвет некошенных трав.

Из рассказов отца в свои восемь лет она уже знала названия многих созвездий и, увидев Большую и Малую Медведицы, она им, как старым знакомым, помахала рукой и, разговорившись с ними, поведала о только что увиденном. «Вам же с небес всё видно... Как же так может быть, чтобы человек убивал человека? Ведь муравьишку же нельзя убивать, так мама говорит... А она, тётя Надя, она же такая хорошая... Молчите, смотрите на всё своими холодными глазками, а помочь не можете, да понимаю я, – проща-

ла Лёлька им невольное молчание, – высоко вы... Ладно, не обижайтесь, не могу понять, что будет с Веркой, подружкой моей, как ей жить без мамы...»

Попрощавшись со звёздочками, она перевела взгляд на старый огромный дуб, весь усеянный маленькими желудочками, впервые увидев его во всей красе в лунном свете. Она частенько по осени, когда созревали жёлуди, взбиралась на его могучие развесистые ветви, ругала его, если царапала ноги о корявый ствол, но всегда видела в нём что-то сильное. Это было самое уважаемое ею дерево, щедро одаривающее желудями, из которых бабушка готовила удивительный напиток, приправленный какими-то травами, называемый «бабкиным кофе», ароматнее которого, казалось, нет ничего на свете. В этой тишине и таинственности наступающей ночи дуб стал единственным собеседником. «Ну что, кудрявый, сколько там у тебя желудей среди листиков запрянуто? Жалко – не видно: маленькие ещё, но ничего, как только созреют, ты же мне подаришь их?» Ей показалось, что дуб согласился кивнул своей огромной головой и, упираясь в землю причудливой формы корнями, успокаивал её: «Не бойся, я рядом, я сильный и ты тоже». Ещё какое-то время посчитав подмигивающие звёздочки, девочка задремала.

Сквозь сон она услышала какое-то урчание или рычание. Открыв глаза, Лёлька увидела здоровенную собаку с ощеренными клыками. Зелёными глазами она уставилась на ребёнка. Лёлька от страха закулила, как щенок, жалобно повизгивая, и это, по всей вероятности, стало для неё спасением. Собака перестала рычать и спрятала клыки. Расставив лапы, она с любопытством хищника рассматривала свою жертву. Лёлька лежала калачиком. Вдруг она почувствовала, что куда-то плывёт. Собака, ухватив зубами плащ, потащила ее в сторону ивняка. Лёльке стало невероятно страшно. «Всё, – подумала она, – собака тащит меня в мочилину, топить вместе с тётей Надей». «Нет, это сон, это сон...» – успокаивала себя девочка... и ехала на папином плаще, а возницей её был огромный волк.

В посёлке, как в растревоженном улье, в растерянности не знали, что делать. Прежде всего определили в больницу потерявшую сознание Надеждину дочку Веру. Мать Лёльки Анна пососедски была погружена в свалившееся на всех горе. Прибжевав вечером домой, она не застала дома ни души. Муж был вместе со всеми мужи-

ками, это ясно: Орлик привязан у ограды сельсовета. Не увидев хлеба, который должна была принести Лёлька, она вспомнила, что наказала дочери идти к отцу, и всполошилась: «Господи, Лёлька ж с Ваней наверняка там, на поле ещё!» — и кинулась в сельсовет.

— Где дети?! — кричала Анна на мужа. — На улице ночь, Лёлька от бабки не приходила!

— Ой, Господи! Я же оставил их с Ваней стеречь телегу и сбрую! Там они, там. Успокойся! Ваня уже вон какой мужик, мы сейчас, махом.

Председатель сельсовета дядя Лёша и милиционер Иван Петрович одновременно вскочили с мест:

— Мы чем все думаем-то? Лёлька ж наш самый главный свидетель, а мы здесь ждём уполномоченного из района.

Усевшись втроем на милицейский мотоцикл, они помчались в поле. Лёлька издали услышала треск мотоцикла, но первым его услышал волк. Он разжал клыки и, ошетилившись, злобно зарычал, как бы готовясь к прыжку. Фары высветили пригорок, на который волк уже вытащил добычу. Лёлька, более не в состоянии скулить, лежала на боку и молчала, ожидая своей участи. Зверь, поджав хвост, скрылся в густых зарослях ивняка. Отец, подняв дрожащее тельце, виновато посмотрел на подросшую жену, совершенно выбившуюся из сил, и старался растормошить дочь. Лёлька была безучастна к окружающему.

— Скорей в больницу! — скомандовал Иван Петрович.

— Дядя Ваня, не надо, я не хочу к Фаине Ивановне, — едва слышно пролепетала девочка.

— Надо-надо, там уже твоя подружка Вера лежит. Ей плохо: она же потеряла маму, ты лучше нас знаешь, как ей помочь... Надо, Лёлюшка, надо.

Она посмотрела на доброе лицо дяди Вани, постоянно улыбающегося в свои рыжие усы, с выгоревшими пшеничными бровями и такими же ресницами, похожего не на милиционера, а на доброго сказочника, и, едва улыбнувшись, сама попросила отвезти её к подружке в больницу.

Лёлька тихонько отворила дверь в палату. Здесь всё ей было знакомо: она дружила с дочкой докторши. Вера даже не повернула головы к подсевшей к ней на кровать подружке, казалось, она никого не видит и никого не слышит. Лёлька молча легла на свою койку. Фаина Ивановна напоила её какой-то горечью и, сделав укол, молча вышла из палаты. Вера лежала, вытянув руки

вдоль туловища, уставившись в потолок. Лёлька поднялась и снова попробовала сесть рядом с подружкой.

— Вер, я всё видела, я видела, кто убил твою маму.

Вера, едва не упав, вскочила с кровати.

— Кто они, Лёль, кто?! — хватая воздух ртом, она взяла Лёльку за плечи и стала её трясти. Лёля обняла Веру, по-взрослому прижав к себе, погладила по голове.

— Успокойся, я их запомнила на всю жизнь! Мы найдём их, Верунь, обязательно найдём!

И, обнявшись, они долго сидели молча.

Через некоторое время в палату заглянул дядя Ваня и, взяв Лёльку на руки, унёс в соседнюю палату. Девочка рассказала об увиденном.

— Всё, Лёлюшка, постарайтесь с Верой уснуть, а мы их обязательно поймаем!

Они вернулись в палату, где лежала Вера. Дядя Ваня погладил обеих девочек, тяжело вздохнул, посмотрел в распахнутые детские глаза и, ещё раз пообещав найти «эту нечисть», закрыл за собой дверь.

Какой уж тут сон! За окном было темно. Желтоглазая луна, освещая маленькую палату, как-то успокоила девочек, и они начали обсуждать события дня и вечера, обходя самые страшные места. Но разговор всегда приводил к одной и той же теме. У Веры нет больше мамы... Ребёнок не мог понять, как, за что и почему? Почему маму, самую добрую, самую красивую, так страшно убили? Война кончилась, а зло всё ещё продолжало жить и приносить горе. Не знала Вера, что её папе, председателю сельсовета, и милиционеру Ивану Петровичу давно уже угрожали расправой. В подвале сельсовета под охраной сидели два подозреваемых в убийстве и ограблении страхового агента. В подброшенной в сельсовет записке была настоящая угроза: «Либо отпускай, либо выпустим кишки всей твоей семье».

После затянувшейся паузы Вера нарушила тишину первой:

— Лёль, а как они маму смогли заманить к мочилине?

Вопрос застал Лёльку врасплох. Не было времени задуматься над этим. Хотя в том, что тётя Надя оказалась у ивняка, удивительного ничего не было.

— Вер, ведь твоя мама в этот день пасла коров, так ведь? И, видно, перед тем как гнать их домой, повела стадо напоить к мочилине, так ведь все делают? Там её и схватили... Ты, Веру-

нюшка, не думай сейчас об этом, пусть думают дядя Ваня, твой и мой папа. Их обязательно поймут. Вон ведь, сидят уже двое в подвале! Сейчас приедут из Пытáлово с автоматами и их всех переловят. Смотри, луна-то какая и звёздочки, как цветочки, беленькие, по синему полюшку рассыпаны, – говорила и говорила Лёлька, чтобы отвлечь от тяжёлых дум подружку.

– Ничегошеньки ты не понимаешь! Мамы-то у меня больше нет! Как я без неё теперь? Как я домой пойду? Там пусто, папа всегда на работе... И сегодня я... не понимала, что случилось: у сельсовета скопились люди, я через окошко видела, все были какие-то не такие... Коровы давно прошли по улице, наша тоже вошла в стойло, а мамы всё ещё не было. Пришёл папа и мне приказал из дома не выходить, а потом обнял меня и сказал: «Вера, я тебя сейчас закрою на замок, так надо, будь умницей», поцеловал и ушёл. Мне стало совсем всё непонятно, Лёль: меня ж никогда не закрывали. Конечно, я усидеть не могла. Я открыла на кухне окно (оно ж на огороды выходит) и выпрыгнула. Мне показалось, что всё, что происходит, касается меня, но почему от меня скрывают? Сама не понимая, почему-то я пошла на дорогу, по которой уже ехал на мотоцикле дядя Ваня. За ним показалась голова вашего Орлика, его вёл под уздцы твой папа, рядом шли люди... У меня всё поплыло перед глазами. На меня надвигалось что-то необъяснимое и страшное. Отчаяние и тревога... По спине ползли мурашки и холод, колени дрожали, ноги стали ватными. Я чувствовала беду, Лёль, я чувствовала беду... Когда мотоцикл, а следом телега свернули к сельсовету, я пошла за ними, меня как будто никто не замечал, и я никого не видела. Папа стоял, вцепившись руками в боковины телеги. Таким я увидела его впервые: белый как мел, с закушенными в кровь губами, растрёпанный, весь в тине. Страшное и непонятное что-то, лежащее на телеге, закрытое белой простынёй, тоже было всё в тине, притягивало и как будто звало меня. И вдруг я увидела из-под простыни свисающую мамину косу и её платье в горошек... Я подошла, все притихли... Откинув простыню, я увидела мамино лицо, изуродованное до неузнаваемости... Это была моя мама! У меня свело судорогой рот, и я не могла ничего ни вымолвить, ни закричать. Я взяла мамину холодную, всю в тине руку, вытерла её и отошла от телеги на деревянных ногах. Ко мне подошла твоя мама, а потом не помню, как оказалась здесь, в больнице...

83

И Вера разрыдалась. Лёля тоже не смогла больше сдерживать удушающие всхлипывания.

– Поплачь, Верочка! Полегчает... Поплачь, – словно старшая, успокаивала подружку Лёлька.

– Ладно, а теперь давай помолчим, – попросила Вера, – а то придёт Фаина Ивановна и всадит нам по уколу.

Девочки слушали тишину, и каждая думала о своём... Ещё помолчав, Вера попросила подружку:

– Лёль, а помнишь, ты рассказывала о каком-то своём видении, расскажи.

– Нет, Вера, нельзя, мама сказала, нельзя об этом рассказывать.

Вера тяжело вздохнула. Лёлька всё же решила рассказать то, о чём знали только нянька Фёкла, бабушка и мама.

– Ну ладно, слушай, только не перебивай! Я всё это должна снова как бы увидеть... Это всегда со мной так. Ни ты, ни я не помним, какое было раньше за сельсоветом поле, сплошь заросшее ромашками, колокольчиками и васильками. Когда кончилась война и немцы убралась от нас, мы с моей сестрой Маней шли по дороге к Круминьим за молоком. Мне тогда сестра и показала эту поляну, всю в колеях от немецких мотоциклов. Ты ж знаешь: в сельсовете и библиотеке была их комендатура, вот они и бороздили по всему полю на мотоциклах. Кое-где на поле уже начала пробиваться зелень, но торчащие кверху корешки цветов были сухими и мёртвыми. Изломанные, они валялись на боку. Я сказала: «Маня, ты иди одна за молоком, а я полечу цветочки». «Это как? – засмеялась сестра. – Ты и правда какая-то у нас с причудами. Ладно, лечи, дурёха».

– Я долго искала какую-нибудь палочку, руками было не справиться: земля сухая. Потом пошла домой, и папа, узнав о моём странном намерении помочь цветочкам, не стал возражать, а сделал мне из гильзы металлическую лопатку, соорудил из такой же гильзы маленькое ведёрко и даже проводил меня на луг. Я начала обкапывать цветы, поливать их, а потом мне помог Петька Смирнов, да и ты забегала. А посреди луга – камень, вокруг которого уже зацветала земляника. Её я поливала каждый день. И ты знаешь, к концу июня появились первые бутоны, уже начал расцветать мой собственный луг... Его теперь так и зовут – Лёлькиным.

– Правда, ты, Лёлька, какая-то не такая, как все, но ты всё равно самая хорошая. А видение-

то где? – с нетерпением спрашивала Вера и даже придвинулась ближе к подружке, вытянув длинную, худенькую шейку.

– Не перебивай. Был тёплый и солнечный день, уже появились первые ягодки земляники, и я, немножечко повозившись на своём огромном цветнике, присела на тёплый, согретый солнышком камень. Не знаю, задремала ли я или просто сидела с закрытыми глазами, но мне показалось, что меня вдруг окружило огромное голубое облако, что ли... Сельсовета рядом нет, нет нашего посёлка, а небушко как будто слилось с землёй, мною и моим лугом. Мне казалось, что я не стою на земле, а как будто приподнялась над ней с поднятыми руками. Я не увидела, а скорее почувствовала, что ко мне с небес спускается что-то необыкновенное, таинственное, тёплое и доброе. Затаив дыхание, я кого-то ждала. Ко мне плавно, как будто плыл по голубым волнам, медленно-медленно... опустился Христос. Он, не касаясь земли, на какое-то мгновение оказался передо мной. В левой руке у Него был светящийся шар, а правую Он протянул ко мне, и я почувствовала тепло над своей головой. Он не положил руку мне на голову, а просто подержал её надо мной, но я Его руку чувствовала на своей голове... Мне кажется, что я её и сейчас чувствую. А потом так же медленно Он стал удаляться, как бы растворяясь в голубом пространстве, и глаза у моего Христа были голубые, волосы выющиеся, это я запомнила, и одежду Его помню, но описать не могу. Когда Он удалялся, вокруг Него появилось светящееся, как сквозь сито просеянное солнечное облако. А я, всё ещё будто висящая в воздухе с поднятыми руками, стала опускаться, делая вперёд шаги, будто бы хотела догнать своё видение. Бабка потом специально меня водила, чтобы я рассмотрела все иконочки в нашей церкви, но они все не были похожи на Бога из моего видения. Вера, это тайна, и ты никому её не рассказывай, она только моя, мамина, бабкина, Фёклина и теперь твоя.

Вера покивала, соглашаясь, что тайна останется с нею. Видно было, что Лёлькин рассказ потряс детское воображение, и, возможно, промысел Божий в том, что Лёля открылась именно ей, потерявшей мать в этот страшный день.

– Лёль, а почему тебя дразнили «нежилец» и «чучело»? – с лёгкой усмешкой спросила Вера, но, когда увидела реакцию Лёльки, ей стало неловко, и она, положив свою руку на руку Лёли, попыталась заглянуть ей в глаза.

Лёлька всхлипнула: ей было больно вспоминать, хотя её старшие брат и сестра до сего времени частенько, когда не слышали родители, продолжали её так называть. И она поведала одну из самых горьких страничек жизни.

– Знаешь, Вер, я сначала не обижалась, просто не понимала, почему я нежилец, но когда пришла к нам тётя Оля и сказала, что наш сосед дядя Федя умер, мама моя, вздохнув, сказала: «Да чего уж там, болезный он был, всё равно нежилец». И я залезла на печку, горько и долго плакала и даже начала себя хоронить, представив, кто будет плакать на моих похоронах, а кто-то и скажет: «Да чего уж там? Всё равно нежилец была...». Скорей всего, это скажут брат и сестра.

Да болезная я была от рождения, золотушная, всё тело в коростах, щёки красные шелушились, весь живот в кровотокающих струпьях. Я постоянно его расчёсывала, терпеть не было мочи, уж лучше пусть болит, чем чешется, голова тоже вся в струпьях. Брат и сестра не брали меня спать к себе, и я спала на печке, да и сейчас ещё там сплю, правда, ноги упираются, выросла, но я люблю свой уголок. Знаешь, мне было обиднее всего, когда деревенские бабы приходили, а у нас, сама знаешь, всегда полон дом, говорили маме: «Ох, Нюша, нежилец она у тебя, нежилец». И мама молча, как бы соглашаясь, кивала головой. Да и Маня с Ваней называли меня так, будто заранее хоронили. Я часто плакала у себя на печке, но никто не знал, что я всё понимаю и мне очень обидно. Да ладно, Вер, сейчас уже я выздоровела и удушливый кашель прошёл.

– А как это тебя Фаина Ивановна вылечила?

– Да нет, помнишь, все меня дразнили «чучело гороховое»? Так вот, после того как мне было видение, на второй день я встала засветло (я всегда встаю ни свет ни заря, как мама говорит, а бабушка жаворонком зовёт) и пошла босиком на речку. Травка на тропинке росная пятки холодила, так приятно. Меня как будто кто-то вёл к нашему родничку: да я частенько на нём свои ранки на животе замывала. В нём вода особенная. Но мне хотелось глины, представь себе, я подошла к родничку и начала её есть. Знаешь, какой она тогда мне показалась вкусной!

У Верки первый раз за всё время заблестели глаза, и она улыбнулась, Лёлька поняла, что своими рассказами отвлекла её от горя хоть на какое-то время.

– Наевшись досыта, я запила глину студёной водицей и, зачерпывая воду ладошками, прикос-

нулась к стенке родничка, она была мягкая и липкая. Не знаю почему, но я, зачерпнув эту белую жижу, стала накладывать себе на живот и почувствовала облегчение, намазала голову, которая тоже была вся в струпьях... Подставив себя, измазанную белой глиной, под лучи восходящего солнышка, я стояла и смеялась. У меня впервые не чесались живот и голова. Когда глина подсохла, я надела платице и пошла домой. Я же не видела в тот момент, на кого я была похожа. Когда подошла к дому, мама с подойником выходила доить Зорьку. Ведро выпало у неё из рук и загромыhalo по всему двору. «Господи, Лёлька, чучело ты гороховое! Что ты с собой сотворила?» – поразилась мама. А я стояла и улыбалась: мне впервые за годы мучительной болезни было хорошо. Я ответила: «Мама, я хочу спать. Не бойся, это родничок меня лечит». Мама постелила мне на скамейке в саду, и я впервые уснула крепко-крепко, не знаю, сколько бы спала, если бы высунувшиеся из окна брат с сестрой не захохотали и в два голоса не прокричали моё новое прозвище. Так я из нежилыца превратилась в чучело гороховое. А знаешь, оно мне больше по душе.

Верка, прижавшись к подружке, прошептала:
– Лёль, ты самая лучшая.

Выдержав небольшую паузу, она продолжила расспросы.

– А тебе страшно было, когда бомба угодила в вашу баню?

– Так нас же не было в ней: мы всей семьёй ушли купаться под липенку, но купаться не стали. Речка вся была жёлтая, после ветра липа стряхнула с цветов пыльцу, и речка казалась золотой, мы все сидели и смотрели на эту красоту, когда услышали взрыв, аж с берега плитняк в реку посыпался. Мы и не подумали, что когда придём, то на месте бани окажется воронка. Так что вовремя папа нас увёл купаться.

– А чего это ваш сосед дядя Андрей как будто дурак, что ли, – не унималась Верка, – сидит со своим костылём и стреляет? Я вчера иду мимо, как всегда поздоровалась, а он поднял свой костыль и стрельнул в меня: «Та-та-та-та», а потом сидит и посмеивается.

– Глупенькая ты, Верка, ногу-то он потерял на войне, работать пока не может, представь, как ему больно, сидит на скамейке один и, чтобы привлечь к себе внимание, постреливает со своей незажившей культы. Ты б видела, какая у него огромная болячка, к которой он свою деревяш-

ку привязывает! Кто знает, тот на него не сердится. Он частенько обстреливает баб, стоящих в очереди за хлебом. Все посмеются, да кто-нибудь и подсядет к нему на скамеечку. Ему-то и надо только, чтобы кто-то подошёл, а он рассказал уже в тысячный раз о своей беде и о том, как немца победили. В следующий раз, когда он стрельнёт в тебя, ты подойди к нему и сядь рядышком или семечек ему принеси: он их постоянно щёлкает.

Помолчали.

– Тихо, Вер, Фаина Ивановна вышла с лампой из своей комнаты... Куда бы это среди ночи?

Ступеньки, выходящие к запасной лестнице в сад, закрипели. Девочки высунулись в окошко мезонина и в глубине сада на скамейке увидели две тёмные тени. Лёлька на кровати соорудила подобие «спящей», цыкнула на Веру, чтоб та лежала спокойно и, если зайдёт докторша, не шевелилась, а сама в одних трусиках спустилась в сад и, спрятавшись за кустом смородины, прислушалась. Голоса показались знакомыми. Докторша с лампой подошла к двум тёмным фигурам. Слабый свет лампы-семилинейки осветил их лица, и девочка узнала убийц тётки Нади. Зажав себе рот, она тихонько отползла к знакомому лазу (не раз по нему пробирались за ранетками в этот сад) и, перебежав дорогу, ведущую к больнице, юркнула в другой лаз почтового сада. Фигура чужака, прислонившегося к почтовому колодцу, Лёльку насторожила.

Рассматривать времени не было, и она задами огорода побежала к сельсовету. За огородом тётки Оли пятку пронзила нестерпимая боль: наступила на ржавую проволоку. Выругавшись не по-детски, она вырвала из пятки проволоку и побежала дальше. Поднимаясь на второй этаж сельсовета, на миг задержалась, прижав окровавленную пятку к холодной ступеньке, ощутила облегчение от боли. За дверью кабинета она услышала знакомые и чужие голоса. Кулачком постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, вбежала в комнату.

– А это ещё что за привидение?! Лёлька, ты почему голышом, что случилось?

Она не могла вымолвить ни слова. Увидев в широко открытых глазах ребёнка крик о помощи, взрослые как по команде поднялись. Потом сели.

– Что, Лёлюшка, что с тобой?

Голос отца, который тоже сидел в чаду прокуренного кабинета, подбодрил её, и, уже начиная соображать, она обратилась к Ивану Петровичу.

– Дядя милиционер, там, в больничном саду, докторша перевязывает ногу нехристю.

– Какому ещё нехристю?

– Там два мужика... Я их видела у мочáлины, в ивняке... Это они убили тётю Надю!

Все разом вскочили.

– Дядя Ваня, скорее! А то убегут... И у почтового колодца я видела чужака, это не наш, не лйновский... Там, может, целая банда! – выпалила Лёлька.

– Господи, чудо ты, Лёлюшка, расчудесное! Если их поймает, от меня тебе вот такунная шоколадка! Вот что, Антон, бери свою дочушку – и домой! Мы справимся без тебя.

– Дядя Лёша, – обратилась Лёлька к председателю, – Верку не забудьте взять из палаты.

– Не бойсь, я её к вам принесу, – и он вопросительно посмотрел на Антона.

Лёлькин папа одобрительно кивнул: конечно, девочкам сейчас нужно быть вместе...

– Ну что, Аника-воин, пойдём домой, а лучше давай-ка на руки, вон из пятки-то кровяшка хлещет.

Отец взял на руки дрожащую то ли от холода, то ли от пережитого за этот день свою младшенькую и, прижимая к себе, понёс домой. Но бесполезно пытались родители уговорить измученную дочку лечь в постель. Перевязывая Лёлькину пятку, мать ворчала:

– Господи, и в кого ты такая неугомонная? Всюду-то лезешь со своим носом. От всех тебе достаётся, а ты всё на своём!

Чувствуя мамину ласку, склонив голову на её плечо, Лёлька попросила:

– Мама, не позволяй, пожалуйста, меня называть нежилецом и чучелом гороховым, осо-

бенно Мане, я же давно поправилась, и коросточек на мне не осталось.

Мама прижала ребёнка к груди и заплакала. И впрямь, что ж до сего времени старшие брат с сестрой кличут её так? А они с отцом будто и не замечают, а ведь вон оно как, страдает ребёнок от прозвищ этих. Мать почувствовала себя виноватой.

– Не позволю, Лёлюшка, не позволю! Ты теперь у нас будешь чудо расчудесное! А теперь ложись, – пыталась Анна уговорить дочку.

Но та, как упрямый козлёнок, прильнув к кухонному окну, твердила:

– Я не лягу спать, пока не узнаю, что их поймали. Их же поймают, папа?

– Конечно, доченька, конечно, поймают, вон сколько людей пошло их ловить! И все с пистолетами, а у одного даже автомат.

Мама налила кружку молока и намазала хлеб маслом, но Лёлька есть отказалась, она словно выросла в окно, ожидая, когда же тех поведут.

Бабахнуло несколько выстрелов, потом всё стихло, и вскоре на дороге послышались шаги и громкие голоса. Девочка крепко сжала ручонками подоконник и окаменела: мимо окон вели убийц. Впереди шагал Иван Петрович и вёл троих со связанными руками, сзади шла Фаина Ивановна.

Ненависть захлестнула невинное сердечко Лёльки. Она заколотила ручонками по раме.

– Убийцы, твари из чужого племени! – словами своей бабки прокричала Лёлька и, рыдая, выплеснула в одном возгласе пережитое за день: – Нехристи, нехристи!!!

Елена
ЖАМБАЛОВА

НЕ РАВНЯЙ МЕНЯ С ОСТАЛЬНЫМИ

Был тёплый июльский день, но не так, чтоб
жарило.

Под мостиком деревянным прохлада влажная.
Я сел, улыбаясь весело, на лодку ржавую
и пялился на горизонты многоэтажные.

«Михалыч, – кричали мне с переправы
чайками 87

мои собутыльники, – ты чё там застыл
философом?»

И я сосчитал до трёх, загадал случайное.
Вдруг вижу на пирсе девушку в позе лотоса.

Я так же пытался сесть, хоть слегка
и выпимши.

(Наверное, и она на меня поглядывала.)
Такого чудесного смеха река не слышала.
Фарфоровый колокольчик, звезда, Наяда моя.

А что уж тогда болтал, вытворял...
Но чаще я
стоял перед ней детиной с лицом дебила.
Да. Это было единственное Настоящее.
Великое счастье было. Со мною было!

В углублениях конских копыт застревал
виноград.

Перед нами, стремительный, нёс свои воды
Евфрат.

Наши смуглые женщины пели: «Наян-Наваа!»
И плясало горячее солнце у них в головах.

Вот рука моя тянется, чтобы нащупать
края,

За которые вытяну память из небытия.
Там за гранью пиала полна молока, не пролей!
Там мой бронзовый предок! Я – наших
монгольских кровей!

Потому ли мне снится, как все мы куда-то
брели,

На ладонях моих до сих пор этот запах
земли.

Мы глаза покрасневшие прятали в рукава...
Мы прощались с тобою, великая Наян-Наваа!
Наша Родина – там, где народ, мы идём
сквозь века.

Умирая, рождаясь, на разных крича языках.
Слепо жажда жить, забывая завет матерей...
Но пиала полна молока.
Не пролей.

ЖАМБАЛОВА Елена Александровна родилась в 1986 году. Полуфиналист Творческого фестиваля им. Леонида Филатова. Публиковалась в журнале «Байкал» (Улан-Удэ), альманахах «Особняк» (Москва), «Образ» (Ленинск-Кузнецкий), «Иркутское время» (Иркутск). Участник Международного форума молодых писателей (2016, 2017 гг.), лауреат фестиваля им. Бельмасова (2017 г.). Лонг-лист премии «Лицей». Живёт в Улан-Удэ.

* * *

Семь вечера. Папа с работы
на рейсовом не приехал.
А значит, что папа напился,
и мама на прорубь с ведром
идёт, громыхая чрезмерно.
Мы рядом по снегу с сестрою,
а в доме напротив – гирлянда,
и радость, и все вчетвером.

Вот так прорастают обиды,
темнеют наивные взоры,
но это не зависть, а просто
как здорово было бы!..
Отец полубоморожен,
лежит возле печки и стонет.
И хочется даже из тела –
не то что из этой избы.

* * *

Я для других останусь тайною. Национальность, вера, форма –
Запрячусь в роли социальные. И будто тряпкой с хлороформом
Пусть временно, но обезврежена, и не такое проходили.
Марионеточная беженка из полушарий и извилин,
С соседней улицы, квартиры ли, пропавшей буквою в домене –
Как заиканием – пунктирами крови, пульсирующей в вене,
Под шкаф монетой закатившейся, бегущей Лолой без оглядки,
Пусть и в гетто. Слышишь, ниже сядь.
Здесь прятки.

* * *

Люди текут на заводы яростной биомассой.
Люди спешат работать – людям дорогу, ассо!
Я не спешу работать. Шлангом валяюсь, лыжей.
Чертим углём узоры на загорелой крыше
С другом пофигистичнейшим, но совершенно клёвым.
Так бы подпрыгнуть в птичье дали сине-вишнёвые.
Медленно и лазорево. Сонно, смешно, эмалево.
Дай затянусь разочек, ну дай затянусь без палева.
Ближе придвинься, мон ами, сядем, прижмёмся спинами
Будто срастёмся кронами, кронами тополиными.
Ты почитай мне Рыжего – царствия ему Божьего.
С другом сидим на крыше мы. Господи, как же здорово.

* * *

Камушком о камушек в маршрутке стучит дочь.
Звук напоминает детство и берег Чулыма.
Скоро наступит ночь (и отступит ночь),
двинутся в путь два задумчивых пилигрима.
В сердце моём насажаю я им дерев,
насыпями бронзовеющими разукрашу
тропки-дорожки. Нет, я не стану старше.
Пусть пилигримов встретит улыбкой лев
на красноярской площади. За плечом
пусть им споют часы, но не поторопят.
Разве затем они, чтобы час был пробит?
Разве я плачу, и разве мне горячо
между ключицей и перекрёстком жил.
Разве мне снится сон, или просто камни
тихо стучат, перемалывая веками
тех, кто сейчас живёт. И когда-то жил.

* * *

Не равняй меня с остальными. Ты не знаешь меня, прости.
Даже имени – это имя ты не сможешь произнести.
Я любила тебя безумно, я твоей назвалась женой,
Но уже ударяли в бубны, пели-плакали надо мной.
Помнишь съёмные уголки: кожа, бархат, шелка и бязь.
Всё чужое, а я комочком прижималась к тебе, боясь
Криков птиц, скрежетанья стали, духов неба, воды, земли, –
То уже на меня камлали, кровью капали и вели.
Стоны, дым и гортанный клёкот, искры пламени, пыль и прах.
Лунолико и солнцепёко стало в чёрных моих зрачках.
Тесно в теле, в объятьях тесно. Я хваталась за образа,
Но хрипела, смеялась бездна, глядя прямо в мои глаза.
...Так, впервые познав бесстрашье, я впустила в себя онго,
Сквозь миры располосовавшись, неожиданно и легко.
Слово с неба, как белый кречет, на рукав примостилось мой.
Только рвёт удила и мечет, хочет с привязи вороной.

Валерий
БОХОВ

ДВА РАССКАЗА

ПЕРЕВОДЧИК

И в городе и за городом погода была под стать настроению: дождь, слякоть, лужи... Лето не лето, осень не осень. Небо хмурилось, а ветер беспрестанно гнал одну волну мрачных туч за другой.

Промокшие и продрогшие, все разместились в ритуальном автобусе.

Вот и простились ещё с одним нашим одноклассником. Андрей долго болел. И вот... сердце подвело.

Военный оркестр и караул, салютовавший генералу, уселись в свой автобус.

Единственный, кто из класса пошёл по военной линии, это Андрей. И дошёл он до высоких чинов.

В школе Андрей Ершов был крепким троечником. Мы вместе с ним готовили уроки и занимались вместе. Мне поручали сначала в пионерской дружине, а потом в комсомольском отряде подтягивать его учебу. Жили мы рядом – в одном дворе, в одном доме. И дружили с детского садика.

Из троечников вывести Андрюху было невозможно. Он был убеждён, что важно понимать предмет и иметь самые общие представления о нём. Зубрить, учить наизусть – это было не его. Он проповедовал, что если ему понадобятся знания по какому-нибудь предмету для конкретного решения, то он по учебнику разберётся и найдёт нужный подход. А «коря-

читься», сидеть подолгу над учебником – пустое дело.

С Андрюшей долго билась наша англичанка – Луиза Викторовна. Почему-то она была убеждена, что он – прирождённый лингвист, предрасположенный к языкознанию. Как-то она чувствовала, что мой одноклассник вполне свободно может овладеть английским. Не знаю, что она видела и как. Может быть, это женская интуиция? Не знаю! Долго она билась с ним. Потом бросила это бесполезное занятие. И на всю семью моего друга – следом за ним с разрывом в три года и пять лет учились брат Сергей и сестра Алёна – легла тень бездарей.

Так, на лихих тройках, Андрюхан и проскочил школу.

После школы почти все одноклассники поступили в институты. Андрюша не поступал никуда. Пошёл работать на завод. А потом загремел в армию.

Проводили мы его до военкомата и больше почти не встречались. Очень редкими стали встречи. Но, несмотря на это, линия жизни его не была для меня тайной.

Заслали его на Дальний Восток. Морская часть, где служил Ершов, стояла между Совгаванью и Ванинским портом, в какой-то, по его же словам в тех редких письмах, что он присылал, тьмутаракани.

Романтических чувств, любви к морю у моего друга не возникло.

Прибрежные серые горы, стального цвета волны, чайки, оживлявшие унылый пейзаж, сопки, тайга, лагеря зеков кругом... Андрюха да и многие его сослуживцы мечтали о времени, когда они, забравшись в поезд, идущий на запад, смогут спеть: «Прощайте, скалистые горы...».

Отец Андрея прилагал много усилий, чтобы вытащить сына ближе к дому. Мать у них давно умерла, и поэтому отец стремился, чтобы дети и он были вместе.

Отца его знали мы, одноклассники, да и весь наш двор.

Сильвестр Адамович Ершов мог починить всё, что попадало ему в руки. А попадали ему телевизоры, велосипеды, часы, утюги, деревянная мебель...

В войну Сильвестр Адамович был боевым лётчиком и служил вместе с легендарным Николаем Петровичем Каманиным, одним из первых Героев СССР. Звезду Героя получил за спасение «Челюскина», воевал, а в мирное время командовал отрядом космонавтов.

Каманин периодически навещал своих бывших сослуживцев, интересовался их жизнью. Сильвестр Адамович при такой вот встрече просил Каманина поспособствовать переводу сына ближе к дому. Регулярно заходил в военкомат, где убеждал военкома в необходимости перевода сына в воинскую часть, расположенную в европейской части страны.

Неизвестно, помогли ли Андрюше усилия со стороны, но известно, что до него довели информацию о наборе учеников в школу военных переводчиков. Школа находится в Москве. Вступительные экзамены – по английскому языку, русскому языку и литературе.

«Чем чёрт не шутит, – думал он. – Смогу ведь подготовиться и попробую сдать!» Усиленные занятия принесли пользу. Андрей Ершов был зачислен в школу военных переводчиков. День и ночь пришлось ему теперь заниматься. И принцип «знать предмет не напрягаясь» пришлось пересмотреть. Тут было полное погружение в языки. Все двадцать четыре часа ежедневно посвящались учёбе, работе над произношением, тренировке памяти, выработке способности думать не на родном языке....

На несколько лет для нас Андрей просто-напросто исчез. Он специализировался в английском и французском языках. Говорил, часто общался с натуральными французами, англичанами, американцами.

Надо сказать, что в школьные годы Андрюха лишился переднего зуба. Произошло это из-за того, что на уроке военной подготовки он тянул ружьё на себя, а я – в свою сторону. Я отпустил винтовку, и приклад угодил Ершову в лицо. Врачи вместо переднего зуба установили ему пластинку. И вот эта пластинка во многом способствовала тому, что разговаривал Андрей на французском с грассированием прирождённого жителя Прованса, а на английском он говорил с акцентом выпускника Йельского университета. Так считали знающие филологи-языковеды.

Плотно занимаясь основным предметом – языками, подчиняя изучению их всё своё время, на другие дисциплины взгляды его не претерпели изменений. К второстепенным дисциплинам у него и отношение было непервоочередным, как и в средней школе. Например, в то время в вузах преподавалась политологическая дисциплина, знакомящая с теорией марксизма-ленинизма. Когда в школе военных переводчиков проходили работу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и все ученики зубрили её, Андрей поступил иначе. Безусловно, это крайне скучное дело – разбираться в критике Лениным реакционной философии. Андрюша взял в библиотеке воспоминания русских эмигрантов. Прочитал, что в 1908 году, во время написания изучаемой работы, Ульянов-Ленин был во второй своей эмиграции. Жил в Женеве, в Париже... Любимое времяпрепровождение эмигрантов – посещение пивных заведений. Любимым развлечением русских было уставить кружками, полными пива, какой-нибудь стол в пивной и за этот стол усадить самого маленького в компании человека. Нередко им оказывался Ильич. Все посетители бара восторгались, видя несоответствие между физическими кондициями клиента и количеством пива. Ершов пересказал преподавателям этот эпизод. И преподаватели, удивляясь, что ученик знает такие неожиданные подробности бытия вождя, уже с меньшим интересом пытались у него выяснить суть ленинской работы. А в общем, в этом сказывалось его стремление к остроумным ответам, которое пересиливало желание отвечать по существу, что было заметно ещё и в школьные годы.

Учась в школе переводчиков, Андрей женился.

После учебы мой бывший одноклассник редко бывал в Москве. Почти всё время он проводил в зарубежных командировках. Выполнял порученные задания.

Однажды, когда Андрюша был дома, раздался телефонный звонок. Смутно знакомый голос попросил пригласить Алёну. Узнав, что дома Алёны нет, голос поинтересовался, кто у аппарата. Андрей назвал себя.

— А, помню-помню! Это говорит Луиза Викторовна. Много времени я потратила с вами, когда вы учились в школе. И, следует сказать, вы не оправдали моих надежд. И все в вашем семействе — вы, Сергей, Алёна — оказались со средними способностями. Никто так и не научился свободно разговаривать по-английски.

Андрей вздохнул глубоко и сказал учительнице на чистом английском языке:

— Уважаемая Луиза Викторовна! Время проходит, взгляды и способности людей меняются, и порой меняются радикально. Сегодня у тебя отсутствуют знания в какой-то области, а завтра, если обстоятельства привнесут в твою жизнь что-то новое, то и ты соответственно меняешься, приобретая новые навыки, культуру, опыт... Всего наилучшего!

Трубка долго молчала. Затем она тихо опустилась на рычаг. Андрюша не был уверен, что Луиза Викторовна всё поняла в его речи.

ТРЕУГОЛЬНИК

В прошлом году я и брат мой Игорь сразу после школы поступили в своём Петрозаводске в университет. Не бог весть какой важный эпизод биографии. Хотя для нас и ближнего окружения, конечно, факт значимый. Я хочу рассказать о некоторых событиях, случившихся с нами во время учёбы. А сначала — небольшая история, предшествующая поступлению на строительный факультет ПГУ.

Наш отец приобрёл дачу — сельский дом на берегу Белого моря. Отец с мамой разошлись, и так получилось, что нас, близнецов, разлучили: Игорь жил с отцом, а я, Борис, с мамой. Но вот отец серьёзно заболел и решил, что надо успеть сделать что-то нужное для нас, чтобы братья жили вместе, хотя бы на общей даче. Отец видел, что мы тянемся друг к другу. К этому времени учились мы в старших классах разных школ.

Дача на берегу Белого. Это дом, долго стоявший нежилимым. Поэтому ясно, в каком запущенном виде он был.

Нам с Игорем, типичным горожанам, заниматься строительными работами раньше не водилось. Для найма рабочих необходимых средств не было. Отец смог выделить нам

деньги только на материалы. Мы решили, что будем делать всё сами. И начали работы в летние каникулы.

Питались мы примитивно: лапша «Доширак», тушёнка, хлеб, чай. Иногда покупали картошку и варили её, благо печь в доме была.

Работать пришлось много — чистить дом, мнать стены, делать пристройку. Работали с утра до вечера. В эти летние месяцы ни разу не были в лесу, на рыбалку ходили только один раз — сосед Фёдор позвал. Двадцать килограммов гвоздей использовали. Ложишься спать, а в ушах — ритмичные удары. Лежу и думаю: «Кто же это стучит? Мы же перестали. Кроме нас — никто не колотит так долго». Прошло некоторое время, и я понял: «Боже мой! Это же моя кровь пульсирует в жилах, пульсирует в висках!»

В то лето я понял значение слова «корявый». От постоянного подъёма и переноса тяжестей мы ходили ссутулившись, а руки были приспособлены только для того, чтобы хватать брёвна, доски, рубанок, молоток, топор. Чувствовал я себя корявым пнём, лесным человеком. У Игоря были такие же ощущения. Вставали рано утром и трудились весь день, прерываясь только на еду. За лето втянулись в такой режим, и он был нам не в тягость.

Нет ничего более приятного, как, приостановив работу, взять пригоршню опилок и вдохнуть смолистый запах только что отшлифованной доски. Великое наслаждение — из груды невзрачных досок сделать необходимое в хозяйстве, обработанное с любовью, чистенькое и гладенькое изделие, на которое невозможно налюбоваться.

За время совместных работ мы ещё больше прониклись братскими чувствами друг к другу.

Нередко на море стоял туман. И помню, под вечер уже темнота окутала землю, слышалось с моря громкое чавканье, отчётливое шлёпанье. Как будто море наступало на сушу. Потом взошла луна и серебром залила туман, который становился гуще и гуще. Это не море, а туман наступал на сушу.

А как-то на рассвете мы видели туман, стремительными потоками плывший между островками и сопками. Эти потоки струились сказочно быстро! Вставало солнце, и они на пару с ветерком туман изгнали.

Редкое, волшебное зрелище однажды предстало перед нами. Над морем в тех местах небо кажется необозримым. Стоял жаркий день. Пекло немилосердно. В такие дни обычно

ищешь тень, чтобы в ней скрыться. Море было почти гладким. Плавные волны, медленно вздымаясь и опускаясь, катились, меняя цвета от нежно-розового до бледно-голубого. Над морем стояла дрожащая пелена. Чувствовалось волнение света. Угадывались колебания воздушных слоев. Освещение было каким-то неземным, мистическим. Всепоглощающее марево царило кругом.

И вот небесная бездна стала вдруг выше и шире. Раздвинулись границы, открылись бесконечные выси. И в море вдруг возникли нереальные, миражные формы – замки, нескончаемые заборы, частоколы и мосты.

Мы смотрели неотрывно и зачарованно. Не могу точно назвать это явление – абберрация света, дифракция, интерференция, поляризация... Но такого волшебного видения мы больше не наблюдали. И, конечно, это явление я расцениваю как награду, подарок нам свыше за труды...

За время работ мы очень привыкли к инструментам, освоили их. Нам нравилось самим планировать, что и как делать. Творчество ведь всегда окрыляет. А результаты были видны. Главное, мы поняли, что строительные работы – это наше будущее, наша стезя.

Мы были несказанно рады, что мы теперь вместе, что у нас ясная перспектива и всё намеченное получается. После летних работ и совместного проживания мы уже не представляли, что можно жить отдельно друг от друга. Мы были не разлей вода, два сапога пара. Мы не представляли себе, что можно прожить день, не встретившись.

Поступили в ПГУ мы легко и учились легко. На факультете нам всё нравилось – преподаватели, среди которых были доктора и кандидаты наук, учебный процесс, сокурсники.

На вечере танцев мы познакомились с девушкой. Звали её Лина. Она училась в нашей группе, и, конечно же, мы её видели и раньше, но не решались подойти. На вступительном экзамене мы помогли ей решить задачку.

Если кто-то думает, что королева не может проживать в провинции, то он ошибается. Зря он так думает. Она была истинной королевой красоты!

Просто сказать, что она красива, ничего не сказать. Всё вокруг неё меркло, становилось тусклым и ненужным. Большущие, лучистые глаза с трепещущими густыми и длинными ресницами. Матовая, нежная кожа с румянцем. Но са-

мое притягательное и обворожительное на её лице – улыбка. Ослепительная улыбка. Улыбка, излучающая доброту и жизнерадостность. Будто возник ослепительно-яркий свет и вспыхнуло солнце! И наступила весна! И распустились цветы! Улыбка-восторг! На неё посмотришь – и безудержная радость охватывает тебя.

Оба мы потеряли голову. Оба влюбились. Не могли ни о чём думать – только о ней. Задыхались, захлёбывались даже при произнесении её имени.

Много времени мы проводили вместе – втроём или кто-то из нас с Линой вдвоём. Но вдвоём – реже. Почему-то она отдавала предпочтение нам перед сокурсниками. Нам не верилось, что это было так. В благодарность за помощь на вступительном? Или ей понравились крепкие ребята, да ещё оба на одно лицо, что необычно?

Как-то я, не в силах больше сдерживаться, запинаясь и теряя голос, объяснился Лине в любви. На это она сдержанно сказала:

– Мы замуж, Боря, не спешим. Поживём – увидим!

Через какое-то время Игорь поделился со мной тем, что признался Лине. Ответ был такой же сдержанный.

Долго думал я, как же быть. Если Лина согласится выйти за меня... Нет. Не могу перебежать дорогу брату. Это значит, что всю жизнь потом – врозь. Так можно и порвать братские отношения.

Возникла фигура, о которой мы все знаем, – любовный треугольник.

В один день Лина получила два письма.

Вот одно из них: «Дорогая Лина! Я тебя очень люблю! Очень! Я знаю, что и Игорь тебя тоже любит. Я не могу стоять на вашем пути. Перехожу на другую кафедру – архитектуры и проектирования. Постараюсь не попадаться вам обоим на глаза. Хотя бы первое время. Будьте счастливы. Борис».

Второе письмо было похоже на первое: «Линочка! Я безмерно тебя люблю! Но знаю, что и Борян без тебя не может. Он тоже болен тобою. Чтобы не стоять у вас обоих на пути к счастью, я ухожу – перевожусь на вечерний, а днём буду работать на стройке. Счастья тебе и вам обоим. С уважением, Игорь».

Прочитав оба письма, девушка воскликнула:

– Как жаль! Так ведь можно и без женихов остаться! Нельзя с мальчиками так жестоко! Оба ведь хороши, оба красавцы! Надо мириться! И определиться – кто же он, с кем в ЗАГС пойду?

Дорогая Татьяна Владимировна!
Прими поздравление с юбилеем от коллег-писателей. И мы думаем, к этому присоединяются многие друзья и пациенты, которым твоя скорая помощь помогла.

**Татьяна
КОЛАЧ**

ПОТЕМНЕВШИЕ АЛЛЕИ

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРИСОВКА

А день прошёл... И вечер наступил,
И сумерки сгустили запах лета.
Вновь лунный свет округу осветил
Прохладно-жёлтым сумеречным светом.
И сразу тишь... И таинства полны
Ночные, потемневшие аллеи.
Там шорохи и звуки тишины,
Там чем-то зябким и ознобным вееет...
Стою я у открытого окна,
А влажный воздух свежестью дурманит.
Ночная тишь загадками полна,
Спать не даёт и всё куда-то манит...

КОРЖОВОЙ МАРИИ ВАСИЛЬЕВНЕ

Закручинилась невольно,
Глядя в сумерки окна.
Трудно было, нераздельно,
И сидишь теперь одна,
Руки пали на колени,
Молчалива и грустна...
Пчёлка залетела в сени,
Тоже вот обречена
На невольное скитанье
В тёмных сенях до утра...
Затаённое молчанье,
Заповедная пора.

97

* * *

Всё, нет сил... И душа изболела,
Обессилев в напрасной мольбе.
Вот друзья покидают несмело,
Словно это угодно судьбе.
Отлежусь, принимая потери,
Тишины своей вдоволь напьюсь.
В неизвестность откроются двери,
Шаг за дверь... В пустоту окунусь...

* * *

Дни звонче после стылой тишины,
Уже согреты редким солнцем крыши.
Февраль уходит... Запахи весны...
И слышно, как земля под снегом дышит...

ПОСЛЕ НОЧНОГО ДЕЖУРСТВА

Домой устало утром возвратиться,
На кухне чай неспешно вскипятить,
Привычно на иконы помолиться
И чай горячий, обжигаясь, пить.
Потом – под плед, дремотно и уютно,
Домашней насладиться тишиной.
И вспоминать о чём-то смутно-смутно...
Легко вздохнуть... И кануть в сон дневной.

КОЛАЧ Татьяна Владимировна родилась в Юрге. Окончила Кемеровское медицинское училище, почти 40 лет проработала на скорой медицинской помощи. Автор книг «Прислушайтесь к тишине» (2005 г.), совместного диалога с Б. Бурмистровым «Как жить на свете не любя» (2008 г.), «Молчанию вторя» (2009 г.), «Сентябрьские дожди» (2012 г.), «Вслед уходящему» (2017 г.). Печаталась в журнале «Огни Кузбасса», антологиях «Русская сибирская поэзия», «Солнцестояние». Член Союза писателей России. Живёт в Юрге.

МУЗЕ

Затаённых шагов приближенье
Я не слышала очень давно.
И боюсь, что твоё косновенье
Мне уже распознать не дано.
Всё из рук вон – нескладно, убого,
И впустую уходят года.
Вновь к тебе я зываю, как к Богу,
Но лишь дней, серых дней череда.
Напослед в потаённую нишу,
В тишину окунаюсь свою,
Но до слёз, но до боли не слышу
Невесомую поступь твою.

* * *

Мне только в снах моих не спится,
Мне только в снах покой земной,
Душа невидимую птицей
Вдруг пролетела надо мной.
Слегка задела занавеску,
Приподняла ночи покров...
Затрепетал над перелеском
Неслышимый доселе зов.
И в всплеске утренней зарницы,
Где только воздух влажный стыл,
Чуть видимо светилась птица,
И пара белых-белых крыл
Качнули время... Я проснулась,
Воспрянув к яви ото сна, –
Лишь занавеска колыхнулась,
Лишь воздух свежий из окна...

* * *

Взмах руки... Опять расставание...
Мой автобус в потоке дождя
Отплывает на расстояние
Сотен дней, сотен миль от тебя.
Мне навстречу деревья летели,
Разрывая промозглую мглу.
Удивительно: дали светлели,
Хоть упрямо бил дождь по стеклу.
И дорога бурлящей рекою
Под автобус текла и текла...
А ты волосы гладишь рукою
В отражении мглистом стекла.

* * *

Свинцовый век устал и отступает,
Но оставляет муть свинцовых рек,
Свинцовый дым... Но вот уже светает...
Каким он будет, следующий наш век?
Что породит земля, когда мир чёрен,
Когда усыпан зёрнами свинца?
Что вырастет из тех свинцовых зёрен,
Которые прошли через сердца
Глаголящих, мятущихся, безвольных,
Святых и грешных – нету им числа?..
Мы в новый век идём со старой болью
Творить добро, не распознавши зла.

НАСТРОЕНИЕ

Тонут дни в переспелости синего неба,
Подзатих опустевший заброшенный сад.
Поздний август прогнулся под зрелостью
хлеба,

И желтеет над ним предосенний закат.
Воробышки и те собираются в стаи,
Для чего – непонятно, ведь им не лететь
В чужедальные страны из отчего края,
В них понятие Родины, видимо, есть.
Беспокойство гудит по натруженным венам,
Не достичь нам покоя в просторах дорог.
Эта русская странность заложена в генах,
Непонятная всем. Нас поймёт только Бог.
В тихий, ласковый день отчего так
тревожно,

Отчего замирает под сердцем душа,
Отчего всё простое становится сложным?
...Эта грусть мировая, как прежде, свежа.

ЗАРИСОВКА ДОЖДЯ

Промокший город в пелене дождя,
Прозрачных луж кипящие узоры...
Отмытые от пыли тополя
Цепляются за мокрые заборы.
И от дождя без видимых причин
Бежит народ. И только в парке двое
Стоят... И беспокойные ручьи
Их обтекают, превращаясь в море.

Никита
КОНТУКОВ

КОЛОСОК

Рассказ

Жила-была на дальнем конце хутора старушка – баба Фрося. Жила не тужила: оглянуться не успеешь – как на дворе сумерки. Забот хватало – корову подоить, хавронью покормить, цыплят посчитать, дрова поколоть, печь растопить, воды из колодца натаскать.

Одна беда – одинокой была старуха, вдова, муж на войне погиб, детей не оставил. Стара была Фрося, к концу дня спина не разгибалась, а помощники ой как были нужны. Да и вечерами скучно одной чаи распивать.

Решила баба Фрося пирог испечь. Тесто раскатала, огонь в печи развела – аж дрова трещат. С одной стороны корочка уже подрумянилась, а с другой – мякоть сырая. Баба Фрося кусочек оторвала и стала в руках раскатывать. Так незаметно и вылепила ребёночка, а тот взял да заговорил.

– Не надо меня в печь, бабушка! – испугался хлебный мальчонка.

Старушка сперва крестом себя осенила, а потом залюбовалась – уж больно мил глазу был рыжеволосый карапуз. И правда, как такого в печь? Будет ей помощником. А соседи зелёной пойдут от зависти – молодёжь на хуторе объявилась. Их-то отпрыски в город давно убежали, как стариков звать, не помнят. А у бабы Фроси – внук, живой, настоящий, румяный.

Усадила она колосёнка за стол, самовар поставила.

– Звать-то тебя как? – спрашивает.

– А как хочешь, так и назови. Не обижусь.

– Хорошо. Тогда Колоском будешь.

Мальчонка одобрительно кивнул.

– И за что мне такое счастье? Жила себе одна-одинёшенька, как вдруг ты появился. По дому помогать мне сможешь?

– Смогу, бабушка. И за скотиной прибрать, и печь растопить. А огород – мой дом. Из земли вырос.

Баба Фрося не могла нарадоваться на Колоска и от счастья хлопала в ладоши. И работы будет меньше, и жить станет веселее.

– Только к курам меня не пускай, – предупредил не по годам смыслённый мальчик, – заклюют.

Оно и понятно. Из ума баба Фрося ещё не выжила, чтобы Колоска на поклёв курам отдавать. С птицей сама управится. И всё же старушка призадумалась, загрустила чуток. Соседям как объяснить, что у неё внук появился – на хуторе смолоду бездетной слыла.

– Не переживай, бабушка, – утешал Колосок, с морщинистого лица прочитавший её печаль. – Так всем и скажешь, что Колоска из теста вылепила. Пусть себе головы ломают.

Колосок всё успевал – и за хозяйством следить, и по хуторским просторам сломя голову носиться. Вдобавок отличался житейской смекалкой. Бабе Фросе не приходилось повторять: «Береги тепло!», «Воды много не лей!», всё понимал Колосок без слов. С соседями первый знакомился.

– Доброго здоровьица! – прикладывал ручонку к груди. – Как поживаете? Меня Колоском звать.

Бывало, поможет им – воды натаскает в бочонок, дров наколет. Баба Фрося его даже заругала – нечего благотворительностью заниматься. Умников кругом полно – на чужом горбу хотят ездить.

Но Колосок всем нравился, каждый старался заманить его в свою избу. Один лишь Семён, пьяница и бездельник, ухмылялся, щеря свой беззубый рот.

– И где ж такого бабка Фрося наблудила, скажите на милость? Не было у ней никого, а тут внук нарисовался. Что за шутки такие? С луны он, что ли, свалился? Али в капусте его нашла?

Местные были бы рады посадить сорт капусты, из которой послушные внуки вырастают, да на рынке такой не водилось. Клавдия, бывшая замужем за трактористом Петром, ходила на базар яблоками торговать, а заодно выспрашивала, где такая капуста продаётся. Заморская, небось? Отечественная что-то ни разу в дом бездетных малютку не принесла. Клавдию на смех подняли – меньше, говорят, телевизор смотри, а то ещё и не такое примерещится.

А пьяницу Семёна всем хутором бойкотировали – ясное дело, завидует старый бездельник, что у Ефросиньи Парфёновны такой помощник вырос. У самого-то ни хозяйства нормального, ни потомства.

Колосок Семёнов дом стороной обходил, здравствовать ему не желал: сколько ни пожелай – всё пропёт. Потому Семён и невзлюбил мальчонку.

– Сорока-воровка цыплят таскает, а этого сопляка и подавно унесёт, – осклабился забулдыга, забрав в голову мысль погубить Фроськиного гадёныша.

Животастая Любка, бестолковая баба с тремя сопляками, на Колоска тоже искоса поглядывала, хотя и мурлыкала с ним, задобрить хотела. Сама-то Любка каждую осень плодила и снова ходила с брюхом. Уже и гадать стало скучно, кто на этот раз её осчастливил. Бывали здесь залётные особи мужского пола – так Любка каждого приютит, накормит и лучшее место в своей лачуге отведёт. Детишки не по любви зачаты, а потому толку от них никакого – горластые драчуны, по всей округе пыль гоняют, а мать помощи от них не дожждётся. Вот и положила Любка глаз на Колоска.

– И откуда ты такой у бабы Фроси взялся, Колосок? – выспрашивала Любка, учуявшая тут какой-то подвох: наверняка старая ведьма увела Колоска у его настоящих родителей. – Неужто внуком будешь?

Колосок не растерялся. Как учил бабушку, так и сказал напрямки:

– Баба Фрося меня из теста вылепила. Старенькая она уже, одной жить в тягость.

Любка расхохоталась.

– Что за тесто такое? Импортное, видать.

– Нет, отечественное. Самое обыкновенное пшено.

– Сколько пирогов ни пекла, Колоска не слепила.

– Так вам он и не нужен – только рот лишний. Глядите, сколько у вас детворы. Своих надо воспитывать.

Любка недовольно поджала губы, а Колосок ускакал – лишь рыжие вихри волос рассыпались брызгами в неярком золоте ноября.

Зато с Клавдией Колосок держался куда любезнее. Он помогал ей снимать поздние яблоки, а за чаем вёл беседы по-соседски, пока Пётр спал в тракторе, накрывшись телогрейкой. Клавдия питала к Колоску симпатию, и всё же бабье любопытство оказалось сильнее учтивости:

– Что-то раньше тебя здесь не видели. Ты чей будешь, Колосок?

– Бабушки Фроси.

– А родители твои где?

– Нету. Меня Ефросинья Парфёновна из теста слепила, дабы старость скрасить.

Клавдия сказкам не верила, чудес не ждала, но на Колоска глаз положила – своих детей у них с мужем не было. Что ж, не хочет говорить, и пусть его. Одно ясно – сирота Колосок. Вот померёт баба Фрося, Клавдия веки ей прикроет и Колоска усыновит.

Как-то раз Колосок вернулся домой поздним вечером. Старушка его отругала.

– Мал ещё ночами шастать! В следующий раз из дома тебя не выпущу.

Говорила она не на ветер – понимала баба Фрося, что своим появлением Колосок весь хутор взбудоражил. Сидел бы дома да за порядком следил. А он по гостям расхаживает, с местной публикой знакомится.

Колосок – в слёзы, баба Фрося – оправдывался:

– Не реви! За тебя ведь переживаю. Уведут как делать нечего. В печку засунут и слопают, что

хрустящую корочку. Люди на хуторе впроголодь живут.

Колосок перепугался и стал домоседом. Дальше двора – ни ногой. Баба Фрося подобрела, пирожки ему стала печь каждый день.

Но вдруг новая беда постучалась в дверь.

Старушка так и обмерла, когда засвидетельствовала на пороге появление участкового Андрея и двух толсторожих баб. Участковый, как обычно, был навеселе, а бабы, представившиеся инспекторами РОНО, подозрительно оглядывались по сторонам. Всё им тут не нравилось и казалось неуместным. Колоска в оборот взяли, отнять у бабы Фроси вознамерились.

– Почему ребёнок в школу не ходит?

– Какая школа! – взбеленилась старуха, смекнувшая, что конец пришёл вечерам славным, когда они вместе с Колоском сказки читывали. – Ему всего-то пять годочков.

– Всё же с хутора тяжело добираться до городской школы. А ребёнку учиться надо. Будьте добры, предъявите свидетельство о рождении.

– Откуда же мне его взять? – решила баба сказать Фросю напрямую, без утайки. – Земля его родила, мать-кормилица наша – с неё и спрашивайте.

Тётки напирали:

– У ребёнка должны быть документы. Кем он вам приходится? Где его родители? Прописка и всё остальное?

– Внук он мой. Нет у него родителей. И документов тоже нет. Я его из теста вылепила себе в помощь. Тяжело одной на старости.

Участковый глупо хихикнул, икая, а тётки переглянулись – сбрендил, видать, старуха, её оформлять нужно в больницу.

– Откуда мы знаем, что это ваш внук? Может, вы его похитили. Никак детский труд эксплуатируете?

Баба Фрося догадалась, откуда ветер дует – животастая Любка по всему хутору раззвонила, что Ефросинья Парфёновна на горбу несчастного ребёнка наживает, в ежовых рукавицах его держит. А потомственный бездельник Семён доложил участковому и вызвал инспекторов из РОНО. У одной оболтусы бестолковые, а у второго и тех нет.

– Покажите условия проживания, – настаивали проверяющие.

Баба Фрося провела их через сени в комнату, показала, где Колосок играет, где спит. Инспекторши брезгливо морщились.

– Придётся поднимать вопрос перед органами опеки. Условия не самые лучшие, кем вам ребёнок приходится, вразумительно объяснить не смогли. Скоро приедет к вам комиссия по-серьёзнее.

Баба Фрося гостей проводила, печь растопила, пригорюнилась.

– Не надо меня в печь, бабушка, – ужаснулся Колосок.

– Что ты, милый! И в мыслях не было. Загрузила я – жизни нам с тобой не дадут. Замучают проверками, а документов на тебя нет. Как объяснишь им, бумажным душам, забывшим чудеса, что я тебя из теста вылепила? – помолчав, прибавила: – Говорила тебе: нечего по соседям шастать. Злых языков полно – люди пострашнее волков будут. Доложили куда надо – вот и хотят тебя сцапать.

На следующий день прибежала Клавдия. Лицо её было взволнованно, на щеках играл коварный румянец. Кричит с порога:

– Отдавайте мне Колоска! На днях комиссия к вам нагрянет – несдобровать.

Баба Фрося нахмурилась.

– Ещё чего! На чужой пирог не разевай роток. Не отдам тебе Колоска!

Клавдия умело разыграла оскорблённое благородство:

– Помочь же вам хочу. На день-другой заберу мальчонку, а потом верну целёхоньким. Ко мне проверка не сунется – знают, что бездетная.

Не по годам серьёзный Колосок издал восторженный возглас – обведём всех вокруг пальца! И документов никаких не нужно – у тёти Клавдии поживёт маленько и к бабушке Фросе вернётся.

Но старушка учуяла подвох – уж больно Колосок приглянулся Клавдии.

– Усыновить его ты рада, а как придёт срок возвращать – на весь хутор крик поднимешь. Знаю тебя, лису. Пустишь слух, якобы баба Фрося внучонка за порог в непогоду выставила. А Колоска задобришь. Поди потом добейся правды.

Колосок и Клавдия легко находили общий язык, и мальчик протестовал:

– Я вернусь к тебе, бабушка!

Понемногу старуха смягчилась. В общем, отпустила она Колоска. Правда, расписку взяла с Клавдии – та обещала вернуть мальчонку в срок.

И вот настал день, когда на хутор комиссия из органов опеки прикатила. Баба Фрося изобразила удивление – не знает она никакого Колоска.

Муж на войне погиб, детей не оставил, внуков нет. Хоть всю избу обыщите – пусто. А когда её спросили о мальчонке, вылепленном из хлеба, старушка расхохоталась:

– За сумасшедшую меня держите?! О таком только в сказках читывала. Пирог пекла, но Колосков никаких не лепила.

Так и уехала комиссия восвояси несолоно хлебавши. А баба Фрося ещё смешком ехидным их проводила: «Вот дурни – с бумажонками возятся, а в чудеса поверили».

Надо сказать, без помощника бабе Фросе приходилось худо. Привыкла она к Колоску, жизнь мёдом казалась. А ныне выбивалась из сил – чуть не замертво падала под конец дня. Уговор был такой: Клавдия вернёт мальчонку через неделю, а то вдруг проверяющие вновь на голову свалятся.

Вот и гнулась старушка от зари до сумерек. За скотиной ходила – на сухой, жилистой шее в палец толщиной дулись, со лба пот градом. А по дому-то сколько дел ещё надо сделать: и сготовь, и приберись, и постирай.

Прошла неделя, и баба Фрося к Клавдии помчалась – Колоска забирать. А та на пороге её привечает, платочек не отнимает от губ. На вопросы старухи тяжело вздыхает.

– Нет больше Колоска, – говорит.

– Как нет? Ты ведь в срок обещала вернуть – бумагу подписывала.

Клавдия слезу уронила.

– Нет Колоска – хоть всю избу обыщи!

Старушка слова её на веру не приняла и стала по углам шарить. Небось запрятала куда, лиса. Не хотела же ей доверять мальчонку. Но пусто было в избе – только Пётр храпел на кровати.

– Что ж случилось-то?

– Куры склевали.

Баба Фрося заохала. Не хотела ведь отдавать Колоска! Не умеет с детьми обращаться – потому бог и не дал ей потомства.

Пошла домой старушка, повесив голову. Загрустила – помирать собралась.

А на следующий день пирог решила испечь. Одна сторона подрумянилась, а другая – сырая мякоть. Старушка скатала кусок теста и мальчонку хлебного вылепила – точь-в-точь Колосок получился. Самовар на радостях поставила, варенье сливовое из буфета достала.

– Как же ты тут очутился, Колосок? – не помнила себя от счастья бабка.

– От Клавдии убежал. Она меня силком удержать хотела.

– Тебя ведь куры склевали!

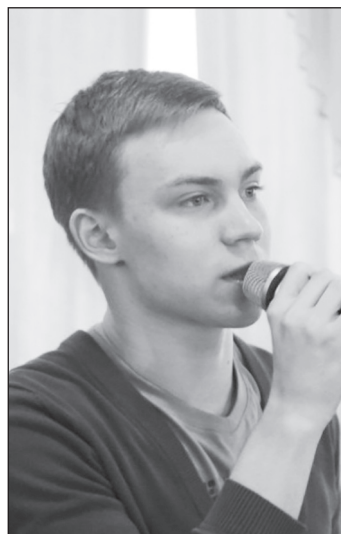
– Это Клавдия меня так страдала. А я взял да убежал. Я ведь тебя люблю, бабушка!

Кирилл Савченко

ЗВЁЗДЫ УМИРАЮТ ПО-РАЗНОМУ

Рассказ

Дверь с комариным стоном отворяется, и в сырой сумрак августовской ночи выходим по очереди: я и мой дед. После духоты натопленной впрок комнаты пространство ночного воздуха отдаёт сладостью. Деревянное крыльцо старчески поскрипывает, и нас встречает растрёпанная влажная трава. Где-то у реки молодёжь всерьёз разыгралась с костром: дым от него виден сквозь этот душистый сумрак и заметно склоняется к низовью реки. А сверху внимательно наблюдают вековые звёзды. Именно они – цель нашей прогулки. Сегодня важная ночь – мой экзамен по астрономии.

– Ну, начнём с лёгкого... – дед пытается выразить мысль по-учительски серьёзно. – Найдикась всех известных на небесах Медведиц. Я бегаю глазами по россыпи алмазной крошки, цепляюсь за Полярную звезду и останавливаюсь раз, затем второй. Тёплая куртка мне велика в рукавах – она досталась по наследству от двоюродного брата Павла. Правда, он носил её в пятнадцать лет, а мне только скоро восемь. И всё же указательный палец попадает точно в две цели – не очень-то и сложное испытание.

– Будем считать, потренировались. Погляди теперь на этот участок неба и сообрази, какое созвездие приютилось там.

Я внимательно слежу за рукой деда. Он обводит скопление блескучих точек чуть выше Малой Медведицы. Я хмрю брови – это созвездие

мне точно известно, только вот не могу вспомнить его мудрёное название.

– Касьяпея! – вырывается у меня после напряжённого молчания. – Она еще имеет форму штанов... Ну как большая буква Эм.

Дед едва улыбается и снова прячется в роль сурового экзаменатора.

– Имя это – заморское и звучит так: Кас-си-опе-я. Запомнил? Но об этой девице ты узнаешь на уроке истории перед сном. А теперь вернёмся к астрономии. Скажите-ка, товарищ студент, где спряталось созвездие Лебедя? – искоса он наблюдает за моей реакцией.

Мне нечего сказать – место, где спрятался Лебедь, я когда-то благополучно прослушал, заворожённо глядя на этот огромный замерший калейдоскоп. Поэтому как можно более виновато говорю:

– Не помню... Но точно знаю, что в Лебеде есть чёрная дыра!

Мой ответ из признания в невежестве превращается в радостное восклицание.

Учитель издаёт звук, смешавший в себе кашель и смех, и голосом академика отчеканивает:

– Недурно, молодой человек. Но ваши знания требуют доработки.

Я облегчённо выдыхаю и предчувствую мягкость постели. Как же хорошо спится на природе! А сны снятся яркие-яркие, объёмные, а не приплюснутые, как в городе.

САВЧЕНКО Кирилл Андреевич родился в 1995 году в Новокузнецке Кемеровской области. Награждался поездкой во Всероссийский детский центр «Океан», в 2012 году отмечен областной медалью «Надежда Кузбасса». Публиковался в районной и студенческой печати. Окончил филологический факультет Томского государственного университета. Работает учителем в г. Бутурлиновка Воронежской области.

– Деда, а как получаются чёрные дыры?

Мне хорошо оттого, что теперь я могу спрашивать моего экзаменатора.

– Видишь ли, звёзды умирают по-разному. Те, что поменьше, превращаются в белых карликов. Огромные сгустки горящего газа. Таким будет и наше Солнце через миллиарды лет. Те, что побольше, станут нейтронными звёздами. Они похожи на фонтан, испускающий потоки нейтронов в разные стороны. А самые большие превратятся в чёрные дыры, заглатывающие другие объекты своей гравитацией. Ну как, догоняешь деда?

Я киваю, хотя не все слова мне понятны. Но это неважно. Меня удивляет, что у миллиардов звёзд всего три пути их существования. Денеб, Вега, Альтаир – все они превратятся либо в карликов, либо в фонтаны, либо в чёрные дыры... А всё-таки скоро спать, и, если повезёт, мне приснятся неведомые миры в их необыкновенном развитии...

– Ты, деда, настоящим астрономом был раньше? Я всего за целую жизнь не узнаю...

– Прижмёт – узнаешь. Мне в школе одна девочка нравилась. А её мать у нас астрономию преподавала... Вот как ты думаешь, обязан был я знать этот предмет? Каких только брошюрок да журналов в библиотеке не начитался про этот звёздный мир...

– Ну а она?

– Кто она?

– Ну та девчонка...

– А-а-а-а... А ей-то чего? Ей другой по нраву пришёлся. Вот и вся история. Правда, в астрономии он оказался ни бум-бум... Но это уже не для нашего стола разговор...

Я гляжу на деда, предвкушая скорое возвращение в натопленную комнату. Но он напряжённо вглядывается в место, откуда виднеется дым костра. Столб дыма разросся, будто в костёр кинули несколько автомобильных покрышек. А кроваво-чёрный хвост, кажется, подлёт небо.

– Пойдем-ка, астроном, проверим. Не к добру это... – дед говорит вдумчиво, как видно, перебирая в голове все возможные варианты ответа на вопрос, почему дыма становится больше и больше.

Мы идём сбивчиво и быстро, спотыкаясь на мелких преградах, видных днём, но исчезнувших из виду во мгле ночи. Я то и дело отстаю от энергичного хода крепкой фигуры деда.

Вскоре послышались крики: испуганные женские и напряжённо отчётливые мужские. В мужских можно разобрать команды: «Таци ещё!», «В окна заливай!», «Люда, уйди отсюда! К Семёновым беги!».

Дед что-то бормочет и ускоряет ход. Его крупные шаги равны моему бегу. Мы выходим из зарослей и видим тот самый огромный костёр, который на деле оказался пожаром. Чем ближе к полыхающему дому, который каждую секунду перестаёт им быть, тем жарче. Сырая летняя ночь обернулась дневным зноем.

– Чем я Бога прогневила? За что нам это?! – рыдает тётя Люда и повисает на пиджаке деда. Её и без того полное, красное лицо стало ещё краснее от слёз и жара.

Дед одной рукой обнимает неженские плечи тёти Люды и внимательно смотрит на тщетные попытки нескольких мужиков укротить бешеного огненного зверя – но тот махом проглатывает воду из ведер.

– Чё в пожарке сказали? – спрашивает мужик в старом ватнике, прожжённом на груди.

– Да ничё! Пятьдесят километров переться до развилки да по просеке пять. Час – минимум! – отвечает ему хозяин дома дядя Сергей, как икона, застрявший в одних трусах в проёме бани. – Но обещали приехать...

– Эх, холера!.. – выругался раздетый по пояс Оськин, сосед Сергея.

Дед бегом осматривается по сторонам.

– Володя где? – В его голосе перемешались тревога и надежда.

Тётя Люда рыдает ещё громче. Слова женщины тонут во всхлипывании. Дед отстраняет её и бежит к ликующему огню. Его останавливают мужики.

– Не успел он, Иваныч!.. Наверху спал. Я полез к нему – на меня чуть лестница не рухнула... – слышу я обрывки диалога, переходящего в басовитое ругательство.

Дед хватается за ведро с водой и в отчаянии выливает его на то, что осталось от уютного деревянного гнезда, в котором доживал свои годы его закадычный друг Володя. А после с минуту смотрит на зверя, который начинает утихать без еды. И безысходно ковыляет ко мне. Злой, в красных пятнах на лбу и совсем без седых бровей.

Мы плетёмся домой молча.

– А чем стал дед Володя? – наконец задаю я вопрос, который мучил меня всю дорогу. Вместо ответа в свете полной луны я вижу только дедовы слёзы.

Я почему-то вдруг понимаю, что ни карликом, ни фонтаном, тем более никакой дырой дед Володя не стал.

Люди умирают совсем по-другому.

**Николай
БАШЕВ**

**СТИХИ, БАСНИ
И ПАРОДИИ**

ХЛЕБ

По четвергам я просыпался рано,
Хлеб матушка в тот день всегда пекла,
Лежали булки с корочкой румяной,
На лавке красовались у стола.
Вновь выпечка на славу получилась.
Взор в угол устремив на образа,
Мать трижды от души перекрестилась,
Сияли счастьем её добрые глаза.
А хлебный дух мне не давал покоя.
Заметив, что давно уже не сплю,
Легонько поманила мать рукою:
«Иди, сыночек, молочка тебе налью».
Какая радость – хлебную горбушку,
Ещё горячую, с холодным молоком –
Мать подала наполненную кружку
И хлебушек с прилипшим угольком.
А печь, что чудо это сотворила,
Дом наполняла ласковым теплом...
О боже, как давно всё это было,
Вернуться б на минуту в этот дом!

102

Свинья ж совсем наоборот,
Одно лишь знает: ест да пьёт,
Весь день на солнце загорает,
Лежит и жиром обрастает.
Однажды увидав Осла,
Беседу Хрюшка завела:
«Зачем, Осёл, ты жилы рвёшь
И вечно впроголодь живёшь?
Ты посмотри, забот не зная,
Душой и телом отдыхаю,
Хозяин чешет мне за ухом,
Ладонью хлопает по брюху».
Ответил ей Осёл, вздыхая:
«Видать, судьба моя такая,
До пота каждый день тружусь,
На что другое не гожусь,
Хоть мне и нечем восхищаться,
Зато живу я здесь лет двадцать,
На вас же глядя, точно знаю,
Тут каждый год свинья другая».

ОСЁЛ И СВИНЬЯ

Всем не секрет, Осёл-трудяга
Работой занят круглый год,
И в холод, и в жару, бедняга,
Но вечно впроголодь живёт.

Коль ты сидишь, забот не зная,
На службе, салом обрастая, –
И те, кто хвалят за твой труд,
Тебя же скоро и сожрут!

БАШЕВ Николай Алексеевич родился в 1946 году в деревне Ольговка Яйского района Кемеровской области. Окончил Новосибирский сельскохозяйственный институт. Работал ветеринарным врачом, зоотехником, заместителем директора по производству, директором в хозяйствах Кемеровской области. В настоящее время работает директором Колмогоровского дома культуры. Автор пяти книг. Стихи и басни публиковались в журнале «Огни Кузбасса», альманахе «Содружество».

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Голос дождя в диалоге с листвою,
С крышей, с асфальтом, травой,
С телом моим и с моей головой,
Но не со мной, не со мною.

В. Каганов

*Странное что-то твориться со мной,
С телом моим, с головою.
Вот голова в диалоге с травой,
Шепчется тело с листвою.
Голос дождя по асфальту шумит,
Радостно мне на свободе:
Нет головы и она не болит,
С крышей уехала вроде.
Тело своё увидал вдалеке,
Хлюпает в луже ногами,
Взвился орлом, полетел налегке
Поговорить с облаками.*

ТО ЛИ ЭТО, ТО ЛИ ТО

То ли с кедра, то ли с липы
То ли филин, то ли сыч
То ли бросил, то ль рассыпал
То ли хохот, то ли клич.

Л. Гержидович

*То ли я ходил по лесу,
То ли лес вокруг меня.
Видю – филин, с кедра слез он.
То ли с липы – вот фигня.
То ль рассыпал он орехи,
То ли камни разбросал,
Клич вдруг бросил для потехи,
Стал сычом – захохотал.
Долго б я гадал, наверно:
То ли филин, то ли сыч,
С липы вдруг слетел мгновенно
Мне по голове кирпич.*

СТРАСТИ НА УЛИЦЕ ТИХОЙ

На улице Тихой троих застрелили,
Попрытались кошки, собаки не выли,
Все мирные жители спали в квартирах,
Когда убивали семью ювелира.

Убийцы сбежали, никто не услышал,
А в доме покойников плакали мыши.
В соседнем дворе расцвела облепиха.
На улице Тихой по-прежнему тихо.

Д. Филиппенко

*В соседнем дворе расцвела облепиха,
За ней притаился, сижу очень тихо.
Смотрю, открываются двери квартиры,
Убили и тащат во двор ювелира.*

*За ними тихонько, чтоб кот не услышал,
Брели по крылечку и плакали мыши.
Потом побежали и снова палили,
Ещё, злые морды, троих завалили.*

*Попрытались кошки, собаки стонали,
Они, словно листья, от страха дрожали.
Не выдержал я, подскочил очень лихо
И рысью пустился по улице Тихой.*

Виктор БОЧЕНКОВ

ВЕНГЕРСКИЙ ДИПТИХ

I ГЛЯДЯЩИЙ В НЕБО

И – на тебе! В левое ухо будто забили гвозды! Я загремел в детскую больницу на калужской Салтыковке.

Помню мокрый, только что вымытый коридор, запах хлорки и ненавистный, но обязательный тихий час. От невыносимой скуки я попросил маму привезти книгу, подаренную дедом. Странный был это подарок. С чего он взял, что я буду читать взрослую толстую книгу? Страниц там было больше шестисот. На зелёной обложке изображена женщина. Платье старинное и длинное, в белый горошек, до самого пола. Она стояла перед висевшим на стене мужским портретом (на обложку вошли только ноги) и, казалось, в страхе отступала назад, точно он собирался выйти к ней из тяжёлой золочёной рамы. Какая-то тайна связывала этих людей. Внизу, под ногами, стояло жёлтыми тусклыми буквами: «Сыновья человека с каменным сердцем». Имя автора звучало для русского уха совсем непривычно – Мор Йокаи. Я, конечно, тогда и предположить не мог, насколько прочно войдёт она в мою судьбу...

Вот я опять про болезнь.

«Гвоздь» вытащили. Но неделя сменилась второй, потом третьей. Меня не выписывали. Меня стали потчевать страшно горьким порошком, хорошо, что один раз в день. Упакован он всегда был в плотную шуршащую бумагу без надписей. Когда в столовой давали по кусочку зефира, это было спасением. Закинув голову, я ссыпал с бумажки порошок в рот, глотал и, гримасничая, зажёвывал сладостями. Чтоб никто

не видел, какие рожи я корчу, проглатывая лекарство, уходил в конец коридора к окну, где стояли на подоконнике горшки с цветами и виден был город, встречающий весну. Где-то уже белили деревья, придорожные бордюры, а машины, казалось, резвее и веселее неслись по крутому спуску улицы Салтыкова-Щедрина с её приземистыми домами, выкрашенными в глупый розовый цвет, нахлобучившими серые шиферные крыши. Жизнь эта шла без меня...

Но книга погружала совсем в другую жизнь! Я сидел в столовой, один среди пустых столов, где меня никто не мог видеть, поскольку никто в обычное время сюда не заходил, а стёкла в двери были непрозрачными и сизыми, как дым от горящей листвы. В перерывах между обедами это было самое уединённое место. Когда глаза начинало резать, смотрел в окно и считал проезжающие троллейбусы. Наверное, смешным я казался тогда, мальчишка с такой огромной книгой, спрятавшийся от всех...

Венгрия середины XIX века. Трое братьев знатной семьи Барадлаи вовлечены в войну за независимость от Австрии. Эден – дипломат, практик, человек холодного расчёта. Рихард – вояка, гусар, человек порыва и бесшабашной храбрости. Енё, самый младший, – слишком мягкий, чувствительный, любимчик отца. Отец хотел, чтобы сын был государственным деятелем, он же стал... святым. Это выяснится в самом конце. Три стихии, три противоположных характера и судьбы в едином водовороте войны с её кровью, героикой, предательством и человеческим двуличием.

Конечно, было чем заняться и кроме книги. С соседом Ваней, чистокровным цыганом, который жил то в таборе, то в интернате на самом краю Калуги, куда его отдали не из-за сиротства, а так, чтобы где-то учился, ел, ночевал, мы в тихий час резались в карты, бросая их в тумбочку, стоявшую меж нашими кроватями, подвинув вглубь пакеты с родительской снедью. Но Ваню с его ерундовыми гландами скоро выписали. Койка его пустовала. Время тянулось медленно, даже не тянулось, а кажется, стояло на месте, как вода в мелком пруду, постепенно становясь бурой. Вот таким же тинистым было и больничное время. Спасала только книга.

Уже Рихард добрался до Венгрии, где шла война. «Тринадцати-четырнадцатилетние подrostки (мои ровесники!) брали в руки тяжёлые ружья, от которых сгибались их ещё детские пле-

чи, а белые как лунь семидесятилетние старцы вставали бок о бок с ними». Эден стал командиром ополчения. Братья Барадлаи сражались вместе. Полковник Отто Палвиц, который преследовал отряд Рихарда с самой Австрии, наконец-то настиг его. В сабельном поединке они обменялись ударами, и оба свалились с коней. Ординарец Рихарда закрыл командира собственным телом, иначе бы его растоптали копытами, и умер вместо него. Венгры отразили атаку, и подбирать убитых и раненых пришлось им. Раненый Палвиц призвал к себе Рихарда и попросил исполнить последнюю волю: найти незаконнорожденного сына, и передал документы, подтверждающие, кто его мать. Венгерский гусар честью поклялся исполнить просьбу бывшего врага. И в глухой трущобе близ Пешта отыскал этого ребёнка, переданного бедной кормилице, больного и голодного, уже готового умереть...

Уже больше половины книги прочитано. Уже я знаю, что в 1849 году в крепости Вилагоше венгерская революционная армия подписала капитуляцию. Николай I откликнулся на просьбу австрийского правительства, и казаки фельдмаршала Ивана Паскевича нанесли ей несколько сокрушительных поражений. Эден Барадлаи пытался скрыться с поддельным паспортом, но был задержан русскими, и снова бежал. Семья воссоединилась. Но Енё выдал себя за старшего брата, когда тому принесли повестку в трибунал, ушёл без объяснений со странными словами: «Я люблю вас» - и был расстрелян. Его самопожертвование тогда мне казалось безрассудством...

Когда меня, наконец, выписали, по алгебре я безнадежно отстал и вообще не открывал учебников, сдавая их в школьную библиотеку со склеившимися страницами. Меня прикрепили к однокласснику, который помогал решать домашние задания и растолковывал непонятные правила. Они забывались тут же. Звук скрещенных сабель Рихарда Барадлаи и Отто Палвица продолжал звучать в моей голове. Я раздобыл самоучитель и стал изучать венгерский. Шёл к приятелю своему, объяснявшему алгебраические премудрости, зубрил венгерские слова, выписанные на особую бумажку. Фекете, кек, зельд, шарга, пирош... Черный, синий, зелёный, жёлтый, красный... Дом его был далеко. Я поддавал ногами снег и повторял полушёпотом спряжение венгерских глаголов. Тогда-то я и понял, что в больнице неправильно произносил фамилию Йокаи: ударение надо делать на первый слог, а не на второй.

Юношеский порыв учить венгерский разбился, как об утёс, о первую грамматическую трудность, которую я не смог самостоятельно преодолеть. Подсказки спросить было не у кого. Самоучитель был отложен и забыт...

А вскоре пришли времена, когда то, что прежде называлось спекуляцией, стало «бизнесом», а кто называл себя комсомольцами и коммунистами, вдруг, будто этого только и ждали, бросились открывать собственные магазины, торговые киоски, рестораны, аптеки, автосалоны, рекламные и бульварные газеты, медицинские клиники, акционерные общества, банки, прибирать к рукам фабрики и заводы.

Время стало похожим на мутную воду. Ничего не увидишь и не разглядишь, и пить нельзя — отравы. Я торговал на улице всякой мелочью, от жевательной резинки до сигарет. «Доллар, он и в Африке доллар», — обмолвился однажды мой сосед, такой же шальной торговец. Доллар стал новой идеологией и кумиром, и дело совершенно не в деньгах, вовсе не в том, что они вершат всё и стали новой идеологией и кумиром, а в том, что это именно символ иноземной мощи, а не собственной твоей.

Мне давно хотелось поехать в Ужгород. Там был двоюродный брат отца и восторгался этим закарпатским городом. Но мне просто нравилось, как звучит его название. У меня были деньги, и они открывали мир. Обратных билетов в кассе не оказалось. Я взял их из Львова. Как туда добраться, даже не думал. Должно же что-то ходить из Ужгорода во Львов! Я был молод, и всё решалось легко. Где ночевать? Не всё ли равно!

Надо что-то почитать в дороге. Я ходил вдоль стеллажей в городской библиотеке и заметил на корешке знакомое имя. Мор Йокаи, «Похождения авантюриста Гуго фон Хабенихта». Пойдёт.

В плацкартном вагоне разлит был мутный желтушный свет. Место досталось самое дальнее, у туалета. На верхней боковой полке напротив ехал негр. Вагон спал. Я сел на край скамьи, ожидая, когда поезд тронется. Негр неудобно повернулся, и из кармана у него высыпалась на ковровую дорожку горсть мелочи. Он прыгнул и стал её подбирать. Поезд дёрнулся, вздрогнул, задвигался. Всё показалось вокруг каким-то нереальным: ночная темнота за окнами, прорезанная фонарями, подбирающий с пола копейки африканец, качнувшийся спящий вагон, тёмно-малиновый дерматин полка, матрасы, простыни, размоленные и сопящие человеческие тела...

А на следующее утро мой Гуго фон Хабенихт был уличён в шпионаже при осаде немецкого Кобленца: перебрасывал врагу сведения о войсках, спрятанные в «огненный кувшин» – снаряд с горючей начинкой. Иногда в ходе артиллерийских батальонных они не взрывались, там не было никакой адской смеси. Однажды констаблера Хабенихта поймали: у него не переводились деньги, он любил вкусно поесть и выпить, тем и выделялся среди других вояк. Деньги ему тем же способом перебрасывали нападавшие. На допросах он признался во всех преступлениях, какие только есть на свете: бесчинствовал с разбойниками, убивал, выдавал себя за дворянина, прелюбодействовал, отрекался от Бога, убежал из темницы. «И на каждом перекрёстке его поджидала любимая подружка – виселица». Но всякий раз тому или другому злодеянию авантюриста находилось оправдание, и казнить его было нельзя. Страницы книги опять летели одна за другой.

Украина тогда не ввела ещё в оборот гривну, а российские деньги уже не ходили. Центр Ужгорода был тихим, маленьким, зелёным. На некоторых домах – непривычные черепичные крыши. Я без труда отыскал хмурый замок из древнего тёсаного серого камня – краеведческий музей. От него прошёл к Закарпатскому музею народной архитектуры и быта – заповеднику под открытым небом, куда в середине 1960-х свезли десятки жилых деревянных хат, сараев, амбаров, мельничных строений, кузниц, часовен из разных деревень и сёл. Ужгород – первое моё прикосновение к Венгрии.

До Львова добрался поездом, в котором оказались «сидячие места»: ряды мягких кресел с упругими толстыми спинками. Так это тогда называлось, в отличие от плацкарта, «сидячий вагон», «сидячие места». И спать здесь можно было только сидя. Такие поезда курсировали на короткие расстояния. Несмотря на ночное время, огромный львовский вокзал был полон людьми. Вокзалы похожи на кастрюли. Не архитектурной формой, нет. В них – постоянная суета, люди движутся, будто их несёт в невидимом потоке, если сильно, то быстро, если слабо, то чуть медленней, беспорядочно, непонятно, – так кружит кипящая вода нарезанную кубиками картошку. Я вышел на площадь. Было пустынно, тихо, холодно. Идти в город не имело смысла. Вернулся в кастрюлю, сел на лестнице, ведущей на второй этаж, и, уткнув голову в колени, попробовал заснуть. Таких, как я, было несколько чело-

век, и все сидели, как нахохлившиеся сонные птицы, склонив к ногам головы. Через полчаса у подножия лестницы возник милиционер. Он тормозил каждую птицу за плечо и требовал документы. Я видел его, но прятаться было лень. Да и куда? Наконец он приблизился ко мне. Совсем молодой паренёк. Я протянул ему паспорт, не вставая. Может, это было невежливо, но строгий юноша в фуражке не подал вида. Он развернул паспорт и немного удивлённо проронил:

– А, российский.

Да, не так давно Украина ввела свои внутренние паспорта. Мой оставался советским. С серпом и молотом на тёмно-красной обложке. Страна треснула, и нас разделило. Так отрывает друг от друга двух незадачливых рыбаков внезапно расколовшаяся льдина. И страны, как эти льдины, понесло в противоположные стороны...

– А, российский.

Он не сказал, а вздохнул. Мне помнится, чуть с горечью. Но, кажется, её не было. Было именно удивление: человек не только оттуда, из другой уже страны, но из другого времени. Вот и всё. А может, даже не это. Просто давно не видел он старого советского паспорта...

Утром я сел в московский поезд. А днём моего Хабенихта расстреляли. Он совершил двадцать два преступления, и каждое каралось смертью, и во всех, кроме последнего – государственной измене, был оправдан.

Детская память подтолкнула к другим романам Йокаи. «Когда мы состаримся», «Чёрные алмазы», «Золотой человек». «Венгерского نابоба» я взял с собой, когда поехал в Венгрию. Так же, как когда-то захватил в Ужгород «Хабенихта»...

Когда я в Будапеште заполнял анкету у администраторской стойки в гостинице, таксист, провожавший меня, что-то сказал дежурному по-венгерски, а тот слегка махнул пальцами: а, мол, ерунда. Я уловил только одно слово, которое помнил по самоучителю, «орощ». Это значит – русский, по-русски. Как оно только воскресло в памяти! И я очнулся: я же заполняю карточку кириллицей...

Пешком до кладбища Керепеши, где похоронен Йокаи, оказалось не так далеко.

Свернув за железные ворота (хочется сказать – гостеприимно распахнутые, если это уместно для кладбища), я знал, что надо идти только прямо. Схема с обозначением могил из-

вестных венгров обнаружилась где-то на задворках интернета. На всякий случай я прихватил её с собой. Схема проста: несколько дорожек режут кладбище, как торт, на неровные зелёные квадраты, ромбы, треугольники. Надгробия располагаются вдоль их границ. Позади них, как правило, только пустой подстриженный газон и деревья, декоративный кустарник, а кое-где змеятся в траве поливочные шланги.

Ограда могилы Йокаи – ровный круг из серого камня. Несколько квадратных колонн поддерживают другой такой же круг, или кольцо, – символ бесконечности. Во внутренней стороне верхнего кольца – ниши, в которых сидят стайки каменных голубей, и птичий барельеф тянется пунктиром по всей окружности этой части ограды. А меж колоннами «растут» серые развесистые каменные растения, напоминающие застывший фонтан: толстый ствол (будто заколдованная струя воды), от него отходят пышные отростки, самые нижние – самые длинные, они касаются колонн, потом поменьше, которые до колонн уже не дотягиваются, потом ещё меньше и ещё, каждый отросток закручивается вовнутрь и завершается большим цветком или широким листом. Наверху куста сидят друг против друга две птицы с хохолками, и над ними висится последняя, самая маленькая каменная веточка, будто накрывая их.

Наверное, когда-то в центр каменного кольца вела железная калитка. Сейчас её нет. В камне колонн лишь видны металлические скобы, и к одной из них, что справа, привязана красно-бело-зелёная ленточка. Три цвета венгерского флага. Таким же пояском обозначен невысокий деревянный столбик – могила писателя, покрашенный тёмно-коричневой, почти чёрной краской. Скромный холмик земли, обсаженный низким, густым кустарником. На серой, будто посыпанной цементом земле стоит белая пластмассовая вазочка с гвоздиками. Рядом торчат несколько искусственных пионов. Вдоль кольца, внутри, высажены туя, вечная спутница могил, и магония падуболистная, с синими ягодами, собранными в гроздь, как у винограда.

Я стоял и не верил, что я у могилы писателя, так потрясшего меня в детстве. Почему память так глубоко сидит в нас? Быть может, не осознавая, мы несём в себе знание о жизни предков, которых не застали в живых? В таком случае что такое память? Если она и не передаётся с генами, но звучит в тайниках души непостижимым

эхом, то как могут влиять на меня, на мои поступки и убеждения не мною прожитые жизни?

Просматривая каталожный ящик в Российской государственной библиотеке, обнаружил несколько романов, изданных в России при жизни Йокаи. На титульных листах содержалась разгадка странного имени писателя, его переводили тогда как Мавр.

Писатель родился в 1825-м в Комарно (Комаром по-венгерски), ныне город отошёл к Словакии. Был робким, застенчивым, учился до десяти лет дома, а потом отправлен родителями в Пожонь (Братиславу) и после – в кальвинистский колледж в Папе (север Венгрии). Отец мечтал видеть его адвокатом, продолжателем своего дела. Нет, юношу увлекла литература. В двадцать лет вышла в свет первая его пьеса, потом роман «Будни», потом сборник рассказов «Дикие цветы». В том самом возрасте, когда я продавал через комиссионные магазины женские сумки из кожаменителя (в два, а в лучшие времена втридорога), он стал активным участником восстания в Пеште в марте 1848 года.

Восставшими было сформировано венгерское правительство, новая администрация, провозглашалось равенство перед судом. Но проблемы оставались, причем серьёзные. Если взглянуть, например, в изданную у нас «Историю Венгрии» Ласло Контлера, можно узнать, что принятые в апреле 1848-го законы «породили ситуацию неопределённости в сфере иностранных дел и финансов, а также обошли полным молчанием вопросы строительства и содержания вооружённых сил. Было совершенно неясно, как должны распределяться доходы двух государств (Австрии и Венгрии), а также выплаты по государственному долгу (венгры попросту считали, что этот долг их вообще не касается). Было даже непонятно, имеет ли Венгрия право на выпуск собственных денег». Хорватия подчинялась Венгрии, но хотела добиться для себя такого же статуса, какого добилась Венгрия по отношению к монархии Габсбургов. Венгерский провозглашался единственным государственным языком, но этнические меньшинства могли взбунтоваться и тоже перейти к борьбе за политические права. Чтобы сохранить достижения, несмотря на все их слабые стороны, венгерская революция переросла в войну за независимость, в которую были вовлечены и сыновья человека с каменным сердцем... В мае 1849 года Франц-

Иосиф получил российскую помощь. В стычке с казаками погиб близкий друг Йокаи Шандор Петёфи. Словак по крови, ставший венгерским национальным поэтом, он был похоронен неизвестно где и кем... Йокаи скрывался, пока не дождался амнистии. Свой роман о семье Барадлаи он написал в 1869-м, тогда ему было сорок четыре, тот самый возраст, когда начинаешь переосмысливать всё свершённое в молодости.

Йокаи – реалист, который навсегда остался романтиком. Мало у него героев, в характере которых было бы всё перемешано, злое и доброе, что не распутаешь. Он любит описывать дуэли. Но когда пистолет или сабля в руке, когда один клинок со звоном сталкивается с другим, тут всё ясно, тут всё решает сила и воля, а вот дуэль биржевая, как в «Чёрных алмазах», с искусственным поднятием ставок, возведением финансовых пирамид, она требует иных качеств. Что говорить! Борьба вокруг бондавварских земель с месторождениями угля, так детально показанная в романе, со всеми приёмами обмана, это ведь наше российское настоящее, разве имена немецкие и венгерские. Даже не подумаешь, что в XIX веке написано.

Йокаи любит подробность. Что попало в поле его внимания, опишет в мельчайших деталях. И небольшой предмет, и целый город он способен видеть, будто через увеличительное стекло. В бытовых подробностях, определяющих мировоззрение, чем-то похож он на Мельникова-Печерского. К слову сказать, у них, не знавших друг о друге, одинаковые темы: национальное предпринимательство, его развитие и моральные устои, судьбы самых разных общественных слоёв: дворянства, духовенства, крестьянства – при новых экономических отношениях, с которыми связана судьба Отечества, медленное исчезновение патриархального уклада.

* * *

Лидия уже давно в Венгрии, лет двадцать как вышла здесь замуж. Гид и переводчик – две её профессии. Она слушает меня, откидывает свои каштановые волосы:

– Не вы ли случайно завтра в Балатонфюред едете?

– Я.

– Я очень удивилась, когда мне предложили эту экскурсию. Обычно туда едут отдыхать. Но чтобы к Йокаи... О нём никто не спрашивает.

Я рассказал про больницу, про книгу.

Дом-музей писателя (его называют виллой) оказался строгим зданием. Всё вычерчено, как по линейке. Прямые выступы полуколонн, стены, терраса, куда ведут несколько каменных ступеней без перил, окна (только вверх они выгнуты небольшой дугой, как бровь). Венгерский флаг у входа, как на государственном учреждении. Всё это внушало: не развлекаться сюда идёшь. Никаких украшений типа лепнины. Декоративная урна с цветами, кусты белых и красных роз во дворе. Светло-песчаный в тени и на солнце почти белый, похожий на миндаль цвет стен тоже строг. Только ряд фигурных балясин с перилами вдоль крыши над террасой вырывается из этой аскетики, но вполне вписывается в общий архитектурный стиль. И лишь на самом черепичном гребне крыши сидит игривый флюгер-петушок.

Моим проводником по музею становится местный гид, совсем молодая девушка. Её зовут Сильвия. Для рассказа она запаслась шпательками: в руках несколько листов бумаги с текстом. Я расплачиваюсь за билеты и погружаюсь в мир Йокаи и его семьи.

– Писатель женился в августе 1848 года. Его супругой стала Роза Лаборфальви, известная актриса, – рассказывает мне Сильвия. – В том же году они и познакомились на одном из спектаклей в Национальном драматическом театре в Будапеште. Роза прикрепила Йокаи на лацкан пиджака кокарду с лентами венгерских национальных цветов. Он решился не без колебаний на этот брак, вызвавший скандал. Но если б не решился, как он сам говорил, был бы бургомистром в Комарно и ничего бы не написал.

Против этого брака высказывался в том числе и Шандор Петёфи. Он даже привёз в Пешт мать и сестру Йокаи, а оттуда – в лесок на Швабенберге, где жил начинающий писатель с будущей супругой. Они бежали оттуда сломя голову в лес, прятаться.

Роза была старше мужа на семь лет. Он не придавал значения и тому, что у неё уже была внебрачная двенадцатилетняя девочка. Йокаи удочерил её. Говорят, что внешне Лаборфальви выглядела менее привлекательно, нежели на портрете, висающем в гостинной виллы-музея. Жёсткая характером, не позволяла Йокаи расслабляться. Ходили слухи, что иногда она запирала его на ключ в рабочем кабинете, пока не напишет дневную норму. Сам Йокаи был по характеру спокойный, совершенно бесконфликтный, склонный к компромиссам и тихо ей пови-

новался. Спустя полтора года свекровь назвала Розу дочерью и пригласила блудного сына домой в Комарно. В середине XIX века Лаборфальви была одной из самых известных актрис Венгрии, играла в том числе и в Балатонфюреде, где был летний театр, славилась как лучшая исполнительница шекспировских ролей.

Тема усыновлённого ребёнка, часто это мальчик, проходит во многих романах: Рихард Барадлаи воспитывает сына погибшего на дуэли с ним Отто Палвица, а в «Золотом человеке» Тимар и обитательницы ничейного острова усыновляют мальчишку, которого родила жена какого-то контрабандиста, там же умершая после родов...

Как-то раз писатель вместе с супругой посетил Балатонфюред. Здесь строились виллы, и им очень понравилось это место. Земля принадлежала тогда Бенедиктинскому аббатству, у которого они её и купили. В 1870 году вилла была уже построена. Перед ней раскинулась пустая тогда территория без застроек, без деревьев, и озеро проглядывалось очень хорошо.

С террасы мы сразу попадаем в гостиную, которая была центром светской жизни. Слева – место, где собирались и общались мужчины. На красном ковре, расстеленном на полу, стоит стол с зелёным сукном, по его краям – жестяные блюдечки, похожие на пепельницы. На самом деле сюда складывали во время карточной игры жетоны – выигрыш. Мор Йокаи был страстным игроком. На столе несколько книг, будто случайно оставленных, под стеклом – карты. Все экспонаты, закрытые листом стекла или стеклянной коробкой, – подлинные, принадлежавшие семье Йокаи. Над столом висит портрет писателя, ему здесь 67 лет. Рядом, на другой стене, фотоснимок: группа людей, играющих в карты. В углу шкафчик, похожий на большой конус. Йокаи коллекционировал курительные трубки (но их на вилле нет) и морские раковины, они выставлены за стёклами шкафа.

Женщины в доме Йокаи сидели справа от входа в гостиную, занимаясь обычным делом: пили чай, болтали. Столик здесь совсем маленький, на белой кружевной салфетке – небольшой фарфоровый чайничек или кофейник. Вокруг два кресла и диванчик. Мебель оригинальная, поясняет Сильвия, только на ней поменяли истрепавшуюся обивку. А чёрный секретер в другом углу, напротив женского уголка, остался таким же, как и был. Роза Лаборфальви, говорят, хранила в нём письма поклонников (сплетня, наверно). Её портрет висит на стене в женском уголке.

Слева в рабочем кабинете писателя, куда мы проходим, стоит письменный стол. Полированный, с зелёным сукном, тяжёлыми на вид выдвижными ящиками и золочёными «глазками» замочных скважин. Ящики запирались на ключ. Слева три «этажа», справа три. В 1872 году за ним, сидя вот на этом самом стуле, на спинку которого небрежно брошен домашний халат, Йокаи написал «Золотого человека». Роман включён в программу венгерской школы для обязательного изучения.

Йокаи любил раскладывать пасьянсы, поэтому здесь и карты лежат параллельными линиями, будто он только что их оставил. Король, дама, валет, десятка... Возле настольной лампы – белого шара – его личная печать. Слева от входа – большой деревянный макет корабля. Надо понимать, это «Святая Варвара», где начинается действие «Золотого человека». И чуть дальше, между столом и противоположной стеной, полукругом стоят герои романа, изображённые на высоких щитах из толстого матового стекла. Вверху над каждой фигурой что-то написано по-венгерски. Похоже, цитаты.

Романтика с её тайнами, неожиданными поворотами, любовными интригами, авантурным сюжетом сквозит в романе во всём. И тогдашний жестокий принцип накопления капитала, ставший нашей сегодняшней действительностью, тоже: «В ту пору – возможно, теперь это не так – основным принципом государственного хозяйствования было: «*Stehlen und stehlen lassen*». Кради и красть давай другим. Успокоительный, миролюбивый принцип!».

Кстати, у Йокаи есть произведения о России. Рассказ «Ахтиарский пленник» – история княгини Натальи Фёдоровны Лопухиной, обвинённой в политическом заговоре, подвергнутой порке кнутом и сосланной в Сибирь. После польского восстания 1863 года написана повесть «Государыня», посвящённая дворцовому перевороту 1762 года, и «Дерзновенный», о Пугачёве. Всё это, конечно, с опорой на доступные западные источники, односторонне, со смещением акцентов, и тема везде одна и та же – деспотизм, его обличение.

Княжне Таракановой, неизвестной претендентке на русский трон, посвящена новелла «Берегись красавца». Она привлекала в 1860-е годы Александра Дюма и Проспера Мериме. Написано опять же на основе современных писателю исторических знаний да с любовными интрижками. Рассказы сборника «Из страны Севера» характе-

ризируются как исторические анекдоты, курьёзные случаи, не более. Роман «Свобода под снегом» о Пушкине и декабристах – единственное произведение русской тематики, дошедшее до российского читателя, в своё время был опубликован фрагмент из него, погребённый где-то в нашей дореволюционной периодике. В конце романа Йокаи поместил свой перевод с немецкого поэмы «Цыганы». Не могу судить о его достоинствах и недостатках. В любом случае и перевод, и роман в какой-то степени способствовали популяризации творчества русского гения. Но что касается упомянутых, а также других произведений Йокаи о России, то, как считают исследователи, для них характерно переплетение исторических и вымышленных фактов, использование элементов домьсла, и в целом романы, созданные на родном, венгерском материале, стоят по художественному уровню выше. Русскую литературу писатель мог знать по французским и немецким переводам.

Не зря «Золотого человека» изучают в школе. Тут вечная тема ответственности: за богатство, за близких, тема совести, тема выбора между добром и злом.

Я обхожу письменный стол, рассматриваю гравюры на стене. «Смотрите, – обращает моё внимание Сильвия, – это записная книжка из слоновой кости». На музейной витрине что-то похожее на веер из нескольких одинаковых белых пластинок. Можно было писать и тут же стирать. Из слоновой кости Йокаи вырезал фигурки обнаженных женщин в античном стиле, и они тут же, рядышком. Йокаи любил рисовать. В гостиной напротив «мужского уголка» стоит его личное кресло, похожее, скорее, на трон, а на стене висят его акварели и рисунки. Это иллюстрации к одному из произведений. По ним можно представить, как выглядел Балатон и его окрестности в те времена. Здесь холм с разрушенным замком, долина с деревенькой в блёкло-зелёных и синих тонах. А рядом – деревянный ящичек, в верхнюю, чуть приподнятую крышку которого вмонтировано огромное увеличительное стекло. Оно использовалось, чтобы, работая над рисунком, провести штрих, требующий ювелирной точности, а ещё для приготовления краски. Тут же лежат несколько кисточек и карандашей.

А вот подаренная ему сабля (военным писателем никогда не был). И телескоп – длинная чёрная труба. Конечно, телескоп! Он должен быть здесь! Я подозревал, что Йокаи интересовался

звёздным небом. Это видно по разным астрономическим деталям, рассеянным то там, то тут в его прозе, из названий глав в романах.

Снова пересекая прихожую, идём в другую комнату, прямо напротив рабочего кабинета. Здесь на стене множество женских портретов в обычных коричневых рамках. Две кровати. Йокаи и его супруга были, можно сказать, новаторами. В то время принято было спать отдельно, а они поставили кровати рядом. Белые подушки, бордовые покрывала. В ногах своего рода грелка – этакая медная кастрюля с крышкой. В посудину заливался кипяток, и она отдавала тепло. Комната – «выставка интерьера» той поры, поскольку не все оригинальные предметы сохранились. Но всё обставлено так, будто хозяйка до сих пор живет, просто вышла. Постельное бельё, манекен в белом женском платье – стилизация под тот период. Над кроватью картина: роща, белый особняк вдаль, сизые склоны гор, на первом плане огромный камень под суровым деревом с густой кроной.

Дальше – детская. За ней столовая с подробной картой Балатона того времени. На столе в тарелочке – круглый венгерский кекс куглоф. Кажется, его только-только испекли. Последняя комната – кухня. У дверей стоит железный шкаф.

– Холодильник, – объясняет Сильвия. – Раньше специально развозили лёд. В одну из секций его засыпали, а в другую клали овощи или то, что хотели сохранить.

Кухонное убранство нехитрое. Плетёные корзины с головками чеснока и картошкой, пустые бутылки из-под вина, кувшины, тарелки, чашки, сковороды, поварёшки, подвешенные особыми крючками к деревянной полке, весы, приспособление для обжарки кофейных зёрен. И среди этих сельских древностей – плазменный монитор, прилаженный к стене, который показывает, что можно попробовать, когда в Балатонфюреде отмечают дни Йокаи, – голубцы из капусты и гусиной печени, творожную запеканку, и как это приготовить. Все трапезы заканчивались фруктами. На экране мелькают шляпки шампиньонов, которые снизу заполняют паштетом из гусиной печени. Дни Йокаи проводятся в мае, и во всех ресторанах готовят блюда, которые он любил. В чью-то честь названы горы и кратеры на Луне, астероиды, а имя венгерского писателя носит фасолевый суп, который называется йокаибаблагеш.

В 1886 году умерла Роза Лаборфальви. Её похоронили тоже на Керепеши. Стало трудно

с деньгами, требовалось оплачивать расходы по обучению внуки. Йокаи продал виллу в 1889-м вместе с мебелью одному торговцу пшеницей. А через десять лет женился второй раз... на двадцатилетней актрисе Белле Надь (ещё один повод для разговоров) и переехал в Будапешт, жил в квартире жены вместе с её семьёй. Писателю же было тогда почти семьдесят пять. Вдвоём они совершили путешествие по Италии. Йокаи продолжал писать, хотя уже не достигал прежних вершин. Весной 1904 года, вернувшись с женой в Венгрию из Ниццы, он простудился, слёг и вскоре умер от воспаления лёгких.

Один из внучатых племянников Йокаи выкупил виллу в Балатонфюреде. Здесь жила его семья, три комнаты они сдавали. Тогда же он и пристроил сзади дома террасу, куда можно пройти из столовой. В том виде, как сейчас, музей открылся только в 2011 году. Тогда постарались собрать все, какие возможно, экспонаты.

Мы прощаемся и уходим. Я снова обращаю внимание на статую женщины во дворе, поднимающую над головой венки. Она похожа на увеличенную копию какой-нибудь из фигурок, которые вырезал Йокаи из слоновой кости. Лидия поправляет солнцезащитные очки на лбу.

— А он был добрый человек. Удочерил ребёнка...

Мне почему-то кажется, что подобный поступок ей как-то особенно, лично близок. И, конечно, соглашаюсь.

— Что меня порадовало, — продолжает она, — здесь много венгров.

— Значит, интересуются.

— Да.

Мы идём к Балатону, чтобы взглянуть на озеро.

II

«...И ТЫСЯЧА ЛЕТ, КАК ОДИН ДЕНЬ»

Печ был похож на печь: солнце оказалось беспощадным. На юге Венгрии оно часто такое. Со мной снова была Лидия. Прогулка по городу заняла час. Мы посмотрели кафедральный собор с четырьмя колокольнями и статуями на балюстраде, прошли к епископскому двору, где с балкона смотрел на улицу грустный и длинноволосый Ференц Лист, отлитый из бронзы, и остатки старинных городских укреплений. Я поднялся на каменную башню, откуда открывался вид на современный город. Мне представилось, что я древний воин, а все эти типовые многоэтажки — вражеские солдаты, которые ринулись на штурм,

прикрываясь кое-где зелёной завесой деревьев, и вот я должен отстоять бастион, кидаю копье, стреляю из лука, а они всё лезут и лезут вверх, их нескончаемо много, и мне не победить... К одиннадцати после осмотра здешнего раннехристианского некрополя пора было вернуться к музею венгерского художника Тивадара Чонтвари, «работавшего на стыке романтизма и экспрессионизма», как безлико сообщал о нём путеводитель.

Полгода спустя, когда ехал я из Москвы в Калугу с работы, читал в электричке книгу Вячеслава Черкасского «Опрокинутые в пустоту». Там была одна мысль, что вера в собственную исключительность, в своё высокое предназначение, в свой дар и талант — страшная, порочная вера. «Именно она ведь человека и ведёт к резкому отторжению себя от жизни, к противоположению себя и жизни и в конечном-то счете к насилию над жизнью. Именно она ведь и определяет стремление человека не раствориться в потоке бытия, но, наоборот, формировать поток этот своей волей и по своим представлениям». «И чем больше дано тебе, тем в своём насилии над жизнью ты ведь и страшнее». Талант не созидает, а разрушает. Творчество всегда связано с разрушением. «Не разрушая, творит только природа, но не человек».

Иногда между созиданием и разрушением действительно пропадает всякая граница. Но если дано человеку свыше благословение творить, дано тогда и позволение разрушать... Я вспомнил музей Чонтвари и отвел глаза от книги.

Под стук вагонных колёс — вечную музыку дороги — мне снова хотелось в Печ, который я проклинал тогда за его жару.

Тивадар Чонтвари до тридцати лет был простым обывателем; да, сейчас, наверно, его бы назвали именно так. Отец — сельский аптекарь, и сын стал аптекарем. Жил как все. Учился в гимназии в Унгваре (нынешний Ужгород), занимался правом и фармакологией. Рисовать не пробовал и о карьере художника не думал. Впрочем, однажды, сидя в аптеке, вдруг против воли схватил карандаш, чтобы зарисовать увиденную в окно повозку с буйволами. В другой раз, у аптеки, сошёл на него яркий луч с неба и послышался голос: «Ты будешь самым великим художником в мире и превзойдёшь Рафаэля». Озарение полностью изменило его жизнь. Случилось это 13 октября 1880 года в маленьком селении Игло, где Чонтвари аптекарствовал.

Он отвёл себе срок: сказанное должно исполниться через двадцать лет. И всё это время

доказывал, что голос слыше, направивший на новую стезю, не солгал. Опубликовано письмо Чонтвари от 3 февраля 1881 года, адресованное известному венгерскому искусствоведа и художнику Густаву Келети: «Будь что будет, я не боюсь той великой задачи, которую преисполнен. Здоровье у меня отличное, воля стальная, что же до работы — бросаю вызов муравью. Настойчивость? — я хорошо себя знаю и не разочаруюсь. Я убеждён, что Исконное и Поэтическое меня не оставят, ибо душа моя живёт лишь Исконным и восторгается мельчайшей частичкой природы».

Десять лет назад Келети основал Королевско-венгерскую школу рисования. Что он мог подумать, читая самоуверенные строки человека, в совершенстве не владеющего кистью? Во всяком случае, письмо он не выбросил...

Чонтвари пробовал рисовать чучела животных, фигурки людей, птиц. Но нужно было зарабатывать, чтобы воплотить высшее призвание. А Тивадар Костка (это настоящая его фамилия, восходящая к польским корням, Чонтвари — псевдоним, которым он подписывал картины) в него уверовал безусловно. Он отделился от отца и в 1884-м открыл собственную аптеку в городке Гач на севере Венгрии.

Десять лет копил деньги, чтобы добиться финансовой независимости. Терпение, выдержка, вера в себя и надежда — всё это было. Он «отторгся от жизни», которую прежде вёл.

Весной 1881-го, то есть на следующий год после озарения, он приехал в Италию, чтобы воочию увидеть работы Рафаэля. «Я не узрел там живой природы», — сказал он, посетив музей Ватикана.

У Рафаэля не было того солнца, к которому стремился Тивадар. Но солнце — дело очень личное... В своих записках Чонтвари выставлял себя как мессию — человека, призванного поднимать искусством венгерский народ на иную духовную высоту. Вся его жизнь и всё творчество были подчинены этой единственной цели — «формировать» свой «поток бытия». И одна оговорка — не ради славы и личного блага.

Чонтвари только к 1894 году навсегда оставил аптечное ремесло. В марте он приехал в Мюнхен учиться живописи в частной академии Шимона Холлоши, венгерского художника, выходца из армянской семьи, убежденного в том, что венгерское искусство может стать истинно национальным только на родной почве, «под венгерским небом, в общении с возрождающимся народом».

Мастер был на десять лет моложе своего ученика. У Холлоши учились многие. В том числе русские: в разное время — Мстислав Добужинский, Владимир Фаворский, Кузьма Петров-Водкин.

Вторым учителем Чонтвари был художник Фридрих Каллморген из Карлсруэ. От прежнего мастера начинающий делать успехи ученик отошёл из-за творческих разногласий. Видимо, слишком выбивался из традиции и не находил, чего искал.

О том, что жил он на чужбине небедно, свидетельствуют картины: он покупал для них хорошие, надёжные бельгийские холсты. При жизни никто не интересовался, где он находится, где его носит, что он делает, поэтому уточнять биографические сведения о художнике очень сложно, а порой невозможно. Сохранилась его автобиография, записки. Но где в них вымысел, озарение, а где факты? Сумасшедшим художник себя не считал и, разумеется, к врачам не обращался.

Чонтвари подчёркивал, что родился в один год с Ван Гогом (то есть в 1853-м). Однако между ними ничего общего. Они даже не творили в одно время. Великий голландец умер в 1890-м, а Чонтвари к этому времени только-только нащупал свой «солнечный путь». Да, конечно, можно тут говорить о признаках шизофрении: галлюцинаторные голоса, устойчивые бредовые идеи... Опытный психиатр дополнит список наверняка. Чонтвари был человеком эгоцентричным, в общении трудным, убеждённым в своём мессианском предназначении до конца жизни. Ел в последние годы только овощи и фрукты и был сознательным пацифистом (хотя тут-то что странного?). Но всё же... О, его судьба — плодотворная тема для размышлений о гениальности и помешательстве! Да, художнику дано было много, и страшным было его насилие над собой. Мало кто его понимал. Близкие считали за чудака, который малюет непонятно что. Но ведь недостаточно одной воли, чтобы хорошо рисовать. Талант всё-таки не помешает, он даёт цельность, он требует жестокости к себе и труда бесконечного. Если он подвигает к искупительной жертве, значит, всё же созидает...

На кладбище Керепеши я отыскал до поездки в Печ памятник Чонтвари. Рядышком с величественным надгробием... Скорее не надгробием — монументом на могиле другого художника, Михая Мункачи, — статуей женщины, поднявшей вверх венок, стоящей у высокой бетонной стелы с большим четырёхконечным крестом и датами жизни

под ним. Каменное спокойствие у неё на лице. Она уверенно держит этот круглый венец, похожий на нимб. Под большой грудью – пояс, подчёркивающий её объём, от него отходят складки длинного платья. Это не могильная скульптура. Это памятник, который мог бы стоять где-то в городе, на видном месте... А Чонтвари иной. Он – в обычный человеческий рост. Не окружён металлической оградкой, как Мункачи. Он доступный. Хочешь – потрогай. Стоит себе в скромненьком сюртучке или рабочем халате, плечи опущены низко-низко, на голове беретик, в правой руке палитра, в левой кисть, которая словно касается невидимой картины. Станешь перед ним, покажется, что художник смотрит сквозь тебя. Не замечает. И верно, ведь он не от мира сего.

В Пече напротив музея я увидел такой же памятник. Художник стоял под сенью дерева и так же держал кисть, глядя куда-то перед собой, будто рисовал улицу.

Наш второй гид подошла точно в одиннадцать. Протянула мне руку, представилась:

– Эмеше.

Эмеше развеяла мои иллюзии по поводу того, что я побывал на могиле художника. Да, он был похоронен на Керепеши в 1919 году. Но когда минуло пятьдесят лет, по закону нужно было вносить деньги, чтобы продолжался уход, иначе останки перезахоронят в общую могилу. Чонтвари оставил этот мир, будучи совершенно непризнанным. Его творчеством никто не занимался. Он создавал вокруг себя ореол непонятого гения, странного человека, современники воспринимали его как чокнутого. Никто, естественно, не платил, и останки были погребены неизвестно где. Когда с годами начал расти интерес к наследию художника, решили поставить ему на Керепеши вот этот памятник, а его копию привезли в Печ. Бронзовый Чонтвари с кистью в левой руке предстал перед собственным музеем в 1979 году. То была шестидесятая годовщина со дня его смерти. В Венгрии традиционно ставят памятники к юбилейной дате именно со дня кончины.

Чонтвари никак не связан с городом. Он здесь не жил и, возможно, никогда даже не бывал. Музей, открытый в Пече в 1973 году, к 120-й годовщине со дня рождения художника, возник лишь потому, что будущий его директор Золтан Фюлöp, большой поклонник Чонтвари, собирал его картины. Одновременно в Пече создали ещё несколько музеев. А прежде это был обычный шахтёрский городок. Недалеко добывали уран.

Рудники закрыли в 1990-х, когда ломалась политическая ситуация. Но сейчас, по словам Эмеше, некая австрийская фирма собирается вновь его добывать, обещая выполнять все природоохранные требования. Город славится своей фарфоровой мануфактурой, где все изделия расписывают вручную.

Музей Чонтвари – двухэтажный особняк с высокими и широкими окнами вверх, построенный в XIX веке, – расположен на улице Януса Паннониуса, епископа Печа, средневекового венгерского поэта, писавшего на латыни. Здание находится во владении здешнего епископата. Галерея его снимает, а местная муниципальная власть обеспечивает функционирование, оплачивая всю коммуналку и прочие расходы по содержанию. На первом этаже долгое время располагался ресторан. В 2008 году его закрыли, так как сигаретный дым поднимался вверх и мог нанести вред картинам. Во владении Венгерской национальной галереи находится 127 полотен Чонтвари, включая те, что в музее Печа. Здесь – постоянная экспозиция. Картины не меняются, не находятся в собственности этого музея. На выставки их редко увозят: это сложная задача, требующая многих формальностей, страхования и тому подобных бюрократических, но необходимых процедур, а картины ценные. Ещё примерно 25 полотен – в частных коллекциях.

Когда Чонтвари умер, его сестра хотела продать картины. Художественное их достоинство мало её интересовало. Она считала, что тут использовался ценный холст, и он-то именно чего-то да стоит. Их случайно увидел архитектор Геден Герлоци. Он только что закончил учёбу и искал, где бы снять жильё. Идёт по улице, видит объявление. Это был дом, где располагалась мастерская Чонтвари. Внутри была приставлена к стене какая-то картина. Когда Герлоци проходил мимо, она упала. То был «Одинокий кедр», потрясший случайного посетителя. День распродажи уже назначили на завтра. Герлоци купил все картины и затем положил жизнь, чтобы сохранить их.

Час славы художника ещё не пробил. Многие годы картины пришлось держать в сундуке в свёрнутом виде. Затем Герлоци разместил самые большие полотна в залах Школы изящных искусств, где преподавал. В 1949 году они приняли участие в выставках в Париже и Брюсселе. А потом всё вновь вернулось на круги своя. До тех пор, пока картины не были переданы Золта-

ну Фюлэпу, который уже в начале 1970-х планировал открыть в Пече музей Чонтвари с постоянной экспозицией. Что-то к тому времени находилось в руках частных коллекционеров, что-то попало в другие музейные собрания, в том числе Национальную галерею. Герлоци умер спустя два года после открытия музея, в 1975-м. Он выстроил несколько зданий в Будапеште, скажем так, не маленьких. Но в историю искусства вошёл прежде всего как человек, спасший вершинное наследие Чонтвари.

Собирать картины было трудно. Когда музей только-только открылся, в нём хранилось лишь восемь полотен и несколько ранних рисунков углем и карандашом. Но коллекция увеличивалась. История некоторых картин – просто детектив. Человек, купивший аптеку Чонтвари, обнаружил там несколько оставленных рисунков и завершённых работ и всё это убрал на чердак, чтобы не мешались. Спустя некоторое время они обнаружили в Берлине. Тот, кто привёз их туда, забыл в автобусе десять холстов, свёрнутых в рулон. К счастью, нашедший откликнулся на расклеенные по городу объявления и вернул пропажу. Многие исчезло бесследно во время Второй мировой войны, было утеряно в постоянных перевозках. После войны поиск возобновился. Музеем были приобретены другие картины.

Входим в музей. Широкая лестница ведёт вверх. Первый зал, небольшая комната, посвящён работам, написанным до солнечного озарения или сразу после. Их совсем немного. Рисунки Чонтвари делал углем, позже на их основе писал небольшие картины: птицы, животные. В следующем зале экспонируются мюнхенские работы 1894 года. Это портреты, которые не укладываются в рамки его основного творчества. Их специально поместили отдельно. Чонтвари всегда представлялся каким-то наивным художником. Но здесь видно, что он обладал профессиональной техникой, уверенной рукой. Портреты натурщиков очень точны. В каждом он старался отобразить какие-то скрытые душевные переживания: печаль, задумчивость, ожидание, волнение. Всего здесь одиннадцать работ.

– Вот висит портрет, похожий на портрет Льва Толстого, – обращает моё внимание Эмеше и делится впечатлениями. – Когда смотришь на эти лица, возникает странное ощущение, ведь многие последующие произведения Чонтвари – жизнеутверждающие, яркие, он использует краски солнца, а в этих портретах, всех без

исключения – ощущение грусти, безысходности. Все эти люди замкнуты в себе. Почему-то он целенаправленно выбирал образы пожилых, грустных людей. Если есть молодые, так тоже со скорбными лицами. Вот портрет известного натурщика Вертмюллера. Когда работа была закончена, он воскликнул: «Я позирую почти семнадцать лет, но так нарисовать меня ещё никому не удавалось!».

Этот зал показывает, что Чонтвари действительно умел рисовать. Он не по прихоти скульптора держит кисть в левой руке. Он был левшой. В то время уже поговаривали о том, что у них лучше работает левое полушарие, продолжает Эмеше. Художник этим очень гордился и считал знаменем свыше, лишним подтверждением, что он родился необычным человеком, с особым даром. В «мюнхенском зале» висит портрет «Женщина, чистящая яблоко», единственная картина маслом, всё остальное здесь – уголь и карандаш. Чонтвари снимал у нее квартиру. Пожилая женщина, низко опустив седую голову, смотрит на тарелку с пятью яблоками, лежащую на коленях. На ней синий фартук, сверху тёмный, как и всё, во что она одета, а на коленях, куда падает яркий луч, – светло-голубой, едва ли не белый. Правая рука с ножом у груди, а левой она собирается взять яблоко. Все они свежие, живые, яркие. Кажется, не к ним собралась она притронуться, а к собственной юности...

Из Мюнхена, из других поездок Чонтвари привозил картины свёрнутыми в рулон, и краска, положенная толстым слоем, трескалась. Всё пришлось реставрировать. Он очень много ездил. Искал свой солнечный город, подчиняясь Истине, провозгласившей его художником и пророком. Его интересовали Хорватия, Босния, Герцеговина, Иордания, Северная Африка, Ливан, Греция. Тема смены культур и поколений. На его картинах часто изображён древний, умерший город, на руинах которого возникает новый – так весенняя трава рвётся из земли на месте жухлой, прошлогодней...

Мы в очередном зале, где работы уже не учебного, но раннего периода, написанные в путешествиях по Италии, Далмации в 1896–1902 годы, другим краям. Эмеше подводит к картине с городской набережной: ряд домов, запряжённая в повозку лошадка и море с двумя лодочниками, набегающее широкой волной на освещённый ярким солнцем город, почти чёрное на первом плане у берегов. Это «Кастелламаре-ди-Стабия».

Так называется область в Италии и город недалеко от Неаполя, возникший на месте древних Стабий, уничтоженных в 79 году извержением Везувия вместе с Помпеями и Геркуланумом.

– Здесь самые характерные для Чонтвари цвета: бирюзовый, жёлтый. И реальность, и какая-то недосказанность... В последнее время некоторые исследователи утверждают, что невозможно преодолеть такие маршруты за то время, которое указывает Чонтвари в своих записках. Подозревают, что какие-то места он сам не видел, а рисовал, допустим, по фотографиям. Они уже были довольно точными. На картинах Чонтвари обязательно должны присутствовать вода, огонь, земля. И обратите внимание: на одной стороне здесь – совершенно спокойная улица, люди занимаются своими делами, жизнь течёт своим обычным чередом, но в другой её части – надвигающаяся буря, дымящийся вулкан вдали. Психологи отмечают эту двойственность художника и говорят о зачатках скрытого психического заболевания.

Чонтвари часто бывал в Сербии, Македонии, ему нравились пустынные места, скалы, суровые, молчаливые мужчины. Сам же он был хрупким, суевливым, торопливым, и, видимо, поэтому его притягивала такая хмурая замкнутость. «Римский мост в Мостаре» написан в Сербии (ныне Босния и Герцеговина). И на этой картине та же надвигающаяся тёмная неизвестность, как будто грозящая из-за скалы, озарённой с одного края красным цветом, точно отблеском пожара. Кроме того, тут изображено близкое соседство, если не смешение воедино, двух культур: слева католическая часть посёлка, справа – мусульманская, обозначенная минаретами. Обе части города разделены рекой, через которую построен старый каменный мост. То же столкновение культур и на соседней картине «Весна в Мостаре». Несколько женщин трудятся в поле. По краям, где оно вскопано и тянется широкой коричневой полосой, сидят на земле птицы. Деревья в белом цвету – как в фате. Над двух- и трёхэтажными домиками высятся минареты, дальше, над крышами, стоит христианская церковь, а за ней – высокая гора.

– Мы переходим к картине «Гроза в Хартобадии». Здесь он изобразил характерные, на его взгляд, атрибуты венгерской жизни, – продолжает Эмеше. – Вот стадо, это известная венгерская порода – серая корова. Они есть только в Венгрии и похожи на буйвола. Вот особая венгер-

ская овчарка. Там – пастухи. Чонтвари изобразил то, с чем ассоциируется Венгрия в народном сознании. Хартобадскую степь рисовали много. Это сложно. Она однородного серо-жёлтого цвета. Чонтвари стал играть с красками, ему удалось создать яркую картину. Горы здесь нет, но вдали, над горизонтом – туча, похожая на гору. И люди на лошадях, будто в зареве солнца, ещё не закрытого грозой, скачут вперёд, к зрителю, точно с вестью об опасности, по мосту, отражающемуся в реке.

В экспозиции печского музея есть картина, где изображена война. Название переводится как «Вылазка» или «Атака Зриньи». На всех других у Чонтвари – мир. Миклош Зриньи – венгерский и хорватский полководец XVI века. Турецкий султан Сулейман I Великолепный шёл с войсками на Вену и был задержан у крепости Сигетвар. В то время ему было 72 года, полноценно управлять армией он не мог, осадой руководил один из его визирей. Султан умер естественной смертью накануне решающего сражения в своём шатре, где ежедневно получал отчёты о боях. 7 сентября 1566 года турки бросили на крепость все силы. Им удалось зажечь её. Зриньи переоделся в лёгкую шёлковую одежду. С оставшимся войском он ринулся в ряды врага и погиб от пули. Помощь из Вены так и не подошла, но османский поход был задержан.

– Это событие отображено на монументальных полотнах, – рассказывает Эмеше. – А здесь посмотрите: одинокая фигурка Зриньи, направившего пистолет на толпу турецких солдат. Ощущение такое, будто мальчишки в войнушку играют.

Зарево огня смешивается с бело-голубым, как платье невесты, небом – горит большой дом, у которого стоит человек в шляпе с белым пером и плаще. Он нацелил пистолет в бегущую на него толпу людей в белых чалмах. Все они с ружьями. Во дворе перед домом как символ мира – колодец, куда опущена верёвка огромного «журавля»...

Вернувшись домой, я скачал в интернете фильм Золтана Хусарика «Чонтвари». Конечно, в нём можно отыскать множество вольностей: то действие происходит в эпоху, когда жил и творил художник, то переносится в современность: Чонтвари едет в такси вместе с женой (а на самом деле он так и не создал семью!), рассматривает рентгеновские снимки... Но многое, отражающее его духовный мир, его поиски, странствия и терзания, кажется, уловлено здесь верно.

Оценивая одну из своих картин, художник говорит: «Человек – существо разумное, но он создаёт что-то великое, когда не занимается расчётами, не предаётся размышлениям. Он должен вновь обрести детство, научиться восторгаться, как когда-то много лет назад. Тот, кому это удастся, будет думать и не думать одновременно. Его будет изумлять дождь, падающий с неба, или волны, пытающиеся догнать одна другую...» Да, и, кажется, именно к этому стремился Чонтвари. Эти слова не выдумка сценариста, они взяты из его записок, на которых, собственно, фильм и выстроен. Героическое батальное полотно – это уже расчёт. Канон. А он же пророк! Он имел полное право сказать нам: «Будьте как дети».

В следующих залах картины более поздних лет, когда Чонтвари искал свой «большой сюжет». Среди них спасённый Герлоци «Баальбек». Входишь – он сразу, во всю стену. Семь с лишним на четыре метра. Одно из основных полотен художника, его «Город солнца». Глинобитные дома, плоские крыши. Первый их ряд – как стена. За ним другой ряд домов, третий. И все они тоже как одна непрерывная вереница. Чёрные квадратики окон. Дальше – развесистый кедр, высокая крепостная стена, руины, колонны, которые уж ничего не поддерживают, разве небо, потом идут горы и поля и горизонт: коричневая полоса земли сливается с лазурной бесконечностью, словно олицетворением духовной чистоты. Прошлое и настоящее сливаются здесь воедино. Жизнь – была, остались развалины, осталась память. Жизнь – есть, продолжается: куда-то на первом плане шагают ленивые верблюды цепочкой, идут люди. «Всему своё время, – возвещает «Баальбек», – и время всякой вещи под небом: время рождаться и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разбрасывать камни и время собирать камни; время любить и время ненавидеть...»

И здесь одна культура, одна эпоха бесконфликтно уживается с другой. Наверху римские колонны, остаток ушедшей цивилизации. В другой части картины – мусульманская мечеть. По логике, более ранние культурные «слои» следовало бы разместить внизу. Но у Чонтвари была своя хронология.

– Это тяжёлое полотно, краска лежит толстым слоем, – поясняет Эмеше, – и поэтому, когда в записках Чонтвари говорится о быстрых переездах с места на место, некоторые исследователи ста-

вят это под сомнение. Смущают даты, говорящие об их быстроте, а ведь нужно было и нарисовать картину, и потом её за собой таскать. В связи с названием проводят параллель с главным событием в жизни Чонтвари, с его прозрением о том, что он будет великим, что он будет солнцем в живописи. Трудно представить, что человек мог нарисовать такое, не видя своими глазами. Очевидно, всё же именно в Городе солнца он создал самое монументальное своё полотно.

1900-е годы отмечены подъёмом интереса к истории венгров: кто же они по своей природе, и возникло множество мнений, откуда они пришли. Чонтвари была близка теория о том, что венгры пришли не из-за Урала, а с Востока, откуда-то оттуда, где ныне Баальбек, из Ливана.

Соседняя картина, «Колодец девы Марии в Назарете», датируется 1908 годом. Человек, выливающий воду из кувшина для ослика и коз, – сам художник. Рядом с ним юная женщина с младенцем, это дева Мария. Люди ставят на головы огромные кувшины и уходят с ними к домам, разбросанным по склону горы. Здесь нет солнца, но чувствуются и зной, и прохлада воды. Чонтвари попытался намекнуть на Рафаэля, заметила Эмеше. У итальянца встречаются изображения арки (да, «Греческая школа», например), здесь тоже над колодцем арка. И тоже – мадонна. Она ничем не отличается от прочих людей.

Этот источник был единственным в Назарете, и Мария наверняка бывала здесь с Сыном. Не так давно мне было нужно откомментировать одно место из статьи старообрядческого епископа Михаила (Семёнова) для собрания его сочинений: описывая поездку в Константинополь, он упоминал некоего Маркова. Это напрочь забытый русский путешественник и писатель Евгений Львович Марков, автор многих путевых очерков. Вернувшись в Россию, я подумал: не посмотреть ли его «Путешествие по Святой Земле», ведь он был здесь примерно лет на пятнадцать раньше Чонтвари, а это, считай, в одно и то же время. Нашёл во втором томе то место, где он описывает колодец Марии.

«Признаюсь искренно, ни одна из посещённых мною многочисленных католических святынь Назарета не произвела на меня всем своим золотом и всею своею живописью такого полного и живого впечатления, как один этот глубоко спрятанный в недрах скалы колодезь Пресвятой Девы с его неудобными тёмными лестницами и грубую железною кружкой на цепи.

Так и нарисовалась передо мною вся мирная однообразная жизнь глухого галилейского уголка с его интересами бедного трудового хозяйства, с его простыми, тихими радостями немудрствующей жизни».

Источник на картине Чонтвари, наоборот, кажется открытым, доступным, распахнутым. Ни скал, ни тёмных лестниц, как у Маркова. Несколько белых ступеней, по которым спускается гибкая фигура женщины с огромным кувшином на голове. С правого края холста – длинная верблюжья шея, голова животного украшена бахромой. Какой-то путник привёл его сюда. А рядом человек на лошади. Я не нахожу на картине железной кружки, но Марков видел то же, что и Чонтвари: «Смуглые черноглазые девы с высокими кувшинами на плечах сходят и всходят медленной чередой по вырубленным в скале ступенькам... Группы босоногих чернокудрых детишек играют у фонтана, созерцая в немом удивлении отдыхающий караван далёких чужестранных людей в неведомых одеждах, с диковинными товарами, прибывших неведомо откуда и уходящих неведомо куда. И среди этих дев, среди этих детей выделяется тиходвигающаяся в своих белых покрывалах прекрасная Мариам, целомудренная невеста Иосифа, и загадочно устремленный в пространство взор младенца Христа».

Разница с картиной только в том, что у художника одеяние Марии – тёмно-синее. И Марков ничего не говорит о «рафаэлевской» арке над источником. Её художник придумал.

Чонтвари достиг вершины творчества в 1905–1909 годах. Ему потребовалось не двадцать, скорее двадцать пять лет, чтобы добиться хоть какой-то известности, но разве эти пять лет что-то значат? В 1907 году он принял участие в большой Международной выставке в Париже, в 1908-м выставлялся в Галерее искусств в Будапеште и тогда же написал «Колодец Марии»... Во французской столице картины Чонтвари отметил один именитый американский искусствовед, сказавший, что они оставили позади всё, что до сих пор существовало в живописи. Ни комплимент, ни выставки не принесли, однако, признания.

В пещерном музее рядом с Назаретом, Иерусалимом, Баальбеком висит «Горный пейзаж в Татрах»: просто природа, без философских аллюзий, свойственных Чонтвари. Суровая, величественная. Такая, с которой страшно оставаться один на один: ты проклянешь эту красоту. В Национальной галерее в Будапеште есть похожая

картина «Большой Тарпатак в Татрах». Чёрные скалы, будто огромные окаменевшие волны, поднятые морским штормом, и тут же залитый солнечным светом зелёный склон с неброскими цветами... Впрочем, с отсутствием философского содержания можно спорить. То не просто пейзаж, но взгляд в вечность, кажется. Глаза в глаза. От этих гор тоже «веет свежестью, веет веками».

«Одиноким кедр», один из самых знаменитых шедевров художника, здесь, в Пече.

– Чонтвари много писал о ливанских кедрях, – мы с Эмеше останавливаемся у картины. – Говорил, что если он стоит в лесу и вокруг много других деревьев, тем не менее он всё равно одинок. Кедр никому не мешает и ни от кого не зависит. Чонтвари говорил, что таков и путь венгров: они живут в окружении других, но сами по себе, и развиваться должны сами. Он себя считал не только художником, но политиком, философом, психологом, проповедником. Во всех ипостасях. И был одинок, как кедр.

«Я, Тивадар Костка, во имя обновления мира отказался от своей юности, – читаю уже в Москве в альбоме слова художника, переводя с французского. – Когда я принял посвящение от невидимого духа, у меня было обеспеченное положение, я жил в достатке и удобстве. Но я покинул родину, потому что так было надо, и надо единственно ради того, чтобы видеть её на закате дней богатой и славной. Чтобы достичь сей цели, я много лет путешествовал по Европе, Африке и Азии, хотел найти предсказанную мне истину и претворить её в живописи. Почувствовав, что обладаю необходимым оружием, я в 1907 году направился в Париж и встал один на один с миллионами; один с плодами своего труда, которыми обязан Вседержителю. Я обратил в прах тщеславие всего мира, в один день принудил Париж капитулировать и превзошёл всех, но десять миллионов человек – не уничтожал, я только воззвал к их рассудку, не делая себе рекламы, ибо не заботился о прессе, принадлежащей торговцам и крохоборам, я удалился в высокогорья Ливана, чтобы рисовать там кедры».

Дерево высится на каменистом обрыве, цепляясь всеми корнями за жизнь. Вдали – спокойная гладь моря. Облака над нею разбросаны клочьями, то розовые, то красные, то жёлтые, то белые. Небо разорвано. В нём тревога. А кедр стоит, колышет ветвями. Он спокоен и уверен в себе. Он живой. Между тем один из крупных его суков обломан бурей. Это судьба: несмотря ни на что, надо жить, надо стоять, надо терять...

В Пече нет другой знаменитой картины – «Паломничество к ливанским кедром». Здесь вокруг огромных деревьев с раскидистой кроной, похожей на крышу дома, в хороводе цепочкой идут, словно в танце, люди в белых одеждах, несоизмеримо маленькие по сравнению с деревом. Чуть поодаль несколько всадников, другие паломники. Огромное синее небо и цепь гор. Кедр и островерхий шатёр его листвы – словно прообраз того единого дома, в котором некогда появилось на свет человечество, сделало первые робкие шаги и разбредлось потом кто куда, забыв об общем крове, о родстве, о мире между собой. Удивительно светлая картина, радостная и грустная, как мысль о детстве, ушедшем невозвратно. О детстве? О прошлом? А может, о будущем? Это символ Вселенной, где все, как у этого кедра, соберутся вокруг единого Божества.

Чонтвари был убеждён, что подлинное искусство и, в частности, его живопись, конечно, возникает только в соприкосновении устремлений человеческой души с высшей созидательной силой, так же как искра, высекаемая о камень. Он всерьёз интересовался Иерусалимом, тайной пророчеств, прозвучавших на этой и об этой земле. Ведь и себя он считал в какой-то степени пророком. «Вид на Мёртвое море и на Храмовую гору» – ещё одно большое полотно, светлое, весёлое. Это панорама города: красновато-коричневые крыши, стены из кирпича песчаного цвета, пирамидальные тополя, пальмы, христианский храм с крестом, за ним – минарет, чуть поодаль ещё один купол со шпилем и полумесяцем, как бы лежащим «на спине», а сверху за оба его конца зацепился второй полумесяц, и вместе они образуют поваленную на бок букву «О». Опять разные культуры, разные религии. Камень, камень и камень. И за ним синяя полоса моря. Стихия человеческая сталкивается с нерукотворной стихией, живущей своим законом.

В Пече хранится и другая большая «иерусалимская» картина – «У Стены Плача», почти три на два метра. Люди столпились, сгрудились в кучу, но каждый со своим характером: мать с голым ребёнком на руках, старики с белыми бородами, женщина с огромным, как молоток, ключом на поясе (видно, есть что беречь) протягивает, как нищенка, ладонь, ещё одна попрошайка – калека-горбунья с клюкой, женщины, дети... Кто-то смотрит хитро, кто-то осторожно, кто-то испуганно, у некоторых страх – почти на уровне чего-то патологического. Кто-то при-

шёл молиться, кто-то попрошайничать... За очень короткое время Чонтвари создал несколько монументальных полотен, на которых изображены разные части света. Всё же, думаю я, он был в тех местах, которые рисовал. Во-первых, это исходит из его творческой философии, представлений о подлинном таланте, и, во-вторых, в своих записках он попросту мог путаться в датах и событиях, тем более когда писал после 1909 года, в период обострения психической болезни.

У Маркова вскользь описана Стена Плача. Зато есть общее описание города.

«Не думаю, чтобы Иерусалим Средних веков и даже Ветхого завета особенно разнился от теперешнего, – писал русский путешественник. – Та же неприступность и неприятность тяжёлых каменных ящиков без окон и без дверей, называемых здесь домами, скорее похожих на башни и блокаузы, те же каменные и глиняные купольчики и плоские крыши наверху, те же вонючие вьющиеся улицы, в которых десять человек могут остановить целое войско. И, конечно, пёстрая разноплеменная, разноязычная толпа в самых невиданных и живописных одеждах, и, конечно, непрерывающаяся толкотня ослов, лошадей, верблюдов, везде оглушающий говор, крики, шум... Подумаешь, что это простой уголок каирского базара, и совсем забудешь о том, где ты в действительности и куда теперь идёшь... Арабская крикливая суeta подавила здесь собою все другие обычаи и стёрла всякий библейский и евангельский характер с улиц Давидова города». Чонтвари видел то же, те же ящики, те же улицы-змеи. А рисовал другое.

Я останавливаюсь возле небольшой картины «Развалины храма Зевса в Афинах». Монументальные колонны, среди которых в беспорядке рассыпались городские дома, как забытый квадратный горох, сизые голые вечные горы, пирамидальные тополя, в небе яркое, круглое пятно луны, будто печать. И прошлое, и настоящее, всё рядом. Соседний «Учитель в Марокко» – портрет дервиша. В правой руке палка, в левой книга. Художнику представлялось, что эти учителя всё знали и всё умели, и он стремился быть таким же. Аскетичным и убеждённым в призвании свыше донести свою правду до всего человечества. Дервиш ведь тоже пророк. И ребёнок одновременно. По крайней мере, на этом портрете. Старик с глазами ребёнка...

В последнем зале музея вывешены наброски картин, сделанные после 1909 года, когда

Чонтвари уже ничего нового не написал, вернее, пытался, но так и не довел ни одной работы до конца, а занимался реставрацией прежних полотен, так как они часто перевозились и страдали. Он всё это время мечтал о большой выставке в Венгрии, после которой его, наконец, оценят и признают на родине. Наброски в основном написаны углем. Справа от входа – портрет Франца-Иосифа. Чонтвари был его большим поклонником и сторонником монархии. Император сидит и что-то пишет за рабочим столом.

В этом же зале находится известная картина «Конная прогулка у моря», написанная красками. В 1958 году она удостоилась главного приза на выставке «50 лет современного искусства» в Брюсселе.

Чонтвари не мыслил настоящее в отрыве от прошлого, и раздвоенность бытия, эта особенность его мировосприятия, если и связанная с болезнью психики, то отчасти, определила суть многих его картин. Покой и буря, свет и мрак, ислам и христианство, руины и современный город – всё это сосуществует вместе и друг другу не мешает. Человек погружён в мир противоположностей.

Да, так...

Люди на полотнах Чонтвари, хотя бы у его Стены Плача, кажутся растерянными перед вечностью, они испугались, им нужно пророчество о будущем – живая вода, колодец Марии.

В каталоге «Иностранки» я нашёл исследование, посвящённое «патологическим мотивам в творчестве Чонтвари». Сто с лишним страниц

на венгерском. Спящий Везувий близ Каstellамаре в предгрозовую погоду вселяет предощущение опасности, но тот всеобщий закон, пусть отрицаемый кем-то напрочь, пусть принимаемый, но существующий независимо от воли и желаний, от нашего отрицания, неверия или веры, закон, по которому должно дать человеку ответ по делам своим в день Суда – не его ли олицетворяет эта природная стихия, не перед ним ли ты вздрагиваешь у картины в тревоге? Как ты жил? Быть может, в том и задача подлинного гения, чтобы пробуждать этот вопрос. Но если ради этого надо пойти на «саморазрушение» и «насилие» – да здравствует насилие! Ведь ежели художник призван глаголом (и кистью) «жечь сердца людей», то значит призван разрушая и создавать, и не дано другого. Всё зависит от того, какие неземные силы стоят за его даром, откуда он исходит...

Мы выходим под печское солнце. Эмеше протягивает мне руку:

– До свидания.

Бронзовый Чонтвари провожает нас, погружённый в своё творение. Машина трогается.

– Что значит фамилия Чонтвари? – спрашиваю я у Лидии.

– «Чонт» – кость. А дальше... «Варош» – город. Но сочетание странное.

– Выходит, он славянскую фамилию просто перевел на венгерский...

Машина выбирается из раскалённого Печа. В отличие от дороги из Будапешта на Вену у нас не встретится на пути ни одной ветряной мельницы.

Юрий ТОТЫШ

«ПОКА ЖИВУ, МЕЧТАЮ»

Очерк

*Я художница,
Я поэтесса.
Но во всём
Остальном
Дилетантка.*

**Любовь Арбачкова.
Онзасс черим. Тернии души**

С Любой Арбачаковой я встретился в Кемеровском музее изобразительных искусств. От знакомых шорцев слышал, что она выставляется в зале музея на третьем этаже. Любителям живописи известно, что туда попасть простым смертным очень сложно, практически невозможно. Надо быть не только членом Союза художников, но и хоть сколько-нибудь известным художником. И вдруг среди избранных – «обыкновенная» шорка, в то время заявившая о себе стихами и лингвистическими исследованиями фольклора. Естественно, мне захотелось увидеть ещё одну грань таланта Любви Никитовны.

Выставка Арбачаковой оказалась в самом деле интересной. Три десятка картин уютно разместились в маленькой комнатке. Необычные изображения неба, солнца, гор, деревьев, лошадей, коров, детей, всадников. Они напоминали искренние каракули шестилетнего ребёнка. Наивное искусство! Я всматривался в яркие, многоцветные наборы красок и вдруг почувствовал колдовство. Рисунки превращались в осязаемые, реальные образы Горной Шории.

Тут же, на выставке, купил проспект и узнал, что Любовь Арбачакова – член Союза художников России, награждена малой Золотой медалью выставки «Свежее искусство Сибири». Ее работы экспонируются в краеведческих музеях и художественных галереях Абакана, Новосибирска, Новокузнецка, Междуреченска. Люба выставлялась в Центральном доме художника РФ и в Германии. Ого, это уровень!

С впечатлением от увиденных работ я вышел в коридор. Возле столика дежурной увидел молодую женщину в бальзаковском возрасте. Обратил внимание на худенькое лицо под пышными волосами, с азиатскими глазами, большими, задумчивыми. Красивая шорианка!

Мы познакомились. Естественно, заговорили о Горной Шории, которую оба хорошо знаем и любим. Я искренне похвалил картины Любы: «Каждый ваш мазок излучает столько энергии, что при взгляде голова начинает кружиться». Художница призналась: «Когда я пишу, то вижу именно энергетические потоки. Мне важно передать цвет, оттенки. Форма для меня вторична».

Художница подарила мне первую свою поэтическую книгу на шорском и русском языках «Онзасс черим. Тернии души» в скромном коричневом твёрдом переплёте. Дома я прочитал стихи и послесловие новосибирского критика С. П. Рожновой.

«Стихи Л. Арбачаковой изящны, проникновенны и глубоки по содержанию. Они несут в себе дух вечности и дыхание современности, интимные переживания и гражданские настроения, тяготение к родовым корням и состояние одиночества, неприкаянности – «все тернии души» лирической героини. Это поэтический автопортрет Л. Н. Арбачаковой, узнаваемой по событиям внешней и внутренней жизни, и вместе с тем отражение мира чувств молодой женщины наших дней, в духовном опыте которой национальное самосознание сплавилось с общечеловеческими нравственными представлениями», – писала она.

Мой взгляд на поэзию Любви Арбачаковой оказался более простым. Я увидел в чувственных стихах репортёрскую хронику многострадальной души шорской женщины, живущей одновременно в прошлом, настоящем и будущем, рефлектирующей на события большого мира.

*Земля, где родилась, – Горно-Шорская.
Чурт, в котором я росла, был счастливый чурт.
А мама, меня сотворившая, – Богиня-мать.
Дом, в котором жила, был светлый дом.
Небо там надо мной было синим.
Под небом моим родным расцветали
подснежники.*

Просто поразительно, как точно нашла Люба образ родины, слитый с образом своей матери. Богиня-мать на короткий миг сошла на землю, чтобы дать жизнь сыновьям и дочерям. Была доброй, полной любви к мужу, детям. «Светлая жизнь моей

матери золотой нитью к небу тянет», – напишет потом Люба.

Богиню-мать звали святым именем Анна. Она родилась в семье шорца-охотника Михаила Изыгашева. Девочка прожила с отцом, матерью семь лет в деревне Нымзасс Таштагольского района. Потом пришла война. Михаила отправили на фронт, где он погиб.

После того как мужчины ушли на фронт, вся тяжесть жизни обрушилась на женщин, детей, подростков. Вместо школы Анне пришлось ходить на поля колхоза. За бесконечной работой она так и не научилась читать и писать. Получая государственное пособие на детей, в ведомости расписывалась крестиком.

В шестнадцать лет Анна оказалась неожиданно для себя замужем. В улусах молоденьких девушек выкрадывали женихи. Чаще всего с согласия барышень. Молодые заранее договаривались о рискованной акции. Она становилась у шорцев важным элементом свадебного ритуала, как выкуп невесты или белое платье новобрачной.

Никита Тудегешев был весёлым, видным и богатым парнем. К невесте в Нымзасс приезжал в суконной куртке, сапогах. Как такой франт не понравится сиротке из бедной семьи? Она дала ему возможность украсть себя.

Семья жениха в двадцатые годы была зажиточной. Тудегешевы в улусе Тарлашка держали большой дом, лошадей, коров, пчёл, торговали. Во время коллективизации у них отобрали всё. Не желая вступать в колхоз, глава семьи Василий Тудегешев откочевал с женой, единственным сыном Никитой вглубь тайги. В Анзассе стояли четыре домика на берегу быстрой речки, которая протекала по лощине между гор. Новосёл построил пятый. Благо, что было из чего. Вокруг поднимались могучие ели, сосны, кедры. В руках умелого человека они превращались в лавки, табуреты, столы, шкафы, бревна для дома.

Дед Василий умер в пятидесятых годах. Своему сыну, кроме дома, оставил в наследство одук (обувь из кожи), шана (лыжи, подбитые мехом) и много изделий из бересты. Материальные богатства семьи Тудегешевых рассеялись. Однако Никите Васильевичу перешли от отца духовные – ум, хозяйственный талант плюс необыкновенное трудолюбие. Благодаря этим уже богатствам ему удалось не только восстановить, но и приумножить потерянное. Но каким тяжёлым трудом!

Когда Люба родилась, в 1963 году, у Тудегешевых во дворе топтались три дойные коровы, пять

лошадей, с десятков овец, были даже поросята, которые требовали бесконечного внимания к себе. У Никиты Васильевича хватало ещё сил охотиться, шишкарить и добывать фосфориты на карьере. В пяти километрах от Анзасса разрабатывалось Белкинское месторождение. Каждое утро ни свет ни заря охотник поднимался с постели и по таёжным тропам спешил в посёлок. Там превращался в горнорабочего. Когда солнце скрывалось за горами, возвращался домой, переодевался и падал на кровать. Спал, как оглушенный, до утра, чтобы в шесть часов встать и снова бежать по горам на работу. Огромное домашнее хозяйство полностью лежало на плечах Анны Михайловны.

В большой семье Тудегешевых развернулись по-настоящему духовные силы только у Любы. В детстве это была пухленькая, очень серьёзная девочка с круглым лицом, густыми, прямыми волосами, подстриженными скобкой. Одевалась она тогда в просторную ситцевую рубашу до пят и любила играть в «маму». Сама шила себе куклы, обряжала тряпочками.

Потом тряпичное существо заменила Рита, младшая сестрёнка. Девочку пришлось мыть, пелёнки менять, укачивать в люльке. Сестрёнка росла, доставляла всё больше и больше хлопот. От неё невозможно было и на шаг отойти. То убежит в лес, то гусей таскает за шею, то на ограду залезет. Глядишь – упадёт и руку сломает. Люба днями не отходила от сестрёнки...

Потом появился Серёжа. И с ним пришлось повозиться. Только учёба на время освобождала девочку от бесконечных хлопот по домашнему хозяйству, от лошадей, коров, свиней. Последние особенно были прожорливы и требовали полные корыта варёной картошки, отрубей. Руки отваливались, пока таскаешь ведра с кормом.

В детстве светлой бороздой прорезалась в памяти дружба с лошастью. Кобылку по кличке Красотка, добрая, шаловливая, грациозная, научила девочку понимать язык животных.

Подруги общались с помощью жестов, голоса, взглядов и хорошо понимали друг друга. Лошадь, как привязанная, ходила за Любой повсюду. В одно место только не пускали Красотку – в дом. Тогда она останавливалась возле крыльца и терпеливо ждала, когда выйдет маленькая хозяйка. Все окрестные горы лошадка истоптала копытами с драгоценной живой ношей на спине.

Пройдут годы. Люба встретит много людей на своём жизненном пути, но ни от кого не получит такого понимания и любви, как от своей Красотки.

*Мой конь, друг моего детства.
Как было тебе дожидаться
Меня домой?
Ты навсегда закрыл глаза
Возле Чилисинской дороги.
Друг милый моего детства,
Красно-игреневый конь!
Ты ускакал от меня в мир иной.
Сколько миров уже успел облететь.
Не догнать мне тебя никогда.*

В Чилиссу-Анзасском интернате № 32 девочка познакомилась с «инопланетянином». Это был русский мальчик Борис. Любе нравилась его необычная внешность. Светлая кожа, голубые глаза, а главное, добрый нрав. Родители снабжали Бориса в избытке тетрадами, карандашами, пишущими перьями. Если у одноклассников не оказывалось чего-то из школьных принадлежностей, они обращались к нему. Тот ставил на колени клеённый портфель, опускал в него руку и выуживал картонную коробочку. В ней оказывались два-три «лишних» пера. Одно переходило к просящему, который переминался нетерпеливо рядом. Схватив перо, убегал к своей парте и там пристраивал к ручке. Борис мог поделиться и тетрадами, что было неслыханной для ребят щедростью. Своего товарища они уважали. Никто не обижал «инопланетянина», а девочки вообще любили. Любе нравилось гладить, теревить его шелковистые, мягкие кудряшки.

В классе Бориса звали Казаком. Тогда Люба не знала, откуда пришло это слово. Только много лет спустя прочитала, как в XV веке русское войско приводило кузнецких татар (шорцев) под тяжёлую длань московского государя. Наполнив ясак ценными шкурками, казаки уходили восвояси. Когда в классе был только один «казак», Люба чувствовала себя в своей тарелке. Не знала даже, что она шорка, ощущала себя просто девочкой. Понимание своей национальной особенности дала русская средняя школа в Таштаголе.

Её отец Никита Васильевич был умным человеком. Он понимал, что без образования у детей нет перспективы в жизни. Его дети вырастали и переселялись из улуса в школы-интернаты. Чтобы быть ближе к ним, он купил дом в Таштаголе. Так Люба оказалась среди потомков казаков. Вот тут узнала в полной мере, что она шорка. Малолетние потомки казаков пускали в ход кулаки. Такая учёба продолжалась год. Родители, к счастью, тоже не могли привыкнуть к городу, чувствовали себя чужими

здесь. Вернулись в Анзасс. Люба вновь оказалась в родном интернате.

Окончила восемь классов и перешла в Спаскую среднюю школу-интернат. В классе были шорцы и русские – учились и жили дружно. У Любы в дневнике пошли гордые пятёрки. Она хорошо усваивала учебную программу. Окончила школу с одной тройкой.

*Школьные годы – годы богатства,
Богатства души от светлых книг!
В школьные годы я узнала
Добро друзей и злобу чужих.
В школьные годы я познала
Свет первой любви и свою Звезду!
Тот мир был проникнут воздухом счастья,
В те годы тропу я всегда находила.*

Люба почувствовала вкус к учебе. В голове как бы открылись новые шлюзы. По ним хлынули потоки знаний. Не желая прерывать столь благотворный процесс, девушка поступила в Бийский лесхоз-техникум. Окончила профессиональную учёбу с красным дипломом и уехала в Междуреченск, где стала работать в лесхозе под руководством будущего мужа Александра Никитича Арбачакова.

122

*В этой жизни недолгой
Во многих влюблялась:
То в Есенина,
То в Делона...
А потом в своего суженого.
С ним свою жизнь делю, его я боготворю.*

Таких людей, как Александр Никитич Арбачаков, называют подвижниками. В 1990-х годах он был ведущим специалистом по экологии в администрации Междуреченска, создал Центр по организации национального парка «Бельсу». Вместе с коллегами разработал хороший проект, который приняли государственные органы. Но из-за отсутствия в казне денег проект плавно закрыли, Центр распустили. Александр Никитич и его коллеги оказались безработными.

В конце 1990-х Арбачаков придумал АИСТ – Агентство исследований и сохранения тайги. Карьера эколога резко пошла вверх. Он стажировался в США по программе агентства международного развития «Сохранение биоразнообразия».

АИСТ провел научную экспертизу проекта разработки Белкинского месторождения фосфоритов, доказав, что эксплуатация месторождения может

привести к экологической катастрофе в Горной Шории. Государство поставило на «Белках» крест.

В 2003 году на съезде Ассоциации шорского народа Арбачакова избрали вице-президентом. Он является членом международного общества эко-туризма, постоянным эксперт-консультантом Тихоокеанского центра окружающей среды, членом грантового совета международного фонда Global Greengrants Found, информационным координатором по Южной Сибири международной неправительственной организации «Сеть священной Земли», координатором сети коренных народов «Свет Древней Земли». Его работы в области экологии стали настолько масштабными, что в 2006 году Александр Никитич получил престижную премию фонда Уитли. В Англии эту премию ему вручила принцесса Анна, дочь королевы Великобритании.

Недавно вышла в свет красочная книга А. Арбачакова о природе Горной Шории с фотографиями автора – замечательными пейзажами и портретами людей. Несколько выставок талантливого фотохудожника с успехом прошли в Междуреченске.

Кроме того, А. Арбачаков вместе с женой участвует в исследованиях шорского фольклора.

Люба пишет: «Мы с ним познакомились в Междуреченске. Он работал лесничим в лесхозе, я у него мастером. Женились не сразу: до меня он был женат, а я замужем. К сожалению, в первом браке и у меня, и у него не сложилось. Во втором же всё сложилось прекрасно. Он помогает мне советами, делом. Натягивает холст на подрамники. Вообще-то у него руки золотые. Из дерева может даже скульптуру изваять. По характеру Саша человек спокойный, добрый. У нас каждый занимается своим делом: он экологией, я живописью, наукой... Я считаю, что в семье он главный... Часто уступает мне, соглашается со мной, но в некоторых вопросах может твёрдо стоять на своём. Например, сейчас мы строим за Таштаголом, в Кабырзе, баню, а потом будем строить дом. Место строительства, материал он выбирает сам. Я отвечаю за домашний уют, готовлю. Мой муж тоже любит готовить, дома убирает. Я довольна им! Ещё он отличный сын. Его маме 83 года, она часто болеет. Муж каждый день посещает её, помогает во всём. Так мы живём, в согласии».

Любит – не любит...

Гадаем и мучаемся всю жизнь.

Но если нам бессмертье дано, быть может,

Всё тайное, что было здесь между нами,

Мы там, за горизонтом жизни, непременно

узнаем...

По данным профессора А. Мытарева (книга «Южный Кузбасс», Кемерово), в 20-х годах прошлого века шорцев было 20 тысяч человек. В дальнейшем их становилось меньше и меньше, пока не дошло до 6 тысяч (по данным современной переписи). Конечно, коренное население не вымирало. Шорцы переселялись в другие районы страны, становились киргизами, хакасами, тувинцами и, конечно, русскими. Переселенцы привыкали к другим обычаям и забывали свой язык. В Горной Шории на нём говорили только в семьях.

Казалось, он окончательно отомрёт. Но случилось чудо, в начале 1990-х годов наступил неожиданный ренессанс. Появились талантливые писатели, поэты, которые, по мнению литературоведа Геннадия Косточакова, вернули читателю неувядаемый, как выяснилось, аромат шорского поэтического слова, освежили его энергией древнейшей шорской культуры. Это поэты Н. Е. Бельчегешев, Г. В. Косточаков, Т. В. Тудегешева, Л. Н. Арбачакова, Л. И. Чульжанова, прозаики В. П. Борскин, В. А. Байлагашев, вместе с тем вышли из небытия имена тех творцов, что прославили литературу шорского народа, речь идёт о произведениях И. М. Штыгашева, Ф. С. Чиспиякова, С. С. Торбокова и С. С. Тотыша.

Среди имён современных талантливых шорских поэтов Косточаков совершенно справедливо называл Любовь Арбачакову-Тудегешеву.

С детства Люба шорский язык держала в себе, как амулет. «Притрагивалась» к нему при первой же возможности. С сородичами общалась в любой обстановке только на родном. Даже со мной, автором очерка, хорошо зная, что я не говорю на шорском, в разговоре вставляла шорские словечки.

Приходилось напрягать память, чтобы вспомнить, что они означают. Некоторые вспоминал, потому что, когда в моей семье жили дедушка и бабушка, я говорил на родном языке. Отец, который великолепно владел шорским, почему-то не разговаривал с детьми на своём родном. После смерти предков мы, к сожалению, забыли его. Наверное, если можно было хотя бы с месяц пообщаться с Любовью Никитовной, многое бы вспомнилось. Первую книгу поэтессы я получил с дарственной надписью на шорском.

Когда в 1989 году Люба узнала, что в Новокузнецком педагогическом институте открывается шорское отделение, то, не задумываясь, уволилась из лесхоза, уехала на учёбу.

Первые занятия ошеломили студентку. Она обнаружила, что не знает... шорского языка, на котором бегло разговаривала. Ещё раньше, сталкиваясь

с шорцами, живущими в бассейнах рек Томи, Мрассу, Кондомы, удивлялась физическому разнообразию своих сородичей. У одних было монгольское лицо с широкими скулами, узкими глазами, у других – белокурые волосы, голубоватые глаза, как у русских. Третьи походили на казахов. Четвёртые – на рыжебородых скандинавов.

Объяснение получила на лекциях кандидата филологических наук Электрона Фёдоровича Чиспиякова, сына известного в Кузбассе писателя, автора первого шорского романа «В долинах Мрассу». Преподаватель рассказывал студентам, как начиная с III–IV тысячелетий до н. э. захлёстывали южную Сибирь волны пришельцев из Причерноморья, с северо-запада – из-за Урала (Подмосковье, Кама); с юго-запада – из Средней Азии, Ирана, Памира; с северо-востока – с Байкала; с востока – из современной Монголии. В конце I тысячелетия до н. э. здесь появились тюрки – основные предки современных шорцев.

Люба записывала в тетрадку: «В Нижней Мрассу поселились монголы, якуты, тувинцы. В Нижней Кондоме – ханты, манси, удмурты, марийцы. В Верхней Кондоме, Средней Мрассу, Верхней Мрассу – памирцы, узбеки, кавказцы, скандинавы, в Нижней Мрассу – эвенки, нанайцы. В Нижней Мрассу и Нижней Кондоме – казахи, ногайцы».

Род Тудегешевых проживал с незапамятных времён в Верхней Мрассу. Вполне возможно, её прапрадед тысячу лет назад одолел многочисленные горы, перебираясь из Скандинавии в бассейн сибирской реки, где поселился навсегда. Любе от него досталось лицо, рыжие волосы, широкие глаза и точёный носик.

Пришельцы плотно расселялись по территории нынешней Кемеровской области, общались, перенимали обычаи, язык и постепенно создавали единый народ с множеством диалектов. Уже в институте Люба с удивлением выявила, что студенты из разных мест Шории будто говорят на разных языках, с трудом понимая друг друга. Было ещё одно неприятное открытие: она совершенно не знала литературного шорского языка, о существовании которого раньше даже не слышала.

Проводником к новым лингвистическим знаниям стал профессор Андрей Ильич Чудояков. Это был по-своему уникальный человек, который с самых низов пробился к вершинам науки.

«Учитель, пред именем твоим позволь смиренно преклонить колени...» Для Любы Арбачаковой таким Учителем был Андрей Ильич. Он переплавил в себе не только очень большой житейский опыт, но и

знания древней тюркской культуры, в состав которой входила шорская.

Под влиянием профессора Люба увлеклась фольклористикой. Но прежде ей пришлось освоить шорский письменный язык, который был воссоздан талантливым миссионером Иваном Матвеевичем Штыгашевым. Он написал «Шорский букварь для инородцев восточной половины Кузнецкого округа», который издал в 1885 году в Казани. Считается, что с этого года и стал формироваться современный литературный язык шорцев.

Сам Иван Матвеевич написал несколько книг: «Священная история на шорском языке», «Указание пути в царствие небесное на шорском наречии». К ним присовокупил и свою повесть «Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеевича Штыгашева», написанную в жанре жития. По сути, И. М. Штыгашев является шорским Пушкиным.

Освоив литературный язык, Люба стала сочинять стихи. Андрей Ильич создал фольклорную вокальную группу в институте и пригласил девушку на репетицию. Она была очарована. Сам учитель имел красивый голос. Хористы красиво пели народные песни, а также песни, написанные руководителем. Было такое впечатление, что голоса музыкально звучат в горах.

Как-то профессор сочинил песню-вопрос (от юноши) и попросил Любу написать песню-ответ (от девушки). «Для меня это было большой честью! Я писала весь вечер, а утром показала «заказчику». Песня понравилась Андрею Ильичу. Позже она была опубликована в сборнике «Ульгер», – рассказывает Любовь Никитовна.

Учитель подвигнул студентку и к старинному героическому эпосу. Известно, что наиболее крупным и структурно-устойчивым жанром шорского фольклора является *алыптыг ныбак*, или *кай ныбак*, – **богатырское (героическое) сказание**, которое исполняется горловым пением в сопровождении игры на двуструнном музыкальном инструменте *кай-комус*. Сами исполнители часто говорят *ныбақ ысперерге* (буквально «сказку отправить»), *ныбақ салперерге* (буквально «сказку положить»), *кайлап-перерге* (буквально «кайларить»), *шертперерге* (буквально «развязывать»). Эти названия свидетельствуют об отношении народа к сказанию как к чему-то осязаемому, вещественному, одушевлённому, живому.

Язык сказаний очень богатый и развитый. В нём много диалектов, слов тюркских, монгольских наречий, староуйгурских, огузских, кипчакских.

Шорские ныбакчи, рассказывая героические сказания, сами не могут объяснить смысл того или иного слова. Расшифровкой «туманных мест» сказаний и занялась выпускница шорского отделения Новокузнецкого пединститута. В этом ей помогли... шорские шаманы.

Это была «печка», от которой Любе пришлось танцевать. С магнитофоном она исходила по дорогам, таёжным тропам весь юг Горной Шории, начиная от Таштагола, в поисках последних из «могикан», то есть шаманов, о которых много говорили и писали, но которых к 90-м годам прошлого века уже почти не осталось.

Каждое явление человеческой жизни отмирает в старом поколении и оживает в новом. К сожалению, древнее искусство общения человека с духами угасло за годы советской власти. Вообще-то название «шаманы» якутское. В Шории были *камы*, отсюда «камлать», то есть проводить обряд приобщения к духам. Поэтому не будем нарушать старинную национальную традицию. Забудем о шаманах. Поговорим о камах. Так вот, камы при советской власти как представители «мракобесия» стали исчезать. Им запрещали проводить ритуалы, их наказывали, критиковали фельетонами в газетах. Постепенно ритуальная деятельность камов сошла на нет. Дерево, у которого усиленно обрубают ветви, в конце концов засыхает.

Любе удалось невероятное. Она отыскала в глухих таёжных улусах трёх камов, которые владели ритуалами. К её поискам подключились журналисты. Портрет кама Чудекова «Комсомольская правда» напечатала 19 января 2001 года. Седоволосый старец, одетый в мирскую рубаху, тёмные штаны, пытается что-то разглядеть в свитке или в раскрытой газете. Из-за некачественной печати трудно понять, что он изучает. Фамилия в текстовке дополняется словами: «Духи рядом». Жалко, что Люба не объяснила фотокорреспонденту: духи появляются рядом с камом только тогда, когда он находится в состоянии транса и вызывает их. На фотографии обыкновенный пожилой человек сидит и что-то рассматривает, но не камлат. Ритуал требует от кама определённой одежды – шапки из крыльев тёмных сов, зелёного халата, расшитого перьями птиц, бубна, внутри которого привязаны лоскутья разноцветных материй, бубенчики и блестящие железки, сверху нарисованы звёзды, солнце, тайга, лягушки, словом, образы, которые показывают могущество кама, способного подниматься на семь небес и спуститься в нижний мир.

По некоторым верованиям, душа покидает человека задолго до его физической смерти. Тогда «бесхозное» тело заболевает и умирает. Камы умели из подземного мира возвращать души и вдувать их обратно человеку. Оказавшись в своём теле, душа приступает к его «ремонту». Человек выздоравливает. У шорцев камы были врачевателями, духовными наставниками, универсальными помощниками в жизни.

Последние из «могикан» позволили Любе записать свои заклинания на магнитофонную ленту. Расшифровывая их, она поняла тайну колдовских текстов. Оказалось, «тёмные» места состоят из скороговорок. Древние слова «слипались» при камлании. Магнитофон позволял их «растянуть» и прочесть.

Журналистка Лариса Максименко, которая подготовила в «Комсомольской правде» материал почти на целую страницу, под названием «Раскрыта тайна шорских шаманов» посетовала: «Конечно, немного жаль, что туманная пелена над тайной шаманов рассеялась. Кому не хочется хоть немного верить в сказку». Беспредельная наивность! Расшифровать тексты заклинаний – это всё равно что восстановить и прочесть партитуру симфонии. А вот создать Седьмую, например, Бетховена?!

125

Чтобы себя и слушателей ввести в транс, *каму* приходилось устраивать самый настоящий гениальный спектакль протяжённостью в один день и даже неделю. Для этого он пользовался разнообразными «инструментами» – горловым пением, речитативом, танцами, ритмической музыкой, которую сам же исполнял с помощью бубна, колотушки, бубенчиков, металлических пластинок. К сему добавлялся костёр, который дышал дурманящими ароматами особых трав и грибов. Надо владеть немалыми способностями, чтобы всё это привести в захватывающее внимание действие и отправить зрителей в мир духов.

Не случайно *камы* подбирали себе учеников среди ребятишек, наделённых от природы паранормальными талантами, и путём длительного, продуманного, индивидуального обучения поднимали до уровня своей профессии. Кстати, они разглядели в Любе особые способности, признали «своей» и дали ключ к пониманию древних тюркских текстов-сказаний.

Совместно с новосибирскими музыковедами она стала проводить в районах Северной и Южной Шории регулярную работу по аудио- и видеофиксации различных жанров фольклора. Сказания были записаны от трёх кайчи: А. П. Напазакова

(1937–2004), А. В. Рыжкина (1924–2005), В. Е. Таннагашева (1934–2007). Было зафиксировано в общей сложности 32 героических сказания объёмом от 1 до 4 тыс. стихотворных строф. Наиболее интересные записи вошли в текст тома «Фольклор шорцев». По результатам своих исследований Любовь Никитовна написала монографию, которая стала основной для кандидатской диссертации. Успешно защитилась, стала кандидатом филологических наук, старшим научным сотрудником института филологии СО РАН (Новосибирск), доцентом.

Андрей Ильич Чудояков умер на взлёте своей научной славы. В 1993 году выступил с большим докладом на Первой международной конференции «Традиционные культуры и среда обитания». На следующий год его не стало. Для учеников это была большая потеря.

*Великий учитель, ты ушёл,
Нас одних на свете оставил.
Кто теперь, у реки присев,
О душе Томи нам расскажет?
Кто теперь боль отчизны поймёт?
Кто вместе с нами, твоими детьми,
О прошлом, волнуясь, споёт?*

*Кто теперь вопросы мои
Вернёт мне, как прежде, ответом?
Потеряв великого сына,
Плачет Томь, плачет шорский народ.
Спи спокойно, великий Учитель!
Не умолкнет песня твоей Томи,
Не прервётся тобой проторённый путь!*

Сейчас открываются новые страницы жизни Любви Арбачаковой. Она окончательно возвращается на путь своего Учителя – становится преподавателем на шорском отделении Новокузнецкой государственной педагогической академии. Теперь уже факел знаний, зажжённый Андреем Ильичом, она готова передать ученикам, которые понесут его в народ, сохраняя и укрепляя экологию языка, а значит, сберегая шорцев.

Я спросил Любовь Никитовну, о чём она мечтает. Получил ответ: «Мечтаю уехать в Кабырзу, где мы строим себе дом – наше последнее пристанище. Мечтаю опубликовать собранный фольклорный материал. Сказаний только больше тридцати. Мечтаю написать новые картины, стихи. Хотелось бы опубликовать свои рассказы. Мечтаю обрести душевное спокойствие. Иногда хочется ещё чего-то, например, камлать! Словом, пока живу, мечтаю».

Людмила ИВАНОВА

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ ШАБАЛИН: ЖИЗНЬ КАК ПОДВИГ

В 2017 году исполняется 80 лет со дня рождения моего отца Владимира Михайловича Шабалина, выдающегося кузбасского учёного-краеоведа, историка Великой Отечественной войны, филолога, топонимиста, этнографа, поэта. Его многосторонняя, подвижническая деятельность ещё при его жизни снискала огромный интерес и уважение со стороны людей, равнодушных к истории своей земли, к великому русскому языку. После его смерти в 2003 году оказалось, что его научное наследие имеет огромный духовный потенциал и не подлежит забвению. Власть Прокопьевского района, общественность нашего края делают очень многое, чтобы увековечить память моего отца. В районе издаются его работы, в 2005 году вышел сборник биографических материалов из серии «Краеведы Прокопьевского района». В том же году сельской библиотеке посёлка Каменный Ключ, в котором прошла большая часть его жизни, присвоено его имя. В этой библиотеке организован музей Владимира Михайловича, в котором представлены экспонаты (книги, вещи), принадлежавшие ему при жизни и имевшие отношение к его творчеству. Также работники музея Валентина Ивановна Чумак и Лариса Фёдоровна Ганихина много лет собирают всевозможные материалы, касающиеся жизни и творчества Владимира Михайловича Шабалина, в музей-библиотеке можно найти практически всё, над чем он когда-либо работал. После смерти отца его вдову, мою маму Римму Петровну, не забывала администрация города, районный отдел культуры, краеведческий музей Прокопьевска. Римме Петровне подарили компьютер, всегда поздравляли её с праздниками, делали подарки, к ней приходили в гости ученики школ Прокопьевска, к ней заезжали, чтобы сделать телесюжет в новостях.

Свою не очень долгую трудную жизнь мой отец прожил как настоящий учёный, как истинный рос-

сийский интеллигент, вкладывая все свои душевные силы в исследовательское дело, не требуя (и не получая) ничего взамен. Он не имел научных званий, особенных наград и гонораров. Его главной наградой была Истина, его поддерживали уважение, авторитет и признание среди равнодушных людей. Он был патриотом в полном смысле этого слова. Таких людей забыть невозможно.

Владимир Михайлович Шабалин родился в селе Кузедеево под Новокузнецком (тогда Сталинском) 1 августа 1937 года. Детство его прошло сначала в Байдаевке, потом в Абашево Орджоникидзевского района города, где он окончил школу № 30. Рос он в тяжёлых условиях военного и послевоенного лихолетья, тем более что растила его мать одна. Отец его, Михаил Николаевич Шабалин, с семьёй жить не стал, от материальной помощи мать, Евгения Николаевна Комарова, отказалась. Постоянно голодный мальчишка стоял в страшных, длинных очередях за хлебом, из которых его порой выталкивали. С нетерпением ждал весны – шёл в лес за колбой, потом за ягодами и грибами, продавал всё это со своими друзьями. Яблоки и конфеты он увидел впервые лет в шестнадцать...

Несмотря на недоедание, отсутствие приличной одежды и обуви, учился он хорошо, обладал великолепной памятью, в старших классах заинтересовался философией, например, прочёл книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

В. М. Шабалин

Неудивительно, что в 1955 году он без особых трудностей поступил в педагогический институт города Сталинска и окончил его в 1960 году. Он мог поступить в аспирантуру, его звали работать даже артистом в городской театр, но он уехал работать учителем в Тувинскую АССР. Сюда же по распределению попала выпускница Куйбышевского педагогического института Римма Петровна Сапожникова, родом из Куйбышева (ныне Самара). Они создали семью, работали в средней школе села Тээли Бай-Тайгинского района учителями русского языка и литературы. В 1961 году у них родилась дочь Людмила, то есть я...

В Туве Владимир Михайлович начинает интересоваться вопросами филологии, публикует в научном сборнике статью об особенностях фонетики тувинского языка. Но было и другое: отец не мог равнодушно смотреть, как простых, бесхитростных тружеников-тувинцев обманывает высокое и не очень высокое начальство, живущее по законам феодалного байства, ужесточённым ленинско-сталинскими порядками. Он пытается сигнализировать наверх о махровом воровстве, махинациях со скотом и попадает под надзор КГБ.

В последние годы жизни отец рассказал нам с братом то, о чём очень долго молчал. Ему дали понять, что Туву лучше покинуть, ходили за ним по пятам, перлюстрировали письма. Он сумел обмануть КГБ (!), сделав вид, что собирается с семьёй уехать аж в Норильск или даже в Петропавловск-Камчатский, туда посланы были запросы и чуть ли не оформлены документы.

Некоторое время они с моей мамой и со мной живут в Абашево. И – совершенно неожиданно для надзирающих органов – он едет с семьёй в посёлок Верх-Егос Прокопьевского района. Здесь в 1964 году родился сын Виктор.

Через год Владимир Михайлович уезжает в станционный посёлок Каменный Ключ, где уже обосновывается надолго. Вскоре его назначают директором Каменноключевской средней школы. Он всегда «возмутитель спокойствия». Маленькую деревянную школу много лет достраивает, перестраивает, переоборудует, монтирует систему водяного отопления и так далее. Нелёгкая доля директора сельской школы – постоянные поездки (автобусного сообщения и школьного транспорта тогда не было, только ночные поезда!), бесконечные хозяйственные заботы, вечное противостояние с начальством, которое его не любило никогда.

Он начинает огромную краеведческую работу, исследует свой край, ходит с детьми в походы, расспрашивает старожилов, ветеранов войны. Результаты исследований, поначалу узкого, местного масштаба, публикует в районной прессе. Вскоре определяется его основной на тот момент научный интерес – участие кузбассовцев в битвах Великой Отечественной войны. Шабалин организует школьный клуб «Поиск», привлекая детей к розыску по стране ветеранов войны, начинает огромную переписку с этими людьми, просит через прессу откликнуться тех, кто воевал в каком-либо конкретном соединении, принимал участие в боевых действиях, ищет адреса людей, о которых точно знает, что они выжили.

Бесконечные часы отец проводит за печатной машинкой. На столе, на полу около стола, на полках громоздятся груды книг, записок, черновиков... Он проводит встречи с ветеранами, местными и приглашёнными из других мест. Ездит в другие города, чтобы работать в архивах. Везёт делегацию учеников на слёт ветеранов 32-й Кузбасской стрелковой дивизии в Саратов.

Долго и тяжело создается книга «Сибиряки на поле Бородинском», объединившая темы сибиряков, участников Отечественной войны 1812 года, и сибиряков, принявших в 1941 году

Р. П. Шабалина и В. М. Шабалин

бой на Бородинском поле с фашистами (этот труд, к сожалению, не увидел свет при жизни отца, областные власти не сочли книгу директора сельской школы достойной опубликования). Но Шабалина интересуют и другие направления истории войны – кузбассовцы и Сталинград, кузбассовцы и военные действия под Ленинградом, кузбассовцы и освобождение Восточной Европы. Он выходит на областной литературный альманах «Огни Кузбасса» и публикует там несколько статей военной тематики. Пишет знаменитое и донельзя пронзительное стихотворение «Иганино», в котором повествует о маленькой деревне, в которую после войны из трёхсот мужчин вернулся только один – инвалидом... Он создаёт поэму о Бородинском поле 1941 года.

С исследованием о сталинградцах Кузбасса связана страшноватая история, свет на которую, опять-таки через много лет, пролила Антонина Михайловна Архипцева, в 1970-е годы – школьная секретарша. Рукопись, которую Антонина по просьбе Владимира Михайловича распечатала в нескольких экземплярах, он послал на ознакомление в некую редакцию в Кемерово, какую, к сожалению, уже не установить. Пришедший вскоре ответ был ужасен (этим Владимир Михайлович поделился не с семьёй, а только с Антониной). Оказывается, автор данной работы преступно исказил историю войны и достоин всяческих кар. Отец просто испугался, не за себя, а за семью, ведь там были реальные угрозы!

А в чём же, собственно, состоит искажение войны в «Сталинградцах Кузбасса»? Владимир Михайлович ничего не придумывал, не притягивал за уши. Он писал правду – ту, которую обнаруживал в письмах участников войны. Правда была страшной – о колоссальных потерях, о жутких условиях, в которых люди воевали, честно и самоотверженно, не щадя здоровья и жизни. Принятый тогда диктуемый идеологией тон во всём, что касалось истории войны, был другой – пафосно-крикливый, натянуто-бодрый, а в итоге – откровенно лживый. Какие-то потери, разве они имеют значение? В общем, не только о публикации думать не стоило, но следовало ожидать неприятностей. От чего уехал когда-то из Тувы Владимир Михайлович, к тому же через много лет и пришёл... Всё это происходило в 1977 году.

В начале 1978 года сгорает средняя школа, на переустройство которой ушло столько сил и времени. Действительно ли она сгорела по нерадивости работников? (Владимир Михайлович был в это время в долгосрочной командировке, на курсах. При нём школа сгореть не могла бы, я думаю, он этого

не допустил бы никогда, он и ночами школу обходил, следил за работой кочегаров.) Факт, что никого не наказали, выговор получил лишь Владимир Михайлович, вернувшийся домой аккурат в ночь пожара, – выговор за несоблюдение каких-то там правил (ложь – всё он соблюдал, он был отличным хозяйственником). Факт, что незамедлительно, оперативно организовав школьные занятия в старых деревянных помещениях бывшей больницы, Владимир Михайлович развивает неуёмную деятельность, пытаясь заставить районное и областное начальство срочно приступить к постройке новой школы. Убедившись, что это невозможно, пишет в Москву и доходит буквально до самого Брежнева. Факт, что школу заставили строить. Факт, что всех этих хлопот всяческое начальство ему не простило и, дав построить и оборудовать школу, с шумом и треском сняло его с должности в 1985 году – за отсутствие надлежащего *внутришкольного* контроля; в то время как он неделями мотался по области, доставляя в школу оборудование и необходимые материалы! Факт, что новый директор, предварительно подготовив своё «воцарение» и сговорившись заранее с районными и областными властями, потребовал вышвырнуть отца из школы и даже из Каменного Ключа. Все эти факты складываются в страшную, грязную историю, которую я лично никогда не забуду и не прощу ни советской власти в целом, ни господам, лично к ней причастным, чьи фамилии я помню до сих пор все до одной.

Многочисленные комиссии пытались найти следы финансовых злоупотреблений, которых на большой стройке вроде бы не могло не быть. Неизвестно кем вдохновлённые бандитствующие юнцы били окна в квартире Владимира Михайловича, зарядом дробы расщепили дверь в сених, громили огород. Пару месяцев ему пришлось ходить на уроки бесплатно – зарплата почему-то ему не шла. Одновременно пытались организовать увольнение Риммы Петровны по результатам профессиональной аттестации; все самые плохие характеристики были написаны и подписаны. Не вышло, ничего не вышло! Комиссии вернулись в Кемерово несолоно хлебавши: ни одной чужой копейки Владимир Михайлович в жизни не присвоил. Хулиганов посадили в тюрьму, правда, за другие преступления (главную роль в банде играли, конечно же, чисто случайно... два сына нового директора Каменноключевской средней школы!). Учителя, состоявшие в комиссии по аттестации, подали голоса за Римму Петровну; они просто были порядочные люди и всё поняли. Владимир Михайлович стал работать рядовым учителем.

лем истории, и сколько же у него стало свободного времени, чтобы исследовать, изучать, писать! А школа, трёхэтажная, кирпичная, прекрасная, как многомачтовый корабль, вознеслась над посёлком. Кто знает, если бы не она и не Владимир Михайлович, может, и не было бы уже посёлка-станции Каменный Ключ...

Во второй половине 1980-х годов научные интересы Владимира Михайловича сосредотачиваются на вопросах топонимики. Он продолжает создавать материалы о происхождении и истории населённых пунктов Кузбасса, но всё больше углубляется в вопросы происхождения названий сёл, городов и рек, а потом даже и улиц. Он пишет ни много ни мало книгу по топонимике края «Тайны имён земли Кузнецкой», и эту книгу издаёт Кемеровское книжное издательство. Это фундаментальное исследование имеет до сих пор, да и, думаю, никогда не потеряет огромную научную ценность и является настольной книгой для географов Кузбасса и для всех, кто интересуется своей историей, географией и языком. Он занимается происхождением названий улиц городов и сёл Кузбасса, историей телеутов, создал труд «Замок с секретом» о фамилиях людей, населяющих территорию Каменноключевского сельского поселения.

В конце 1990-х годов он сдружился с владельцем газеты «Шахтёрский край» Анатолием Ивановичем Мельниченко, и с тех пор в этой газете публикуется огромное количество статей Шабалина как на тему топонимики, так и по истории сёл района и других. Эти публикации продолжались долго – и после смерти Владимира Михайловича (их продолжала готовить Римма Петровна), и после смерти Мельниченко, вплоть до окончательной гибели газеты. (Вообще газетных публикаций, статей на самые разные темы за свою жизнь он напечатал в прессе столько, что сие буквально не поддаётся исчислению.)

В последний год жизни Владимир Михайлович становится интересен новокузнецкой газете «Губернские новости», печатается в ней. В 2002 году губернатор А. Г. Тулеев вручил Владимиру Михайловичу свидетельство победителя районного конкурса «Педагогические таланты Кузбасса» и премию в 10 тысяч рублей за комплекс работ «Твоя улица, кузбассовец». В том же году Владимир Михайлович принимает активное участие в историко-краеведческой экспедиции «Малая родина» по сёлам Прокопьевского района. Мечтал Владимир Михайлович о создании «Словаря происхождения фамилий жителей Кемеровской области», «Топонимического сло-

варя азиатской России», хотел всё-таки напечатать в областном издательстве (перестройка же!) «Сталинградцев Кузбасса» и «Сибириков на поле Бородинском». Смерть отца в 2003 году скорректировала эти планы.

В 2005 году власти района вынесли решение об организации в сельской библиотеке музея В. М. Шабалина и о присвоении библиотеке его имени. В том же году по решению городских властей Прокопьевска на доме № 29 проспекта Ленина, где он провёл последние месяцы жизни, вывешена мемориальная доска.

Лучше всего о жизни отца сказал в стихах мой брат Виктор.

*Идеей одержим проникнуть в тайну слова,
за письменным столом творит свой
адский труд,
везёт свой воз, и не одна подкова
изломана о каменистый путь.
А за окном ненастная погода,
меняются знамена и гербы.
Радетели за счастье народа
в безумных клятвах разбивают лбы.
А здесь всё так же: свет настольной лампы,
и тысячи исписанных страниц,
и груды книг, как мощные атланты,
поддерживают трепетную мысль.
И вот в руках заветная синица,
от типографской краски чуть горька.
Здесь жизнью дышит каждая страница.
А журавлям оставим облака.*

В. М. Шабалин с сыном Виктором

Валерий ПЛЮЩЕВ

КНИЖНАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Эссе

До сих пор вижу книжные сны. Книги, самые разнообразные и сказочно-прекрасные, являются ко мне, спящему, в самом причудливом окружении. Фрейд бы непременно определил: «Влечение...» Вот только к чему «влечение»: к смерти или жизни? Ведь австриец-психоаналитик прежде всего сексуальные влечения определял «жизненными», всё остальные – туда, в потусторонний мир, к неорганическому естеству материи.

Отодвинем психологические экзерсисы в сторону, иначе мозги сломаются. Иосиф Бродский в своей Нобелевской лекции не обошёл «книжную» тему. «В истории нашего вида, в истории «сапиенса» книга – феномен антропологический, – заявил поэт-нобелат, – аналогичный по сути изобретению колеса. Возникшая для того, чтобы дать нам представление не столько о наших истоках, сколько о том, на что «сапиенс» этот способен, книга является средством перемещения в пространстве опыта со скоростью переворачиваемой страницы...» Он и ещё много чего сказал «на тему», как и многие иные знаменитости отметились «по поводу» и «вокруг» книги.

Книги славили и жгли, обожествляли и растаптывали.

Общее место, что книга, её форма и содержание меняются. Напечатанное, несмотря на стелания, никуда не исчезает, пишущих становится всё больше с утверждением по городам и весям его величества интернета. Форма видоизменяется до совсем иной, точнее – формы бытования, но книга не умирает, наоборот, расширяет ареал обитания. При этом человек также значительно изменяется, как это уже происходило, когда в прошлом появлялась новая форма книги – не случайно возникновение современной книги-кодекса определяется как Гуттенбергова революция. Самая настоящая революция, изменившая внутренний мир человека, а значит, и мир внешний.

Но я болею за своё время, ушедший в историю XX век, в котором книга торжествовала в нашей стране – торжество книжное было полным и, казалось,

окончательным. А как поднимали буквально до неба её создателей – писателей! Вот почему многие из этих небожителей сегодня никак не могут ужиться с низвержением с такого прельстительного Олимпа.

Книга совсем недавно считалась драгоценностью и духовной, и материальной, предметом вожделения, в отличие от сегодняшнего магазинного товара, который лежит на полках и раскупается очень плохо. Да что говорить, если, по статистике, количество книжных магазинов уменьшилось в стране примерно в десять раз.

Однако и в эпоху книжного царения были периоды взрывообразного спроса на неё – мели почти всё выходившее из-под печатных машин, сменявшиеся относительно спокойными временами, когда можно было в магазине просто купить труд известного писателя, чтобы, прочитав, поставить на домашнюю полку.

Хорошо помню, как, приехав после института на работу в Кемерово (какие уж тут деньги у молодого специалиста, семейного и с грудным ребёнком!), любил заходить в книжные магазины, разглядывать, что-то подчитывать, наскоро перелистывая страницы, поддержать в руках букинистические томики, дешёвенькое иногда прикупить.

До сих пор вспоминается приобретение трёхтомника Писемского в чёрных переплетах за 60 копеек того времени! По 20 копеек за объёмистый твёрдообложечный том! А рядом на полках букинистического в Кировском районе (да-да, был в ныне спальной городской части букинистический магазин и два вполне приличных книжных, да плюс киоски с книжной продукцией в больших магазинах процветали; я быстро сошёлся с одним из продавцов-книжечеев, перекидывался непременно в каждую из встреч несколькими словами о прочитанном, о новинках, о новых приобретениях – всегда было о чём поговорить) – тридцатитомник Чарльза Дикенса по 15–20 копеек за том и много-много собраний сочинений в полном виде и «вроссыпь» за самые «смешные» деньги.

Советская власть не стояла в стороне, делала многое, как это тогда называли, по пропаганде книги. И общество книголюбское многомиллионное (как это всегда было в те времена) организовала. И добила-таки своего: спрос взорвался, книги выменивали, доставали по блату, переплачивали против обозначенной цены во много раз.

Помню свою дружбу со светлой памятью Юрием Григорьевичем Варнаковым – колоритной личностью, университетским преподавателем, американистом, много знавшим и повидавшим. Многие бывшие студенты, конечно, вспоминают его добрым словом, удивляются, что он мог запросто

прочитать лекцию на английском языке. Человек легендарной судьбы, о которой, может, когда-нибудь расскажу, он на занятия почти всегда приносил стопку книг, из которых по ходу изложения материала, зачитывал цитаты, интересные примеры и тем самым рекламировал важные и полезные для ума книжки. У него был свой круг, в который я был вхож, многие стремились к нему домой – обменяться книгами. ...Собрание погибло после его смерти – растворилось, распалось, исчезло.

А помните, как приняли решение разыгрывать собрания сочинений, чтобы по справедливости всё было. В клубах, ДК начали в выходные крутить барабаны, на манер казино: выигравшие счастливики оформляли многотомники. А как буквально тащили плохих родственников-пенсионеров, чтобы повысить вероятность выигрыша! Многие наследники эти собрания сочинений сегодня не знают куда девать, все, наверное, помногу раз видели эту продукцию на свалках, у мусорных баков или прямо в них – это делают самые радикальные из детей и внуков книголюбов советской поры.

О самых разнообразных книжных историях могу рассказать, остановлюсь на одной из многих. В Кемерове умер известный человек, профессиональный музыкант, которого я хорошо знал и у которого, как у любого интеллигента последних десятилетий советской поры, была домашняя библиотека. Интересное и объёмное собрание общегуманитарного направления, с очень большой подборкой музыкальной литературы, вполне приличного раздела поэзии, да и живопись в любопытных образцах была совсем неплохо представлена, не говорю о литературной классике и философии. И, пожалуй, самый многочисленный раздел – эзотерика (это уже перестроечное и постперестроечное увлечение ушедшего несколько лет назад из жизни хозяина).

Сын приехал из-за границы, а мне позвонили знакомые библиотекари: не желаю ли что-то приобрести, так как библиотека распродаётся. Не составило труда связаться с наследником, и вот я разглядываю книжные сокровища своего давнишнего знакомого, с которым мы частенько встречались в книжных магазинах, на улице беседовали о книгах и «за жизнь». Сразу видно, несмотря на обилие библиотечных книжек, что человек в основном приобретал книги в нашем областном центре – книжный дефицит последних десятилетий легко узнаваем, многие из томов я тоже разыскивал и приобретал, часто с немалыми трудностями.

По советским временам цены бы не было подобному собранию интеллектуала. По временам нынешним – нереализуемая библиотека; не знаю

никого, кто бы готов был взять всё оптом даже за символическую цену.

Вот не так давно умер мой коллега по газете «Кузбасс» – книголюб, собиратель, для которого в жизни, казалось, были важны одни книги, за редким, может быть, исключением. Часть книг забрали друзья, которые были рядом в его последние дни – так хозяин распорядился. Остальное в его квартире в общежитии заварили сваркой (дверь железная), пока не нашли нового жильца. И куда потом книги?.. А ведь не доедал, тратился, разыскивал... Один из его друзей мне позднее рассказал: «Соседка через стенку проковырялась в его комнату. И книг там не стало. Куда дела всё, не говорит, но жилплощадь освоила». Вот вам ещё одна печальная судьба личной библиотеки.

Но вернёмся к библиотеке музыканта-кемеровчанина. Пару сотен книжек, из которых добрая половина – брошюры, сборнички поэзии, тощие перестроечные книжонки, сильно смахивающие на самиздат, – это мои приобретения.

А сын уехал в свой новый заокеанский дом к семье. Прошёл год с небольшим. Однажды иду к трамваю мимо бывшего книжного – сегодня там аптека, продукты питания и прочая потребительская белиберда – и вспоминаю приятеля, его библиотеку и сына. И так ярко представил образ последнего, а он возьми и нарисуйся перед глазами: идёт, углублённый в себя, навстречу. Я, ошеломлённый внезапно въевшейся мыслью, застыл. А он прошёл. И уходит, уходит от меня. Разворачиваюсь, сбрасывая морок, догоняю, окликаю по имени. Останавливается, всматривается сквозь очки. Вижу – узнаёт, заулыбался. Обменялись приветствиями и рукопожатиями, зовёт в квартиру. Договариваемся о времени. (Такой жизненный сюжет может приключиться только в беспредельно «книжной» жизни).

И вот вновь библиотека передо мной. Что-то выбираю себе (мои посещения были до самого отъезда сына моего приятеля), что-то пристраиваю знакомым. Отдаёт, скажем так, задаром. Звоню в областную библиотеку, люди пришли, отобрали нужное, но вывезти у них как-то не случилось. Квартира была реализована, много книг осталось на усмотрение нового хозяина, который делал ремонт, я позднее видел неторопливость ремонтных работ, иногда проходя мимо окон.

Конечно, были разговоры с «американским сыном» на самые разные темы. Кое-что он выбрал для пересылки к себе в зарубежье, обращался за помощью, чтобы я ему объяснил, что стоит взять, а что оставить. На мусорку выбрасывать книги у него рука

не поднялась. Что сделал с многими томами новый собственник квартиры, даже не хочу интересоваться. Но не стало ещё одной приличной по составу личной библиотеки в нашем областном центре.

Кстати, мне тут днями рассказали: появились ушлые люди, которые объявляют о том, что примут книги. Люди, чтобы не выбрасывать, несут. А те сдают, не глядя, в макулатуру: тонна бумаги стоит вроде 900 с лишним рублей. И это ведь книги погибают, дай таким возможность, целую книжную вселенную сожмут до точки...

Но не всё так грустно. Во-первых, на смену печатному листу идёт лист электронный. Проанализировал как-то: а сколько я стал читать электронных книг? Результат подсчёта ошеломил: далеко за 50 процентов от прочитанных книг – это «электроника», те самые e-books. Но и бумажная книга никуда не делась, читаю регулярно, как привык за многие годы, пишу о писателях и книгах – всё, как и ранее. Думаю, электронная книга будет сосуществовать с бумажной ещё длительный исторический период.

А тем временем меняется человек, как он всегда менялся вместе с изменением носителя художественной информации – книгой. Об этом есть серьёзные научные исследования, где очень аргументированно доказывается, что книжный материал, изменяясь от клинописной таблички к папирусу и книжному свитку, затем к бумаге и привычной книге-кодексу, сопровождался изменениями человеческой психологии, поведения да изменениями всей сущности человека, что тянуло за собой уже общественные изменения.

Но сильно тревожит снижение массы читающих книгу людей. Может, это и есть причина общественной рутинности, проявляемой сплошь и рядом. Данные социологических опросов по поводу чтения не для слабонервных. «Невежество, одичание!» – кричат наиболее чувствительные сограждане. Удивительно, что полезли на свет «запретители» всех мастей. Сейчас они усиленно «чищают» интернет от бесплатных библиотек. Ну и чего добьются? Какую-то часть людей, которые хотя бы через электронные гаджеты могут ознакомиться с безбрежным миром книги, отлучат-оттолкнут от этого океана мысли и образного мышления вообще. Тогда зачем орать: «Не читают!»? Ведь этой своей «заботой» сужаете читательский круг. Я сторонник бесплатного интернета, хотя понимаю, что платить по тарифу интернет-фирме, которая отвечает за подключение вашего жилища к всемирной паутине, необходимо. Но произведения литературы должны выкладываться бесплатно для потребителя, как в общественной библиотеке. Какая-то часть творцов и в большей степени их бес-

плодных в творческом плане наследников стеной встанет против такой моей позиции. Их право.

Недавно удалось узнать об исследовании учёных Оксфордского университета; если несколько приземлить их результаты до простых понятий – только читающий человек нагружает полушарие головного мозга, отвечающее за эмоциональное развитие, выстраивает образы, и чем плодотворнее такое чтение, тем большее развитие получает homo sapiens. Оглянитесь вокруг: чем более начитан кто-то из наших знакомых, тем более он успешен в жизни да и счастлив. Исключения, конечно, есть, но они единичны. Французский писатель Паскаль Мерсье в занимательном романе «Ночной поезд до Лиссабона» сказал: «Есть «люди читающие» и «другие». К какой из категорий относится человек, видно сразу. И нет большего различия между людьми, чем это».

Сегодня многие потянулись к творчеству. Другая, посмотрите, сколько появилось в «сети» самостоятельных произведений. И дело будет идти только к их количественному увеличению. С чего начиналось, к тому вернулось: вряд ли в первобытном обществе создатели наскальных образов требовали от соплеменников бесплатной кормёжки, неучастия в охоте, если ты рисуешь на стенке зверей и людей. К этому и приходим: каждый в недалёкой перспективе может стать творцом. Над этими мыслями можно пополюемизировать, но логика побуждает к вышеприведённым прогнозам. Однако твёрдо стою на своём: из-за жадности и недалёковидности некоторых, жаждущих срубить копейку именно сегодня, может подломиться культурный сук, на котором и они сидят, а самое главное, и все мы гнездимся.

...Каким станет новый человек компьютерной и посткомпьютерной эры? Теперь заговорили, что всё больше появляется гениальных детей, целое поколение уже навеличивают высоким стилем как «детей индиго», а то говорят о «люденах». Вот у них уже углядели, оказывается, клиповое мышление, передачу мыслей себе подобным и иные отличия. Думаю, человеческое общество изменится сильно и непредсказуемо для нас, нынешних, да уже меняется, посмотрите на молодёжь – она иная, лучше или хуже, не обсуждаю, ибо мы носители старых штампов и оценок «времен Очакова».

Жаль, что плоды появятся уже не при нас...

Однако надеюсь, – и страна и соотечественники будут жить, в конце концов, счастливо и радостно. Пусть даже не при нас и наших детях. И слово (помните: «Вначале было Слово...») останется, куда же люди денутся без него, никак нельзя без книги и без чтения, века истории не обходились и в будущем не обойдутся...

Вячеслав ЛЮТЫЙ

НЕДОРАЗУМЕНИЕ 2017 ГОДА

По поводу статьи Г. Селина «Загадка 2037 года» и одноимённой книги

И всё это с сладострастной злобой праведника на опечаливших господа людишек...

Леонид Леонов. Русский лес

В 2009 году **Диана Кан** написала мне, что в июньские Пушкинские дни в Самаре, на чтениях, посвящённых жизни и творчеству нашего поэта, прозвучала речь православного священника, в прошлом обретавшегося на кафедре научного коммунизма или истории КПСС. Главной идеей его наставления была следующая мысль: **Пушкин** греховен – по жизни и по стихам; учителем сегодняшнему русскому человеку он быть не может; вместо отечественной литературы необходимо читать сочинения святых отцов.

Сказал – ну и ладно... Мало ли теперь идиотов, проникшихся даже самыми лучшими доктринами. Но конформистское прошлое оратора оскорбляло ум, бросало тень на православную духовность и пренебрежительно отвергало интеллектуальный, эмоциональный и сердечный опыт русской классической литературы. Я начал писать письмо Диане и хотел кратко высказаться по возмущившему меня поводу, но понял, что письмо не та форма, которая тут нужна. Так появилась небольшая статья-эссе под названием «**Пушкин и церковная ограда**». Этот текст отличается достаточно увещательным тоном по отношению к географически далёкому автору, поскольку меня интересовало в первую очередь восприятие современным читателем упомянутых сентенций. Потому и форма реплики вполне сдержанная. Привожу своё давнее рассуждение целиком, ввиду его малого объёма.

«Всякий пишущий знает, что сочинения писателя и его жизнь – вещи, которые можно совместить лишь отчасти. Известно высказывание **Чехова** о том, что ему не интересно приватное житейско-бытие автора – достаточно самого произведения, дабы полюбить его или со скукой отложить, а то и отринуть.

В христианстве непререкаемо правило: ненавидь грех, но люби человека. То есть отделяй прегрешение от его носителя, поскольку Дух Божий дышит, где хочет, и злодей впоследствии вполне может стать подвижником или мучеником за веру Христову.

Мы чтим Пушкина за его творения, которые выжили русского человека как никакие другие. И сопереживаем бытовой жизни поэта, в которой находим и множество высоких примеров поведения. Наша любовь соединяет пушкинскую поэзию с пушкинской честью и достоинством в некий творческий акт – единый и именной. Мы всем сердцем впитываем его важнейшие черты и приметы. Постепенно они преобразуются в нашем сознании в образ сложной судьбы, которая, в свою очередь, подсказывает нам, как поступить в том или ином случае.

Так в чём же грешен поэт? В женолюбии, в богоульствах, в питии вина, в гордыне. По-человечески это понятно. Однако если кто-то следует за Пушкиным шаг в шаг исключительно по такой тропе, то перед нами – человек неумный. Невозможно представить, чтобы он отличался теми же драгоценными достоинствами, которые от имени Пушкина совершенно неотделимы. Это – дружество, неспособность предавать, храбрость, самозабвенная любовь, склонность защищать бедного или уязвимого, сострадательность и милосердие, чистосердечное желание помочь тому, кто в этом крайне нуждается по изначальной доле своей...

С сожалением и сочувствием мы относимся к христианским слабостям Пушкина – слабостям сильного и вдохновенного русского человека. Поскольку Александр Сергеевич Пушкин превосходит в нашем понимании Ивана Петровича и Николая Антоновича, Сидоркина и Пирожкова, инженера и чиновника, рабочего и продавца...

В Пушкине есть кристалл характера, того самого, о котором говорил **Гоголь**, заглядывая на двести лет вперёд.

И вот теперь иной священник, возвышая голос, вдруг обращается к слушателям даже не с амвона, а со светской трибуны и безо всяких оговорок призывает их отвернуться от нашего национального поэта как от фигуры греховной, противоречащей Христовым заповедям. Проповедник лукаво соединяет поэзию и автора в одно предосудительное, притенённое литературное целое, а грешника и его грех считает порождением князя мира сего, забывая о безмерной любви Спасителя к слабому и мятущемуся земному человеку.

Не желая разбираться в сложном и неоднозначном, самоуверенный клирик пытается перевести наш тернистый путь, извилистый и непоследовательный, на движение по удобным «трамвайным рельсам» – когда ясны дорожные правила, видна очередная остановка, отчётлив сигнал светофора.

В подобных речах заметно тщеславие церковного чиновника, который жаждет собственной власти и почёта.

Сколько нам известно старцев-простецов, чьи слова полны ласки и участия! Принимая их наставления, совсем не думаешь о том, во что облачён говорящий. Зримое отходит на второй план, и ты весь превращаешься в сердечный слух и душевное переживание.

Не то в случае, который стоит перед глазами, смущает твой дух, заставляя неловко отвести взгляд от оратора. Пусть же он снимет рясу и скажет ровно то же самое, не отстраняясь от своей паствы посредством «мундира», пусть попытается взять в руки твоё робкое сердце, запутавшееся в паутине мирского...

Но нет, не происходит этого. И ты понимаешь, что искуситель – везде, священник – такой же человек, что и ты сам, а Христос может посетить любое сердце. Первые станут последними, и последние станут первыми, нет привычной очереди, ибо всё – по милости Божией, а вовсе не по заслугам и тем более – не по чину.

И будут лежать на твоём столе книги, не спорящие одна с другой: дневники батюшки Иоанна, чудотворца кронштадтского, и стихи Пушкина Александра Сергеевича – прощёного грешника, солнца русской поэзии...»

И вот спустя почти десятилетие разговор о Пушкине и православии съезжает в прежнюю колею. Как будто нет в нашем историко-философском обиходе многих работ на эту тему, и одна из главных – работа **Ивана Ильина**, в которой Пушкин предстаёт как духовный воин. Заметим, воин – не праведник, а человек, восставший против несправедливости, посягательства на самое родное и дорогое, против попрания любви и милосердия – на защиту семьи и дома, отчей земли и завета предков, свободы дышать и славить Бога так, как позволяет ему сердце и его язык, купающийся в русской речи. В духовном пространстве – это борец за самые высокие правила существования человека в земной доли. Воин может быть грешен и непоследователен, но в минуту, которая решает судьбу завтрашнего дня, он принимает единственно верное

решение: **Александр Матросов** закрывает собой пулемётное гнездо, **Зоя Космодемьянская** идёт на виселицу, не предав товарищей, **Николай Гастелло** бросает свой горящий самолёт на скопление вражеской техники. Чума на голову того, кто посмеет упрекнуть этих людей в духовно-нравственном несовершенстве. Пожалуй, такое по плечу и по характеру субъектам без биографии, с анемичной судьбой и непомерной гордыней.

Православный клирик, сетующий на греховность советских людей, отчего-то забывает, что они отбили наступление тьмы и сохранили саму возможность дальнейшего совершенствования русского человека, его последующее обращение к своим корням, истории, религии и святыням. Такой кликуша отличается крайней неблагодарностью по отношению к предшествующим поколениям, расчётливо выхватывая цитаты из Евангелия и примеры из адаптированных для моментального усвоения исторических хроник.

Начётничество и высокомерие пронизывают статью священника **Георгия Селина** «Загадка 2037 года». К слову, прекрасная проза протоиерея **Геннадия Рязанцева-Седогина** (в прошлом также студента Литературного института) содержит в заглавии только имя автора, без упоминания его духовного звания, и от этого только выигрывает. Селин с первых строк своего церковного наставления начинает разбирать стихотворение **Ярослава Смелякова** о Пушкине. Без вступления, оговорок и иных «подходов к штанге» – бросает в сознание обескураженного читателя строки хорошего русского советского поэта, творившего в сложное, идеологически небезопасное время. И мотивирует свой критический ход определённо, резко и наступательно – подобно «сумасшедшему с бритвою в руке», по словам **Арсения Тарковского**: будем разбирать словесные нагромождения российско-советской поэзии, чтобы вернуться на русский путь. И далее следует глупое, одномерное толкование слов Смелякова в отрыве от реального контекста давней эпохи. В конце своего литературного упражнения священник Георгий Селин, когда-то прежде посещавший творческие семинары в Литературном институте, приводит собственную правку стихотворения о Пушкине. И это обстоятельство говорит о критике почти всё.

Лишённый поэтического слуха в катастрофической степени, он самонадеянно представляет читателю в качестве назидания вирши, от которых ноют зубы, при прочтении вслух – вянут уши, и ум в тоске вопрошает: зачем в качестве духовной и интеллек-

туальной пищи ему предложили такую графоманскую мякину? Если Селин учился в семинаре прозы, не надо бы ему лезть в поэзию. А коли был семинаристом у мастера-поэта, тогда абсолютно непонятно, почему среди студентов профильного института оказался человек, начисто лишённый литературного дарования?

Книжность и фарисейство – вот, пожалуй, самые тяжкие недостатки современного духовенства. В этой среде много людей поразительных нравственных и человеческих достоинств, у которых позади – сложный, подчас омытый кровью и смертью товарищей жизненный путь. Они терпеливы в своём подвижническом труде и знают цену человеческим поступкам. Однако рядом часто появляются фигуры мелкотравчатые, стремящиеся возвыситься на церковном поприще. Почти всегда у них прошлые годы наполнены неурядицами, скорее житейскими, как раньше сказали бы – мещанскими.

Однако лукавый сжимает в кулаке их сердце, и вот уже человек без собственной личности поучает, упрекает, переносит свою и чужую вину на согбенные плечи окружающих мирян. Безо всякого стеснения литературно бездарный Георгий Селин отвергает высокую русскую классику, которая во многом воспитала советского человека в преддверии Отечественной войны, едва не предаёт анафеме философа **Георгия Федотова**, а уж **Льва Толстого** в ином своём рассуждении жёстко рекомендует убрать с книжной полки, лапидарно упрощая вопрос об отлучении писателя от церкви, о чём даже в «Православной энциклопедии» сказано в достаточной мере деликатно и подробно.

Перед нами – откровенный в своём чиновничьем бесстыдстве шаг в сторону воцерковления русской художественной литературы. Шаг бесприн-

ципный и разрушительный, поскольку традиционно отечественное литературное пространство пронизано токами искусства и православия. Способы сочетания этих двух сторон сердечной и интеллектуальной работы в человеке могут быть причудливы. Однако здесь необходимо терпение, потому что по-нуждение к добродетели практически всегда приводит к отторжению добра, поскольку нет в таком случае свободной человеческой воли. А свобода тут вовсе не либеральная, которой море по колено и сам чёрт не брат, в её основе – осознанное стремление к свету. Георгий Селин разрушает живое и хрупкое взаимодействие литературы и веры, его духовно-критические манипуляции более подходят тоталитарной секте, нежели русской православной церкви, в лоне которой мирно чувствовали себя и святитель **Лука Войно-Ясенецкий**, и духовник газеты «Завтра» отец **Дмитрий Дудко**.

Ужасны стенания и проклятия тех, кто наткнулся на чёрствость церковного старосты, бессердечие настоятеля или «административную грацию» епархиального управления. Слава Богу, сегодня есть возможность уйти в другой приход и довериться настоящему православному священнику – внутренне чистому, терпеливому, принципиальному и искреннему. Двадцать с лишним лет тому назад я перестал ходить в храм, где во время проповеди прозвучала отсылка к суждению журналиста из «Московского комсомольца» **Александра Минкина**. «Ну, Лютый, тебе только Минкина ещё в храме не цитировали!» – и присоединился к сокурсникам, которые были прихожанами Андреевского монастыря.

Так вот: священник Георгий Селин – плохой писатель и, пожалуй, плохой батюшка. Кстати, в списках выпускников Литературного института его фамилии я не нашёл. Видимо, искал не старательно...

Вячеслав ЕЛАТОВ

ПОСТСКРИПТУМ. ПРОБЛЕМЫ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ МЕТОДОМ

Я говорю о реализме, несущем в себе пафос обновления жизни...

М. Шолохов. Из речи по случаю вручения Нобелевской премии. 1965 г.

К какой конкретной работе автора настоящих строк, опубликованной или задержанной, минуя портфели, в редакционных корзинах для бумаг, можно было бы отнести предлагаемый читателю постскрипту? Были статьи о сломе в постсоветское время традиционной системы школьного преподавания литературы и вызванных этим разрухе в головах сочинителей и сумятице в читательской аудитории; были работы о периодизации советской литературы и своеобразии художественного конфликта, о противостоянии литературы социалистического реализма декадансу, будь то постмодернизм или очередная попытка заблокировать традиционные представления о художественной литературе с помощью «антропологического поворота», а также о специфике документальной прозы в связи с появлением в литературоведческих исследованиях и критических разборах термина «non-fiction»... Думаю, что заголовок оправдывает себя по отношению ко всей совокупности затронутых вопросов. Но вначале всё-таки была полувековой давности студенческая курсовая «Проблемы социалистического реализма», написанная (см. эпиграф) в том же 1965-м.

К этому следует добавить, что отражённые в подзаголовке переосмысление темы и её корректировка наметились уже тогда, в середине 1960-х, когда, например, в творчестве победно вступившего в отечественную литературу Солженицына у начинающего литературоведа хватило отваги обнаружить изъян в виде той статичности, того литературно-художественного застоя в изображении быстротекущей жизни, который преодолевал новый метод. Именно на этот основополагающий принцип социалистического реализма, на его способность создавать картины преобразования суровой действитель-

ности и обратил внимание мировой общественности, если продолжить вынесенную в эпиграф цитату, Шолохов: «...я говорю, разумеется, о таком реализме, который мы называем сегодня социалистическим...». Именно этим определяется последовательность обращения к отобранным для настоящей статьи романам.

Для решения проблем, возникающих у автора с художественным методом, первостепенное значение имеют своеобразие художественного конфликта и система образов героев в литературном произведении. В зависимости от ракурса выстраивается и композиция сравнительного обзора новинок. Мне, например, уже доводилось сопоставлять с опорой на первое произведения советской и постсоветской литературы*. В настоящих заметках внимание читателя будет обращено на образы главных героев в произведениях последних лет.

Другой ракурс – иная композиция. Если в связках, диктуемых природой художественного конфликта, рядом оказывались бы произведения Хемлин и Кондрашова (политическая борьба), разговор об Улицкой шёл бы в одном ключе с анализом романа Алешковского (социальное противостояние), а «на десерт» была бы предложена читателю «Любовь в эпоху перемен» Полякова (нравственная коллизия), то теперь всё будет подчинено алгоритму развития характеров основных персонажей.

Итак, с какими проблемами при освоении переводного художественного метода столкнулись авторы, чьи произведения сегодня на слуху? Начну с Маргариты Хемлин, у которой никаких проблем с методом социалистического реализма не было и не могло быть. Представляя романом «Дознатель» солженицынское направление в отечественной литературе, она противостоит советской литературе, находится на противоположном по отношению к ней полюсе, и потому – нет проблем! Искажение исторического подхода при освещении событий прошлого и настоящего тут просто зашкаливает. Вместо качественного обновления жизни нам предлагается упёртое до угрюм-бурчеевской прямолинейности движение вспять... Когда-то, мы помним, в глухие закоулки прошлого пытался, спасаясь от современности, реакционный романтизм. Сегодня, не изобретая велосипеда, мы можем говорить о воинствующем реакционном направлении в отечественном реалистическом искусстве.

В связи с этим вызвал недоумение диалог (а за ним гулким фоном слышна бурная полемика литера-

* Елатов В. Юбилеры и финалисты // Огни Кузбасса. 2013. № 4.

торской общественности), который предложил читателю наш ведущий теоретический журнал. О романе «Дознаватель» обменялись мнениями на страницах «Вопросов литературы» (2017, № 1) Елена Чижова и Игорь Шайтанов. Озадачил сам предмет дискуссионного обсуждения. Прозаика огорчила мнимая неопределённость авторской позиции, но при этом все свои далеко идущие выводы Чижова делает, опираясь на содержание романа: Михаила Цупкого она – вслед за Хемлином – считает псевдогероем и подонком; да и вынесенную в заголовок идею критик почерпнула, надо полагать, при повторном, более внимательном прочтении «Дознавателя»: непримиримое, с точки зрения этого дуэта, противоречие между национальной исключительностью и «мифом», как это им представляется, интернационализма *«имеет тенденцию перерастать в свою более зрелую ипостась: неразрешимый конфликт между советским государством и человеком»*.

Известного литературоведа та же якобы недосказанность, напротив, обнадёжила: он увидел в ней, выдавая желаемое за действительное, здоровую перспективу в развитии современной прозы. Как Шайтанов объясняет свою позицию? Во-первых, он считает многозначность изображённого в романе Хемлином жизненного абсурда не только *«более высоким классом литературы, но и более точным диагнозом действительности»*. Блажен, кто верует! Тепло ему на свете... По мне, так в данном случае следует говорить об абсурде (Михаил Булгаков говорил в сходной ситуации о «разрухе») в головах известного толка сочинителей; а действительность требует здравого подхода при её отображении в искусстве, о каких бы абсурдных провалах на нашем пути к совершенству ни шла речь. Во-вторых, этот авторитетный исследователь русской литературы очень надеется, что *«в нынешней России идеологический роман не утвердит себя ведущим жанром»*. Что можно сказать по этому поводу?

С идеологией в искусстве мы будем иметь дело до тех пор, пока она будет присутствовать в разделённом классовыми интересами обществе, и «Дознаватель» Хемлином – яркое тому подтверждение. Вопрос в том, какие идеологические романы станут у нас ведущими: наследующие традиционную отечественную и мировую классику или альтернативные декадентские и реакционные течения. Поживём – увидим... А сегодня не мог не озадачить диалог, опубликованный под рубрикой «Книги, о которых спорят». «Да не о том здесь спорите, ребята!» – к месту и времени вспомнились слова из поэмы «С точки зрения крайнего» (Усятская россыпь. 2012. № 9)

известной кузбасской поэтессы Любви Никоновой. У меня на этот счёт была даже отдельная работа, в которой приведены примеры того, как наши «ребята» умеют по-репетитовски спорить – с пеной у рта, до положения, что называется, риз, и при этом не останавливаясь на существо обсуждаемых вопросов*. Коллеги явно недооценили автора этого бестселлера. Маргарита Хемлин, во-первых, прекрасно ориентируется в современном литературном процессе и, во-вторых, не оставляет никаких сомнений относительно своих предпочтений. Что с того, что она не первая вышла на тропу дегероизации защитника социалистического Отечества: автор «Дознавателя» отнюдь не перепевает ни Войновича с его «Чонкиным», ни «Проклятых» Астафьева. С математически выверенной точностью Хемлин делает «антропологический» разворот вспять от таких известных читателю литературных образов, как, например, разведчики в повести Катаева «Сын полка», или в той же «Звезде» у Казакевича, или те же контрразведчики в романе Богомолова «В августе 44-го», не говоря уже о хрестоматийном образе Метелицы из фадеевского романа «Разгром»... Именно таким в данном случае оказался результат использования описанного Шкловским приёма *остранения*.

В очередной раз отечественная литература обогатилась произведением, в котором с ног на голову ставится и решается проблема положительного героя: участник Великой Отечественной войны, отважный разведчик представлен в «Дознавателе» моральным уродом. Мало того, Хемлин недвусмысленно объяснила читателю, как она понимает генезис такого общественного явления: иначе, мол, и быть не могло при очевидной нравственной ущербности его родителей, которые были – чур, чур нас! – сельскими активистами. Односельчане, дескать, их, принявших мученическую смерть от фашистских оккупантов, великодушно простили; но Хемлин-то не преминула при этом сочинить душераздирающую сценку, где они, проклятые хищники, *«последние зёрнышки по указке сверху с-под дитячих подушек выгребали. Ястребки – одно слово»*... Как могли наши знатоки-литераторы счесть такое за неопределённость и недосказанность? Обидно за коллег. Тем более обидно, что зарубежные издатели «Дознавателя» оказались более вдумчивыми читателями, судя по той расторопности, с какой они поспешили ознакомить с этим романом своего потребителя. Ещё бы! Мелкотравчатая душонка загадочного для западного обывателя «совка» здесь исследуется с доверительной убедительностью, которую

* Статья «С позиции крайнего» (2012, не опубл.).

сообщает повествованию форма воспоминаний героя о том, как, мол, всё это было на самом деле.

Известный литературный приём, за которым встаёт вся наша классическая художественная проза в форме рассказов путешествующих и писем, дневниковых записей и мемуаров... Но как далека предложенная нам сегодня умозрительная схема от правдивых и исторически конкретных образов литературы критического реализма, не говоря уже о социалистическом!.. С уходом Хемлин остаётся открытым вопрос, знала ли она, что Нобелевский лауреат 1965 года был из тех же приговорённых ею к позорному столбу активистов? Да и была ли она вообще знакома с советской литературой или, взяв пример с Солженицына, принципиально не читала произведений социалистического реализма? Последний вопрос мы можем адресовать и автору романа «Лестница Якова».

Странное дело, но впечатление такое, что в новом своём романе Людмила Улицкая не только сама повторяется, но она при этом и у читателя вызывает повторную реакцию. Жизненный материал, положенный в основу «Лестницы», совершенно иной, чем, например, в «Даниэле Штайне», и тональность, с которой она теперь заключает повествование, заметно отличается: вместе с Норой автор уже не сомневается, что в итоговом романе она справилась-таки с поставленной перед собой задачей... Правда, для этого ей пришлось резко усилить публицистическую составляющую с перепевами замшелых антисоветских штампов, отчего точка, которую Улицкая решила поставить на своём литературном творчестве, оказалась, к сожалению, жирной кляксой. Тем не менее у меня опять-таки возникло желание предложить альтернативное название её роману – в полном соответствии с ею же тщательно прописанными образами.

Если «Штайна» я воспринимал как «Риту Ковач, коммунистку»*, то аналогичным образом в «Лестнице» главным героем мне представляется не Яков, а Мария: «Мария Осецкая» (если ориентироваться на название пьесы Константина Тренёва «Любовь Яровая») или «Мария Кернс и другие» (если взять за образец горьковского «Егора Булычёва»).... В подтверждение того, что такое читательское восприятие вполне возможно, сошлюсь на Достоевского, который на первый план полемически выдвигал Татьяну Ларину, а своему гордому «якову» предлагал смириться перед воплощением народного самознания.

* Елатов В. Юбилеры и финалисты // Огни Кузбасса. 2013. № 4.

Итак, Маруся, в девичестве Кернс, по мужу Осецкая. Её «лестница» заслуживает благословения свыше не в меньшей степени, чем у Якова. Уже в самом начале романа мы узнаём, что имеем дело с далеко не заурядной личностью: она была знакома в ходе активной общественной деятельности с Крупской и Луначарским. Нора вспоминает, что бабушка «ненавидела всякую буржуазность, презирала мещанство, называла себя «беспартийной большевичкой». По политическим мотивам она в пух и прах разругалась с внучкой, когда ей было уже далеко за семьдесят, и разорвала с ней всякие отношения. «Советская власть, – пишет Улицкая, – чёрной кошкой пробежала между ними, на этом закончилось и доверие, и близость»... На память приходит уходящий в подтекст конфликт из чеховского «Вишнёвого сада», когда к светлому будущему устремляется молодое поколение, к которому как раз и принадлежала бабушка Маруся. Не случайно в юности она взхлёб перечитывала чеховскую «Невесту». Но времена меняются, и люди меняются под воздействием новейших, не всегда благотворных влияний... Диссидентствующая «шестидесятница» Нора, по воле автора, пошла против идеалов «серебряного века» бабушки Маруси.

Каким образом формировался характер нашей героини? *«Всех детей Кернс связывали нежнейшие отношения, а младшая сестра была объектом обожания»*. В их гостеприимный дом на постоянные чаепития сходилась свободомыслящая молодёжь. Здесь шли бесконечные разговоры *«о переустройстве негуманно устроенного общества, о борьбе за грядущие перемены»*. Вехой в становлении её общественной позиции стал еврейский погром в Киеве в октябре 1906 года. Пятнадцатилетнюю Марусю спасли от расправы соседи украинцы, которые сильно рисковали: *«Ходили слухи, что в эти ужасные дни погромщики убили русскую семью, которая укрывала еврейскую старуху»*. После этого прежде приветливый мир разделился для девушки надвое без всяких теней и нюансов: *«...одни были борцы за человеческое достоинство и свободу, другие – их враги, эксплуататоры и черносотенцы»*. В числе первых был и старший из трёх её братьев, которого за участие в отряде еврейской самообороны на три года сослали в Сибирь.

Была у Маруси в то время и более конкретная мечта: по примеру чеховских героинь ей хотелось вырваться из пошлости провинциального прозябания, *«из этой скуки и тоски к свободной и прекрасной жизни»*. Знакомство с Яковым, их духовное и физическое сближение поначалу сулили ей именно

то, о чём она тогда грезилась. Завораживает описание их прогулок с «безглагольными» – из одних только перечислений имён и вздохов, выдохов и междометий – разговорами о литературе и музыке, об отечественных и зарубежных кумирах:

«Толстой? Да! «Крейцера соната»? Нет, «Анна Каренина»! О, да! Достоевский? Конечно! «Бесы»! Нет, «Преступление и наказание»! Ибсен? <...> Рахманинов! Ах, Рахманинов! Бетховен! Конечно! Дебюсси? А Глиэр? Великолепно! Чехов? Дымов? Короленко! <...> «История античности»! Да, греки, греки!» – И снова это совпадение в самых глубоких движениях души...

Но так было только в самом начале. «Маруся, вдохновенный сторонник новой власти, торжествовала победу над буржуазным миром». А Яков, хотя и стал в первые же месяцы после Февральской революции членом Харьковского совета рабочих и солдатских депутатов, постоянно чувствовал себя – подобно герою романа Солженицына «В круге первом» – «не в своей тарелке: большинство окружающих его людей были ужасающе темны и неразвиты». Не устранила это нарастающее чувство отчуждённости по отношению к томившемуся веками в темноте трудовому народу – в литературоведении такому мировосприятию, повторюсь, как раз и соответствует введенный Виктором Шкловским и подхваченный сегодня апологетами «антропологического поворота» термин «*остранение*» – даже успешная работа в Высшем совете народного хозяйства, где он заведовал статистическим отделом: Маруся чувствовала, что в то время, как вся Советская страна шла в ногу, её любимый Яков, *остраняясь* (у «антровертов» нынче в ходу термин «*foreignize*» – отчуждаться), сбивался куда-то вбок.

А «холодная гражданская война» – с активным участием «запятаевых», выведенных на чистую воду сначала Солженицыным в «Круге первом», а затем и Войновичем в «Чонкине», – обострялась. Яков с таким заключением Сталина не согласился и собирался указать в письме вождю на ошибочность такого вывода. (Интересно, что думают и говорят по этому поводу вчерашние и сегодняшние «яковы» теперь, когда вслед за разгромом Советской России санкционируется экономическая блокада Российского буржуазного государства? Судя по отзывам на романы Хемлин и Улицкой, нам опять указывают на пресловутую, как это уже было с романами Всеволода Кочетова, «ошибочность».)

В ходе расследования дела о Промпартии Яков Осецкий был арестован и обвинён во вредительстве. Он этого не признал, но в ошибочности своего

прогноза покаялся... В конце романа Улицкая знакомит с его делом вместе с Норой и читателя. Мы знаем сегодня о клеветнических доносах «запятаевых» (из романа Войновича) на людей, преданных советской власти. Мне уже приходилось писать о том, какие ужасающие потери понесла при этом, например, советская литература*. Вполне возможно, что рикошетом досталось и герою «Лестницы». Но то, что он в данном случае был небезгрешен, не только допускали жена Маруся и сын Генрих – он сам горько сожалел об этом. Будучи уже во второй ссылке, он пишет сестре: «...всё же не могу зачислить себя в беспартийные большевики – вслед за Марусей, которая тянет меня в эту сторону со всей страстью её натуры... Жалею, что не смог. Приди это сознание ко мне, легче было бы идти в ногу со временем, с обществом, с семьёй...». К сожалению, Нора не унаследовала этой способности к самокритике, и потому книга, которую написала за неё Улицкая, не совпадает с тем, что мог бы или написал бы её дед.

Автор «Лестницы Якова», если прислушиваться к публицистическим пассажам и довериться композиционному разрешению конфликта, упустила возможность выйти на добротный метод критического реализма. Однако предложенная Улицкой система образов позволяет читателю делать выводы, не совпадающие с замыслом автора. Мы помним, как в сходной ситуации оказался Тургенев: задумав примерно наказать «детей», он, оставаясь верным художественной правде, выпорол «отцов»... Не поступаясь тем же принципом, наша современница живописует о процессе утраты «другими» (из альтернативного названия романа «Мария Кернс и другие») корневых связей с Отечеством. С глубоким сожалением мы читаем о том, как нарастает глухое неприятие социалистических идей по мере того, как «другие» персонажи романа постепенно самоустраниваются от происходящего вокруг да около них, но уже без их деятельного участия в обновлении жизни... Отец ребёнка Неры выстроил для себя башню из слоновой кости «науки для науки»; сама Нора с Тенгизом и иже с ними продолжают и сегодня активно противодействовать реалистическому искусству; ещё один одноклассник с головой ушёл в трясину образованного мещанства, из которого силится в своё время вырваться Маруся Кернс, чей образ автор сочла целесообразным оттенить склонностью к богеме, а социальный протест свести к запущенной до неприличия комнате с лампой без абажура...

* Елатов В. Востребованная классика // Литературная Россия. 2015. № 44.

Если у авторов предложенных выше романов были проблемы (у Хемлин явно в большей степени, чем у Улицкой) с художественным методом критического реализма, то сочинители трёх последующих, по первому же впечатлению от знакомства с ними, эту ступеньку осилили: с тенденциозной антиисторической критики советского прошлого они переключили внимание читателя на обличение язв постсоветского образа жизни. Однако такая чисто механическая смена объекта художественного исследования не может служить основанием для вывода о том, в какой степени тому или иному конкретному автору удалось подняться до передового художественного метода: отталкиваясь от набившего оскомину гламура, мы можем впасть при этом в другую крайность, за которой закрепилось вполне соответствующее ей определение «чернуха». И тут уж не ждите от писателя ни правдивого, то есть всестороннего и объективного, ни исторически конкретного изображения действительности, не говоря уже о её качественном обновлении. Поэтому для более или менее взвешенного заключения нам придётся по дельному примеру Елены Чижовой перечитать заново и роман о гениальном «совке» Кондрашова, и про любовь в эпоху перемен у Полякова, и о крепости духа нашего современника в сочинении Алешковского... Допускаю, что для известной популяции новейших «читателей» такая рекомендация – не в коня, что называется, корм: они не снизошли, по примеру бессмертного недоросля Митрофанушки, и до первого прочтения, передоверив это дело сегодняшним «извозчикам» – специалистам по сжатым пересказам и тенденциозным комментариям; так что надежды на их знакомство с литературными произведениями в оригинале в данном случае почти никакой. Что делать! Тут, как говорится, плетью обуха не перешибёшь. Зато «мнений» об отечественной литературе – вплоть до самых экстравагантных – этим горе-читателям не занимать. А жаль! Одними «*нонфикшнами*», потеснившими как художественную классику, так и добротную документальную прозу, сыт долго не будешь...

Сюжетная основа в произведениях Алешковского, Полякова и Кондрашова представляется надёжной несущей балкой повествования. Совсем не похоже одна на другую истории, но все они вполне реалистичные, то есть правдивые и исторически конкретные. Срабатывает чудо художественного обобщения: верится, что были и продолжают жить среди нас такие люди, задействованные в узнаваемых коллизиях и житейских ситуациях...

177

Перекосы в изображении советского прошлого ставят роман Алешковского «Крепость» в один ряд с «Дознавателем» и «Лестницей Якова». Что с того, что автор – историк по образованию! От грубого искажения истории Страны Советов не спасает ни посвящение романа отцу, специалисту по истории средневековой русской литературы и археологу, ни параллельное со знанием дела повествование о монгольских завоевателях. Его герой проявляет завидную осведомлённость и даже пишет с подачи автора книгу об истории раздоров в Золотой Орде – но обнаруживает при этом поразительное невежество в освещении нашего недавнего прошлого. Куда подевалась вся его образованность и учёность, когда на основании эпизода со вскрытием закопанными в темноте и невежестве мужиками раки с мощами основателя домонгольской обители святого Ефрема в поисках спрятанных там драгоценностей делается заключение о безграмотности большевиков, возглавивших Великую Октябрьскую социалистическую революцию!.. Родившийся в 1957 году и окончивший советскую десятилетку в 1974-м, автор «Крепости» – сверстник одного из моих выпусков, где я преподавал литературу и одновременно был классным руководителем. Он не может не знать, что в состав первого советского правительства входили образованнейшие, даже по европейским меркам, министры-большевики. Он не может не знать и исторического свидетельства Маяковского, как к доставшимся ему в наследство ценностям относился вырвавшийся из многовековой темноты трудовой народ:

Какой-то
 смущенный
 сукин сын,
а над ним
 путиловец –
 нежней папаши:
«Ты,
 парнишка,
 выкладывай
 ворованные часы –
часы
 теперича
 наши!»

Он не может не знать, как бережно относиться к историческому наследию призывал комсомольцев большевик Ленин. Он не может, наконец, не знать, как относились к музейным реликвиям в советское время... Обо всём этом Алешковский хорошо освещает.

домлён, но читателю он предпочитает говорить совсем о другом. Достижения советской экономики, науки и культуры? Это скучно! Автор «Крепости» живописует о стране дикого варварства, забывая о том, что это было результатом не только нашего объяснимого бескультурья в первые годы советской власти, но и набирающей обороты «холодной гражданской войны», когда антисоветчики запятае-вы, о которых упоминается в романах Солженицына и Войновича, Юрия Германа и Владимира Фоменко, проникали во властные советские структуры, планирующие развитие народного хозяйства и саботировали их работу. И вот какие забавные картинки предлагаются на потеху сегодняшнему читателю:

«С двадцать девятого по пятьдесят восьмой село прожило под районным стягом, а после хрущевского укрупнения сменило районную печать на фиолетовый колхозный кругляк. Единая партийная власть объединила мелкие колхозы в одно Спасское хозяйство и принялась посылать телеграммы на заводы страны». Алешковский может не знать, что в своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР», которую можно считать политическим завещанием, Сталин высказался против как укрупнения хозяйств и форсирования процесса превращения их в совхозы, так и против передачи машинно-тракторного парка колхозам, чтоб не разорить их, то есть всего того, что и было сделано при Хрущёве. Может или не хочет знать, ибо тогда его переходящая в сарказм злая ирония была бы неуместна: «Пролетариат тут же откликнулся и поддержал село – километровые цеха ежечасно выплевывали из своих инкубаторов чугунные трактора и сопутствующую технику. Рева и дрожь от напряжения, давя на дорогах глупых кур и отважных гусаков, бросавшихся с шипом под враждебные резиновые колеса, машины покати-ли в Спасское, растянувшись на тракте, словно стадо мычащих быков, перегоняемое на бойню. Трактора и комбайны запрудили двор у кузниц бывшей машинно-тракторной станции, их красные блестящие бока с начертанными на них пролетарскими напутствиями товарищам сельчанам походили на кумачовые транспаранты пер-воймайской демонстрации». А дальше наш горе-историк от ярких картин переходит к не менее вырази-тельным обобщениям: «Время стучало, колоти-лось и двигалось безответственными рывками пятилеток. Новые трактора исправно прибывали раз в год, отчего старые забывали в лесу, топ-или в болоте или оставляли гнить на всём разрас-тающемся кладбище техники на окраине села.

Почему-то для исковерканного железа не нашли лучшего места, чем древнее биевище. Скелеты экскаваторов и косилок, змеи расплзшихся тракторных гусениц и прочая жирная чугунина покрыли группу средневековых курганов, сим-волизируя, видимо, подношения советской вла-сти далеким предкам». Тут Алешковского, что на-зывается, понесло: от новейшей истории он вдруг лихо перескакивает к событиям многовековой и двухсотлетней давности. Чистая публицистика, когда единственным связующим звеном оказывается па-тологическая ненависть ко всему советскому: **«На уроках истории власть стала гордиться ратными подвигами Александра Невского, забывая о его поклонных поездках в Каракорум и Орду на еже-годные ханские курултаи, начала курить фимиам одноглазому придворному шаркуну Кутузову, сменившему на посту главнокомандующего ге-ниального Барклая».** Такая вот художественная па-литра: кумач в этом случае может быть только «кро-вавым», а в оппонентах – в худших традициях чело-веческого общения – душевные изъяны напрямую связываются с физическими особенностями и недо-статками: для одного из выдающихся отечественных военачальников сгодилась кликуха «одноглазый», а для не менее выдающегося советского политическо-го и государственного деятеля – «усатый».

И тем не менее с романом «Крепость» мы под-нимаемся на следующую ступень нашей компози-ционной вертикали. Во-первых, автор сподобился не заикнуться на одной лишь критике советского прошлого. У него хватило отваги оценить критиче-ски и постсоветский «рай», куда нас за уши затяну-ли наши диссиденты-антисоветчики. А во-вторых, он познакомил читателя с одним из таких героев нашего времени, на образ которого нам стоит об-ратить внимание.

С неослабевающим интересом прочитывались бы сцены из нашей сегодняшней буржуазной лихо-радки, если бы автор обратил внимание читателя на глубинную душевную «перестройку» персонажей второго плана. Как Бортникова, так и Колужного с Маничкиным мы видим в костюмах и гриме сегод-няшнего дня, словно они к нам с Луны свалились или вышли из салонов красоты, описанных Струга-цкими в фантастической повести «Хищные вещи века». Но ведь все они родились в советское время и несут на себе его родимые пятна. К сожалению, наша сегодняшняя литература об этом пока помал-кивает. Мы можем только догадываться, какие кош-ки скребут на душе бывшего советского инженера Бортникова, когда он от щедрот своих помогает ма-

териально опущенным в пучину нищеты городским школам и больнице, да и тому же колхозу с символическим названием «Светлый путь», который он, можно сказать, приватизировал точно так же, как присвоил и государственное промышленное предприятие. Да, мы видим, как он, по примеру чеховского Лопухина, размахивает руками, распоряжается в подмятом под себя городе – но ведь он-то не Лопухин, который родился и вырос при капитализме, не купец из «Бесприданницы» Островского, не американский бизнесмен, воспитанный на восприятии мира сквозь долларовую купюру... А в романе «Крепость» наш «новый» именно таким манекеном и предстаёт. Впечатление от такой прозы – как от так называемой *минималистской поэзии*: лишь едва уловимые намёки на то, о чём, собственно говоря, и должна идти речь в изящной словесности... Будто не было у нас ни горьковского «Дела Артамоновых» с «Фомой Гордеевым», ни «Угрюм-реки» Шишкова...

Образ Маничкина – это образцово-показательный архетип прохвоста-приобретателя из той же парадигмы, что и гоголевский Чичиков; но ему недостаёт укоренённости в исторически конкретной переломной эпохе. А ведь становление такого характера напрямую связано с провальными для России 1980–1990-ми годами... Будто не было в советской литературе ни романа Бондарева «Игра» (1984), ни повести Распутина «Пожар» (1985), ни тех же романов: «Всё впереди» (1986) Белова и «Белые одежды» (1987) Дудинцева... Калюжный с Ниной у Алешковского обретают плоть буквально под занавес: у неё открылись наконец-то глаза, он тоже, похоже, ощутил трагедию своей ущербности... Всего-то какой-то абзац в эпилоге, всего-то-навсего несколько скупых слов – а ведь как много сказано! Может быть, вся суть литературного мастерства как раз и заключается в том, чтобы **всё произведение** суметь дотянуть до такого уровня?..

«Мальцова нашли и спешно похоронили в семейной могиле на котовском погосте. Бортников дал грузовик и автобус, но сам на погребение не поехал, отрядив вместо себя Николая. Сталёк выкопал могилу, Лена положила на холмик пучок живых цветов, Нилов, приехавший из Москвы, пообещал немногим собравшимся, что вскоре издаст книгу Ивана Сергеевича, назвал ее очень талантливой, открывающей новые горизонты в науке. На этих словах Нина вдруг разрыдалась и убежала в кусты сирени, Калюжный пошел за ней, но вернулся один, подавленный стоял в стороне и курил сигареты, одну за одной, а потом напился на скудных кладбищенских поминках и всю обратную дорогу

громко храпел» (Выделено мной. – В. Е.). У кого-то из читателей может даже возникнуть ассоциация с концовкой чеховского рассказа «Попрыгунья», где героиня тоже на какое-то мгновение прозревает и приходит в отчаяние от сознания того, что она не разглядела – «прозевала» такого замечательного человека, как её благоверный Дымов...

Алешковскому не откажешь в умении выстраивать композицию романа. Взяв сразу своего быка за рога, он знакомит читателя с положенным в основу романа конфликтом между коллегами-археологами / экологами: кто-то продолжает заниматься наукой, а кто-то из них же, ближайших сотрудников Мальцова, переключился на откровенный, по его мнению, «бандитизм»:

«Получив диплом и некий вес в провинциальном ученом сообществе, Калюжный сразу же переключился на поиски денег для раскопок. Экспедиция его заработала как часы, землю лопатили кубическими метрами, но наукой там и не пахло, о науке новоиспеченный кандидат больше не вспоминал. Виктор вызывал теперь у Мальцова брезгливое отвращение.

ОАО Калюжного «Вепрь» копало всё подряд: теплотрассы газовщикам, шурфы при строительстве водопровода в области – всё, за что хорошо платили. Работали на откате, а потому с заказчиками всегда был полный альянс. «Вепрь» паразитировал на всемирном археологическом законе: без заключения специалистов строить на земле, под которой лежит культурный слой города или даже маленького поселения, нельзя – котлован уничтожит бесценные остатки прошлой жизни. По закону от общей сметы небольшой процент выделялся учёным, работы могли начаться только когда слой был раскопан экспедицией до материка. Крохи от огромных проектов складывались в весьма приличные суммы – Калюжный и подобные ему «археологи» процветали».

Процветает и директор городского музея. Воспользовавшись указанием сверху о кадровой «оптимизации», он ликвидирует числящуюся на балансе городского музея археологическую экспедицию, увольняет всех её сотрудников вместе с руководителем и одновременно замдиректора музея по научной работе Мальцовым. Тот, как кость в горле, мешал директору музея производить в одной упряжке с таким же «учёным» новой формации Калюжным «раскопки» и «реставрации»:

«Маничкин заслуживал казни, монгольской, изощренной, ему, сатрапу, бездарю и вору, следовало бы сидеть в тюрьме, но близкий друг – прокурор города – никогда бы не дал кореша в обиду. Ведь это

через прокурора – понятно, что не безвозмездно, – к Маничкину стекались заказы на отделку генеральских подмосковных дач. Целое подразделение «реставраторов», числящихся на балансе музея, пропадало на подмосковных усадьбах. Маничкин жирел, как помещик за счет крепостных, в девяностые обзавелся связями, построил себе целых два дома: в одном жил сам, в другом, на выезде из города, к пенсии планировал устроить гостиницу».

На таком ёмком фоне, вместившем в себя и перекошенное советское прошлое, и обозначенное штрих-пунктиром постсоветское настоящее, фигура главного героя, остающегося не только верным своим научным принципам, но и поднявшегося до открытого противостояния «новым русским», вырастает до романтического образа героя-одиночки, чья гибель достигла бы масштаба общечеловеческой оптимистической трагедии, не будь его создатель столь же тенденциозно антиисторичен, как и авторы «Дознавателя» и «Лестницы Якова».

За исключением опять-таки провальных 80–90-х, оставивших в его сознании след в виде тех же антисоветских стереотипов, что и у его создателя, история души человеческой главного героя «Крепости» представлена и его общением в детстве с дедом, который был священнослужителем, и послевоенными впечатлениями от жизни в деревне и провинциальной городской глубинке, и многолетней профессиональной работой историка-археолога. Ему сейчас уже за пятьдесят. В семейной его жизни – всё смешалось, как в доме Облонских, и эта сюжетная линия самым тесным образом сплетается с рассказом о его профессиональной деятельности: его жена, считая его за неисправимого «лузера», то есть неудачника, который никак не может взять в толк, что сегодня для того чтобы хорошо жить, нужно соответствующим образом вертеться, уходит к его преуспевающему коллеге.

Тем временем наш «лузер» упускает одну возможность преуспеть за другой. Ему предлагают должность директора музея, в подчинении у которого находится его археологическая экспедиция, – он из принципиальных соображений отказывается: это не согласуется с его научной работой. Бортников предлагает ему копать там, где зарыты большие деньги, – Мальцов опять упёрся: «Верхнее городище – городской посад 17–18 веков, когда-нибудь и его археологи возьмутся изучать. Городок для туристов! До такого даже Маничкин, гад, не додумался. Нельзя там ничего трогать! <...> Мне ваши деньги по барабану. Никак вы, Степан Анатольевич, не усвоите: я не по этой части».

Но Бортников тоже был крепким орешком, и с удобной для него «кочки зрения» он даже пожалел неумеющего жить романтика. «Жаль, что ты не хочешь понять, но придёт: мир изменился, назад пути нет. А историю твою, – он помахал перед мальцовским носом руками, и благостная улыбка исчезла с его лица, – мы сами её строим. По кирпичику! Этими вот руками!» Заблуждение, в котором пытаются найти для себя оправдание все наши сегодняшние бортниковы...

Интересна в этой связи позиция автора, и Алешковский не заставляет читателя ждать с её прояснением. «Бортников, – читаем в первой части романа, – всегда напускал туману, махал руками, улыбался, недоговаривал и тихой сапой гнул свою линию. Всё сводил к деньгам, сметам, жил этим и по-своему был прав. Приучить его к тому, что у науки есть свои интересы, стоило годов совместной работы. Только кара за несанкционированное строительство свела их вместе: если бы не запреты Росохранкультуры, Мальцов был бы Бортникову не нужен».

В результате Мальцов оказался не у дел. Когда его уже во второй раз отстранили от руководства археологической экспедицией, которую намеревались превратить в ещё одну землеройную команду, он взбунтовался: «Жить, как задумали новые господа начальники, не могу. От зарплаты отказываюсь».

Возвращение Мальцова к раскопкам, в ходе которых им был открыт домонгольский подземный храм, было оплачено ценой его жизни. Но в его научную биографию был вписан ещё один подвиг: он написал-таки монографию о монголах на Руси в XIV веке.

Для следующего после Алешковского шага вверх по нашей композиционной «лестнице» вполне подходит образ главного героя из романа Полякова «Любовь в эпоху перемен». Знамение, можно сказать, времени, когда одним из главных героев становится сегодня прозревающий диссидент-антисоветчик. Если для Хемлин неподъёмным грузом оказался историзм при освещении ярко выписанных сцен и эпизодов, если автор «Лестницы Якова» столь трагически – на целую эпоху! – отстала от созданного ею же на основе хорошо знакомых ей прототипов образа Маруси Кернс, если даже профессиональному историку Алешковскому не удалось избавиться – как тут не вспомнишь, какое определение жанра дал своей «Пирамиде» Леонов! – от наваждения с использованием антисоветских стереотипов, то в случае с Поляковым стоит прислушаться и к составителю аннотации, и к участнику диалога на страницах «Литературной газеты» (2017, № 21), утверждающих,

что высота, установленная на отметке «критический реализм» была взята.

Поспевая за бегущим днём, автор «Любви» не перескакивает через ступеньки; он предпочёл методичное, поэтапное восхождение. В романе об эпохе перемен на хорошем художественном уровне зафиксировано начало брожения в нашем застоявшемся обществе. И пусть речь идёт здесь о самом начале процесса, который пошёл вспять движению, инициированному в 1980-х нашим современником, чьё имя навсегда останется символом пресловутой *перестройки*: процесс пошёл! – вот о чём говорит нам своим романом Поляков.

Автор не идеализирует своего героя. Отнюдь. Геннадий Павлович Скорятин был типичным (да простят мне уместившиеся в *остранении* Алла Латынина и иже с ней вышедшую из их употребления традиционную терминологию!) для конца 1980-х – начала 1990-х диссидентом-антисоветчиком. И Поляков не форсирует процесс его отрезвления. Реалистична, без всяких натяжек, даже концовка романа, где в некрологе наш герой аттестуется как «*один из зачинателей свободной российской прессы, лауреат премии «Перья свободы», почётный профессор Тартуского университета...*». И это всё о нём – чистая правда.

«Память о том, – читаем мы о нынешнем редакторе еженедельника «Мы и мир», – что сам он по молодости поучаствовал в сотворении нынешнего несуразного мира, жила в его душе подобно давнему постыдному, но незабываемо яркому блуду...» Чувствуешь, читатель, глубину проникновения в патологию этого противоречивого характера? Стыдно... И в то же время... приятно вспомнить... Вот та роковая червоточина, которая является отличительной чертой для группы риска. Вот корень предрасположенности к воздействию пагубных обстоятельств. «...Скорятин вместе с Мариной, семилетним Борькой и трёхлетней Викой стоял в 1991-м в живом кольце, заслоняя Белый дом, прижимая к груди бутылку с вонючим «коктейлем Молотова» и готовясь к подвигу...». Есть в фильме о д'Артаньяне (в исполнении Боярского) выразительная сцена, когда Миледи «перекодирует» посланного для её ареста английского офицера... Грустный эпизод, который приходит на память, когда думаешь о наших «перекодированных», вставших живым кольцом на защиту тех, кто поднял руку на народную власть...

И это не было единичным эпизодом в постыдном прошлом нашего сегодняшнего героя. С лекциями, осуждающими советский «тоталитаризм», он выступал в российской глубинке и как большой в

этом деле авторитет ездил по приглашению в Тартуский университет; с тем же набором просветительских антисоветской направленности идей спецкор российской газеты прокатился в своё время и по городам Франции...

«Почему в цивилизованных странах, – обращался Скорятин с риторическим вопросом к аудитории в 1988-м году в Тихославле, – *каждый человек самоденен, а у нас швыряются миллионами жизней? Отчего наш исторический путь вымощен трупами <...>? Петербург стоит на костях, гиганты пятилеток – на костях, колхозы – на костях... Вы не думали, почему наш государственный флаг весь красный? <...> Да, мы победили Гитлера. Но какой ценой? Мы же завалили немцев трупами. Наши потери десять к одному...*» Очевидно, именно в таких случаях мы говорим, что герой, что называется, «зарапортовался» и «понёс, закусив удила»: «...*Это ещё надо разобраться, кто был бóльшим фашистом – Сталин или Гитлер. <...> Сколько можно быть Верхней Вольтой с ракетами?...*»

Его тогда спросили, как он относится к известной статье Нины Андреевой, где говорилось о том, что она не может поступиться своими советскими убеждениями: согласен ли он с ней? «Нет, – отвечал Геннадий Павлович, – не согласен. Это платформа антиперестроечных сил. Кому-то очень хочется назад, в тоталитарное стойло». Несогласным с его мнением о Сталине спецкор парировал: «*Лучше бы он оставил в живых пятьдесят миллионов замученных в ГУЛАГе*». А на вопрос о том, что же ему всё-таки запомнилось хорошего в советском прошлом, Скорятин, ёрничая, бросил, что и тогда, мол, его непримиримо критический взор ласкали только храмы... Не случайно он тогда же из поездки в США тайком везёт на родину Евангелие и ставший для него вторым святым писанием «Архипелаг ГУЛАГ».

Поляков далёк от идеализации своего героя не только в прошлом, но и в настоящем. Вроде бы точно сказано, когда Скорятин ощутил себя чужим среди своих. Даже имя Штирлица было всеу упомянуто. Но червоточина индивидуализма неизменно давала знать о себе. Какой-то современного разлива Ионыч! Всё высчитывает да просчитывает, как бы сохранить своё добытое несправедливым трудом положение, не вылететь из редакторского кресла и не расстаться с тем уровнем материальной обеспеченности, какой он в своё полное удовольствие пользуется... Что с того, что он написал статью о клептократии! Ведь он её потом, горемычную, чтоб не проиграть в тараканьих бегах, так в конце концов отредактировал, так подчистил, что ничего, кроме

либерального брюзжания, в ней не осталось. Что с того, что он, подобно Дмитрию Старцеву, увлёкся девушкой из провинции? Стоило ему всего-то навсего опоздать на катер – и всколыхнувшее было его живое чувство стало глхнуть, пока навсегда не затерялось в далёком прошлом...

В конце концов Скорятин проиграл. Но побеждён он был у Полякова не как борец за человеческое достоинство и свободу слова, о чём он так громко и так долго разглагольствовал, не говоря уже о более высоких и потому неведомых ему идеалах. Он просто просчитался, как до него и с его подачи проиграл его предшественник по должности редактора газеты и его же «однобабник» Шабельский и как выигрывают сегодня и в порядке вещей проигрывают завтра игроки всех мастей на свете...

Так чем же герой Полякова смог-таки взять читателя по сравнению с теми же персонажами из романов Улицкой и Алешковского? Очевидно, той нелицеприятной критикой существующего режима, которая из его внутренних монологов перерастает в несобственно-прямую речь, где суждения Скорятина уже трудно отличить от авторских. В этом можно было бы усмотреть резонёрский схематизм образа главного героя. Но завораживает его типичность, жизненность этого образа, его укоренённость в огромной массе скорятиных, руками которых громили народную власть и которые сегодня начинают стыдиться своих диссидентских подвигов. Такое не может не остановить внимания сегодняшнего читателя. Уж если такие скорятины – пусть не вслух, таясь, чтоб никто не дай бог не услышал! – задумались над тем, что принесла лично им и тысячам их соотечественников пресловутая «перестройка – пересадка – перестрелка», уж если в таком застойном болоте началось брожение – это значит, что мы накануне совсем иной эпохи перемен, за которыми уже не скрывается, как это было в 1980-х, мерзость, в миазмах которой задыхается «цивилизованное человечество», к которому мы имели легкомыслие присоединиться...

Судьбой «танкиста», возглавлявшего ранее еженедельник «Мир и мы», автор напомнил нам, как с приходом Горбачёва устраняли всех тех, кто не стал поступаться своими принципами и не пожелал усваивать навязываемое антикоммунистом генсеком реакционное «новое мышление». Устами своего героя он поведал нам и о том, как в среду научных сотрудников Института марксизма-ленинизма внедрялись непримиримые антисоветчики вроде того дяди Миши, который не только сам в начале 1990-х уехал на свою историческую родину в Изра-

иль, но ещё склонил к тому же сына Геннадия Павловича. А представление о постсоветской «элите» у читателя складывается из рассказа о депутате – «крупном природоохранном ворюге», в помощниках у которого – в соответствии с новой табелью о рангах – подвизался мелкий жулик...

Наблюдая за тем, как «оптимизировала» – с подачи скрывающегося от правосудия за границей хозяина еженедельника – работу с кадрами Заходьрика, Скорятин обобщает: «Какой-то новый класс-паразит. Паразитариат. Узнать паразитария легко: одет-обут модно и дорого, в руках новейший айфон, без него никуда, как монах без чётки. В кабинете, за креслом, висят дипломы и сертификаты <...>. Паразитарий знает всё и не умеет ничего, может только контролировать финансовые потоки, что в переводе на обычный язык означает: воровать заработанное другими. Но главный, отличительный признак: они никогда не признают своих ошибок, промахов, а то и просто глупостей».

Да какая Улицкая и тот же Алешковский, не говоря уже о Хемлин, позволят своим героям в таком же ключе не только чтоб сказать вслух, а хотя бы подумать, да ещё заодно с автором, о постсоветской – бальзам на их грешную душу! – России: «<...> взятки и откаты. Жульё. Но не это самое печальное. Когда, радея о державе, подворовывают, не беда: дело, как говорил Карлсон, житейское. Беда в другом: при пьяном ЕБНе – вышибли всех, кому Держава была хоть чуточку дороже малины, турнули всех, кто обладал государственной завитушкой в мозгах. Отовсюду, как навозники на свежую лепёшку, набежали «наоборотники». Их даже не хватало <...>. Из-за границы выписывали. Самолётами из Америки в Москву на работу летали. Срочно требовались ломатели и крушители».

Такого рода внутренние монологи и несобственно-прямая речь усиливают публицистическую составляющую в повествовании о любви и любовных утехх нашего героя. Они самым естественным образом перемежаются с выразительными сценами из общественной жизни, будь то преподанное читателю на грани сарказма явление среди своих известного правозащитника Сахарова в сопровождении похожей на конвоира супруги или не менее ироничное описание торжества победителей в редакции «Мымры». При этом читатель не ошибётся, если предположит, что прозревающий Скорятин мог быть первым, но, конечно же, не единственным таким чужим среди своих – и тогда, когда он вместе со всеми смеялся антисоветским анекдотам, и тогда, когда, движимый чувством самосохранения, он

опять-таки вместе со всеми выбрасывал свой партбилет в редакционную корзину для бумаг, которую услужливо подставлял им устроивший эту антисоветскую демонстрацию отступник парторг... Потому что выведенный в качестве главного героя романа Скорятин не воспринимается чем-то из ряда вон выходящим. Отнюдь. Мы имеем дело с выхваченным из самой гущи современной жизни типом, у которого были и есть в читательской среде прототипы, как бы ни пытались наши оппоненты исключить типизацию из процесса художественного исследования живой действительности. О типичности прозревающих в типичных обстоятельствах антисоветчиков говорит, кстати, и смежное с литературой искусство кино. Например, в фильме Сергея Снежкина «Цветы календулы» прозревающая диссидентка ностальгически вспоминает – и делает это вслух – о единственной в мире стране, где постовые отдавали честь поэту: «...не министру, не генералу, а Поэту»...

«Гений совка» заключает наше сегодняшнее восхождение к передовому художественному методу. Допускаю, что где-то могут быть опубликованы не менее заслуживающие внимания произведения и даже в большей степени отвечающие теме настоящих заметок. Допускаю, что ещё более заслуживающие читательского внимания романы застряли в редакционных портфелях или оказались по недосмотру в корзинах для бумаг или архивах. Это не меняет существа дела.

А дело в том, что не в каком-то ближайшем будущем, а уже сегодня социальное содержание художественной литературы, судя по громким произведениям, становится приоритетным. Дело в том, что традиционное представление о художественном методе востребовано и наполяется былым содержанием. Дело в том, что уровень критического реализма уже воспринимается как нечто само собой разумеющееся. И, наконец, дело в том, что стало возможным в связи с творческой практикой включать в повестку дня вопрос о социалистическом реализме. Причём в первозданной трактовке этого метода, а не в вариациях на эту тему, которые прозвучали накануне пресловутой эпохи перемен. Это мы уже проходили*.

Оглядываясь на рассмотренные выше произведения, отметим отсутствие в романе Кондрашова той откровенной тенденциозности в изображении

советского прошлого, с которой написан «Дознаватель» Хемлин; нет здесь и свойственного романам Улицкой ощущения неопределённости, нерешительности, недосказанности (вот какой материал подошёл бы по теме для диалога Шайтанова с Чижовой!); критика постсоветской действительности в последующих романах идёт по нарастающей к созданию всеобъемлющей выразительной картины кризиса буржуазной цивилизации... Но что нового находим мы в заключающем настоящую подборку романе?

Во-первых, ту самую полнокровную историю души человеческой, о которой я упомянул в разговоре о «Крепости» Алешковского. Это не только преподанное нам психологически достоверное жизнеописание главного героя. С таким же проникновением в глубины человеческой души воссозданы с опорой на прототипы образы персонажей второго и третьего планов. Вероятно, мастерство литератора было в данном случае подкреплено профессионализмом актёра... К такому выводу склоняет, кстати, сериал детективов с Мариной Нёловой в главной роли под общим названием «Предлагаемые обстоятельства».

Во-вторых, в романе «Гений совка» начала реалистично решаться проблема героя-одиночки. Вспомним, как именно эта проблема стала в своё время предметом творческой полемики между авторами романов «Не хлебом единым» и «Битва в пути». Галина Николаева даже имя-отчество своему Бахиреву дала те же самые, что у героя Дудинцева... За Скорятиным у Полякова – чудо художественной типизации! – затаившиеся «молчаливики». Мы чувствуем их присутствие, но они для читателя пока что – под шапкой-невидимкой. А в «Гении» мы уже имеем дело с реалистическим групповым портретом людей, решительно настроенных против существующего режима. Нет, это ещё не та «рука миллионопалая, сжатая в один громающий кулак»: это лишь отдельные, неорганизованные её «пальцы»...

Так можем ли мы в этом последнем для настоящего обзора случае говорить, что у автора нет проблем с освоением передового художественного метода? Думаю, что к социалистическому реализму однозначно могут быть отнесены и «Любовь в эпоху перемен», и «Гений совка»: речь идёт о разных этапах пробуждающегося социалистического сознания. С этой же позиции, в том же историческом ракурсе могла быть написана история Марии Осецкой... Позиция автора «Крепости», а не сам по себе образ героя-одиночки тоже является главным препятствием на пути к передовому художествен-

* Например: «социалистический реализм – исторически открытая система правдивого изображения действительности». – Марков Д. Проблемы теории социалистического реализма. М., 1978. С. 281.

ному методу. Поясню на примере из русской советской литературы.

На переломе XX–XXI веков мне уже доводилось высказываться о том значении, которое обретает для нас сегодня опыт советской литературы. При этом я напомнил читателю суждение о судьбах отечественной литературы автора известной антиутопии «Мы» Евг. Замятина, который считал, что у русской литературы «одно только будущее: её прошлое». Привожу заключительный абзац своей статьи:

«Тема воскресения, тема духовного обновления «маленького человека» стала стержневой для литературы социалистического реализма. Это было шагом вперёд в художественном развитии человечества, отражением исторического прогресса. И потому на все вчерашние и сегодняшние попытки отбросить нас вспять, скомкать и вывернуть наизнанку наши социальные и культурные достижения мы, перефразируя Замятина, утверждаем, что исторически обозримое будущее русской литературы – это её советское прошлое».*

Сказанное выше о художественной советской литературе я целиком и полностью отношу сегодня и к советскому литературоведению. В 1987 году в издательстве «Просвещение» вышла книга, адресованная школьному учителю. Её подготовил коллектив профессоров и преподавателей Московского университета. Им я и предоставляю слово для заключения о литературных героях-одиночках. Нахожу целесообразным и вполне уместным – когда книги по литературоведению в массовом порядке изымаются с полок книжных магазинов – дать читателю возможность с помощью объёмной цитаты ощутить атмосферу былых литературных дискуссий и степень осведомлённости о них рядового школьного учителя:

«Утверждение новых черт в образе героя русской прозы шестидесятых годов было далеко не простым и не гладким процессом. Ведь его столкновение с социальным и нравственным злом часто развёртывалось в непривычных, а то и неявных формах в достаточно новой сфере – сфере повседневности. И это подчас мешало писателям найти точные художественные решения, способные удовлетворить всех. С другой стороны, и критика порой оказы-

валась не в состоянии разглядеть подлинное положительное содержание характеров за внешней оболочкой обыденности, негероичности. Целый ряд героев, предложенных авторами как положительные, вызвал споры и возражения в печати. Выше уже говорилось, что отрицательную оценку получил образ Лопаткина из романа В. Дудинцева «Не хлебом единым». Десятилетие спустя столь же неодобительно был встречен частью критиков Фёдор Кузькин, герой повести Б. Можая «Живой» («Из жизни Фёдора Кузькина», 1966). Созданные в разные времена заметно различающимися по художественной манере писателями изобретатель трубоотливочной машины Лопаткин и рязанский крестьянин Фёдор Кузькин были мало похожи друг на друга. Однако их образы сближало, связывало одно общее и важное обстоятельство: оба они сталкивались с произволом и несправедливостью, каждый по-своему противостоял той практике «волевого» руководства, которая игнорирует интересы реального дела, интересы живых людей. Этим они и вызвали в своё время острый интерес к себе. В критике тех лет указывалось, однако, в обоих случаях, что герои в своей борьбе предстают в одиночку и тем самым дают искажённое представление о действительном соотношении сил в нашем обществе.

*Уместно, впрочем, заметить, что критики, не принявшие названных героев, поверхностно истолковали пафос обоих произведений. Действительно, Лопаткин и Кузькин действовали на свой страх и риск, полагаясь в основном на себя. Однако это вовсе не значило, что В. Дудинцев и Б. Можая поэтизировали, поднимали на щит одиночек. Смысл поведения их героев был совсем в другом: писателям было важно показать людей, которые способны сами совершить решительный поступок, не требуя указаний со стороны, не дожидаясь общей поддержки. Им было важно высветить и опоэтизировать в обыденном реальном человеке личную решимость вступить в борьбу с несправедливостью, социальным эгоизмом, произволом. Лопаткин и Фёдор Кузькин брали на себя ту ответственность за собственные поступки, ту активную жизненную роль, которые и делают человека героем»**.*

** Современная русская советская литература: в 2 ч. Ч. 1: Литературный процесс 50–80-х годов: книга для учителя. М.: Просвещение, 1987. С. 29–30.

* Елатов В. Воскресение // Народовластие. 2000.

Сайлыкмаа КОМБУ

**СНОВА МОЛЮСЬ
О ТЕБЕ Я, ТУВА**

* * *

Клёкот орлов, родниковые трели,
Трубы лосей по распадкам таёжным!
Вся ты подобна волшебной свирели,
Вся ты в сиянье святынь невозможном.
Как молоко, благодатны слова –
Снова молюсь о тебе я, Тува.

Камни здесь чудо-бальзам источают,
Скачут архары во льдах непочатых.
Гроном небесные своды качают
Звуки хоомея в вершинах зубчатых.
Как дар-молоко, благодатны слова –
Всей силой своей пробудись же, Тува!

Спят мои горы, спят братья-баатыры,
Шуны-маадыр их спасёт и разбудит,
Когда камнепад, весельчак и задира,
Во горле речном звуки новые сарудит.
Ярь-молоком благодатны слова,
Верю – спасём тебя, мать-Тува!

Вслед за сайгаками бродят по воле
Козы и овцы стадами без счёта:
Свет и игра необъятного поля,
Голос сыгыта, простор и свобода!

Щедрости млечной впитавши слова,
Пусть расцветает вовеки Тува!

* * *

В ранний час, невзначай, по весне
Ты нарушил души пустоту,
Ты явился сокровищем мне,
Песню грусти излив на лету.

Мне лицо приглянулось твоё,
Чтоб забыть его – зелья-вина,
Погружаясь в быльё-забытьё,
Рюмку горькую выпью до дна.

Кто зарницей в небесном краю
В миг сверкнул, ветерком просквозив?
Ты ль ранимую душу мою
Тронул, песней любви оросив?

Вон – из памяти! Не выношу
Этот образ. Прочь горе и грусть...
Свой бурдюк я до дна осушу,
Словно хворый ягнёнок, согнусь.

179

КОМБУ Сайлыкмаа Салчаковна – поэт, переводчик. Кандидат филологических наук. Заслуженный работник культуры Республики Тыва. Автор 10 поэтических сборников и 20 переводных книг на тувинский язык. Перевела на тувинский язык стихи А. Пушкина, Н. Некрасова, Ф. Тютчева, Сапфо, А. Ахматовой, М. Цветаевой, Б. Ахмадулиной, Т. Добрыниной и многих других. Составила и выпустила «Антологию тувинского сонета» (2002). Автор словаря «Тувинская литература» (2012). Руководитель литературного объединения «Алантос» с 2000 года. Ею составлен и выпущен сборник молодых поэтов «Алантос-1» (2005). Её стихи переведены на русский, монгольский, турецкий, алтайский, чувашский языки. Лауреат литературного конкурса молодых писателей (1988). За сборник «Ужук» ей присуждена литературная премия им. Барыкаан (1991). Лауреат общероссийской литературной премии имени А. Фадеева (2006). Член Союза писателей Республики Тыва (1991), Союза писателей России (1995), Союза журналистов России (2001). Живёт в Кызыле.

Душу штопая, мне не с руки
Помнить, как была ноша легка.
Только полон бокал араки
Да по-прежнему плач и тоска...

ДОЖДИСЬ МЕНЯ

Ты дождись меня, пожалуйста, дождись...
Лишь цветы раскроют зевы на опушке,
Перепёлки запоют, прольют дожди,
Я приду под окликание кукушки.

Руслам звоны ручейковые тесны!
Буду верной вешней музыке и музе
И вослед живой мелодии весны
Песню радости исполню на хомусе.

Охранимую орлами в вышине
Сказку вызнаю заоблачных утёсов.
Нежно-нежно о тебе и обо мне
Повторю урок ответов и вопросов.

Где на осыпях, на скалах и гольцах
Козы дикие пасутся и архары,
Вижу горы в снежно-розовых венцах,
Вижу, чаю Небом венчанные пары.

Пусть душа в любовь вызнанную высь
Упорхнула, как испуганная пташка,
Ты дождись меня, пожалуйста, дождись,
Даже если трудно, горестно и тяжело...

* * *

Всю ночь пела птаха, всю ночь заливалась,
Как будто печалью томясь,
Но стихла, умолкла – как только взорвалась
Лучами рассветная ясь.

Косули на скалах. В отарах долина.
Мы в горном сиянье – немеем.
И, гребень сомкнув с небесами, вершина
Грозит камнепада хоомеем.

И конь мой надёжный заржал, узнавая
Хозяйку... Я путь свой продолжу.
А птаха звенит во мне, не преставая,
Загадочно и безнадежно...

Перевод Владимира БЕРЯЗЕВА

Алексей ЕРОШИН
САМЫЙ ЛУЧШИЙ
ПОРТРЕТ

ВЕРНЫЙ ВЫБОР

Меня спросил приятель Федя,
Читал я книжку «Три медведя»?
Нет! И читать не стану впредь:
Медведя незачем тереть!

Другие пусть медведя трут –
Те, у кого характер крут!
А я покой предпочитаю –
«Три поросёнка» почитаю.

ХОМЯК

Зверька
Жаднее хомяка
Я не встречал ещё пока.
Сегодня
Ждёт гостей хомяк.
Хомяк
От ужаса
Обмяк:
«Придут,
В гостиную наследят,
Припасы все мои съедят,
Что не съедят –
Возьмут домой,
А я потом –
Посуду мой!»

Стучатся гости,
А в ответ
Кричит хомяк:

– Меня здесь нет!!!

ДЕСАНТ

Потемнели небеса –
С неба
Сыплется десант!
Купола,
Купола,
Вся земля от них бела!
Снег напал до колен –
Хочет взять
Всю землю в плен!
Не отдам врагу двора.
Атакую снег!
Ура-а!

Побежал
За ротой рота
Неприятель, словно вор, –
Отступает
За ворота,
Уползает
За забор.

151

ЕРОШИН Алексей Дмитриевич родился в с. Ленинское Новосибирской области 8 марта 1972 года. В 1991-м окончил Тогучинский лесохозяйственный техникум. В 1996 году поступил на отделение киновидеотворчества Новосибирского областного колледжа культуры и искусств, изучал историю кино, основы режиссуры, сценарного, операторского мастерства и фотографии. Трудился помощником лесничего, столяром, сторожем, дворником. В настоящее время работает дизайнером. Член Союза писателей России. Живёт в г. Бердске Новосибирской области.

Время праздновать победу.
Враг разбит,
Конец войне.
Чую,
Бабушка к обеду
Напекла
Медалей
Мне!

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПОРТРЕТ

Я свой портрет везде найду:
И в каждой луже,
И в пруду!
В любой витрине
Тоже
Есть на меня
Похожий!
Я отражаюсь,
Хохоча,
И в инструменте трубача,
И в чашке,
И в окошке,
И даже
В чайной ложке!
Кто те портреты рисовал?
На них я
Самый разный:
Как спичка есть
И как овал,
И есть
Шарообразный.
А вот счастливый самый –
В глазах
У папы с мамой!

ЖОНГЛЁРЫ

Жонглёр
Увиделся с поэтом
И заявил ему при этом:

– Все говорят,
Что мы похожи,
Что вы
Жонглируете тоже!
Вот я могу
Подбросить разом
Четыре полных кружки с квасом,
Сервиз для чая с чаем вместе
И тридцать две
Сосиски в тесте!
Ещё жонглирую
Мячами,
Семью горящими свечами,
Ножам,
Вазами,
Цветами,
Детьми,
Котлетами,
Котами,
Мышами,
Кашей,
Беляшами,
Гуашью и карандашами!
Хоть утюгами,
Хоть рагу –
Я всем жонглировать могу!
Но чем же
Мы похожи с вами,
Я не пойму никак, увы!
Так чем
Жонглируете вы?

Поэт сказал в ответ:
– Словами!

Протоиерей Сергей АДОДИН

СОЗВЕЗДИЕ БОЛЬШОГО ЕЖА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лес погружался в темноту. Последние отблески заката слегка касались верхушек деревьев. Лёгкий ветер едва доносил до пролеска журчание далёкого ручья. По сухим прошлогодним листьям и осыпавшимся сосновым иголкам бежал по своим делам недавно проснувшийся Ёж. Чуткие уши ловили каждый травяной шорох, каждый древесный скрип, а влажный нос чувствовал тонкий аромат наивкуснейших дождевых червяков, трусливо спрятавшихся от него под корнями.

– Я бы даже сказал, подло спрятавшихся, – заметил Ёж вслух.

Конечно же, понятие подлости трудно применять к червьякам, ведь они были совсем безмозглыми, но Ёж принимал всё это слишком близко к сердцу и потому всякий раз сердился на них. Почувствовав грозный топот, червяки затаились глубоко под землёй и даже перестали шевелиться.

– И снова завтрак будет вегетарианским, – печально пропыхтел Ёж и отправился к ручью за опавшей рябиной, надеясь всё же по пути наткнуться на какого-нибудь зазевавшегося жука.

Впрочем, жуки большой отвагой тоже не отличались, а потому забрались повыше на стволы деревьев ещё с вечера. Зубы у Ежа отличались остротой, а характер у него был сложный. Пробегая мимо, Ёж подозрительно покосился наверх. Жуки же стыдливо отвели свои мелкие глазки в сторону.

– Вот днём – зверь-зверем – спит себе да спит. Просто чудо! Но стоит проснуться – всё!

На пути не попадайся! – мудро заметил старый Долгоносик, глядя вслед Ежу.

– Я всё слышу! – донеслось недовольное из качающейся травы.

Долгоносик только грустно вздохнул.

По своему обыкновению Ёж сделал небольшой крюк, чтобы проведать Человека. Тот поселился в лесу прошлым летом, выкопав себе большую нору в холме. Нора была знатная, сухая, усиленная внутри палками и прутьями, выстланная хворостом и сухой соломой. И пахла сушёными грибочками и ягодами. Человек не причинял обитателям леса особого беспокойства и явно обладал признаками ума. Ну разве что не говорил. Вернее, какие-то звуки он издавал, но никто не был в силах его понять.

Вот и сейчас он стоял на коленях у входа в нору и что-то бубукал вполголоса, перебирая в руках связку каких-то зёрнышек. Кедровых, что ли.

«Странный всё-таки этот Человек!» – подумал Ёж и поспешил дальше.

У берега ручья сидел Лягушонок, смотрел на звёзды и задумчиво жевал ручейника – личинку луговой бабочки. Ёж слотнул слюну и бросил тревожный взгляд наверх.

– Вот-вот проснутся совы, – сказал он вместо приветствия.

– Здвафтуйте, дядя Ёф, – ответил Лягушонок с набитым ртом, – я увэ фкоро иду фпать. Скажите, – продолжил он вскоре, – а зачем нужны звёзды?

– Очень сложно рассуждать о высоком, когда ты голоден, а под ногами болтаются легкомысленные, вкусно пахнущие лягушата, знаешь ли.

– Ой, простите, я же совсем забыл, у меня для вас есть целых две подёнки! Вот, возьмите, пожалуйста! – воскликнул вежливый Лягушонок, протягивая пару прозрачнокрылых мотыльков.

– Не то чтобы это было много, но всё равно спасибо, – ответил Ёж, расправляясь с нечаянным завтраком. На Лягушонка он старался не смотреть и вовсю сосредоточился на запахе жуков-плавунцов, что предусмотрительно отплыли к другому берегу и теперь недоумённо переглядывались там.

– Звёзды очень полезны, ведь они позволяют совам знать, куда лететь за *сочными* лягушками.

– Ну, дядя Ёж, ну правда! – запротестовал Лягушонок.

– Лично мне они, конечно, ни к чему. И я никогда раньше не задумывался об их предназначении. Но глядя на тебя, я подумал о том, что дело не только в пользе для *голодных* сов. Звёзды нужны для того, чтобы уметь видеть дальше собственного обеда.

– Звёзды красивые, – сказал Лягушонок.

– Кому как. Каждый может сделать красивым или некрасивым всё, что угодно. Смотря как на это посмотреть. А теперь живо иди спать, иначе я сам тебя съем!

– Не съедите! – храбро воскликнул Лягушонок.

– Лучше уж я, чем старый Филин, который давно проснулся и летит в нашем направлении, – заметил Ёж. – Шум его крыльев не спутаешь ни с чьим другим.

Лягушонок ойкнул и прыгнул в ручей. Затем его голова появилась из воды.

– До свидания, дядя Ёж!

– Кыш! – шикнул Ёж, и Лягушонок снова нырнул.

– Кому это ты сказал «кыш»? – поинтересовался старый Филин, тяжело шлёпнувшись на толстую ветку лиственницы.

– Вон той голубой звезде.

– Очень смешно, – промолвил Филин и потоптался на ветке, усаживаясь поудобнее. – В последнее время эти треклятые огоньки стали раздражать меня своим ярким светом. Спасает облачная погода, да... А сон стал беспокойным. Полдня ворочаюсь, слушаю треск глупых дроздов. Иногда мне кажется, что они делают это нарочно.

– Так съешь одного, остальные уберутся подальше от твоего дома.

– Знаешь, в молодости я так и сделал бы. А сейчас, брат, годы уже не те. Не смогу тогда уснуть до самых сумерек.

– Затыкай на день уши улитками, – посоветовал Ёж, наблюдая за расслабившимися плавунцами.

– А что? Это ведь мысль, Ежище, ты меня очень выручил. Хочешь, я перенесу тебя на ту сторону ручья?

Плавунцы вздрогнули и поспешили нырнуть поглубже.

– Уже не надо, спасибо, – вздохнул Ёж, – пойду жевать рябину.

– Удачи, – тряхнул головой Филин, – а я полетел искать улиток.

Выяснилось, что ягода рябина не такая уж и скучная, если есть её валяясь на спине в куче опавших прошлогодних листьев и смотреть на крохотные звёздочки вдали. Казалось, это сочные ягодки поспели на небесных полях. Особенно старалась одна, ярко-красная. словно созревающая ежевика с дальних оврагов, она приветливо мерцала, маня к себе.

– А вон те ягодки вокруг, то есть звёздочки, похожи на важного Ежа, который возвращается домой после удачной охоты на большую злую гадюку.

Несколько дождевых червяков осторожно высунули головы, озадаченно глядя на своего грозного врага.

– Отныне нарекаю эти ягоды созвездием Большого Ежа! – торжественно изрёк Ёж, указывая мохнатой лапкой в небо.

Червяки дружно посмотрели вверх.

– А ту ягоду, что цветёт в самом сердце Большого Ежа, я назову Вечерней Ежевикой, – размечтался Ёж, глотая ягодку рябины, – она сторожит западные ворота небосвода от скользких коварных змей.

Окончательно сбитые с толку, червяки стали смущённо переглядываться.

– Кстати, один мой знакомый ёж по имени Фестер Винкл как-то писал, что у них в Англии ежевику в октябре никто не ест. То ли примета плохая, то ли ягоду кто-то специально отравил. Уже и не помню точно. У нас-то в сентябре всё съедено бывает, – сообщил Ёж, обращаясь к червякам.

Последние, услышав слово «съедено», тотчас поспешили зарыться обратно в землю.

Ближе к утру с опавшей рябиной было покончено, и Ёж, тщательно вылизав шёрстку на

сытом брюшке, отправился домой, захватив сухих листьев для подстилки, наколов их, по своему обыкновению, на колючки. По дороге он нашёл-таки крупную улитку под корягой, но есть её не стал.

– Подарю завтра Филину, – решил он, – если, конечно, до вечера от меня не сбежит.

По дороге домой Ёж снова ненадолго завернул к Человеку, чтобы перед сном послушать, как тот бубукает, перебирая зёрнышки.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Эта ночь принесла Ежу одного лишь зазевавшегося слизняка. Да и тот был, надо сказать, какой-то хилый. Ведь до зимы нужно обязательно набрать побольше жира. Иначе спячку не пережить. А спят ежи аж до самого апреля! И пока температура не поднимется градусов до пятнадцати, носа из норы ни за что не кажут. Иголки-то – не шуба. Не согреют. Так что наедаться положено сейчас до отвалу. Чтоб потом с трудом в нору пролезать.

Кстати, её ещё предстоит углубить на полметра, а то и целый метр. Это смотря сколько снега ожидается. Надо будет уточнить у Филина, тот никогда ни в чём не ошибался. Ну, кроме того случая, когда он сослепу принял Волка за одного из зайцев. Едва не лишившись хвоста, старый Филин потом целую неделю клевал боярку, успокаивая сердце.

– Вот кто бы знал, что у Волка лихорадка! Трясся, брат ты мой, точь-в-точь как заяц, сидя в высокой траве! – ворчал тогда Филин. – А характер, скажу тебе, наисквернейший. Как-то это не по-зверски всё-таки.

– Так ведь ты сам говоришь, что лихорадило Волка. С чего ему быть добрым? Сидишь болеешь, никого не трогаешь. А тут ещё тебя когтями, – рассуждал Ёж.

– Твоя правда, – сопел Филин, смущённо корябая лапой ветку, – извиниться, что ли, перед ним? Как-то нехорошо вышло.

Путь к ручью всегда казался недолгим благодаря мягкой замшелой тропинке, весьма приятной для лапок. Не то что у оврагов, где каждый мелкий камешек буквально норовит уколоть, да побольнее!

– Дядя Ёж! – уже издали замахал лапкой Лягушонок. – А я сегодня стихотворение сочинил про солнышко! Вот послушайте!

И Лягушонок радостно продекламировал:

*Солнце – красный апельсин,
Золотая корка.*

*Из-за крохотных осин
Светит нам с пригорка.*

Ёж посмотрел на далёкий пригорок, куда стоило бы вскоре наведаться за грибами. Осин действительно были крохотными.

«Удивительный малыш, – подумалось ему. – Как же ловко у него получилось сложить стих о простом закате!»

Лягушонок, наклонив голову, смотрел на Ежа.

– Вы не торопитесь с ответом. Со стихами нужно обращаться, как с голубикой. Сперва покатай во рту. Потом осторожно раскусить. Почувствовать, как мякоть попадает на язык. И уж затем проглотить.

– С голубикой понятно, – поразмыслив, сказал Ёж, – а как быть со стихотворением?

– А вы повторите его вслух. Только негромко, для самого себя, – посоветовал Лягушонок.

Ёж последовал совету и вдруг ощутил на языке вкус апельсина.

«А вот старый Филин с тобой не согласился бы. У него-то даже от звёзд глаза болят», – подумал он, но вслух вместо этого сказал, что стих очень хороший, просто деликатесный. Лягушонок обрадовался и пообещал как-нибудь сочинить поэму про Вечернюю Ежевику, о которой во всех подробностях узнал от Ежа.

Тогда, доедая традиционных подёнок – подарок Лягушонка, Ёж твёрдо решил, что завтра встанет пораньше и обязательно полюбуется на садящееся солнце, катая оранжевый стих во рту.

«А что если мне позаботиться о Человеке? – подумалось Ежу под утро, когда он, послушав перед сном человеческое бубуканье, бежал домой. – Вот взять Лягушонка... Он мал, но пытается заботиться обо мне. И я доволен, и малыш счастлив. Человеку тоже будет приятно, если я принесу ему жирного червяка. Ну или хотя бы кисточку рябины».

Уже у самой норы Ёж наткнулся на сверчка, который в ту же секунду был съеден. Старый, наученный жизнью Долгоносик, взиравший на эту сцену с высоты, лишь тяжело вздохнул и ничего не сказал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Принести Человеку свежепойманного червяка не удалось. Каким-то непостижимым образом он проглотился прежде, чем Ёж успел понять, что произошло.

— М-м-м, это было, несомненно, вкусно, хоть и очень быстро, — сконфуженно пробормотал Ёж. — Прежде, чем я смогу донести свой подарок, придётся съесть добрый десяток червей, а они-то уж точно не доставят мне такого удовольствия.

Но с пустыми лапами идти к Человеку было неловко. Пришлось сбегать к старым соснам за парочкой молодых каштановых моховиков. Сеточек на ножках у них не было, но для верности Ёж царапнул каждую у самой земли. Принюхался: запах приятный, не луковый — добрый знак. Царапины не покраснели, значит, всё в порядке, можно смело есть. С первого раза наколоть грибы на иголки не удалось. Всё-таки он был не сказочным, а настоящим ежом, а настоящие ежи обычно не носят людям грибов на спине.

По дороге Ёж утешал себя мыслями, что это только почин, а настоящее угощение он как-нибудь всё же принесёт. В другой раз.

Человек был занят своим обычным делом. Бубукал, время от времени взмахивал правой лапой и неспешно перебирал пальцами левой лапы связку зёрнышек. Давно уже стало понятным, что обоняние у Человека начисто отсутствует и держаться подветренной стороны совершенно бессмысленно. Поэтому Ёж просто подобрался к нему со спины и снял моховики с иголок. А в этом ему помогла сухая ветка пихты с раздвоенным концом. Пролазишь под ней, выгнув спинку, и рогатинка снимает гриб легко и аккуратно. Подкатив дары поближе к Норе-в-Холме (так звучит намного интереснее, ведь правда?), Ёж отошёл в сторонку, чтобы не быть случайно застигнутым врасплох. Всё ещё было стыдно за проглоченного червяка.

— Бу бу-бу бу-бу бу-бу бу. Аминь, — сказал Человек, взмахнув лапой.

От неожиданности лапки Ежа разъехались в разные стороны, и он плюхнулся на брюшко, вытаращив глаза. Между тем Человек заметил грибы, нагнулся, подобрал их, тщательно осмотрел, понюхал, слегка надломил шляпку у одного и довольным голосом сказал:

— Бу-бу бу-бу, бу-бу-бу!

После чего, нанизав моховики на нитку, повесил их сушиться под козырьком небольшого навеса и ушёл спать.

— Морок, наверное, — сказал Ёж вслух. — Слышанное ли дело — говорящий Человек? Мерещится уже с голодухи. Пора перекусить подёнками, а потом и поесть по-настоящему не мешало бы. Главное, не рассказывать никому — засмеют.

И Ёж поспешил на встречу с Лягушонком, отметив про себя, что грибы, оказывается, не самый худший вариант для подарка. Возможно, стоит подумать и о рябине — её удобно носить кисточками прямо в зубах.

Лягушонок сидел на камне, закрыв глаза, и слушал журчание ручья. Перепончатой лапкой он размахивал в такт невидимому оркестру. Ёж присел рядом.

— Слышите, дядя Ёж? — спросил Лягушонок, не открывая глаз. — Музыка!

— Нет, — честно признался Ёж.

— Это ничего. Вы просто не знаете, что именно нужно слушать, — сказал Лягушонок. — Для начала закройте глаза.

Ёж так и сделал.

— Ручей. Он журчит. Слышите? А теперь вспомните о листьях на деревьях. Они шелестят. Прислушайтесь: у осиновых голос пониже, чем у берёзовых, но выше ольховых. А ясеневые крылатки звучат, как трещотки. Но всё это — лишь фон для настоящей музыки, — продолжал Лягушонок. — Настоящая музыка внутри вас. Она зазвучит, как только вы этого захотите!

— Я попробую, — сказал Ёж, — хоть это и не просто. Ведь я знаю, что скрывается за каждым звуком. Как будто я и не закрывал глаза. Слышу, где еда, а где враги.

— Так не пойдёт, — возразил Лягушонок.

— Почему? — спросил Ёж.

— Нужно услышать то, что не связано ни с пищей, ни с опасностью. Попробуйте ещё раз! — воскликнул Лягушонок. — Что вы слышите?

Ёж задумался на какое-то время, после чего неуверенно заговорил:

— Слышу, как остывает земля после дневного жара. Как дышит трава, радуясь прохладе. Как скрипит липа: её корням тесно между двумя валунами. Слышу, как хлопает крыльями сорока... Стоп! Нормальные сороки ночами спят!

Ёж вскочил, открыл глаза и резко развернулся, ощерясь во все свои мелкие острые зубки.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Лиса, испугавшая спящую сороку, была уже совсем рядом. Её глаза были прикованы к Лягушонку. Ёж крупнее, его мясо вкуснее, но нападать на него со спины нельзя – там иглы. К тому же он наверняка успеет свернуться клубком. А вот небольшой тёмно-зелёный комочек – верный перекус. Времени размышлять, почему Ёж сам не напал на Лягушонка, не было. Мало ли что, болен или сыт. Ещё пара осторожных шажков – и можно делать прыжок.

Внезапно свершилось то, чего Лиса совсем никак не ожидала. Ёж вместо того чтобы превратиться в колючий шар, бросился на неё и больно цапнул прямо за верхнюю губу! Это хорошо ещё, что не попал в нос. Но об этом Лиса подумала уже потом. А в тот момент она с пронзительным визгом отпрыгнула в сторону. Бешеный Ёж снова бежал прямо на неё!

В ужасе Лиса мчалась сквозь бурелом не помня себя. Так не бывает! Ежи не охотятся на лис! Или всё же охотятся, когда безумные? Этот уж точно был не прочь полакомиться свежей лисятиной. Лягушонка, значит, не съел, а вот её пытался загрызть. Заманивал! Ловил на живца! Какой кошмар! Куда смотрит Медведь? Нет, надо больше высыпаться, нервы и так ни к лешему, а тут ещё такое!

Когда Лягушонок перестал трястись от страха, он спросил:

– Дядя Ёж, вы что, меня защищали? Лиса же могла вас съесть. Вам бы свернуться в клубок, но вместо этого вы меня спасли!

Ёж, которого всё ещё продолжало колотить, глубоко вздохнул и промолвил:

– Больно надо было спасать разных глупых лягушат, которые вовремя спать не ложатся. Да я просто шерсти с неё надёргать хотел. Себе в нору, на подстилку. Филин говорит, зима холодная будет. А у лис мех тёплый. Давай-ка ты дуй домой, в ручей, а?

– Так точно! – отчеканил Лягушонок, приложив лапку к голове. – Спасибо вам, дядя Ёж, до свидания, – добавил он чуть тише и нырнул в воду, оставив после себя быстро разошедшиеся круги.

– Пожалуйста, – прошептал Ёж, пытаясь успокоиться.

– Такая вот музыка, – добавил он, посмотрев на созвездие Большого Ежа – победителя гадюк.

– Медведь – довольно примитивный зверь, с узким кругозором, дурным вкусом, злопамятный и мстительный, – поучал молодых жуков мудрый Долгоносик. – Он немножко для нашего леса мелковат. Управленец из него очень посредственный, ему бы небольшой пасекой заведовать или грядкой...

Тут, едва завидев заспанного Ежа краем фасеточного глаза, Долгоносик осёкся. Пень, служивший ему трибуной, был всё-таки недостаточно высоким.

– Вот то ли дело – Ёж! – продолжил старый жук-слоник, делая вид, что не замечает ничего вокруг.

Слушатели, сидевшие на стволах сосен и берёз, молча зыркнули глазками-бусинками на своего всеядного врага и незаметно забрались чуть выше.

Чувствуя, что ему становится жарко, Долгоносик заставил себя не смотреть на Ежа и принялся вдохновенно перечислять всевозможные достоинства колючего венца творения. Да так, что глупые червяки чуть было не вылезли из земли, дабы засвидетельствовать тому своё почтение.

Ёж покачал головой и скрылся в зарослях горькой жимолости. Грустный Долгоносик медленно выдохнул и полез под корягу, забыв о своей аудитории.

– Видит небо, это был самый трудный момент всей моей нелёгкой жизни, – пожаловался он неизвестно кому, затыкая круглое оконце своего жилища сосновой чешуйкой.

Человек ночь за ночью проявлял настоящие чудеса овладения членораздельными звуками. Его бубуканье временами перемежалось чёткими, хоть и непонятными Ежу словами. Скорее всего, это были именно слова. Возможно, всё дело было в хорошем питании, ведь Ёж всякий раз приносил различные деликатесы к Норе-в-Холме. Правда, наблюдение за реакцией Человека на гостинцы показало, что он не ест ни насекомых, ни даже червей. Странно, конечно...

– Просвети ум мой, – однажды удалось говорить Человеку, после чего снова сбился на обычное «бу-бу-бу».

«А вот это точно не мешало бы, – подумал Ёж, подкатывая к входу Норы крупный подосиновик. – Свет в уме пока никому ещё не помещал в нашем лесу. В следующий раз принесу

красный мухомор. Не зря же им лакомятся сам Медведь».

– Говорят, недели две назад на Лису напала целая стая бродячих ежей, – сообщил Филин, найдя за полночь своего приятеля под рябиной у ручья.

– Не может быть! – с полунабитым ртом откликнулся Ёж, продолжая лежать на спине и рассматривать ночное небо.

– Ну это со слов самой Лисы. Мне одна знакомая сова рассказывала третьего дня. Что-то, брат, не сходится в этой истории, понимаешь? – задумчиво сказал Филин и почесал клюв о нарост на стволе рябины.

– Наверное, то, что бродячим ежам свойственно загонять гораздо более крупного зверя. Кабана, к примеру. Или лося. Но уж точно не лис. Как-то мелко это, – без тени улыбки сказал Ёж.

– В бродячих ежах я не очень хорошо разбираюсь, – признался Филин, – но я ни разу не встречал *целую* стаю. Да что там – стаю! Я и троих-то ежей одновременно не видывал, да... А вот Лисе доверять нельзя. Та соврёт – недорого возьмёт. Как ловко она меня прошлым летом обманула! Выклянула мышь под предлогом, что знает способ, как с её помощью привести целый выводок. А я, старый дурак, поверил! Лиса у меня мышь-то взяла, посиди, говорит, тут, а я скоро, мол, обернусь.

– А ты? – повернулся Ёж, перестав жевать.

– А что я? Сидел, брат, до утра, все глаза просмотрел, а потом спать полетел несолоно хлебавши. Вот тебе и Лиса! Были бы ежи, ты уж точно что-то знал об этом, ведь так? – спросил Филин.

– Ясно как лунный свет, – кивнул Ёж, – а ты чего так ежами беспокоился?

– Ты это... не подумай, – смутился Филин, – Я вашего брата не трогаю. Ну с того раза, как мы с тобой... То есть, когда я... Ну, в общем, с тех пор, как ты не дал мне сгинуть в том болоте...

Старая птица нервно зацарапала лапами по ветке.

Ёж машинально погладил старый шрам через всю грудь и вздохнул:

– Мы же договорились. Забудь уже. Расскажи лучше, что ещё в нашем лесу деется.

– Форменный бардак кругом! Порядку-то нет никакого! – взъерошил перья Филин. – А полёвка та, скажу тебе, знатная была, крупная... Эх!

А эта рыжая меня вокруг когтя обвела! Никакого уважения к возрасту!

Утром Ёж ненадолго задержался у своей норы, обдумывая двухнедельной давности слова Лягушонка о музыке, глядя, как пробуждается солнце, слушая, как с ним приходят новые звуки, каждый из которых хотелось сравнить с разноцветными нитями. Казалось, можно протянуть лапку и сплести из них хитроумный мелодический узор.

Поймав себя на рассуждениях вслух, Ёж открыл глаза, прекратил тянуть лапки к восходу, подозрительно покосился на притворившегося слепоглухонемым Долгоносика, после чего отправился спать.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Пока солнце, зацепившись за верхушки деревьев первыми лучами, боролось со сном, у входа в барсучью нору, что прятался в покрытом кустарником суходоле, вынашивалась самая настоящая месть. Нет, сам Барсук, конечно же, не был на такое способен. Выселенный обманом, он погоревал немного, затем перешёл через ручей и построил себе новый дом. А вот новая хозяйка норы сейчас нервно ходила взад и вперёд, ошетилив рыжий хвост.

В байку о стае бешеных ежей верили далеко не все. Мыши, к примеру, уже начинали в открытую высказывать свои сомнения. А перестанут бояться – начнут объединяться друг с другом. Полёвки с лесными, мыши-малютки с желтогорлыми мышами. И тогда конец охоте, всему конец. А если остальные ежи узнают? Вдруг захотят выселить её на окраину леса?

Ну уж нет! Надо действовать решительно и отомстить Ежу так, чтоб другим было неповадно. Только вот этот бешеный Ёж... Кто знает, на что ещё он способен? Без хитрости никак не обойтись.

Найти Волка было несложно. Он слонялся вокруг опушки, подстерегая длиннохвостых сусликов. Начинать разговор с голодным зверем было глупо, поэтому Лиса принесла в зубах упитанного вальдшнепа, которого словила у самого гнезда под молодой ёлочкой. Птенцов, конечно же, съела сама.

– Здравствуй, Волчок! – дружелюбно сказала Лиса, положив перед ним птицу. – Угощайся, будь добр. Специально для тебя выслеживала.

Волк подозрительно посмотрел на подношение:

– Чего это вдруг? Ага, понял. Нужно тебе что-то от меня. Вот ты и пришла. С жалким бекасом.

– Да ты что? – замахала Лиса лапами, усевшись напротив. – Я же от чистого сердца! Как узнала я, что Ёж на тебя Филина напустил, так месяц успокоиться не могла! Ни спать, ни есть не в силах, всё за тебя переживала!

– Что? Какой Ёж? – опешил Волк.

– Ну Филин ещё на тебя напал, не помнишь, что ли? – удивилась Лиса.

– Так это... за Зайца он меня принял. Прилетал извинялся. Сослепу, говорит, – поглядывая в сторону опушки, ответил Волк.

Лиса всплеснула лапами.

– Какая наглая ложь! То ли какой-то дрожащий комок шерсти, то ли благородный зверь с гордой осанкой. Неказистый Заяц или красавец Волк! – возмутилась она, стараясь не глядеть на свалывшиеся комки шерсти на впалых волчьих боках. – Да вас же просто невозможно перепутать! Говорю тебе: Ёж Филина подослал.

– С чего ты взяла? Да и почему я тебе верить должен? – прищурился Волк.

– Мне не веришь – сам проверь, – вильнула хвостом Лиса. – Поймала я как-то Лягушонка. Съесть хотела, да пожалела. Мал ещё. Так он в благодарность и рассказал мне всё. Про Ежа, про Филина.

– Ему-то откуда известно? Бред какой-то, – зевнул Волк.

Лиса придвинулась ближе:

– Да у них там целая банда! Что ни вечер – Лягушонок с Ежом планы строят у ручья. А потом прилетает Филин и получает от Ежа инструкции. Хвост даю на отсечение – Лягушонок правду сказал, затевают они что-то подлое. А нападение на тебя – это только начало. Власть они собираются менять в лесу. Мне-то что? Я зверь маленький. Изгонят из леса, я в горы уйду. А вот за тебя, Волчок, обидно до слёз.

И Лиса смахнула две крупные слезинки, горько потупив взор.

– Вот ты доверился Филину, – продолжала Лиса, – как будто не знаешь выражения «врёт как сивый Филин».

– Э-э-э. Не, не знаю, – смущённо признался Волк.

– Вот на то и расчёт. За первым покушением последуют и другие. Слыхал, как на меня наслали целую бригаду наёмных ежей? – продолжала Лиса.

Волк помедлил:

– Было что-то, ага.

– Еле ноги унесла! – пожаловалась Лиса. – А ежи те после тайной операции как сквозь землю провалились. И никто их больше не видел. Ведь так?

– Верно, – задумался Волк.

– Ты кушай, кушай, Волчок, тебе сейчас силы нужны, – заботливо подтолкнула Лиса вальдшнепа лапой.

Волк молча сглотнул слюну.

– Не сегодня-завтра за тобой ежей пришлют. Или филинов. Не удивлюсь, они уже и с гадюками в сговор вступили. Опустеет лес без Волка, опустеет... Конечно, если никто не разберётся с Ежом. Нет главаря – нет и банды. Но о чём это я? Всё равно мне никто не поверит. Пойду-ка я мышей сушить на дальнюю дорогу.

И Лиса, сокрушённо покачав головой, тяжело вздохнула.

– Покажешь того Ежа, – мрачно сказал Волк. – Завтра вечером. А птицу свою забирай.

Довольная Лиса ушла восвояси, а Волк ещё долго сидел на краю опушки. Вот из норы высунулся суслик, огляделся и серовато-палевой молнией метнулся грызть овсюг. Волк равнодушно проводил его взглядом. Есть ему хотелось.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

– Я думаю, что звёзды – это специальные дырки в ткани небосвода, – решил однажды Ёж, когда они с Лягушонком слушали ночь. – А там, за ними, горит яркий огонь.

– А днём дырки закрываются? – спросил Лягушонок. – Днём звёзд не видно. Ну, кроме одной, Утренней Квакши, её иногда видно бывает утром.

– Нет, – помолчав, ответил Ёж, – не думаю. Скорее всего, они никуда не деваются. Видимо, Солнце светит настолько ярко, что свет звёзд нам не виден.

– Выходит, что и Солнце – это дырка в небе? – задумался Лягушонок. – Только большая. Тогда почему она движется?

Ёж почесал ухо:

– Если Солнце – это тоже дырка, это может означать только одно – движемся мы.

– Мы никуда не движемся! – возразил Лягушонок. – Мы лежим на месте и никуда не деваемся.

– Ручей вроде тоже никуда не девается, но он бежит, притом достаточно резво, – заметил

Ёж. – А может, весь лес движется? Или даже все леса в мире?!

– Лес вообще на месте стоит. А мы лежим, – не согласился Лягушонок.

– А вот я тебе сейчас фокус один покажу, – придумал Ёж. – Полезай ко мне на спину.

– Там иголки же! – пискнул Лягушонок.

– Я их прижму. А ты будь аккуратней, – сказал Ёж. – Забрался? Держись за уши, да покрепче!

Словно цирковая лошадь, мчался Ёж по кругу вокруг старого пня, пока не устал. Лягушонок свалился прямо под стебель объединенной водяники. Его глаза смотрели в небо и не переставали вращаться.

– Ну, как? – отдышавшись, спросил Ёж. – Что сейчас двигалось?

– Сейчас вообще всё движется, – пробормотал Лягушонок. – Весь мир вместе со мной падает прямо на звёзды.

Ёж на всякий случай опасливо покосился на небо:

– Лес двигался?

– Двигался.

– А я?

– И вы, дядя Ёж.

– А ты?

– Я тоже.

– Ты неподвижно сидел на мне, – наизда-тельно сказал Ёж. – Лес стоял. Я двигался. А тебе казалось, что кружится лес. Так дело было?

– Так, – приходя в себя, промолвил Лягушонок. – Получается, мы все сидим на спине гигантского Ежа?

Ёж наморщил лоб:

– Э-э-э, ну, что-то вроде того. Мы как будто на корабле, который плывёт по своему пути. А огонь, что позади небесного полотна, освещает нам дорогу.

– Но кто зажжёт этот огонь? И зачем?! – воскликнул Лягушонок, глядя в звёзды.

Ёж хотел было ответить, что нужно бы спросить об этом Филина, как замер. Филин уже был тут. Он сидел на ветке сосны с разинутым клювом. А его и без того круглые глаза были теперь похожи на две луны. Лягушонок, заметив Филина, ойкнул и спрятался за колючей спиной.

Ёж замялся:

– Это...

– Не то, что я подумал? – выдавил Филин. – Да я, брат, способность мыслить потерял, уви-

дев... Не знаю даже, как назвать. Очень надеюсь, что этот хищный, кровожадный Лягушонок напал на тебя, а ты пытался его сбросить, спасая свою жизнь.

Ёж почесал лапой ухо:

– Тут у нас весёлая карусель. Хочешь, я и тебя прокачу?

Не успел Филин ответить, как из-за сосны появился ощерившийся Волк:

– Я смотрю, вся шайка в сборе. А прокати-ка лучше меня!

И с этими словами он бросился на Ежа, сильным ударом лапы отправив его прямо в ручей.

– Помогите! – слабым голосом квакнул Лягушонок. От страха его ноги совсем не слушались, и он, застыв на месте, только и мог, что смотреть.

Волк не обратил на него никакого внимания и в два прыжка оказался на мелководе ниже по течению.

Попав в воду, Ёж тут же перевернулся на спину, и теперь его брюшко было абсолютно незащищено. В голове помутилось от удара, и он не мог ничего сделать. Течение сносило его прямо на Волка.

160

Филин опомнился, зашумел, захлопал крыльями и спикировал прямо на волчью спину. Волк завыл от боли и упустил момент, когда Ёж, приходя в себя, проплывал между его серыми лапами.

«Странно, а почему вместо Большого Ежа на небе большое волчье брюхо?» – рассеянно подумал он, кружась в холодной воде.

Извернувшись, Волк цапнул Филина за хвост, выдрав несколько перьев. Тот осерчал да и клюнул Волка что было сил. Волчара подскочил и плюхнулся в самую середину ручья, обрызгав птицу. Затем изловчился и схватил Филина за крыло.

«Сейчас утону», – понял Филин и судорожно забил по воде свободным крылом.

Лиса с самого начала наблюдала за схваткой из-за куста бузины, рассудив, что лучше в пекло не лезть. Однако, увидев застывшего в испуге Лягушонка, она решила сожрать его, пока есть такая возможность. Тем более что он её даже не видел. Пригибаясь к земле, Лиса двинулась к добыче. Шаг за шагом. Всё ближе и ближе. И тут, когда ей оставалось лишь прыгнуть и схватить жертву, появился Человек.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

* * *

Человек проснулся среди ночи от шума. Что-то происходило неподалеку от землянки. Сообразив, что это могут быть дикие звери, Человек спросонья решил установить границы своей территории. Для этого он прихватил крепкую палку, с которой обычно ходил к болоту.

Уже подходя к ручью, Человек начал осознать необдуманность своей вылазки. Светила полная луна, и его взору предстала следующая картина: довольно крупный волк полоскал в ручье то ли сову, то ли филина, а на сверкающих серебром волнах кружился и покачивался какой-то свёрток.

– Что за искушение! – пробормотал Человек, протирая глаза и подходя поближе.

Буквально из-под ног шарахнулась лиса и скрылась в кустах. Сбежала, а добычу свою бросила. Человек нагнулся, поднял из травы небольшую лягушку. Скорее, лягушонка. Вид у него был жалкий. Оно и понятно, ведь им только что чуть не пообедали.

Ещё несколько быстрых шагов, и стало ясно, что волк и сова сошлись в схватке из-за... ежа, причём сова явно проигрывала бой. По ручью от дерущихся уплывал ёж. И, между прочим, тот самый, что подкармливал его последнее время. Человека умиляла забота лесного обитателя о нём. Правда, сперва ёж приносил иной раз несъедобные вещи. Это было забавно.

Человек успел привязаться к ежу. Нужно было его спасти! Хотя, видимо, сова тоже нуждалась в помощи, ведь плавать она не умела, и купание вместе с пребыванием в волчьей пасти вряд ли пошло ей на пользу. Сунув дрожавшего от страха лягушонка в карман старой куртки, Человек вбежал по колени в воду и закричал:

– Прекратить!

Волк подпрыгнул всеми четырьмя лапами и выпустил птицу из пасти. Чем Человек и воспользовался, выхватив Филина у него из-под носа. Теперь стало ясно, что это филин. Волк отскочил, оскалится и глухо зарычал.

Палку пришлось бросить. По скользким ручейным камням Человек догнал плывущего по течению Ежа, извлёк из воды и, прижав к себе, стал пятиться от Волка на другой берег. Из исколотой ежовыми иголками руки капала кровь.

От пыла драки, обиды и запаха крови Волк рассвирепел. Шерсть на его холке встала дыбом, бока часто вздымались. Из-за наскока Филина болели спина и хвост. Этот Человек, видимо, тоже в банде, раз отбил Ежа и Филина, а судя по запаху, у него был и Лягушонок. От Человека можно ожидать любой гадости, ведь он не зверь. Волк всякое слышал про людей. Но сейчас у Человека не было палки. Напасть или с позором уйти? Подлая Лиса наверняка сидит где-то рядом, не шелохнётся. Ждёт, чем всё закончится. На поддержку рассчитывать не приходится...

Итак, напасть или уйти? Решение затягивалось.

* * *

Лягушонок устал бояться. Сначала он ни о чём не мог думать, кроме ужасных волчьих зубов. Потом вспомнил о Еже и звёздах.

«Я должен спасти дядю Ежа! – решил он. – Даже если меня съедят! Ну и пусть! Есть что-то дороже жизни. Не зря ведь горит огонь за небом. А если есть огонь, должен быть и тот, кто его зажжёт. Да и дырки в небе прорезать, две больших и множество маленьких, явно было непросто. Такое не под силу ни одному зверю. И сделано это с явной заботой о зверях. Возможно, тот, кто возжёт небесное пламя, мог бы помочь спасти дядю Ежа. Впрочем, пора вылезать. Нельзя же всё время бояться». И Лягушонок полез из кармана наружу.

* * *

Филин чувствовал себя хуже некуда. Болело всё тело, да ещё и Человек прижимал его к себе слишком крепко. Пока неясно, с какой целью. Впрочем, судя по всему, Человек есть его не собирался. Наверное, не собирался.

В другой руке у Человека был Ёж. Рука исколота колючками, но выпускать Ежа он вроде бы не намеревался. Стало быть, опасность миновала. Конечно, неподалёку стоял Волк и рычал, но атаковать Человека не решался. Пахло Лягушонком. Он точно был где-то совсем близко. Внезапно складки человеческой кожи зашуршали, и появилась голова Лягушонка.

– А ты что? – удивился Филин, который догадался уже об их с Ежом странной дружбе. Впрочем, если подумать, не более странной, чем дружба Филина и Ежа.

– Дядю Ежа спасать! – отозвался Лягушонок.

– А ну спрятался обратно! Спаситель нашёлся! – щёлкнул Филин на него клювом.

Лягушонок зажмурился, но не пошевелился. «Вот беда ещё на мою старую голову», – подумал Филин.

Ёж окончательно пришёл в себя, но не мог даже шелохнуться и пригладить иголки, которые впились в Человека. Ёж был очень благодарен ему за своё спасение, но страх за Лягушонка и Филина не проходил. Что, если Человек окажется слабее Волка? Что, если все, кто дорог Ежу, включая Человека, погибнут? Этого Ёж допустить никак не мог и приготовился защищать своих друзей до последней капли ежовой крови. Хоть от Волка, хоть от всех волков мира.

Голова звенела, лес качался, словно море... Ёж потерял сознание.

Лиса не стала дожидаться, чем закончится противостояние Волка и Человека, предпочтя узнать об этом завтра из сорочьих новостей. Словно тень, неслышно скользила она среди деревьев, увлечённая мыслями, пока не налетела на Медведя.

– Куда прёшь? Глаза твои где, рыжая? – недовольно пробасил он.

Лиса растерялась и по-собачьи завилыла хвостом.

– И что там за шум у ручья? Опять натворила чего? – строго спросил Медведь.

– Беда, Ваша Медвежесть! Там Человек! На зверей нападает! Я еле ноги унесла! За подмогой спешу! – сбивчиво пролаяла Лиса.

– Что? А ну показывай, пока я из тебя пугало не смастерил! – рявкнул Медведь.

– Конечно, конечно! – припала к земле Лиса. – Да я же из самых лучших побужде...

– Бегом! – перебил Медведь, и они побежали к ручью.

Медведь не доверял Лисе ни на гнилую шишку, но её слова всё равно стоило проверить. А вдруг и правда зверям в его лесу грозила опасность? Если что – с неё всегда можно будет спросить за обман. И никуда она не денется.

Кстати, надо будет потом спросить рыжую плутовку о норе Барсука, который уверял, будто подарил её Лисе, но сороки трещали, что здесь имело место самое настоящее мошенничество. А этого в своём лесу Медведь терпеть уж точно не собирался.

Выбежав вслед за Лисой к ручью, Медведь увидел Человека, схватившего Филина и Ежа. Филин был сильно потрёпан, Еж вообще не двигался. Напротив Человека стоял взъерошенный Волк.

– Вот он, этот человеческий звероубийца! Филина погрыз, а Ежа и вовсе замучил на смерть! – горестно завывала Лиса, всплеснув лапами. – А Лягушонка, Лягушонка-то за что? Только жить начинал...

Волк резко обернулся и зыркнул на Лису совершенно диким взглядом. Медведь взревел и медленно двинулся на Человека. Разбираться времени не было.

Если противостояние одинокому Волку ещё виделось Человеку наподобие шахматной ничьей, ведь он чувствовал волчью нерешительность, то появление Медведя свело шансы выжить к нулю. Иллюзий Человек не питал. Встань зверь на задние лапы, это означало бы любопытство или неуверенность. Но прижатые уши, вздыбленная на загривке шерсть и прямой, немигающий взгляд говорили о том, что Медведь вот-вот бросится.

Стоит ли умирать из-за филина, ежа и лягушки? Если бросить в медведя птицей и ежом, можно успеть добежать до землянки и запереться в ней. Только вот по-человечески ли это?

«Я ведь вручил свою жизнь Богу, став отшельником. Если пришло моё время, умру человеком. Жаль только невинных зверушек. Сгинут ведь вместе со мной», – мелькнули мысли.

– Прими, Господи, дух мой! – сказал Человек в небо, преклоняя колени. – И не оставь братьев моих меньших!

Никто из лесных обитателей не понял, что именно произошло. Внешне Человек вроде бы не изменился, но внутри него словно разгорелся огонь. Казалось, что он видит насквозь каждого. Видит и узнаёт.

Медведь остановился у самой воды и сел, глядя на своего старшего брата, о котором что-

то смутно помнил, словно из раннего детства. Кто же он? Повелитель? Нет, не то... Хранитель леса – вот кто.

Волк сделал шаг назад. Перед ним был Миротворец.

Лиса пятилась к бузине, ведь там, за ручьём, был Судья.

Филин, успокаиваясь, почувствовал, что его тело перестаёт болеть. Это было неудивительно, ведь он был в руках Врача.

Лягушонок оставил попытки выбраться из кармана, ведь теперь с ними был Защитник. К тому же Защитник лично знал того, кто зажёт в небе великий огонь.

Старый Долгоносик, наблюдавший за всем этим со ствола лиственницы, понял, что теперь лес не пропадёт, ведь в нём есть Хозяин.

Ёж очнулся и первым делом вскричал, увидев рядом с Волком Медведя:

– Не троньте моих друзей!

– Всё в порядке, Ёж, – сказал Человек, поднимаясь с колен, – никто больше не будет угрожать ни тебе, ни твоим друзьям.

Ёж хотел было удивиться, что Человек его понимает, но взглядевшись в его глаза-звёзды, в которых пылал самый настоящий небесный огонь, прошептал:

– Хорошо, Учитель.

Кемерово

163

Зоя КОЗЛОВА

ВАЛЕНКИ ДЛЯ ЗАИНЬКИ

ВКУСНАЯ КНИЖКА

*Две хорошенькие мышки
На столе смотрели книжки,
Тут одна другой сказала:
– Нарисовано тут сало! –
Наши мышки-торопыжки
Съели сало в этой книжке.
И вздохнули вдруг устало:
– Жалко, сала было мало!*

ПРОГУЛКА

*Днём гулял по небу месяц,
Стал совсем усталый.
И на крыше нашей снежной
Лёг под одеяло.
Рожки спрятал
В снег пуховый,
Отдохнул немного.
Ночь настала, и он снова
Поспешил в дорогу.*

КАК МЫ МЫЛИ КОШКУ

*Мы сегодня мыли кошку,
Упиралась как могла.
Подустали мы немножко,
Вот такие с ней дела.
Мама строго приказала
Отпустить и сесть молчком.
Мы не знали, что все кошки
Моют шёрстку язычком.*

ВАЛЕНКИ ДЛЯ ЗАИНЬКИ

*Зайка, заинька косой,
Что ты бегаешь босой?
Я найду тебя в лесу,
Валеночки принесу.
Надевай их поскорей,
Будет лапочкам теплей.
Ну а зайка рассмеялся,
От подарка отказался:
– Как от волка побегу,
Потеряю их в снегу!*

пос. Ижморский

«...ВОЗРАСТ ПОЛЯ ЕЩЁ ВПЕРЕДИ»

В разное время у меня было несколько публикаций в областной периодике, посвящённых творчеству известного русского поэта Сергея Донбая. И каждый раз, готовя о нём новый материал, ощущаю, что не могу полностью отдаться теме, не под силу мне одному найти такие выразительные слова, в которых незрелая моя мысль сконцентрировалась бы так плотно, как того заслуживает его литературная работа и общественная деятельность. И как тут не вспомнить слова всемирно известного классика У. Сомерсета Моэма о том, что о человеке можно писать всю жизнь, а в итоге сможешь сказать лишь небольшую часть, осветить лишь малую толику из сделанных им добрых дел.

Ведь Сергей Лаврентьевич не сидит на месте, не закичивается на достигнутом. И это хорошо, потому что в его богатом жизненном опыте, человеческой умудрённости, тактичном, ненавязчивом наставничестве нуждаются как начинающие литераторы, так и профессиональные.

В моей творческой жизни было несколько моментов, когда, казалось бы, не смогу найти выход. Тогда поздним вечером я набирал телефонный номер кемеровской квартиры Донбая и начинал советовать. Его внимательное, доброжелательное отношение всегда располагает к откровенности. Ну как тут не вспомнить недавний случай недопонимания некоторых членов новокузнецкого филиала нашей областной писательской организации, который возглавляю второй срок. Дошло до того, что мне хотелось уже было бросить начатое дело. Но дружеская поддержка С. Донбая, его равнодушие к происходящему на юге Кузбасса рассеяли мои неуверенность и сомнения.

Есть прекрасное высказывание о том, что человеку, особенно творческому, надо прислушиваться к своему времени. Если внимательно перечитать все основные книги поэта, то это просматривается уже с первых его лирических строк. Первая серьёзная публикация стихов Сергея Донбая появилась в 1961 году в новосибирской газете «Молодость Сибири», когда он ещё учился в инженерно-строительном институте. Студенческие годы принесли автору много незабываемых впечатлений. Да и как иначе! Из столицы Сибири Сергей привёз такое количество зрелых стихов, что впоследствии их хватило на первый поэтический сборник – «Утренняя дорога» (1970).

Я неоднократно перечитывал эту небольшую книгу, пытаюсь окунуться в 60-е годы прошлого века и понять всё то, что волновало поэта, чем он жил, к чему стремился его лирический герой, но так и не нашёл единого лейтмотива сборника. И это меня радует. В стихах ощущаются философские размышления поэта о его месте в нашем обществе, лирические строки воспевают красоту природы нашего

края, говорят о возвышенной любви к женщине. Такой разносторонний взгляд даёт нам возможность лучше понять мировоззрение автора, вместе с ним переживать и радоваться в окружающем нас мире тем прекрасным мгновениям, которые может увидеть только поэтическая душа:

*Упали травы. Косари ушли.
И косы отдыхали на плечах.
Ни звука, ни ромашек, ни души.
Поляны в солнечных лучах.
Упали травы. Кажется, к земле
Прижались испуганно поля...
На веточке у космоса во мгле,
Как яблоко, чуть держится Земля.*

«Для меня поэзия, – говорит С. Л. Донбай, – это и способ познания мира, и одновременно моё отношение к нему. Лирический философ, на мой взгляд, должен не только отражать жизнь, но и художественно её преобразовывать, наполнять высокими смыслами».

В сборнике «Утренняя дорога» часто встречаются такие философско-лирические моменты, где автор размышляет о пережитом:

*Я становлюсь совсем несмелым –
То стыд, то страх меня берёт,
Когда ты щёки тушишь снегом,
От счастья открываешь рот!*

В «Утренних стихах» философское миропонимание способствует возникновению жажды чистого и светлого, того, чего так не хватает в нашей повседневности:

*Когда из земли вырастает солнце
И вялые кошки идут по асфальту,
На улицах песни слагают поэты,
А дворники сны свои прячут под фартук.
Как свято светение! Утром
Твердеют предметы и воздух,
Огонь за горой горизонта
Уже набирает возраст.*

Через всё творчество С. Л. Донбая хорошо прослеживается тот исторический отрезок времени, в котором живёт он и о котором пишет. Он всё-таки долго жил в стране, называвшейся до недавнего времени Советский Союз, в стране, которая впервые в мире вывела на околоземную орбиту ракету с Юрием Гагариным.

*И – как биолог к микроскопу –
Прищурясь и склонившись над
Землёй, развёрнутой к востоку,
Здесь БАМ поправил космонавт;
И поезда идут замедленно –
Покряхтывает магистраль,*

Но всё слышнее и заметнее
 Сталь зарифмовывает даль <...>
 На свет и звук – огонь и голос –
 Мысль оглянулась, навсегда.
 Сибирь, развёрнутая в космос, –
 Ракета, Родина, Звезда.

И неудивительно, что от всего происходящего вокруг поэт пребывает в приподнятом настроении, в добром расположении духа:

Мне весело живётся!
 А почему бы нет?
 Скажу – и улыбнётся
 Мне женщина в ответ!

Молодость и яркая жизнь, полноценное общение, красота природы и человека, счастье от каждого прожитого мига наполняют поэта, несмотря ни на какие социальные условия:

Мы жили в эпоху застоя
 И не замечали застой.
 И всё это было со мною,
 И всё это было с тобой...

Горечь и разочарование вызывают лишь последующие так называемые преобразования в нашем обществе, которые, кроме нищеты и бед, ничего не принесли простым людям. Поначалу были надежды на горбачёвские «перестроечные процессы». Но они из-за «болтологии» не были серьёзно восприняты обществом. Затем шахтёрские забастовки настолько расшатали ещё до недавнего времени могущественный СССР, что уже никакие силы не могли остановить необратимый процесс. И вот уже четверть века мы испытываем на себе влияние смутного времени:

Я хотел бы пройти по кремлёвской стене.
 Я хотел бы взойти на кремлёвскую стену.
 Но тоскою сидит эта смута во мне –
 Кремль всегда ожидает измену.

Более десяти лет трудился Сергей Донбай архитектором в одном из проектных институтов. Но потом оставил эту работу и полностью ушёл в творчество. Его стихи стали регулярно печататься не только в областной периодике, но и центральных изданиях.

Особенно много дало Сергею Лаврентьевичу его многолетнее сотрудничество с региональным, а ныне общероссийским журналом «Огни Кузбасса». На протяжении последних десятилетий именно в этом журнале были опубликованы лучшие поэтические циклы С. Донбая. И сейчас, возглавляя редакционный коллектив этого издания, Сергей не снижает требований к отбору своих собственных произведений.

За годы творческой работы у Сергея Донбая вышло много поэтических книг: «Утренняя дорога», «Прелесть смысла», «День», «Смута», «Проснись у меня на плече», «Стихотворения», «Слеза», «Силица», «Посередине России» и другие. Но мне почему-то особенно дороги стихи, появившиеся в сборнике «Малая толика» и посвящённые памяти ушедших из жизни поэтов: Николая Николаевского, Николая Колмогорова, Виталия Ковшова, Валерия Зубарева, Виталия Крёкова, Леонида Гержидовича...

Поэты не уходят без причин.
 Они, быть может, превратились в лёд
 и пламень,
 Затем, что хоть кричи, хоть не кричи –
 Не слышно, не заденет, немота меж нами.

Все эти кузбасские поэты тоже захватили лихие 90-е годы, испили сполна чашу горьких разочарований, а некоторые и буквально испытали нищету. Я с некоторыми из них тесно общался, видел, в каком бедственном положении жили их семьи...

Отрадно, что Сергей Донбай ушедшим из жизни поэтам посвятил светлые строки, ведь ушедшие так и остались в нас какой-то неразбуженной, непознанной ещё частью:

Угомонилось как будто:
 Стихли, уснули, ушли...
 Чу! Заиграла побудка
 В нас побуждений души!

Как справедливо отмечают литературные критики, творчество С. Л. Донбая не вмещается в пространство сибирского региона. Он «стал <...> поэтом наиболее близким ко времени, к социальной жизни, к изображению и осмыслению личной судьбы на фоне аскетической, суровой, уличной, но по-своему бескорыстной и поэтической эпохи...», – отмечает главный редактор журнала «Наш современник» Станислав Куняев.

Книги поэта выходят в разных издательствах страны. Последние стихотворные однотомники «Посередине России» (2011) и «Малая толика» (2015) увидели свет в столичном издательстве «Российский писатель», под редакцией С. Ю. Куняева и Н. И. Дорошенко. О них знают, их обсуждают в литературных студиях, в журналах появляются рецензии.

А те, кто не смог приобрести вышедшие в последние годы книги Сергея Донбая, знакомятся с его творчеством через журналы «Наш современник», «Москва», «Сибирские огни», «Молодая гвардия», «День и ночь», «Сибирь», «Врата Сибири», еженедельники «Российский писатель», «Литературная Россия» и многие другие.

В каком бы жанре ни работал Сергей Донбай, к нему как со стороны литературных критиков, так и читателей не поступает никаких «претензий». Как-то

в одной из обзорных публикаций я размышлял о детской кузбасской литературе и внимание заострил на нескольких местных поэтах. И каково же было моё удивление, когда на одном из писательских собраний С. Л. Донбай подарил мне свой сборник стихов для детей «Лесное лето». Это настоящая поэзия для подрастающего поколения! Жаль, что книга вышла уже в перестроечное время и не попала в отдалённые сельские поселения.

Сегодня Сергея Лаврентьевича ценят не только как талантливого поэта, но и как наставника молодого литературного поколения. Он неоднократно вместе с другими известными писателями участвовал в работе детско-юношеских конкурсов, бывал во многих новокузнецких учебных заведениях, где успешно работали литературные студии под руководством преждевременно ушедшей из жизни Л. А. Никоновой.

Запомнилась одна яркая встреча с учащимися новоильинской гимназии № 32. Так вышло, что по не зависящим от Сергея Лаврентьевича причинам он опоздал на встречу. Сколько было переживаний! Дети то и дело поглядывали в окна, реагируя на каждый шорох во дворе. Но стоило поэту появиться в аудитории, как все успокоились. По доброжелательному выражению его лица было видно, что общение с детьми приносит Мастеру радость.

Неполным было бы моё повествование, если бы я вкратце не остановился и на другой грани творчества юбиляра – духовной поэзии. С ней, думаю, наши читатели смогли познакомиться во время презентации сборника «Собор стихов» в новокузнецкой городской библиотеке им. Гоголя. И, оказывается, вот как С. Донбай пришёл к духовной поэзии. Группу кузбасских поэтов пригласили на литературную встречу студенты Кемеровского филиала московского Свято-Тихоновского богословского института. А для такой аудитории захотелось почитать и соответствующие стихи. И когда писатели вспомнили свои опусы, то оказалось, что у них есть что сказать будущим нашим священнослужителям. Встреча прошла интересно, стихи понравились аудитории. После этого и возник замысел продолжить работу над поэзией духовного направления, которая привлекала его всю сознательную жизнь:

*Как в поэзии слог
Отзывается слогу,
Так для каждого Бог
Выбирает дорогу.
Как по-своему слог
Прибавляется к слогу,
Так по жизни, как мог,
Каждый двигался к Богу.
И свободно, как слог
Подчиняется слогу,
Так у жизни есть срок –
Это и слава Богу.*

Сергей Донбай всегда тяготел к православной вере. Принял крещение и вот уже третий десяток лет воцерковляется. С верой в Бога идут по жизни его жена и дети. Старший сын – священник отец Лаврентий – служит в Горно-Алтайском Спасо-Преображенском храме. А до этого он окончил Кузбасский политехнический институт, в армии служил офицером. Духовное образование получил в Свято-Тихоновском институте. Младший сын работает дизайнером. Внучка только что поступила в Санкт-Петербурге в Академию художеств.

Литературный труд Сергея Лаврентьевича отмечен государственными и областными наградами. Он – лауреат литературных премий им. В. Д. Фёдорова, благоверного великого князя Александра Невского, «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, им. Николая Клюева, им. Павла Тобольского, а также премии «Молодость Кузбасса». С. Л. Донбай – заслуженный работник культуры РФ, член Высшего творческого совета и приёмной коллегии Союза писателей России. Он награждён Почетной грамотой Президента РФ. Особенно ярко его организаторский талант раскрылся на посту главного редактора журнала «Огни Кузбасса», тираж которого сейчас достигает 1 600 экземпляров.

Сергей Лаврентьевич – один из тех, кто всегда с большим удовольствием откликается на предложения о сотрудничестве, рад встречам с читателями. Он – частый гость Новокузнецка.

В общении с Донбаем его солидный юбилейный возраст (как-никак 75 лет!) совсем не ощущается. Как и раньше, он такой же подвижный и энергичный, чему могут позавидовать (в хорошем понимании этого слова) не только его ровесники, но и молодые писатели. Сергей находится в прекрасной творческой форме, готовит новую книгу, планирует публикации в центральных и региональных журналах, авторские творческие вечера. Пожелаем же ему, приобретшему зрелость взгляда и творческую интуицию, дальнейших успехов и новых удач. Когда-то он писал:

*Это зренье созревшего поля –
Мы лишь зёрнами входим в него.
И невольно, до сладостной боли,
Что-то съёживается в груди
От предчувствия раннего, что ли, –
Возраст поля ещё впереди.*

Николай НИЧИК,
Новокузнецк

СЛАДКИЙ СТАРТ

Прошло уже лет десять, как тихий и улыбчивый Сергей Чернопяттов появился на заседании студии «Притомье» со своим стихотворением про «фартерантов и сгущёнку». Безыскусным, неумелым, но очень симпатичным. И началось.

Он писал стихи, приносил их на студию, прислушивался к замечаниям, переписывал, снова приносил. И постепенно неумелость ушла. А вот острый взгляд, дар увидеть поэзию буквально в каждой мелочи, в каждой жизненной ситуации остался. Говорят, женщина может сделать из ничего три вещи: салат, скандал и шляпку. Сергей Чернопятов из ничего может сделать стихотворение. Из ничего и из чего угодно. Случайно услышанная фраза, строчка стихотворения, фильм, юбилейная дата, день рождения приятеля – всё идёт в ход.

Работал сторожем в детском саду – вот вам стихи про детей, которых забирают последними. Спас стопку книг, которые выкинули на свалку новые граждане когда-то самой читающей страны, – стихотворение о книгах. Услышал в новостях об аварии – стихи о страшном звере – человеческом факторе.

Его героями стали личности исторические: Пугачёв, Лермонтов, Мартынов, Бенкендорф, Уэллс... Он замахивался на Шекспира!

Ну и мало кто из регулярных посетителей «Притомья» остался неохваченным его бойким пером. Борис Устинов, Григорий Романов, Виктор Киселёв (который таблетки запивает пивом), Андрей Пятак, Юрий Климанов, Юрий Дубатов, Галина Корогод – вот неполный перечень взятых на карандаш. А уж сколько раз мишенью становились руководители студии – Сергей Донбай и я, грешный, – считать устанешь. Боюсь, что только из этих стихов можно составить книгу. Более того, боюсь, что когда-нибудь Сергей такую книгу издаст. И может быть, кто-то из нас останется в истории как персонаж стихотворения Чернопятова.

Удачи, Сергей!

Дмитрий МУРЗИН,
Кемерово

ТАКОЕ ВОТ КИНО

Сборник «Новое кино» Дмитрия Мурзина вышел в Москве по программе книгоиздания национальной литературной премии «Поэт года», лауреатом которой автор стал в 2015 году. Предисловие написано известным литературоведом, поэтом, профессором Литературного института Игорем Волгиным, что вполне логично – кому как не руководителю семинара следить за творчеством своих выпускников, знать их сильные стороны и слабые места?

Разделами в сборник вошли подборки из ранее вышедших книг «Ангелопад» (1999), «Белое тело стиха» (1997), «Носитель языка» (2006), «Клиническая жизнь» (2010), «Бенгальская вода» (2014), причём расположенные в обратном по хронологии порядке. Может быть, поэтому «Новое кино» представляется мне чем-то вроде собрания сочинений Дмитрия Мурзина, изданного в одном томе.

В отличие от многих современных поэтов, изменяющих классической силлаботонике и предающих-

ся свободному стиху, Мурзин в основном традиционен, объясняя свою нерасположенность к верлибру следующим образом:

*У верлибра – холодная кровь,
Что-то рыбье, паучье, ползучье.
Помолчи, не озвучивай лучше,
Не занудствуй и не прекословь.*

*Не перечь, не обманывай речь,
Приближая её к разговорной,
Речь, как зверь, не бывает покорной,
Если в рамки её не облечь,*

*Если ритмом её не сковать
И с руки не кормить её рифмой...
У верлибра – холодная лимфа,
Блеклость, вялость, нетвёрдая стать.*

*У верлибра – холодная кровь,
Как же нам о своём теплокровном,
О заветном, любимом, любовном?
Как верлибром писать про любовь?*

Вопреки заявлению автора в одном из ранних стихотворений, дескать, «лирическому герою не хватает лиричности», мне как читателю сборника её хватило вполне.

* * *

*Двое спят, заснув на полуслове,
Недоговорив, недошептав,
Переутомлённые любовью,
Пере-пере-пере-перестав.*

*За стеною замолчала выюга,
Снег идёт в крошечной тишине,
Спящие в объятиях друг друга
Мирно улыбаются во сне.*

*Ночь прошла, и посветлело небо,
На пол тень упала со стола.
Он проснулся и ушёл за хлебом,
А она проснулась и ушла.*

* * *

*– Что-то рано ты ликуешь,
Рано ёкает в груди!
Так – меня не завоеешь!
Ты по воздуху иди!*

*– Может, рано я ликую,
Может, и наоборот!
Но тебя я завоею! –
И по воздуху идёт.*

*– Ты явился слишком поздно,
И с другим мне хорошо!
А его – не держит воздух,
По которому он шёл.*

* * *

Обмани меня по-простому,
На каком-нибудь ровном месте.
Будто Кама впадает в кому,
Отражая бардак созвездий.

А когда буду рвать-метаться,
Улыбнись и скажи, что поздно,
Обведи меня вокруг пальца,
Заведи и оставь в трёх соснах.

Дай мне вышептать твоё имя,
Подпусти меня близко-близко,
Проведи меня на мякине –
Я устал от твоих изысков.

Замечательно стихотворение о детских впечатлениях «Одесса. Лето 1977 года», но время идёт, морок рассеивается, проходит и «год Тихой Сапы по китайскому календарю».

* * *

Заняться делом?.. Слишком много дел...
Устойчивые словосочетанья...
На «фразеологизм» сломался мел.
И получилось «фразе». Заиканья,
По счастью, не имел. Но с малых лет
Был толстоват, к тому ж очки носил,
Как правило, в кармане... Белый свет
(не помню, кто когда-то говорил)
Знал не в лицо, а в букву. И почти...
Почти всегда не успевал дать сдачи...
Что от него осталось? Лишь очки...
Я даже удивляюсь: был ли мальчик?

Лирический герой Дмитрия Мурзина живёт в нашей стране и в наше время, то время, когда

«от дружбы народов
остались фонтан и журнал»

«здесь нырнувший в бассейне
может вынырнуть в храме...»
«Но пахнет сибирской нефтью
мой стол и одежда моя»

«Опять страна валяется в канаве,
И снова нет в отечестве пророка»

* * *

В этом мире подделок, аналогов и муляжей,
Копий, фальшивок, мороков, миражей,
Ватных статуй, гипсовых плюмажей....

Смещены акценты, попутаны под и над,
И поди разбери – это сущий ад,
Или ещё дубликат.

Поэт вынужден искать свой способ противодействовать действительности:

Но когда все вокруг говорят, говорят –
Нужно что-нибудь делать. Хотя бы молчать.

Но молчание – не выход для поэта и гражданина. И стихотворение грозит стать предсказанием:

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ

Когда пройдут сто видов колбасы
И сдохнут электронные часы,
Закончится весь углеводород –
Тогда тайгой Россия прирастёт.
Набычится пузырь в оконной раме,
И в лес идти придётся за дровами.

Или возникает своего рода «параллельная вселенная», как в сюрреалистичном цикле «Рыбный день».

Усну и думаю: не проснусь.
Вот он, жизни итог.
А снится только рыба-союз,
Только рыба-предлог.
Снятся одни только рыбы-вот,
Рыбы-и, рыбы-но...
Только рыба-плохой перевод
Портит рыбу-кино...

168

Талант поэта многогранен, если проводить аналогии с кинематографом, многожанров: то пленяет читателя мелодрамой, то развлекает остроумной комедией, то выдает остросоциальное кино. А цикл «Кузнецкий Алатау» – чем не приключения?

При возможно кажущейся простоте стиховыражения автор ой как непросто! Произведения насыщены аллюзиями и реминисценциями, выдавая солидный багаж прочитанного и передуманного; в них вольготно себя чувствуют литературные персонажи и исторические личности.

* * *

Катит шарик скарабей
Из навоза и песка.
Покопаешься в себе:
Всё одно – одна тоска.

Вот усмешка на губе,
Вот чернила, вот февраль,
Покопаешься в себе:
То аптека, то фонарь.

Грибоедов на арбе
Едет Пушкина встречать...
Покопаешься в себе –
И охота закопать.

В книге много стихов с посвящениями и обращениями к друзьям, единомышленникам – Игорю Дронову, Лете Югай, Геннадию Григорьеву, Сергею Самойленко, Александру Кабанову и другим.

* * *

С. Самойленко

Музыкант мотив начинает вброд,
И становится чуть теплей,
Если вдруг аккорд музыкант берёт –
Много взял на себя, злодей.

Дребезжит чуток барабанов жезл,
Духовых потускнела медь,
Если всё вокруг принимать как есть,
То останется только петь.

Петь и знать, что – кончено, не простят,
Петь своё до кровавых слёз...
Но верхи фальшивят, низы басят,
И весь мир летит под откос.

Сборник порадует искушённого читателя сонетами и даже центоном («У Лукоморья дуб зелёный / из Александровского сада»), игрой слов и словотворчеством («Наш повар варит борщ, наш повар чегеварит, / Наш повар бородат, банданист и лукав»).

Мурзин в меру афористичен, его легко разобрать на цитаты, хотя не всегда хочется вырывать фразы из окружающего контекста.

«Весна идёт на тонких лапах,
И я – как мышь в её зубах».

«В сентябре, октябре, ноябре
человечек особенно смертен».

«Набравшись не ума, а лишь морщин»

«Добавь сюда по вкусу матерок».

* * *

пока прогреется паяльник
для мелкой пайки
ко мне в фейсбук придёт начальник
поставит лайки

под записью что всё тщета
и понедельник
и что работы до черта
и мало денег

что мир как водится жесток
сё – место боли
и въётся синенький дымок
от канифоли

* * *

Эта музыка – музыки для.
Для того чтоб вращалась Земля,

Для того чтобы розы цвели,
Чтоб хмелели, смелели шмели,

Чтоб прозрачный и призрачный весь
За деревьями прятался лес,

Чтоб, пробившись меж сосен и туч,
В паутине запутался луч...

А диктует мне весь этот свет –
Афанасий. Не факт, что не Фет.

В современную эпоху раскрашивания и украшения уверена, что именно такое вот кино нам жизненно необходимо – честное, умное, ироничное.

Юлия СЫЧЁВА,
Кемерово

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

4–6 июля прошли торжества, посвящённые 55-летию Кемеровского отделения Союза писателей России. С поздравлениями прибыли Н. И. Дорошенко – секретарь правления СПР и главный редактор газеты «Российский писатель» (Москва); секретари СПР: А. Б. Кердан (Екатеринбург), В. П. Скиф (Иркутск), А. Б. Шалин (Новосибирск), Г. К. Скарлыгин (Томск), Ю. П. Перминов (Омск).

4 июля гости посетили Митрополита Кемеровского Аристарха. Вторая половина дня была посвящена знакомству с уникальным этнографическим музеем-заповедником «Томская Писаница».

5 июля – большой вечер в актовом зале областной библиотеки. После исполнения заслуженным артистом России Олегом Кухаревым стихов Евгения Буравлёва «Растут поэты на Руси» правительственно-поздравительную телеграмму губернатора Кемеровской области Амана Тулеева зачитала начальник департамента культуры и национальной политики администрации Кемеровской области Л. Т. Зауэрвайн. С поздравлениями от имени секретариата правления СПР выступил Н. И. Дорошенко. Он же вручил почётные грамоты с формулировкой «За активную и плодотворную творческую работу в современной литературе» за подписью В. Н. Ганичева писателям В. В. Иванову, А. М. Ярощуку, Д. В. Мурзину. Медалями Василия Шукшина были награждены Сергей Донбай, Зоя Естамонова. С поздравлениями выступили гости, библиотекари, представители городской и областной администраций. Завершили вечер барды – кемеровчанин Виктор Егоров и томич Сергей Максимов. День завершился посещением музея «Красная Горка».

13 июля прошло представление 3-го номера журнала «Огни Кузбасса» за 2017 год. С рассказами о своих публикациях выступили Б. Бурмистров, В. Переводчиков, В. Плющев, В. Арнаутов, И. Мангазеев, Е. Чириков, о. Дионисий (Злобин), А. Шураев. Свои стихи прочитали молодые авторы Ю. Климанов, В. Шагиахметов, А. Кондрина. Вечер вёл главный редактор С. Донбай.

24 июля состоялись 2-е областные Матвеевские чтения. Утром коллеги и друзья поэта посетили его могилу. В Кемеровской областной библиотеке для детей и юношества поэт А. Катков, краевед М. Шеховцов, художник В. Кравчук провели познавательное-игровое занятие для детей.

В Кузбасском центре искусств на вечере памяти выступили друзья поэта: Б. Бурмистров, С. Мазаева, С. Донбай, А. Катков, Т. Махалова, М. Шеховцов, художник В. Кравчук и библиотекарь Е. Тюшина.

В преддверии 70-й годовщины Дня шахтёров в Кузбассе Кузбасский центр искусств провёл литературный конкурс «Шахтёрское слово – крепь России». Диплом I степени в номинации «Поэзия» получил

И. Ташцев, в номинации «Проза» – Н. Монастырёва, в номинации «Публицистика» – С. Абалакова, специальные призы от Союза писателей Кузбасса получили Д. Ваняева и М. Линнов.

5 августа в Фёдоровских чтениях приняли участие члены Союза писателей России: Борис Бурмистров, Александр Катков, композитор Виктор Егоров, поэты севера Кузбасса. Вместе с ними стихи В. Д. Фёдорова прочитали победители Всероссийского литературного конкурса самодеятельных поэтов «Хочешь ведать, как писалось», посвящённого 100-летию поэта В. Д. Фёдорова.

5 августа прошёл фестиваль «Юго-Александровский родник», посвящённый памяти Леонида Гержидовича. Замечательного поэта вспомнили в своих выступлениях его вдова Нина Гержидович, доцент КемГУКИ Юрий Светлаков, писатель из Казахстана Леонид Плигин, члены СП РФ Юрий Михайлов (Берёзовский) и Владимир Соколов (Кемерово), глава поселения Юго-Александровка Игорь Микулов. Гости фестиваля, занявшие скамейки на лесной поляне, слушали песни в исполнении местных певцов, стихи берёзовских и кемеровских поэтов-студийцев. По словам Нины Гержидович, сейчас на уровне властей Кемеровского района обсуждается мысль придать фестивалю более высокий уровень, для чего предстоит возвести несколько построек – например, копию таёжной избышки Леонида Михайловича Гержидовича.

70

7 августа в Ленинске-Кузнецком, в Каминном зале ЦГБ им. Н. К. Крупской, состоялось представление 3-го номера альманаха «Образ» за 2017 год. Гости мероприятия были литераторы из Ленинска-Кузнецкого и Полысаево и любители литературы, а ведущим – главный редактор альманаха член Союза писателей России Дмитрий Филиппенко.

19 августа во Владивостоке, в кафе «Чкалов», на поэтическом вечере «Чтиво» в качестве приглашённых гостей выступили кемеровские поэты Дмитрий и Наталья Мурзины.

21 августа в Москве, в Зверевском центре современного искусства, состоялась церемония вручения премии MyPrize. Среди лауреатов – кемеровский поэт Дмитрий Мурзин, занявший третье место.

21 августа в Ленинске-Кузнецком состоялся ежегодный конкурс имени Н. И. Попова. Первое место занял Владимир Шастов, второе – Ирина Надирова, третье – Александр Карновский.

24 августа в литературном зале Кузбасского центра искусств (пр. Советский, 40) открылась выставка заслуженного художника России члена Союза художников Василия Петровича Кравчука. Более 30 работ экспозиции дополняют планшеты со стихами кузбасских поэтов о тяжёлом труде шахтёров, о шахтёрских городах.

24 августа состоялась презентация 4-го номера журнала «Огни Кузбасса» за 2017 год. В новый номер журнала вошли: публикации победителей областного литературного конкурса «Шахтёрское слово – крепь России» – молодых авторов Натальи Монастырёвой и Ивана Ташева; членов Союза писателей России – Владимира Матвеева, Николая Ничика, Василия Козлова, Виктора Брюховецкого, Иосифа Куралова, Веры Лавриной; статьи в рубриках «Публицистика», «Лики земляков», «Православные чтения», «Искусство», а также отзывы на вышедшие книги, литературная хроника.

27 августа в деревне Смолино Кемеровского района состоялся праздник – День деревни. Перед односельчанами с новыми стихами, посвящёнными родной деревне и её жителям, выступил поэт Владимир Шумилов.

Для молодых литературных критиков Сибири август 2017 года ознаменовался первым в истории сованием. Целью мероприятия было возрождение заложенных Григорием Николаевичем Потаниным, Николаем Михайловичем Ядринцевым, Валерианом Павловичем Правдухиным традиций. Руководители семинара – М. Н. Щукин, А. П. Казаркин, А. В. Горшеннин, Г. М. Прашкевич, В. М. Костин – сделали важные замечания по работам каждого из тринадцати семинаристов. Кузбасс представляли М. Калинин (Юрга) и Елена Острых (Новокузнецк).

10 сентября в ОНБ им. В. Д. Фёдорова прошёл заключительный этап ежегодного конкурса чтецов «Наследие», посвящённый Дню шахтёра. Порядка 40 участников в трёх возрастных группах состязались в номинациях «Поэзия», «Проза» и «Твое слово» (собственное сочинение). В составе жюри плодотворно потрудились писатели Виктор Арнаут, Александр Катков и Агата Рыжова.

15–17 сентября в Новосибирске прошёл литературный фестиваль «Новая книга», на котором Кузбасс представлял прозаик Сергей Солоух.

14–17 сентября в областной научно-технической библиотеке г. Новосибирска прошёл Международный фестиваль «Книжная Сибирь». В работе литературных семинаров приняли участие в качестве руководителей секций Александр и Наталья Ибрагимовы и Дмитрий Мурзин. В чтениях «Поэтическая Сибирь» участвовали Д. Филиппенко, А. Ибрагимов и Д. Мурзин. На мероприятии «Современный литературно-художественный журнал» были представлены кемеровские журналы «Огни Кузбасса» и «После 12». На стендах фестиваля было представлено Новокузнецкое издательство «Союз писателей». В работе форума приняли участие также А. Пятак и И. Малкова.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

Журнал «Кольцо А» (г. Москва) в № 109–110 дал подборку стихов **Дмитрия Мурзина** «Дурным глаголом».

Альманах «Интеллигентный сезон» (г. Саки) за 2017 год напечатал стихи поэтов **Натальи** и **Дмитрия Мурзиных**.

В № 32–33 «Литературной газеты» были опубликованы стихи **Валерия Ухандеева** и **Юлии Сливиной**.

Литературный журнал «Русское эхо» (г. Самара) опубликовал стихи **Дмитрия Филиппенко**, **Юлии Сливиной**, **Нины Суровой**, **Игоря Старченко**.

В № 4 газеты «Литературные известия» опубликована рецензия Наталии Лихтенфельд на книгу **Дмитрия Филиппенко** «На побережье пульса».

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Ижморские стражи границы / сост. Ю. П. Ткачёв. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2017. 288 с.

Союз писателей Кузбасса с прискорбием извещает, что на 34-м году ушла из жизни талантливая поэтесса – Анна Дронова.

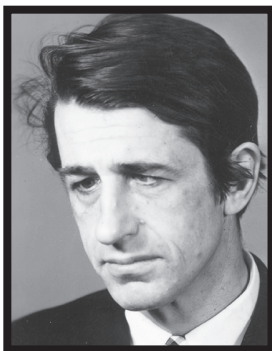

Анна Дронова – автор нескольких сборников стихов. В 18 лет она стала членом Союза писателей России. Человек трудной судьбы. С детства ограниченная в физических возможностях, она раскрыла себя в

творчестве – писала стихи, интересовалась музыкой, живописью. Была очень одарённым человеком. Ей было не занимать мужества. Это она писала нам, здоровым и сильным: «Полно вам роптать и плакать». Она не позволяла себе расслабляться. Жила с верой в жизнь доброю и счастливую. Последний поклон тебе, Аня!

Соболезнование родным и близким.

Союз писателей Кузбасса с прискорбием сообщает, что 29 августа ушёл из жизни поэт, член Союза писателей России Иван Полушин.

Иван Стефанович родился 13 февраля 1936 года в Курской области. Окончил Харьковский строительный техникум, учился в Литинституте им. М. Горького, окончил Кемеровский университет. Работал на стройках Сибири, литсотрудником в редакциях газет. Автор шести поэтических книг и многочисленных публикаций в коллективных

сборниках, центральной и сибирской периодике.

Соболезнование родным и близким.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург)

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылаются авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: **sp_kuzbass@mail.ru**.

Наш сайт: **www.ognikuzbassa.ru**.

**Редакция журнала «Огни Кузбасса» благодарит за поддержку
администрацию города Кемерово, ЗАО «Стройсервис», АО «Кемсоцинбанк».**

Журнал «Огни Кузбасса»
Главный редактор **С. Л. Донбай**
№ 5. Дата выхода в свет: 10.11.2017
Индекс 12234
Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 252. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.
Адрес издателя ГУК КО «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.
Адрес типографии ООО «АИ Кузбассвуиздат»: 650043, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 60Б. Тел. 8 (3842) 36-36-00

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное учреждение культуры Кемеровской области «Кузбасский центр искусств» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),
Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректура и компьютерная верстка выполнены ООО «АИ Кузбассвуиздат»
Корректор: **Е. В. Фефелова**
Компьютерная верстка: **П. Б. Исаков**